Алхимик с боевым дипломом

Ирина Сыромятникова

SHOUT
SHARE
IT

- Сыромятникова Ирина
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34
  - Глава 35
  - Глава 36
  - Глава 37
  - Глава 38
  - Глава 39
  - Глава 40
  - Эпилог

Сыромятникова Ирина
Алхимик с боевым дипломом

Предисловие

С рождением мне повезло, причем — невероятно. Во-первых, я родился в правильное время, во-вторых — в правильной стране и никто меня не убедит в обратном.

На что мог рассчитывать нищий сирота при королях? В лучшем случае на место возницы без собственной лошади. И никого не волновало бы, что в мальчишке пропадает великий боевой маг — в Краухарде таких фруктов пятеро на дюжину, а обучение ворожбе денег стоит. Да и не дошло бы дело до обучения — за ритуал Обретения Силы тоже требовалось платить, дядя Гордон не потянул бы его в одиночку. Народ отдавал колдунам дикие деньги, плевался, но на то, чтобы наплодить патриархам конкурентов, коллективного разума властей не хватало. В наше время единственное, что требуется от черного, чтобы проявить свой талант — это желание. Цены упали, но потребность в магии даже возросла, так что, приличный чародей всегда будет иметь уважение.

Но мной двигала другая страсть.

Из всех известных мне стран только в Ингернике алхимики ценятся дороже магов. В Каштадаре алхимию ПОДДЕРЖИВАЮТ, а у нас она везде: и в городах, где шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на автомобиль или станцию чугунки, и в деревне, где ушлые селяне быстро раскусили, что трактор с мотором на масле в страду всяко надежнее, чем тупая скотина. А то, что чад и дым коромыслом, так это пускай белые переживают, им дай волю, все будут ездить на волах. О чем говорить, если даже в задрипанной краухардской деревеньке имелся машинный двор, навсегда и полностью захвативший мое внимание?

В восемнадцать лет я покинул Сумеречный Край, чтобы обучаться высокому ремеслу алхимии (между прочим, за государственный счет, а это не каждому предлагают!). В тот момент магия в моих жизненных планах не фигурировала вообще. Но, по-видимому, у кого-то из предков были на этот счет другие планы, потому что волшебство вперлось в мою жизнь явочным порядком.

А вместе с ним — НЗАМИПС. Ненавижу…

Спросите, чем мне насолил «надзор», уважаемая контора, поставленная приглядывать за волшебством, как белым, так и черным? Тем, что благодаря какому-то жульническому трюку, суть которого от меня ускользнула, я теперь являюсь сотрудником этой самой конторы, внештатным и бесплатным (черный из Краухарда работает задаром, узнают — засмеют). И

первое, что сделала эта во всех отношениях достойная организация — превратила мой заслуженный новогодний отпуск в командировку. Ненавижу!

Я не роптал (цените, недостойные!). Черные ничего не боятся, но выгоду свою различать умеют — пять лет добровольно-принудительных работ были вполне приемлемой ценой за запрещенное колдовство и тройное убийство (хотя, учитывая личности убитых, мне за него медаль полагается). Нужно быть кротким и послушным (тьфу ты, грех какой!), и как-нибудь пережить это огорчение. Но, стоит контракту закончиться, только меня и видели.

Глава 1

После возвращения из злосчастной командировки я, с удивлением, обнаружил, что жизнь стала серой. Тихой. Практически два месяца ничего не происходило, а лекции и зачеты почему-то перестали удовлетворять моему понятию о происшествиях. Нет, я не верю в интуицию практикующих магов, просто тишина казалась мне какой-то лживой. Мисс Кевинахари считала, что все дело в нервном истощении и рекомендовала мне пить сиамский чай (без молока и сахара), а так же утверждала, что мне не хватает общества. Я соглашался, но не до такой степени, чтобы пожелать возвращения в Михандров. В принципе, можно было отшить ее, но зачем? Иметь дело с эмпатами легко, если не задумываться, кто они такие.

Наверное, развеять меланхолию было бы проще, если бы я имел возможность похвалиться своей ролью в спасении «городка блаженных». Увы, подтвердить слова мне было бы нечем. Где-то далеко на юге журналисты гремели костями Сигизмунда Салариса, хай стоял до неба, но мое имя ни разу не упоминалось, для всех я оставался безликим «эмиссаром из Редстона», не то — белым, не то — черным, не то вообще перевербованным Искусником (и кому это в голову пришло?). Лейтенант Кларенс писал (не спрашивайте меня, откуда он узнал адрес), что приказ об анонимности исходил лично от господина Акселя, а ссориться с ним ни у одного здравомыслящего человека желания не было (то, что он заткнул всех этих белых, уже о чем-то говорит). Это был старейший региональный координатор, мне он годился даже не в отцы, а в прадеды, и характер имел тяжелый, как и полагалось черному магу старой закваски. Кроме того (этим меня порадовала Кевинахари) Аксели и Тангоры, скажем так, не всегда ладили. Представляете себе последствия дуэли черных магов? Пять минут сомнительной славы не стоили такого беспокойства.

Ну, и фиг с ней.

А в Редстоне царили грязь и скука. Шел снег, потом дождь, потом — снова снег, погода вполне краухардская. По улицам сновали мокрые и почти неотличимые друг от друга горожане, и я ходил среди них, на лекции и практикумы, домой и на работу — как все, безликий. Эта зима решительно ничем не отличалась от четырех предыдущих, так что приходилось признать — проблема во мне.

Выяснить отношения с Четвертушкой не удавалось, потому что в знакомые пивные он больше не заходил, драться на людях — себе дороже, а гоняться за ним по городу было как-то

несолидно. Оставалось сосредоточиться на делах, которых и так было до затылка: в Университете Высшей Магии только два экзамена — вступительный и выпускной, но вот как раз второй-то и надвигался на меня неумолимо. Моими сокурсниками постепенно овладевало лихорадочное возбуждение, дело было не в испытании как таковом (неспособных к обучению отсеяли еще на первом курсе), скорее — в близости цели. А ради чего толпа недорослей (включая черных и белых) могла столько лет вкалывать, не жалея сил? Глупый вопрос! Ради получения диплома, конечно.

Диплом. Венец пятилетних трудов, последний штрих, превращающий школяра в почтенного мастера. Одновременно — финал бесшабашной юности и первая ступень будущей карьеры. Символ статуса (для черных — совершенно необходимая вещь!). Эту бумажку с зачарованными печатями Университета мне предстояло пронести через всю жизнь, и я желал, чтобы записи, которые преподаватели сделают туда, соответствовали моим представлениям о собственной гениальности. Небрежность в таком деле совершенно недопустима! Нужно было выбрать тему преддипломной практики (и место, где ее проходить), надыбать подходящий список литературы (без него работа будет выглядеть смешно) и уточнить, какие вопросы модны в этом году у экзаменаторов (экзамены сдают не до, а после успешной демонстрации практических навыков). За алхимию волноваться не приходилось — ее я мог начать излагать в любое время, с любого места и практически по любому профилю. Помимо прочего, декан алхимиков питал ко мне слабость и готов был засчитать за практику мою работу в Биокине, а в качестве диплома желал видеть сравнительный анализ работы газогенераторов разных типов (ну, любопытный он, любопытный). Но вот со второй моей специализацией были кранты.

Всю глубину попадалова я, поначалу, искренне не понимал, в конце концов, вся бодяга с черной магией была затеяна исключительно из-за моего стихийного Обретения Силы. Ну, да, одно время мне удавалось неплохо на этом зарабатывать, но как только дело вошло в русло закона, денежный поток резко иссяк. В результате, передо мной встал вопрос, никогда ранее меня не беспокоивший: каким именно черным магом я желаю стать?

Карьера «чистильщика» всерьез не обсуждалась — эта публика у меня уже в печенках сидела. Можно было пойти по части «искательства» неживых предметов — кладов, родников, утечек газа, проводов под штукатуркой, в конце концов. Белые тоже умеют это делать, но не так хорошо и избирательно, а далеко не всякому клиенту нужно найти под землей слона. Вот

только искатель с университетским дипломом — курьез, не достойный обсуждения, в этом деле все построено на инстинкте и обычно подобным занимаются выпускники ремесленных училищ, часто даже не прошедшие Обретение.

Более перспективным выглядел «диктат воли», а проще — управляющая магия. Ни одно потенциально опасное алхимическое устройство (от токарного станка до паровой турбины) не будет допущено к работе, если на нем не висит парочка проклятий, предохраняющих работающих… от всего. Мало ли что можно придумать? Вон, на моем мотоцикле весь двигатель поставлен на магическое управление. Причем, заклятия «диктата воли» бывают трансмастером в редчайших случаях, а значит — без черного мага при их установке не обойтись.

Еще более актуально было построение всевозможных защит — шикарно денежное дело, хотя и конкуренция в нем не хилая. Пусть нежитью занимается НЗАМИПС, но в Редстоне почти на каждой двери стоял замок с упрямой черномагической начинкой, потому что обычные механизмы воры вскрывали практически ногтем. А сейфы, а дома состоятельных граждан? Синекура для магов с замедленной реакцией: две недели нудного зачаровывания печатей, потом тридцать секунд на активацию и деньги — в кармане. Ходишь раз в год и проверяешь, не надо ли обновить проклятье, естественно, не бесплатно. Хорошо!

Поворочав мозгами и помедитировав над кружкой пива, я нашел задачу, идеально объединяющую два самых перспективных направления — оберег на автомобиль. Никаких врезных замков или дурацких поворотных замыкателей: двигатель просто не заводится до тех пор, пока в гнездо не будет вставлен специальный амулет, который надо непременно сделать трасмастером. С этой гениальной идеей я и заявился к Ракшату, тот немного помялся и сообщил, что тему диплома будет выбирать за меня господин старший координатор, и с этим придется смириться. Надо ли объяснять, что эта новость меня немного взволновала?

С каких это пор «надзор» лезет в учебный процесс?!!

Я пошел шуметь в администрацию Университета, и тут вдруг выяснилось, что мистер Даркон, наш несгибаемый декан, перед Саталом буквально благоговел — то ли знал о нем что-то этакое, то ли правильно оценивал боевой потенциал. Мне было заявлено, что иметь такого наставника — высокая честь и большая ответственность, и никого не волнует, что она мне ни в зуб не сдалась. Я вспылил и решил совсем отказаться от звания волшебника, но Ракшат объяснил, что для подтверждения этого придется собирать городскую аттестационную комиссию, а ни

один черный Редстона меня не поддержит, ибо — Сатал. Как координатору удалось подмять под себя толпу бесстрашных и свободолюбивых черных магов, оставалось загадкой, однако связываться с ним из-за какого-то краухардца никто не желал. Проклятые горожане! Круг замкнулся.

Я был зол, я бесился и раскокал мраморную кафедру в лектории факультета, защищенную магией в пять слоев (до сих пор не пойму, как это получилось). Я клялся, что изведу Сатала и весь его род до седьмого колена — Ракшат обещал носить мне на могилку цветы. Мы выпили по маленькой (с преподом, офигеть!) и быстро сошлись на том, что нынешний Большой Босс — буйный псих с манией преследования, помешанный на теории заговоров. Мир без него станет только чище! Но для всех будет лучше, если поразит его сам господь бог, так сказать, персонально. Бога какой именно конфессии мы хотим видеть в качестве мстителя, нам решить не удалось — на шум прибежал декан и всех выгнал.

В итоге, если раньше занятия черной магией казалась мне просто утомительными, то теперь они начали вызывать раздражение. Что и как я буду сдавать?! И — кому. Боевые проклятья — тема, по которой топтались поколения волшебников, ничего нового там не будет изобретено еще тысячу лет, военная кафедра выдает дипломы исключительно практикам, за боевые заслуги.

Наконец, после долгого отсутствия из столицы вернулся Сатал. Добрейший наставник посмотрел на мою кислую физиономию, выслушал горькие упреки, потом отволок меня в спортзал и цивилизованно поколотил. Я рассвирепел и врезал ему по яйцам (непобедимый краухардский прием), а потом сбежал домой, в чем был (в трусах и майке по морозу — хорошо!). К следующей среде Кевинахари успела так обработать координатора, что вслух об инциденте он не вспоминал, но настойчиво предлагал дать мне пару уроков борьбы. Я вежливо отнекивался — мои причиндалы были мне еще дороги. В итоге любимый учитель решил, что теории с меня довольно и отправил на полигон Отдела Устранения, практиковаться.

И тишина закончилась, прах ее побери.

Утро (семь утра!), воскресенье (выходной!), холодно, накрапывает дождь. На трижды перепаханных дюнах небольшого острова (а где еще может быть находиться полигон для боевых магов?) стоят пятеро новобранцев-«чистильщиков» и капрал-инструктор с такой харей, что просто «мама, где мои тапки!».

С каких пор я — новобранец? А с каких пор это кого-то интересует? Занятия идут с семи до одиннадцати (четыре часа), значит, четыре выходных в месяц у меня будут гарантированно

заняты. И это если мне удастся проявить твердость и не дать Саталу записать меня на полный курс.

— Бойцы! — голос у инструктора был такой, что в любой точке острова было слышно без всякой усиливающей магии. — Молодая опора Ингерники!!! Сегодня вы вступаете на тернистый путь! Суровые испытания ждут вас на этом пути. Некоторые погибнут!! Но не посрамят честь боевого мага!!!

Воодушевляющее начало…

Я слушал и пытался понять, почему — воскресенье? Неужели капралу так нравится его работа? Потом сообразил, что во все остальные дни здесь, должно быть, гоняют кадровых «чистильщиков», для возобновления навыков, а боевой маг на жаловании ни почто не выйдет на работу в свой выходной. Если новичков законопачивают на утро воскресенья, значит, Сатал всерьез намерен привести в форму своих подчиненных. И меня в их числе…

— Тангор!!! — рявкнул капрал таким голосом, от которого любой белый остался бы заикой. — Ты чем занят?!

— Я слушаю, сэр, — с готовностью доложил я, ощущая острое дежавю.

— Тогда отвечайте, мистер Умник, — он упер в меня толстый как сарделька палец (схватит за плечо — убью!), — первое действие при столкновении с потусторонним феноменом?

— Определить, что за феномен? — осторожно предположил я, стараясь не обращать внимания на близость уродливой хари.

Мои собратья по оружию дружно захихикали.

— Молчать!!! — гаркнул капрал, и даже у меня сердце екнуло. Зачем же так орать-то? — Единственно правильный ответ! Встречается на удивление редко!!!! А зря-я-я…

От этого последнего «я-я-я» у меня по спине поползли мохнатые гусеницы. Я-то, дурень, фырчал на мистера Ракшата — интеллигентнейшего мага с университетским образованием! За будущее Ингерники можно не волноваться — человек, способный довести до дрожи черного из Краухарда, должен быть непобедимым воином. Или у меня просто нервы шалят? Нет, вон сосед слева тоже побледнел, как зомби. Двое справа тревожно переглядываются, не иначе, сговариваются бежать. Ха! Катер уже ушел, а с берегом остров соединен разводным мостом, который, естественно, уже подняли. У этого отморозка все схвачено — ученикам не скрыться!

Дальше начались собственно занятия. Полигон оглашали вопли «Дангемахарус!», раздавался треск молний и матюги инструктора — начинающие «чистильщики» демонстрировали свои способности на созданных при помощи черной магии

имитаторах. Сложносочиненные предложения капрал произносить не умел, а ему это и не нужно было — выпускников Университета среди курсантов не было (кроме меня, естественно). Остальные четверо новобранцев были типичными по нынешним временам черными — в меру нахальными и условно-образованными, если бы не влияние дяди Гордона, я вполне мог бы оказаться одним из них. Ритуал Обретения Силы они проходили в каком-нибудь провинциальном училище или армейской учебке, а слова «Высшая Магия» произносили с легкой запинкой. Зубодробительные тонкости теории были пацанам не интересны, учили их по методу Непобедимой Кувалды — чем проще, тем лучше. Вполне рабочий принцип, если вспомнить, как я умудрялся калымить с одним-единственным отработанным проклятьем. От капрала требовалось отшлифовать рефлексы новичков, а также уберечь их от самых распространенных ошибок, не объясняя, что именно они делают не так. Избыток знания рождает печали, так сказать.

Вот это и есть хваленая боевая магия, которую все черные так нежно любят. Пофиг мозги, пофиг понимание, главное — иметь канал помощнее и реакцию получше, все остальное дорабатывается по месту в ходе практики. И вот теперь меня (меня!) пытаются законопатить до уровня деревенской гопоты. Не дамся!!!

Шум, суета и примитивность задачи наводили на меня невероятную тоску, а имитирующие нежить тренажеры вызывали только глупый смех. Обычные люди разницу между черным проклятьем и потусторонним феноменом не видят, и совершенно зря. Это как пчелиный рой и лесопилка: то и другое жужжит, но притом одно (если будешь неосторожен) развалит тебя на две аккуратные части и обезвреживается железным дрыном, а где тот рубильник, которым можно отключить атакующих пчел? Все, созданное человеком, несет на себе отпечаток его ума, и бороться с заковыристыми Знаками оказывалось не в пример проще, чем с примитивным, но чуждым всему живому чудовищем. Однако привезти на полигон нежить было невозможно (разве что гуля и потом бегать от него), потому что заигрывания с вражьей силой всегда заканчивались плохо. Да и зачем? Курсанты орудовали маркерами, размечая на песке здоровенные пентаграммы (строго по инструкции), а я халтурил — выкладывался ровно на столько, чтобы отключить имитатор, реальным нежитям мои проклятья были бы по барабану. Но вдруг поймал внимательный взгляд инструктора и запаниковал: замутил что-то настолько умопомрачительно-разрушительное, что Ракшату от одного взгляда на это плохо стало бы. Короче, бабахнуло так, что деревья

на берегу закачались.

— Тангор!!! — прорычал капрал, отплевываясь от песка (крепкие здесь, однако, обереги).

— Виноват! — пискнул я, стараясь, чтобы воронка оставалась между мной и инструктором.

Четыре часа мы развлекались от души, а под конец капрал мрачно пообещал, что в следующий раз научит нас уму-разуму. Четверо курсантов пошли на пристань, ждать катера, а я отправился к мосту. Естественно, что в такую рань приехать сюда из города можно было только на мотоцикле, в противном случае мне пришлось бы вставать на час раньше — служебный катер ходит на полигон по расписанию. Дождь не прекратился и даже стал сильнее. Весна пришла, едрить ее налево! Ночью — лед, днем — грязь, перемещаться можно только на дирижабле.

Я выудил из седельной сумки защитные очки и тщательно протер. В принципе, на моем мотоцикле есть заклинание-рассекатель (это же эксклюзивная модель!), от грязи и насекомых оно защищает хорошо, но один раз меня занесло в кусты и оно «мигнуло» — я чуть не остался без глаз. Не люблю сюрпризы!

— Тангор, задержитесь на минуту.

За моей спиной стоял капрал, и глаза у него были добрые-добрые. Это меня сразу насторожило.

— Пойдемте со мной!

Я честно рассмотрел вариант сбежать, но мост еще не опустили, и мне тогда пришлось бы прыгать в воду, а погода для купания не та.

Мы пошлепали в противоположенный от полигона конец островка, где приютилось несколько деревянных сараев — служебные помещения. Капрал завел меня в тот, на котором красовалась табличка «Склад». На грубых деревянных полках был свален инвентарь — ящики, полные меловых маркеров и зеркал, кульки с солью, мотки бечевок, грабли и лопаты, а в холодном, похожем на склеп закутке хранились учебные пособия — объеденное фомой стекло, паутина Хищного Эха, гребень водяного закруты. На отдельном столике расположилась обугленная голова гоула с зубами такого размера, каких у живых существ просто не бывают. Ага, ага! В потемках я не заметил, когда капрал успел ко мне подобраться, и ошибку свою осознал, уже оказавшись с заломленными за спиной руками. Вывернутый локоть жалобно хрустнул. Запаниковав, я попытался кинуть обидчика через бедро, он подсек меня и уложил мордой в пол, очень профессионально. Еще и колено на поясницу поставил!

Чую, будут бить…

— Твоя работа?! — прорычал мне на ухо этот садист,

продолжая выкручивать локоть.

Сказать, что — нет?

— О чем думал, а? О чем думал?!!

В тот момент — ни о чем. Это уже потом, на лекции мисс Кевинахари, мне стало понятно, как крупно я рисковал, изгоняя нежитя без магической поддержки. Пенка в том, что, оказавшись без носителя, инфернальная часть гоула начинает делиться и, если в пределах доступности окажутся пригодные для заселения тела, то вместо одного чудовища вы получите минимум трех, так что своим появлением на свет Макс был обязан неаккуратности прежнего начальника «очистки», разменявшего одну большую тварь на парочку поменьше. Конечно, время внетелесного существования феномена очень ограничено, а свежие гули будут слабее старых, но кому от этого легче?

Наверное, пауза в разговоре стала заметной. Капрал еще раз раздраженно ткнул меня мордой об пол и отпустил.

— Моча в голову бьет?!! В герои хочешь?!

Ха! Нахрен надо. Даже заподозрив присутствие таких существ, я бы либо просто укатил, посоветовав всем сматываться, либо — забаррикадировался бы в доме. Просто у меня не было выбора:

— Да кто же знал, что их днем разбудят!!

— А разницы?!

— А люди?

Вторая пенка в том, что ночью гоулы могли попытаться заселить живых. Белые бы не устояли.

Капрал, в сердцах, плюнул на пол.

— Точно, герой! Ты хоть представляешь, что такое гоул в теле мага?

Нежить, получившая доступ к каналу Источника? Даже в теории знать о таком не желаю.

— А мертвому мне не пофиг?

Утилизацией моей ожившей тушки занялись бы спешащие на помощь «чистильщики», а обитатели поместья были бы мертвы по-любому. Виноватым я себя не чувствовал. Заглянув в мои бесстыжие глаза, капрал еще раз плюнул (верблюд безгорбый!) и заключил:

— Заниматься будешь по особой программе!

Чего-то подобного я ожидал с самого начала. Главное, чтобы не бокс.

— И скажи Саталу, пусть сделает тебе «хранитель».

Я истово закивал, четко осознавая, что даже слова этого в присутствии моего добрейшего наставника не произнесу. «Хранитель» — это такая примочка профессиональных

«чистильщиков», знаете, как в сказке: черного мага убивают, и он обращается в пепел. Без меня.

Капрал еще раз заковыристо выругался и велел мне убираться. Повторять ему не пришлось.

В Редстон я возвращался, размышляя о том, что контракт с НЗАМИПС заключен на пять лет, прошло меньше полугода, а ситуация только хуже и хуже. Причем, мне ни кроны не заплатили, даже за ту возню с Ведьминой Плешью в Михандрове. Где справедливость? И потом кто-то удивляется, что черные маги не идут на государственную службу.

Пора бить Четвертушку. В конце концов, темная полоса моей жизни началась с предложения поработать на его благо. Вы не подумайте, я не верю во все эти краухардские россказни про похищенную удачу, но то, что череда неприятностей началась с моей работы в Биокине, это ведь неспроста… Вдруг, получив с него сатисфакцию, я верну себе часть прежнего везения? Попробовать стоит.

Глава 2

Если черному в голову что-нибудь втемяшится, пиши — пропало. В Университет я пришел, надев шмотки попроще — в трезвом виде Рон был сильным противником, а штопать рубашки у меня получается того, не очень.

Облом. На лекциях Четвертушка не появился. Ну, что ж, первый день после выходных, с кем не бывает! Хотя раньше запойного пьянства за Роном не замечалось. Однако на следующий день Четвертушки в Университете снова не было. Он что, издевается?!! Но предупредить его о моих намерениях, мог разве что Шорох, а это было уже из разряда паранойи. Спрашивается, как мне теперь себя вести: начать злиться или вздохнуть с облегчением? И тут мои мысли словно карябнуло — лезть на рожон Шорох опасался, но мнение свое доносил, а заключалось оно в том, что Рон и без меня уже имеет достаточно неприятностей. Интересно, каких? Когда нежить с моралью о комто беспокоится, это плохой признак.

Я немного подумал, а потом пошел и на большой перемене позвонил на старую квартиру Рона — ключей от своего нового жилья Четвертушка родственникам не давал, но что с ним происходит, они знать обязаны.

— Будьте добры Рональда Реста, — очень светским тоном попросил я.

— А кто его спрашивает?

— Это староста его группы, из Университета, — и попробуй не поверь.

— Что вам надо?

— Рональда Реста.

— Он заболел, и его сейчас нет дома. Что ему передать?

— Не трудитесь. Я перезвоню в конце недели.

Я повесил трубку и задумался — с некоторых пор мне не нравились разговоры о лечении вне дома. К тому же, Рон намекал на знакомство своей матери с сектанткой Мелонс, а идиотизм в позднем возрасте не лечится. У кого бы выяснить, что происходит? И тут я понял, что есть кое-кто, кому может задать парочку вопросов сердитый черный маг.

Найти Сэма было не сложно — вечером во вторник заседал исторический клуб, а мелкий гном считался одним из его завсегдатаев. Помнится, узнав об этом, я стал регулярно ходить на собрания и безжалостно критиковать его доклады (сам виноват, нечего зачитывать вслух такие шизофренические тексты), а чтобы общественность не поняла меня превратно,

пришлось самому сделать там выступление — о Белом Халаке, с иллюстрациями и выкладками из теории белой(!) магии. Я ввернул фразу про булку и изюм и имел уважение.

Клуб заседал после окончания занятий в одном из главных лекториев, меня узнали и даже были рады видеть. Темой сегодняшних дебатов было правление короля Гирейна — краткий период расцвета инквизиции, впоследствии дорого обошедшийся Ингернике. Первокурсница с факультета фармацевтики излагала сильно упрощенную версию событий и искренне не понимала, как идею добра можно обратить во зло (девочка была из белых). Я краем глаза наблюдал за Сэмом — мелкий гном был напряжен больше обычного и почти не слушал доклад. Тогда зачем он пришел? Оказалось — ни за чем. Как только началась дискуссия, Сэм встал и направился к двери. Осталось решить, где мне будет удобнее его перехватить. Варианта было два: мужской туалет в правом конце коридора и кладовка в левом (ее дверь я предусмотрительно отпер). Если появятся свидетели, придется идти за ним на улицу, а там народу еще больше…

Сэм повернул налево. Как только несчастный поравнялся с неприметной дверцей, я рывком догнал его и сгреб за плечи. Со страху он даже не сопротивлялся.

— Привет! — воспользовавшись нервным параличом, я втолкнул его в кладовку и закрыл дверь. Бедняга придушенно взвизгивал. — Я хочу знать, что случилось с нашим общим знакомым, прямо сейчас.

— Не понимаю, о чем вы!

Но глазки-то бегали. Я улыбнулся ему, ласково-ласково. Тусклая лампочка не давала в точности определить цвет его лица, но мне показалось, что он стал зеленым.

— А они предупредили тебя, что невозможно солгать черному магу? — эти доверительные, мурлыкающе интонации удаются меня лучше всего. — Я имею в виду, настоящему черному магу.

Ну, два раза — точно невозможно. Сэм попытался спрятаться за швабрами, и это у него почти получилось. Это еще что! Он у меня от черных магов шарахаться будет, до конца дней, и при этом жидко пачкать.

— Где он?

— Я ничего не знаю!

А ведь и вправду — не знает, никто не станет посвящать шестерку в такие серьезные дела. Однако у меня были кое-какие мысли на этот счет… Я очень гадко усмехнулся:

— Ты думал, мне нужны твои откровения? У тебя будет возможность понять, как далеки внушенные тебе идеи от

реальности. Сегодня же до исхода дня я верну Рона домой, а у тебя будет шанс подумать, готов ли ты бросить вызов стихии, которая терпит тебя чисто из снисхождения.

Вот так! Я оставил его офигевать в подсобке, уж не знаю, обоссался он или нет.

Нет, все-таки не зря капрал возил меня мордой об пол — какой-то недорезанный герой в мою родню, определенно, затесался. Иначе откуда этот дурной раж? По всему выходило, что Рон угодил в переплет, причем, по собственной глупости. Поделом! Нужно ли мне вмешиваться в его терки с Искусниками? (То, что здесь замешаны они — к гадалке не ходи, мелкий Сэм мне с первого взгляда не понравился.) Шепнуть кому надо, и пусть «надзор» с ними разбирается. С другой стороны, неужели я упущу такую картину: «Четвертушке наваляли»! Тем более что найти Рона мне и вправду несложно, другое дело, что для этого в очередной раз придется переступить через собственную гордость, хорошо хоть свидетелей не будет.

Я забросил удочку туда, где обычно обитал Шорох. «Вылезай, страшилище!» Не выходит, обиделся. «Обещаю не пугать, я сегодня добрый». Кажется, пытается сообразить, что сможет вытянуть из меня в обмен на услугу. «Значит так, предлагаю первый и последний раз: поможешь найти Рона — я тебя прощу и больше шпынять не буду. Дальнейшее будет зависеть от твоего поведения. Откажешься — пеняй на себя, лучше тебе тогда забыть обо мне». Не знаю, что из моей речи Шорох понял, но выбор я постарался обозначить четко. В моем сознании появилась трудноразличимая еще картинка. Конечно, нежить не имел глаз, а потому «видеть» мог только чисто условно, представленное им изображение было в известной мере реконструкцией и выглядеть то место могло совсем иначе. Но ориентиры были: опять — река, опять — склады. «Этот берег или другой?» — Другой. «Выше или ниже по течению?» — Ниже. Я постарался воскресить в уме карту города и предместий. «Перед мусорным причалом или после?» — Перед.

Ну, вот, просто, как два пальца!

Я покатал в уме представленный Шорохом образ и решительно отправился к трамвайной остановке, на ходу ощупывая карманы в поисках надзоровского «манка» и посылая призыв Максу — нужно быть готовым ко всему. Привлекать Сатала к делу без крайней необходимости не хотелось: если господин координатор узнает, что я переборол свое отвращение к нежитю, он заберется мне на голову с ногами. Забавно, но то, что переться на ночь глядя в портовый район — немножко глупо, мне в голову как-то не пришло.

Поводов для героизма я немедленно получил по самую маковку.

Во-первых, оказалось, что трамвай не доезжает до нужного склада целый квартал (знал бы, ни по что бы сюда не поехал!). Во-вторых, рельеф мостовой напоминал изваяние краухардского проселка в камне — копыта битюгов успели промять и раздолбить дешевую брусчатку местами на три пальца, хорошо хоть под ногами не чавкало. Дождь, для разнообразия, перестал, но грязь — осталась. В лицо дышал специфический запах весеннего города — аромат растаявшего снега и всего того, что скопилось в нем за зиму.

Я шагал по лабиринту глухих заборов, старательно лавируя между лужами неизвестной глубины и размышляя над тем, что собственно собираюсь делать (вовремя, правда?). У черных не бывает друзей, только знакомые, но мы с Роном были знакомы давно, с первого дня в Университете, притерлись друг к другу и умели делать пропуски (а это дорогого стоит). Потом вдруг появляется какой-то мелкий Сэм, и мой приятель с размаху на него вешается. И главное, было бы что в этом задохлике… С чего, спрашивается, Рона потянуло за мной шпионить? А потом — прятаться. Он ведь прятался от меня, да? Возможно, у него была на это какая-то причина (не следует мне так много общаться с эмпатами), но гадать о ней черный может до бесконечности. Нам с Четвертушкой следовало серьезно поговорить, и я собирался сделать это прямо сейчас, невзирая на лица.

Увиденное глазами соотносилось с переданным Шорохом образом, скажем так, с трудом — нежить как-то странно «раскрашивал» окружающее по степени своего интереса. Дома, например, сильнее всего различались характером использованной для их защиты магии, люди — степенью приобщенности к волшебству, прочие индивидуальные черты если и присутствовали, то не улавливались. Таков был именно ЕГО взгляд на вещи, а цветные образы и картинки он заимствовал исключительно из чужих мозгов. В итоге, нужный мне склад проще всего было опознать по удачной имитации охранного периметра, устроенной вдоль забора (без магии от настоящего не отличишь).

В будке привратника горел свет, но самого сторожа видно не было.

Вот и чудесно.

Я оглядел забрызганные навозом брюки, плюнул и тупо перелез через ворота, обнаружив, что Макс уже ждет меня с другой стороны, грязный до ушей и счастливый. (Опять его купать! Квартирная хозяйка и так уже посматривает на меня косо

— на содержание в доме животных у нас договора не было.) На главных воротах склада висел большой заклятый замок, а вот боковая дверь оказалась приоткрыта. Ловушка или недосмотр? Вот так войду, скажу «Привет!» и тут же получу по куполу, хорошо, если не молотком. Я всерьез задумался. Не стоит ли мне дать свисток и притащить сюда хваленую команду капитана Бера? А что если Четвертушка задружился с какой-то компанией (маловероятно, но возможно) и они там сейчас дружно выпивают, а Искусники существуют только в моем воспаленном воображении? Я буду выглядеть круглым дураком! Трусость черным не свойственна, даже осторожность среди нас — редкая гостья, но пса-зомби все-таки стоит отправить первым.

Макс проник в здание через духовое окошко под крышей — просто взял и заскочил. Внутри склада было одно огромное помещение, заставленное штабелями ящиков и бочек, и темнота — ни лампочки, ни свечки, окон тоже не было, а если бы и были — солнце уже ушло за крыши, обещанный Сэму день был на исходе. Обоняние и слух подсказывали псу-зомби, что в темноте прячутся, по меньшей мере, шесть человек, они напряжены, они ждут, но есть еще кто-то — он явно болен, кисловато-терпкий запах нездоровья буквально пропитал помещение. Опознать заболевшего Макс не мог — Четвертушку он никогда прежде не нюхал.

Вот зараза! Должно быть, Сэм отзвонился своим друзьям и они устроили на меня засаду. Надо было избить его для порядка (чтобы до завтра из больнички не вылезал). Вступаться за какого-нибудь складского сторожа меня не тянуло, но что, если пострадавший все-таки Рон? Шорох зря шуршать не будет.

Что ж, будем действовать, как всегда. То есть — нахрапом.

Я вошел, плотно прикрыл за собой дверь и отправился в ту сторону, где Макс засек засаду. Сделаем людям приятное! Идти пришлось не далеко: стоило мне миновать какую-то незримую черту, как зажегся свет. Множество электрических лампочек осветили сцену: трое неприятелей передо мной (один держит нож у горла Четвертушки, другой тычет в мою сторону арбалет, третий — босс), еще один арбалетчик стоит в конце прохода справа, и кто-то прячется за ящиками слева (думает, я про него не знаю). Того, что зажигал свет, отсюда не видно. Всякие мысли о том, что Рон находится здесь по собственной воле, отпали — бедняга был в полуобморочном состоянии и ничего вокруг не замечал.

Да, наваляли ему по первое число… Я какое-то время постоял, ожидая, что они скажут. Ну, допустим, арбалеты мне теперь не страшны — когда кончилось действие блокираторов, я

первым делом изучил методы защиты от подобного оружия. Вот только тот тип, что справа, целится не в меня, а в Четвертушку. Защитить себя я смогу (сколько бы нападающих не было), но защитить еще и Рона от двоих — это выше моих сил. Стоило тащиться сюда, чтобы наблюдать, как его зарежут! Вмешательство Макса ничего не изменит — враги стоят слишком далеко, к тому же, псу-зомби придется заняться шестым, который включил свет и теперь осторожно забирается на галерею (то ли у него там оружие, то ли он спасается бегством, я не понял его маневр).

— Вот ты и попался, колдун, — возвестил тот, кто выглядел здесь главным.

Я пожал плечами. Ну, хочется человеку в это верить!

— Отпустите парня.

— Попробуешь колдовать — и он умрет!

— Он умрет — вам всем конец. Принцип объяснять надо?

Глаза уже привыкли к тусклому свету, теперь мне был отлично виден говоривший — пожилой мужчина с буйной седой шевелюрой, не из магов, но обвешанный защитными амулетами с ног до головы. Дурь, конечно, но от самоучек помогает. Я мог составить плетение, которое поломает его игрушки нафиг, но не мог сделать этого незаметно. Паршивая ситуация.

Главарь Искусников (если это были они) оскалился:

— Это ты убил Учителя Лорана!

Сомнения об Искусниках пропали. Я не стал отрицать очевидное и пожал плечами:

— Он бросил вызов черному магу, мы такое не прощаем. Кстати, у него тоже была такая штука, — я кивнул на арбалет. — Но это ему не помогло.

— У нас есть твой приятель, — резонно заметил этот козел. — И мы можем его убить!

— А смысл? Если это будет стоить всем вам жизни?

Я не представлял, как он будет выкручиваться из этой ситуации. Можно было подождать, когда арбалетчики устанут (оружие-то у них тяжелое), можно было дождаться Макса — он неуклонно приближался к своей жертве, заминка была в том, что зомби надо было лишь слегка придушить человека, а не вырвать ему глотку.

Должно быть, мысль о временном факторе не давала главарю покоя.

— Мы готовы умереть! — объявил он. — А наши соратники сумеют заставить тебя ответить за твое преступление. Твои хозяева не смогут прикрывать тебя вечно!

Я понял, куда он клонит и забеспокоился: моих навыков не хватит на то, чтобы проделать все незаметно, а месть за смерть

друга совсем не то же самое, что необходимая самооборона, тут Сатал может и не пойти мне навстречу. Таким образом, опосредованно они сумеют-таки мне навредить — попросту выставят уголовником. В толковании закона по отношению к черным суд не знает снисхождения (нам только волю дай, мы все в свою пользу повернем), а значит, вместо нимба героя я получу минимум двадцать лет и Оковы Избавления (уже настоящие). Как я буду выглядеть в глазах Лючика? Если честно, мнение семьи на этот счет волновало меня гораздо сильнее жизни Рона. Вот такой я гнусный, эгоистичный и вообще — черный маг.

— Почему ты решил, что мне нужно вас убивать? Вас посадят как убийц, плюс — хранение оружия. Считаешь, этого мало?

Но, конечно, сколько-то там лет заключения в обмен на жизнь Четвертушки меня не устраивали, чисто из эгоистических соображений — не симметрично как-то. Наверное, это было ясно и Искуснику, он оскалился и бросил в мою сторону какой-то предмет:

— Либо ты выпьешь это прямо сейчас, либо можешь начинать звонить в полицию — твоему дружку конец!

Как это свойственно не знакомым с черными людям, он оценивал мое поведение по себе, наивный. Я уже знал, что в пузырьке — запах у блокиратора очень уж специфический. Да, Рон, ты мне дорог, но собственная жизнь — дороже. Утешься, я позабочусь, чтобы эту компанию притравили в тюрьме (есть у меня парочка рецептов — противоядия не существует). Их смерть будет ужасна! Но в тот момент, как я отказался от мысли об убийстве, ситуация предстала передо мной совершенно в другом ключе.

«Эй, чудовище! Вылезай, монстр проклятый!» Шорох испустил волну подозрительного внимания. «Сейчас я попытаюсь нейтрализовать того, что с ножом, а остальные меня прикончат. Если не хочешь, чтобы все твои труды пошли прахом, действуй! Солнечного света здесь нет». Согласие нежитя пришло неожиданно легко, он был не против возможности показать мне себя, так сказать, для пущего страху, а отвращающих амулетов в этой части города не было. «Четвертушку не тронь!» И это — пожалуйста. Ну и отлично!

Я улыбнулся в глаза козлу с амулетами, подкинул пузырек на ладони: самое сложное было решиться вот так вот — плюнуть на себя. Но лучше умереть, чем позволить Шороху стать свидетелем моего позора! Я глубоко вздохнул и взвинтил Источник, жаром его ярости выбивая из души всякие сомнения. Нож, царапающий горло Четвертушки, рассыпался в пыль, мудак, угрожавший его жизни, отлетел в сторону с переломами обеих рук, арбалет у

стоявшего справа дзинькнул. Я рванулся вперед, стремясь увести Рона с линии огня — заклинание отклонит стрелу, но не помешает арбалетчику выстрелить снова — заряженных арбалетов у него в запасе три или четыре.

Однако никаких ответных действий от Искусников не последовало, стрела не вонзилась мне в ребра, главарь не заступил мне дорогу, а тот, что прятался слева, не атаковал со спины с заточкой в руках. Я успел подхватить Четвертушку прежде, чем он хлопнулся лбом об пол, а вокруг уже творилось черти что. Тусклый свет электрических ламп стал совсем блеклым и дрожал, нет, это дрожал воздух, заполненный черной рябью, словно миллиардом падающих листьев. Голову будто набили ватой, воцарилась такая глухая тишина, что даже биения сердца не было слышно, только непрекращающийся шорох, словно ветер заблудился в ветвях. Я рискнул посмотреть на врагов сквозь эту вакханалию теней — они замерли там, где стояли, их глаза были широко раскрыты, а лица искажены ужасом. Черные хлопья закручивались вихрями и летели В НИХ, вливаясь в тела непрерывным потоком. Жертвы Шороха что-то видели — зрачки метались туда-сюда, а мышцы подергивались — но что именно, сказать было невозможно. Хотя, учитывая мой собственный опыт, им можно только посочувствовать — их живыми забрали в ад.

Надо сваливать отсюда. Не то, чтобы мне было страшно, но лучше Шороха не дразнить.

Я взвалил Рона на плечи (ох, тяжел боров!) и зашагал к двери, попутно нажал в кармане надзоровский «манок» (посмотрим, как быстро они среагируют!). Снаружи было уже совсем темно, следом за мной в дверь проскользнул Макс, так и не успевший никого потрепать. Вокруг складов по-прежнему было тихо и пусто. В одном Искусникам не откажешь — умеют они делать все без свидетелей, хотя и не всегда знают — что.

Я усадил стонущего Рона на ящики и принялся возиться с веревками (его не только опоили, но и связали), а пса-зомби отослал в гараж (нечего ему мелькать лишний раз перед посторонними). Осталось дождаться, когда «надзор» меня найдет.

— Что это было? — бормотал немного оклемавшийся Четвертушка.

— Черная магия, черная магия, — успокаивал я его.

— Они умрут?

— Почем мне знать! — оставался маленький вопрос, который мне хотелось бы разъяснить. — Это они из-за меня тебя взяли, чтобы ловушку сделать?

— Нет, — Четвертушка горько усмехнулся. — Папкины деньги. Им нужны были папкины деньги.

Ах, да, конечно! Это более рациональный повод. Я повеселел: значит, все затеяно не ради мести мне. Вот и славненько! Кстати, раз он очухался, то можно начинать допрос:

— Зачем ты тогда поперся к управлению?

— Сэм сказал, что ты в «надзор» за деньги стучишь.

Я не удержался и фыркнул — как же, за деньги! Стрясти что-то с этих жмотов просто не реально.

— А с Сэмом у тебя что?

— Да ничего!! — Четвертушка попытался вскочить, но явно не рассчитал сил и рухнул обратно, осовело хлопая глазами. — Он подлизывался, к друзьям своим зазывал. Я не сразу понял, что это за фрукты.

— Я ж тебе говорил, что от него Искусниками смердит, слушать надо умного человека!

На то, чтобы ругаться у Рона сил не было, мне даже показалось, что он снова отключился. Вокруг сразу стало тихо и скучно.

Неожиданно Четвертушка дернул меня за рукав:

— Можешь их убить?

— Ты что, меня под трибунал подвести хочешь? Пусть твой папка сам разбирается, когда их посадят.

Если мне память не изменяет, наказание за похищение людей в Ингернике очень суровое. Плюс создание банды, плюс хранение оружия — им хватит, если, конечно, в своем уме останутся.

— Извини.

Если Четвертушка извиняется, значит, он ОЧЕНЬ болен, а сердиться на увечного — грех.

— Проехали.

Команда быстрого реагирования появилась минут через десять, не в экипаже, а на приземистом полувоенном фургончике, отчаянно чихающем и воняющем спиртом. Старший метнулся ко мне:

— Сержант Квинто. Что происходит?

Я ткнул пальцев в дверь:

— Там шестеро и Шорох. Это — Рональд Рест, его похитили.

— Лекаря!

Бойцы в голубом сиянии защитных амулетов ворвались в двери склада. Естественно, Шороха там уже не было. Через пару минут подъехал запряженный битюгами фургон, карета целителей, вокруг начали устанавливать зачарованные светильники, из склада потянулась процессия с носилками. Седой главарь тоненько повизгивал.

— Здесь только пятеро, а где еще один? Вы на антресолях посмотрели?

— Ему потребуется контейнер поплотнее.

До моего сознания дошла тень удовлетворения — нежить не только развлекся, но еще и поужинал. Что он вообще за существо? Я никогда не думал, что потусторонний феномен может вести себя осмысленно, и в книгах о таком не говорилось. В теории, нежити способны были реагировать на все только ситуационно, с возрастом количество используемых поведенческих схем увеличивалось, но анализировать их и что-то планировать твари все равно не могли, если бы не это, сражаться с ними было бы практически невозможно. Надо поподробнее изучить вопрос, раз мне с этим уникумом до конца дней общаться. Должна же быть от работы в НЗАМИПС какая-то польза!

Тут на меня накатила волна совершенно неожиданных образов — Шорох жаловался на свою жизнь. Оказалось, что из-за всех этих предосторожностей и конспирации, ему все труднее становится найти подходящих для контакта магов. Быстро распадающиеся жертвы его, видите ли, не устраивают — образ получается не четкий. Ему печально и одиноко, а я веду себя с ним нехорошо — пугаю и обзываюсь.

Тоже мне цаца! Ведь была бы возможность — сожрал бы и не поморщился, а я в его положение входить должен. Перебьется.

Обиделся. Ушел. Офигеть! Нежить с моралью и тонкой духовной организацией.

Слово, данное малявке-Сэму, я сдержал, правда, отправился Рон не домой, а в больницу. Ну, это мелочи, а суть в другом: совершенное мною действие оказалось прямо противоположенным задуманному, и избить Четвертушку в ближайшее время у меня не выйдет. Логически рассуждая, теперь моя жизнь должна была войти в пике…

Глава 3

До конца недели судьба себя не проявляла, словно нарочно давая мне увериться в безнаказанности, и я от души развлекался чтением редстонских газет. Какая волшебная трава способна нашептать такое? Было такое впечатление, что написанием статей занимаются все те же Искусники, потому что с реальностью безумные тексты имели не больше общего, чем философия сектантов. Осознавать глубину чужого идиотизма было приятно и полезно для повышения самооценки, а то я последнее время сомневаться в себе стал, словно и не черный.

Утром среды почти все таблоиды вышли с передовицами про «очередной провал НЗАМИПС», набранными аршинными буквами (в виду скудности содержания). У всех статей была одна общая черта — перед сдачей в набор их явно никто не перечитывал, иначе река вышла бы из берегов из-за количества утопившихся от невыносимого стыда, а уж откуда авторы черпали сведения — вообще загадка природы. «Ночной рейд, имеются жертвы. В больницы поступили десятки раненных». Даже чисто логически, скажите: откуда столько народу ночью на складах? Я имею в виду — случайного. Или вот перл: «при задержании подозреваемых команда НЗАМИПС применила силу». А что еще они должны были бы сделать? С бубном танцевать? И почти каждая газета считала должным упомянуть, что «среди пострадавших — сын Ричарда Реста». Да если бы не я, он среди этих пострадавших и остался бы! Причем, заметьте: пришел, увидел, победил — практически без мордобоя (сам удивляюсь). Впрочем, задевать семейство Рестов журналисты опасались, а вот по теме «надзора» топтались с восторгом. На свет были вытащены все мыслимые и немыслимые претензии, начиная от цензуры массовых мероприятий и кончая грехами инквизиции (которая, к слову, белых-то как раз и не гоняла). И это только первый залп!

Я злорадно потирал руки в ожидании репрессий — у меня еще с прошлого раза осталась парочка вопросов к писакам. НЗАМИПС — это вам не одинокого частника пинать, конторой руководит черный маг, свирепый и ужасный, который людей если и не ест, то нет-нет да и надкусит. На мой взгляд, происходящее могло кончиться только массовым побоищем, а если Сатал кого-нибудь пропустит, я обработаю выживших особым ядовитым порошком. Для правого дела никаких запасов не жалко! Главное только, чтобы любимый учитель и меня до кучи не прибил.

Против всех ожиданий, второго залпа не последовало — центральные редстонские газеты охватил необъяснимый прилив

здравомыслия (Четвертушка потом признался — его батя объявил редакторам, что не будет оплачивать юристов). Начиная с четверга, в статьях резко добавилось фактов и убавилось непонятных претензий, фразу про «неожиданный успех НЗАМИПС» можно списать на глупый юмор, а сентенцию про «свежую кровь, пришедшую со сменой регионального координатора» даже рассматривать как похвалу. «Городской курьер» выдал огромное, на целый разворот досье на «безвинно пострадавших», как оказалось, седоволосого главаря полиция Ингерники безуспешно разыскивала пятый год. Черный финансист Искусников специализировался на молодых наследниках крупных состояний. Предполагаемую жертву осторожно обрабатывали, приглашали погостить или просто похищали, после чего она в кратчайшие сроки становилась фанатичным сторонником учения. Долго ждать наследства сектанты расположены не были: богатые родственники неофита умирали в течение месяца, а все имущество, пригодное для превращения в наличные, стремительно распродавалось. Скорость имела значение — очень быстро грубые методы «обработки» давали о себе знать, Искусники исчезали с деньгами, а новообращенный отправлялся в дурдом, с неисцелимым расстройством психики.

Я представил себе пускающего слюни Четвертушку и понял, что поступил правильно, несмотря на некоторые непредвиденные последствия. У меня, вообще-то, гибкая картина мира, но сумасшедший Рон в нее не вписывался никоим образом (мертвый — еще туда-сюда, а вот сумасшедший — нет). Осталось выяснить, чем закончится для меня вся эта благотворительность.

Предупрежден, считай — на половину спасся.

Рассудим здраво: с какой стороны начинающему черному магу может грозить опасность? Из всех возможных угроз мне на ум, почему-то, приходил только Сатал. Немудрено: Искусники словно задались целью заслужить репутацию клоунов, Шорох вел себя скромно, дядину книжку я нигде не засветил и никакие странные личности за мной из подворотен не следили. Мог ли старший координатор обидеться на меня за устроенный в городе шум? С другой стороны, если бы семейство Рестов понесло потери, шума было бы гораздо больше. Или он недоволен тем, что в деле снова замешан Шорох? Так нежить в газеты и не попал, все сошлись на том, один из Искусников был убит при штурме чем-то черномагическим. Тщательно рассмотрев проблему со всех сторон, я решил, что Кевинахари в чем-то права, когда говорит про расшатанные нервы. В общем, наплевать и забыть. Нельзя строить жизнь, основываясь на деревенских суевериях!

В субботу я исхитрился навестить Рона в лечебнице: всегда хотелось посмотреть, как болеют состоятельные люди. Впечатлило. Особенно — медицинский персонал. Целительница, которая приходила ставить Четвертушке градусник, имела такую фигуру, что при ее появлении разговор замолкал сам собой (и это не считая ковров и хрустальной люстры). Заметно взбодрившийся Рон велел предупредить в Университете, чтобы быстро его назад не ждали (я бы из такого места тоже добровольно не ушел). А по возвращении домой консьерж передал мне записку — капитан Бер сообщал, что Сатал хочет видеть меня на полигоне не с утра, а к пяти часам вечера.

Ну, передал и фиг с ним, казалось бы, о чем тут беспокоиться? Новость-то была скорее положительная.

То, что дело не чисто, я заподозрил только на месте — там, где проселочная дорога упиралась в мост, перекинутый на остров-полигон через быструю протоку, стоял большой конный фургон военно-медицинской службы. Скучающий возница с жуликоватой физиономией встретился со мной глазами, смутился и больше в сторону моего мотоцикла не смотрел (умный мальчик). Наученный горьким опытом, закатывать агрегат на остров я не стал — средство передвижения могло мне еще пригодиться. Осталось выяснить, в чем сюрприз.

Во-первых, новичков-чистильщиков нигде не ощущалось и не наблюдалось. Во-вторых, на полигоне были посторонние. В-третьих, один из гостей лежал на песке под зеленым армейским брезентом и был, по некоторым признакам, мертв. Над покойником мило беседовали мои наставники (говорил только Сатал, а капрал, молча, кивал) и двое прилично одетых господ — средних лет мужчина в чиновничьем сюртуке, с папкой подмышкой и пожилой маг в пижонском клетчатом костюме, с тросточкой. Поправка: не пожилой, а старый, очень старый. Я в первый раз видел черного, который был бы абсолютно седым, обычно наш брат до последнего сохраняет яркую окраску, а этого человека река времени выполоскала дочиста, до белизны. Ростом пониже дяди Гордона (поколение недокормленных предков), сухощавый, но без признаков немощи, дедок уже какое-то время меня разглядывал, и я не к месту вспомнил легенду о костяном драконе, который умел перекидываться в человека.

— А, вот и наше молодое дарование, — объявил Сатал, жестом предлагая мне подгребать ближе.

Я подошел. А что, мне от них бегать, что ли?

— Прошу знакомиться — Томас Тангор, весьма широко образованный молодой маг, выпускник редстонского Университета, практик. А это наши столичные гости: мистер

Пирсон, куратор отдела криминалистической магии, и господин Чарак, ведущий эксперт.

Так уж получилось, что слово «куратор» в моем понимании однозначно рифмовалось с «инквизитор», тем более что функции они выполняли похожие, а оговорка Сатала про «господина» означала, что ведущий эксперт Чарак вполне мог эту самую инквизицию в натуре помнить. И чего старого перечника в такую даль понесло? Да еще — с эскортом. Несмотря на попытку Сатала акцентировать внимание на чиновнике, я отлично понимал, что маг в этой паре главный. Интересно, они покойника с собой принесли или на месте сделали?

— Приятно видеть, что в нашем древнем ремесле не оскудевают молодые таланты, — прозрачно улыбнулся господин Чарак.

Я решил не поддерживать в нем иллюзий:

— Вообще-то я алхимиком собираюсь быть.

— И как успехи? — скептически уточнил он.

— Осенью диплом! — не без гордости сообщил я.

Подобная новость привела его в некоторое недоумение.

— Двойная специализация, — быстро вмешался Сатал (мой наставник немного нервничал), — программой допускается.

— И что же для вас боевая магия, юноша? — немного чопорно поинтересовался дед.

Я пожал плечами и брякнул первое, что пришло на ум:

— Хобби. Люблю, знаете ли, провести время с огоньком!

У капрала забегали глазки, мистер Пирсон печально вздохнул, из чего я заключил, что делаю что-то не так и начал раздражаться. За пониманием — к эмпатам!

Старый маг поджал губы — явно обиделся на такое легкомысленное отношение к древнему ремеслу.

— В таком случае, займемся делом.

Он призвал Источник и с сердитой поспешностью сформировал какое-то экзотическое плетение — невероятно тонкое и вибрирующее, настолько странное в магическом плане, что при взгляде на него мне захотелось чихать. Проклятье упало на зеленый брезент и под материей что-то лениво заворошилось. Так ведь покойник…

Догадка, посетившая меня, никак не сочеталась с ясным днем и спокойно наблюдающим за этим безобразием куратором.

— Вы — некромант, — я постарался говорить спокойно и не тыкать пальцем.

— Да! — не без гордости согласился дед.

— А я — алхимик! — и, прах побери, им придется с этим смириться.

— Диплом ты делаешь у меня, — негромко напомнил Сатал.

— А защищать буду в каталажке! «Воздействие магией на тела людей с целью имитации жизни» — семь лет каторги, Оковы Избавления и пожизненный надзор.

— Нет, нет, — встрепенулся чиновник, — все санкционировано. Ознакомьтесь!

Он вытянул из папки лист гербовой бумаги и протянул мне, я пробежал глазами строчки:

— Принудительная анимация? — это же надо так назвать! — Но здесь нет моего имени.

— А фиг ли? — не удержался от реплики капрал.

— Фиг! Отпечаток ауры индивидуален.

Они сговорились, это ясно, хотят меня под статью подвести. Чем я им помешал?!

— Не нервничайте так, молодой человек, — снисходительно улыбнулся господин Чарак. — Это всего лишь небольшая проверка ваших способностей.

— Спасибо большое, один зомби у меня уже есть!

И я до сих пор расхлебываю последствия его появления.

Некромант дернул седой бровью.

— Труп собаки, — поспешно пояснил Сатал, — последыш гоула.

Мне не понравилось, что о моем псе говорят, как о какой-то отрыжке.

— Весьма неразумно, молодой человек, — осуждающе поцокал языком маг, — экономия сил иллюзорная, не говоря уже о качестве стихийно трансформированной плоти.

Угу, следующий раз, когда за мной гули придут, я их сортировать буду — первый сорт, второй сорт. Эксперт, его мать!

— Знаешь, дед, внуков своих учить будешь.

А вот это я зря сказал. Глаза старого мага недобро потемнели, а нервы карябнуло присутствие чужого Источника. Мягче надо быть, скромнее…

— Молодой человек немного не сдержан, — попытался прийти мне на выручку Сатал, — сейчас он сосредоточится и произведет необходимое заклинание. Он, конечно, понимает, что в его интересах показать себя с лучшей стороны.

… и они будут кататься на мне до старости.

— Мастер, у вас аппетиты, как у Шороха. Дальше только публичный секс!

После моих слов потемнело даже небо. М-да, шутка юмора цели не достигла, сейчас будут убивать.

Сатал и некромант стали ненавязчиво брать меня в клещи, капрал, с маниакальной ухмылкой, шел в лоб. Покойник к

веселью не присоединился.

Это было чистое самоубийство — нарываться на драку сразу с тремя профессионалами, а хоть бы и с одним. Дуэли черных магов почти всегда для кого-то заканчиваются летально (слишком уж могучие силы призывают на помощь сражающиеся), но мне сейчас на это обстоятельство было глубоко плевать — я успел прикоснуться к своему Источнику, а это и была самая большая ошибка. Способность размышлять тихо издохла, самосохранение взяло отгул. Наверное, единственным способом спастись было упасть на песок и закрыть голову руками, но подчиниться насилию — все равно, что умереть, так что для меня результат никак не изменится, а вот им будет кисло. С того света являться буду, упыри дрессированные!!!

— Довольно! — спокойно приказал мистер Пирсон. — Думаю, что нам следует перенести этот разговор. Встретимся еще раз на вторник, так сказать, на свежую голову.

— Поддерживаю, — неожиданно объявил Сатал, поворачиваясь к коллегам. Контуры полуоформившихся плетений, которые он удерживал на самой границе реальности, стали четче.

Капрал прищурился на старшего координатора, а старик поморщился — расклад двое надвое его не устраивал.

— Что, так и будем сопли ему размазывать?

— Вы уж определитесь, — на губах Сатала появилась вежливая улыбка, но глаза оставались холодными как лед, — вам нужно обучить некроманта или конкурента уничтожить?

Никогда бы не подумал, что боевые маги, изготовившиеся к мордобою, могут замереть в прыжке, но через пару секунд я оказался единственным, кто еще не заткнул Источник. Вот где сила! Такое самообладание простым умом не понять. Моя черная натура все еще бесилась, требуя крови, но жить мне все-таки хотелось больше, и Источнику пришлось уступить. От произведенного усилия я взмок как мышь и трясся.

Эта ненормальная компания разглядывала меня с медицинским интересом.

— Да, — с некоторым запозданием согласился Чарак, — перенесение разговора действительно имеет смысл.

Да что б вы все издохли! Кстати о ядах…

— До свидания, мистер Тангор, — вежливо поклонился чиновник, — надеюсь, вы обдумаете наше предложение на досуге.

Повернуться к ним спиной я не решился, так и пятился до самого берега, рискуя позорно шлепнуться на пятую точку. На меня никто больше не смотрел, мистер Пирсон что-то спокойно говорил, маги обменивались короткими репликами. Когда дюны

заслонили меня от врага, напряжение отпустило, и оставшийся путь до мотоцикла я проделал бегом.

Как бы не хотелось мне исчезнуть из этого проклятого места немедленно, пришлось ждать еще четверть часа, пока руки не перестанут трястись. Глупо ведь уйти живым из лап колдунов и тут же расшибиться о дерево! Капрал тем временем высвистал из фургона двух санитаров, и индифферентное ко всему тело вынесли с полигона. У меня было достаточно времени для того, чтобы все обдумать и ужаснуться. Нет, не близости смерти.

Я, конечно, с могучими магами дружбы не водил, а из дядьки чародей был хиленький, но основным методом контроля над черной натурой для меня всегда было не провоцировать. В детстве мне старательно внушили, в каких ситуациях естественные реакции могут возобладать над разумом, и посоветовали до такого не доводить. То, свидетелем чему я сегодня стал, этой схеме категорически противоречило — трое взрослых черных не могли отступить перед молодым нахалом, раз уж дело дошло до прямых угроз и вызова Источника. Но когда человек (обычный человек!) озвучил рациональный довод, они с ним согласились и отослали Силу, наплевав на бушующий в крови пожар, барабанный бой сердца, застилающую глаза ярость, попросту вывернули свою суть наизнанку, словно половичок вытряхнули.

Нельзя же так над собой издеваться!!!

Нет, я не боялся этих уродов, меня просто мутило от одной мысли о них. Ненормальные они… или наоборот? Что, если Саталу придет в голову потребовать от меня что-то подобное? Убью. Его, себя, всех. Меня упорно преследовало бредовое видение паровоза, остановившегося передо мной лоб в лоб.

Вот почему я никогда не хотел быть волшебником.

Возвращение в город заняло больше времени, чем обычно, и дело было не в осторожности. Мне нужно было подумать, а неторопливое перемещение из пункта А в пункт Б создавало для этого наилучшие условия. Предоставленная отсрочка, по-хорошему, означала лишь то, что в следующий раз отказ от меня не примут, если я, конечно, не смогу за два дня обзавестись покровителем покруче, чем старший координатор северо-западного региона. Мне просто давали время «дозреть». Их ожидает сюрприз: яд в виде аэрозоля (еще ни разу не пробовал — все мышей достать не мог, но возлагал на него большие надежды), единственное — управлять им трудно, вдруг ветер переменится.

Уже закатив мотоцикл в сарай и раскланявшись с завсегдатаями свалки, я подумал, что какие-то рычаги влияния у

меня все-таки есть — это им от меня что-то нужно, а не наоборот, причем, силой получить желаемое они не смогут. Стоит попытаться выторговать какие-то приемлемые условия, в крайнем случае — упереться рогом. О!! Нажаловаться на них журналистам. То-то пресса будет рада! Даже не обязательно говорить правду, достаточно придумать какую-нибудь омерзительную историю и клятвенно ее подтвердить (например, насчет исчезновения Лорана Пьеро). Фактов мне известно достаточно, предъявлю репортерам Макса, и пусть в НЗАМИПС доказывают потом, что его сделал я. Настроение сразу улучшилось.

Темнота за окнами была разбавлена красноватым свечением газовых фонарей и яркими взблесками магической рекламы, долетающими с соседней улицы. Смысла закрывать шторы не было — четвертый этаж полицейского управления приходился выше крыш соседних домов.

Конрад Бер еще раз окинул взглядом кабинет, проверяя, все ли готово к завтрашней работе: текущие документы ровной стопкой лежали на краю стола, папки с делами заняли свои места на полках шкафа, очиненные карандаши и позолоченное «вечное» перо покоились в подставке. Страсть к порядку сохранилась в нем еще со времен учебки, поэтому сокращение площади кабинета в два раза не сказалось на качестве работы. Разве что стулья для совещаний подчиненным приходилось таскать из бухгалтерии.

Капитан вздохнул — скоро привычки придется менять. Если отношения с мисс Окли будут развиваться дальше (тут еще неизвестно, кто за кем решил приударить), то будущая жена (пусть — немолодая и понимающая) вряд ли позволит мужу ночевать на работе. Да и надо ли ему это?

Он уже открыл дверь и сделал шаг к порогу, когда на столе зазвонил телефон. Это было неожиданно: мало кто знал привычку капитана работать по выходным, тем более — в такой час. Подумав, Паровоз ответил на звонок.

— Слушаю.

— Здравствуй, дружище, — отозвался в трубке знакомый голос, — я не слишком поздно?

Все тревожные колокольчики души Паровоза зазвенели разом — он категорически не верил в добрую память черных магов, особенно — этого мага. За долгую жизнь среди людей Ларкес хорошо научился изображать дружеские чувства, но сам их (в этом Бер был совершенно убежден) не испытывал. Если бывший начальник вспомнил о подчиненном (впервые за полтора года), значит, ему что-то нужно, и, судя по попыткам вызвать симпатию,

не вполне законное.

— Да мог и не застать — я уже домой собирался, — дружелюбно пробурчал капитан в трубку, отмечая на бумажке точное время звонка.

— Слышал, к вам из столицы гости приехали?

— Кажется, у региональных очередная комиссия, — немного небрежно отозвался капитан, — к нам пока не суются.

— Вот как, — спокойно констатировали на том конце линии, — и что хотят?

— Без понятия. А что, есть какие-то проблемы?

— Нет-нет. Сможешь узнать, что им надо?

— Я бы не хотел, — вполне искренне сообщил Паровоз, — у меня еще с прошлого раза волосы не отросли.

В трубке раздался негромкий смешок:

— Да, понимаю. Ну, не буду тебя задерживать! Звони, если что.

Паровоз дождался гудков и положил трубку. Предложение звонить было такой же формальностью, как и всякие упоминания об «одолжениях» и «услугах», которыми Ларкес сорил бездумно, не интересуясь, например, знает ли адресат, куда звонить «если что». Прежний босс был одной из причин, из-за которых Бер так здорово насобачился исполнять роль «йа тупои палицейский» (исключительно из чувства самосохранения).

Капитан записал на листке время окончания звонка и тут же набрал номер телефонистов:

— Это Бер. Определите, откуда мне сейчас звонили, но без фанатизма. Ответ жду завтра утром.

Паровоз еще постоял, размышляя, потом запер кабинет и спустился вниз на два этажа. Он совершенно точно знал, что его начальник еще на работе — Сатал переволновался, споря со столичным коллегой, а значит — останется ночевать в управлении, дабы не пугать домашних видом озверевшего черного мага. У свирепого регионального координатора было трое малолетних детей, у двух старших черная натура уже вполне определенно заявляла о себе, и отцу было проще вообще не приходить домой, чем пожинать плоды своей несдержанности.

Сатал уже успел кинуть поверх сдвинутых стульев предусмотрительно запасенное одеяло и сменил строгий костюм на мягкие брюки и свитер домашней вязки. В кабинете пахло мятой.

— Чего тебе?

— Возможно, я зря паникую…

— Только короче — я спать собрался.

— Только что мне звонил Ларкес. Просил выяснить, зачем к

нам приехали «столичные гости».

Сонливость в глазах координатора сменилась острой сосредоточенностью:

— Что ты ответил?

— Сказал, что не хочу связываться, сослался на то, что уже имел неприятности.

— Молодец. Откуда звонили?

— Выясняют.

— Правильно, — Сатал ожесточенно потер лицо, пытаясь собраться с мыслями, но сдался. — Нет, сегодня не выйдет. Завтра с утра разберемся. С этим типом нам надо быть очень осторожными!

— Я знаю. Я с ним работал пятнадцать лет, хотя мы и не часто виделись. Кстати, кто он теперь?

— Это самое забавное — никто не знает. Вроде бы, есть человек, а начнешь интересоваться — все тычут куда-то вверх и глаза закатывают. Хотел бы я знать, как он после пятнадцати лет безупречной службы умудрился до такой степени запустить дела. И еще — так вовремя подать в отставку.

— Меня посещали такие мысли, — признался капитан.

— То-то. Завтра будем думать. Серьезно думать. Не знаю, чего Ларкес задергался, но своего финансиста Искусники нам не простят…

Глава 4

Все утро понедельника я провел с мыслью, что стоит заделаться некромантом хотя бы для того, чтобы поднять из могилы предков и сказать им все, что я о них думаю. Угораздило же им отколоться от своих! Если бы за мной стоял клан Тангоров, никто не посмел бы разговаривать со мной на повышенных тонах — черные семьи ценят свою репутацию и мало заботятся о справедливости.

А вот идея отделаться от полоумных наставников при помощи прессы, по здравому размышлению, не казалась мне такой уж хорошей. Нет, из «надзора» меня вышибут, как пробку (зачем им проблемы), вопрос в том, захочет ли кто-нибудь вообще после этого иметь со мной дело. Я ведь неплохо познакомился с клиентурой черных магов: напуганный, неуверенный в себе обыватель не пойдет за помощью к склочному колдуну, успевшему засветиться в скандале с НЗАМИПС — такие люди хотят за свои деньги покоя и безопасности. Алхимикам тем более не нужен истеричный коллега. Место в «Биокине» не будет кормить меня вечно, как и доходы от двух-трех удачных поделок, о состоятельном будущем и лимузинах с кожаными сидениями придется забыть. Зато недоброжелатели из «надзора» про меня не забудут, а живут-то маги долго.

Альтернативой было бегство, причем, не просто из Редстона, а вообще из страны (за несколько месяцев до окончания Университета, без диплома и даже без печати мага). В мире существовало только три государства, где черный маг мог чувствовать себя в безопасности — наша Ингерника, Каштадар и И'Са-Орио-Т. Причем в Каштадаре все боевые маги объединены в особый орден, с военной иерархией и дисциплиной (нафига мне это счастье?), а империя Са-Орио обладала культурой настолько специфической, что занять там какое-то приличное положение иноземец в принципе не мог. Все прочие страны представлялись мне этакими пигмеями, постоянно мечущимися от одного могущественного патрона к другому, даже если и есть где-то там место, терпеливо дожидающееся одинокого изгоя, я о нем ничего не знал. И в любом случае на занятиях алхимией можно будет ставить жирный крест — мой врожденный талант определит мою судьбу не хуже иного проклятья. Те же яйца, вид с боку.

Правда, оставался еще Краухард. Я всегда мог вернуться туда и остаться насовсем — сумрачному краю не впервой прятать кого-то от внешнего мира. Уйти и стать никем, деревенским алхимиком, механикусом в деревне на двадцать два дома,

уважаемым обитателем машинного двора, никогда не покидающим свои владения больше, чем на неделю. Смогу ли я повторить «карьеру» дяди Гордона, успев попробовать столь многое?

Телепатии не существует, но все люди, наверное, в чем-то эмпаты — глядя на мою спокойную (я два раза по зеркалу проверял!) физиономию студенты старались не заводить разговор и даже рядом не становиться. Когда занятия в Университете кончились, алхимики-одногрупники прыснули от меня во все стороны как одноименные заряды — по кратчайшей траектории. Ну и пофиг. До встречи с некромантом оставались сутки, нужно было срочно решать — бежать или остаться.

Я дошел до квартиры, привел себя в порядок и переоделся в свой самый лучший костюм, даже ботинки начистил, как на прием к дяде Четвертушки. Время притворяться кем-то еще кончилось, либо они принимают меня таким, какой я есть, либо — мы разбегаемся. А начнем мы с мисс Кевинахари, как с самой худосочной.

Рабочий день еще не кончился, в полицейском управлении царила деловая суета. Со свойственным ей демократизмом, эмпатка выбрала кабинет в так называемом «новом крыле», поделенном между сотрудниками НЗАМИПС и криминальной полицией — пусть не так шикарно, как на начальственном этаже, зато все удобства есть, светло и с лифтом. Это последнее — лифт — привлекало меня здесь больше всего, к великому неудовольствию лифтера. Ему что, жалко покатать человека? Но мужик вредничал и отказывался везти пассажиров вниз, ссылаясь на какие-то дурацкие правила, а проверить правдивость его слов у меня все никак не доходили руки.

Прошмыгнул к заветной кабинке, я назвал последний, пятый этаж и с удовольствием прислушался к скрипу лебедки и гулу хорошо отлаженного механизма. Лифтер не стал делать промежуточных остановок — все равно никто не войдет. Репутация! В учреждении, половина сотрудников которого работала с черными магами, а некоторая часть — ими и являлась, меня еще ни разу не толкнули локтем и не послали по матери. Вот такая вот культура общения!

Кевинахари была у себя. Мне всегда было интересно, что делает эмпатка, когда остается в одиночестве, оказалось — ведет записи (наверное, составляет подробные досье на всех, с кем за день успела пообщаться). Я вломился в кабинет без стука, Кевинахари посмотрела на меня поверх очков в тяжелой роговой оправе и тут же сделала необходимые выводы — отложила перо и сдвинула массивный гроссбух на край стола.

— Что-то случилось, Томас?

— Да! Случилось страшное, — у меня кончилось терпение и это действительно страшно. — Вы знаете, что из столицы явился какой-то долбанный некромант и домогается меня? Я — приличный черный, я уважаю закон, — ну, большую часть времени, — и не занимаюсь уголовно наказуемыми деяниями!

По крайней мере — систематически.

— Понимаю, — эмпатка бодро выбралась из-за стола, — за мной!

И она стремительно вылетела из кабинета. Теперь для того чтобы сказать что-то еще, мне нужно было ее сначала догнать.

Мы скатились по лестнице и промчались пару переходов, достигнув кабинета Сатала по кратчайшему пути. Старший координатор, не ожидавший грозы, сидел и мирно изучал какие-то бумаги.

— Сколько можно? — трагически возвестила эмпатка с порога, ловко протаскивая в кабинет и меня (вот уж без чего бы точно обошелся). — Я работаю, верчусь, как белка в колесе, а они друг другу нервы пилят! И все мои труды псу под хвост!!

— Э-э, Рона, — начал было Сатал, но продолжить эмпатка ему не дала.

— Я тридцать лет Рона!!! — взвизгнула она, с сомнамбулической точностью падая в кресло для посетителей, в голосе ее стояли слезы.

Ой, ё… У белой как-никак истерика, а это тебе не палец показать. Я стал прикидывать, как, не роняя достоинства, слинять отсюда нафиг.

— Если ты сейчас же не объяснишь мальчику ситуацию, я сама все расскажу! — мрачно пригрозила Кевинахари.

Тут у меня даже уши оттопырились. Откровения эмпата?

— Не надо! — быстро сориентировался Сатал. — Я сам.

Старший координатор кивнул мне на стул (свободных кресел больше не было). Некоторое время мы, молча, смотрели друг на друга через стол. Кевинахари достала из кармана платок и начала беззвучно пускать в него слезы. Маг покосился на нее, как на сомнительную пентаграмму — активировать удалось, а что дальше…

— Ингерника в опасности, — сурово сообщил он, — твои особые возможности нужны стране. Понимаешь?

— Нет, — хмуро отозвался я, — студенты Университета имеют бронь.

И не призываются на службу даже во время войны, потому что от алхимика гораздо больше пользы в тылу, а черных магов на передовой всегда как собак нерезаных.

— Ты не хочешь помочь родному государству?

— Кто такой этот «государство» и почему он мне родня?

Старший координатор насупился. Зашибись! Патриотически-настроенный черный маг — спектакль в интерьере. Впрочем, после нежитя с моралью я способен был поверить во все.

Кевинахари оглушительно высморкалась. Сатал сдался.

— Ну, хорошо, — вздохнул он, — слушай сюда! Количество регистрируемых потусторонних феноменов сильно колеблется во времени.

Я кивнул:

— Да, мне дядька рассказывал. Раньше было хуже.

— Не то! — отмахнулся Сатал. — Смотри шире. До появления НЗАМИПС статистику прорывов никто не вел, а «хуже» и «лучше» — понятия субъективные. Когда аналитики сподобились рассмотреть данные за сто лет, оказалось, что частота проявления всех групп феноменов неуклонно растет. Причем, не только у нас, в Каштадаре та же картина. Лет пятнадцать назад был необъяснимый спад, но теперь он стремительно компенсируется. Перед экспертами поставили вопрос о долговременных прогнозах.

Сатал глубокомысленно поднял палец и я понял, что он действительно раскрывает мне какой-то важный секрет.

— Наши умники исхитрились и выяснили, что имеют место длинные волны. Последний минимум был четыреста лет назад, как раз перед правлением короля Гирейна. Слышал о таком? Сначала тоже все были счастливы, а потом Ингерника чудом уцелела.

Я кивнул — именно в те времена Роланд Светлый и стал святым.

— Пик ожидается только лет через двести. Стало ясно, что черную магию надо поддерживать, а обретенные навыки сохранять. Были ли еще какие обстоятельства, не знаю, но так получилось, что года два назад все резко вспомнили о некромантах. Что б ты знал: когда составляли профиль Знака Обретения, очень много слушали всяких разных. Идея была хорошей — сократить смертность во время ритуала — но под шумок в структуру Знака протащили дополнительные ограничения на параметры канала, поставившие на некромантии большой жирный крест. Мораль и этика, видишь ли, против нее протестовали! Осталась какая-то ублюдочная имитация ритуала в криминалистической сфере, но это скорее не поднятие покойников, а гадание по костям. Сейчас систему будут, — Сатал поморщился, — по-тихому реконструировать, но дело сделано, время ушло. Талант некроманта — очень редкий, сейчас старые мастера уходят, и учеников у них нет. Чарак — один из

последних, гроссмейстер, живая легенда. Ему показывали кристаллы всех магов с подходящими профилями, он выбрал тебя, сказал «идеальная кандидатура». Понимаешь?

— Фиг ли?

— Что фиг?! Старик помрет — кто за него ворожить будет?!!

Я мог бы ответить на вопрос Сатала кратко и емко, но не стал, учитывая присутствие дамы. Чужие трудности меня совершенно не волновали.

— Обладание уникальным навыком, — тихо произнесла мисс Кевинахари из глубины своего кресла.

Я поморщился. Чур меня, чур! Все, кому потребуется услуга некроманта, попрут ко мне, как к младшему, и, вместо светлых алхимических лабораторий, я проведу полжизни в моргах и на кладбищах, пока смена не подрастет. Впрочем, Сатал сам подсказал мне выход: потяну волынку, а там, глядишь, старик окочурится, и тема заглохнет сама собой.

— Мы позаботимся, чтобы ваш талант принадлежал только вам, — ответила эмпатка моим мыслям.

— Как? — спросили мы с Саталом одновременно, я — недоверчиво, он — подозрительно.

— Составим разовый договор, — терпеливо объяснила она, — Чарак всегда по ним работает. Опишите обязательства сторон и сумму вознаграждения, а сроки не ставьте.

— Вознаграждения? — нахмурился Сатал.

— О, Дан, прекрати! Чьи деньги ты экономишь? Мы хотим от юноши услугу и должны за нее заплатить. Почему он должен делать то, что не хочет, безвозмездно?

Приятно, что из мальчика я превратился в юношу, причем, не сходя с места, но озвученного предложения мне было недостаточно:

— И тему дипломной работы я выберу себе сам!

— А с этим-то что не так?

— Все не так. Скажите, какое такое новшество можно внести в боевую магию?

— Хочешь Чарака в наставники взять?

От видения некроманта, явившегося в Университет на защиту диплома, меня бросило в дрожь.

— Ни за всю жизнь!!!

— Почему же? — развеселился Сатал. — Применение псазомби для поиска трупов — чем не новшество!

— Угу. А специальность в дипломе напишут — анимация биологических объектов, и я до конца дней объяснять буду, что это такое.

— А ты не показывай.

— Так это ж диплом!!!

Сатал выглядел как-то тускло, мне показалось, что мой энтузиазм его как-то задевает, в конце концов, он пытался учить меня совсем другому. Да пусть учит, мне что, жалко, что ли? Надо его подбодрить. Думаете, черные не умеют подлизываться к начальству? Еще как умеют!

— Учитель, я вас очень уважаю, вы открыли мне новый взгляд на черную магию. В Михандрове ваши наставления спасли мне жизнь, без шуток, — Сатал заметно подобрел. — Но диплом — это святое. Получению проклятой бумажки посвящено пять лет моей жизни и там все должно быть гармонично. Если в дипломе алхимика будут упомянуты биологические объекты, все подумают, что я — таксидермист.

— А ты чем хотел бы заниматься?

— Защитная магия с уклоном в диктат воли.

— Я не очень хорош в диктате воли, — признался Сатал.

— Это не страшно, учитель, Ракшат справится, вы, главное, тему подпишите.

Старший координатор помялся и махнул рукой:

— Ладно! Ты сам виноват, мог сдать все практически без усилий. Но, если будешь отлынивать от занятий, — любимый учитель бросил на меня строгий взгляд, — мы поссоримся.

Я истово закивал. Буду, буду заниматься, пес с ним, хорошо еще, что бесплатно. То, что мне удалось отстоять диплом — уже прогресс. Лиха беда начало! Не такие уж они и страшные, эти могучие маги. Вешать лапшу на уши я с детства умею и люблю, главное, чтобы эмпатка меня не заложила.

Соглашение между черными было заключено. Мы все, конечно, неуживчивые засранцы, но, если баланс сил очевиден, а интересы соблюдены, то не против действовать по правилам (ну, какое-то время). Естественно, Сатал мне ни на грош не верил, а потому откладывать дело в долгий ящик не стал — подозревал, что, подумав еще, я сумею от обещанного улизнуть. За час местный юрист составил пресловутый разовый договор, самый странный из тех, что я видел. Принудительная анимация в нем упоминалась только один раз, а слов «труп», «зомби» или «мертвецы» вообще не было. На каждой строчке шли бесконечные ссылки на пункты закрытых циркуляров, уставов и секретных перечней, которые Сатал аккуратно достал из сейфа и разложил передо мной. У меня было такое дурацкое ощущение, что у них есть типовая форма договора с некромантом и это как раз она. Запрещено законом, говорите, да? Я дважды перечитал текст: понять, о чем там идет речь, для непосвященного было совершенно нереально, но в конце цифрами и прописью стояла

сумма в одну тысячу крон (командировочные расходы и проживание — за счет заказчика). Возможно, это очередная глупость, но придется рискнуть. Я подписал бумаги. Мое сердце грела мысль о том, какая рожа будет у Ракшата, когда покажу ему тему своей дипломной работы.

Уже в дверях меня догнала еще одна отличная идея:

— Учитель, можно вопрос?

— Ну?

— Почему Шорох способен рассуждать?

— Загадка природы. Меньше думай над такими вещами — дольше здоровым останешься!

Все-таки нет в жизни совершенства.

Эдан Сатал и Рона Кевинахари сидели в кабинете старшего координатора северо-западного региона, и пили чай (сиамский, без молока и сахара, из маленьких фарфоровых чашек).

— Ишь ты, таксидермист, — бурчал под нос черный маг.

— Ты сам виноват в происшедшем, — спокойно сообщила Рона, на ее лице не было ни малейших следов слез или испорченного макияжа, — я ведь просила тебя изучить его дело.

— Причем тут это? — недовольно поморщился Сатал.

— Значит, не изучил, — эмпатка вздохнула, — нельзя так много общаться с Фатуном! Я понимаю, что вы давно знакомы и тебе с ним просто, но он склонен сознательно обеднять интерпретацию реальности с целью оправдания силового метода решения вопросов. Это заразительно!

Сатал ухмыльнулся:

— В первый раз слышу, чтобы «чистильщика» так вежливо называли воинственным идиотом.

— Именно это я и имела в виду, — невозмутимо парировала эмпатка. — Мы оба понимаем, что «черный маг — идиот» это синоним покойника.

— Не цепляйся к словам! Тем более что досье я читал, и ничего особенного там нету.

Эмпатка вздохнула:

— Дан, этот многообещающий юноша вырос в семье белого мага. Да, у него были воспитатели из черных, но к постоянному давлению и жесткому контролю он не привык. Его просто некому было муштровать всерьез, понимаешь? Тем не менее, он здесь. Значит, в его характере есть что-то такое, что позволяет ему совершать правильные поступки не по привычке и не под давлением старших. Типичный черный слушает советы потому, что знает: это самый простой способ достичь успеха и встать вровень со старшими, а в итоге — избавиться от советчиков. И все

эти ритуалы подчинения вам нужны только для того, чтобы результат был очевидней. Вот и ты пытаешься по привычке сформировать в нем образ успеха, надеясь, что он начнет стремиться к нему сам. А в итоге?

Сатал неопределенно хмыкнул, эмпатка покачала головой:

— Он тратит все силы на то, чтобы оградить себя от твоего влияния. Дан, твое первенство для него не очевидно! Он слишком рано почувствовал себя не просто равным, а старшим, для него привычнее не подражать идеалу, а уподоблять себе, манипулировать. Что он и делает не без успеха — талант к алхимии, он ведь не на пустом месте возник. Если ты хочешь поспорить с Чараком за ученика, тебе самому придется измениться.

— И как ты себе это представляешь? — координатор перевернул пустую чашку на блюдечке. — Платить ему за уроки? Или ждать, когда он сам захочет заниматься?

— Он что, плохо усваивал материал?

— Нет, но…

— А почему?

Сатал не ответил, и эмпатка продолжила за него:

— Потому, что он видел в занятиях пользу. Не образец для подражания, а преимущество. Он очень рассудочный для черного, понимаешь? Тебе придется постоянно думать о том, что ты делаешь, если ты захочешь продолжить с ним общаться. Для тебя это очень полезно!

Координатор фыркнул, но выглядел заинтересовано.

— Подскажи мне какой-нибудь способ, — предложил он, подперев руками подбородок.

Эмпатка на секунду задумалась.

— Когда ты объяснял ему действие проклятий, рассказывал, в каких ситуациях тебе приходилось их использовать? Нет? Обязательно расскажи! Пусть не думает, что весь мир это одна большая деревня. Скомпонуй материал по сферам применения. Короче, обкладывай его приманками.

— Фатуна от такого подхода удар хватит.

— Ты не Фатун! Впрочем, делай, как знаешь.

— Разберемся, — Сатал, с довольным видом, откинулся на стуле. — Думаешь, Чарак в эту премудрость врубится?

— Шутишь? Ральф Серый Плетельщик занимается подобным всю свою жизнь. Не знаю, наверное, это специфическая некромантская черта. Сам еще почувствуешь, как он мягко стелет, словно и не черный.

Сатал расхохотался:

— Уже почувствовал. Он пожелал поселиться на базе

«чистильщиков» и выжил из комнаты тамошнего завхоза, причем так, что бедняга остался ДОВОЛЕН. Я бы так не смог.

— Тренируйся! — очень серьезно посоветовала ему эмпатка.

Глава 5

Я твердо изготовился пожертвовать ради диплома здоровьем и спокойным сном, но, к счастью, реальная некромантия не имела ничего с представлениями обывателя о ней (ну, по крайней мере, в изложении Чарака). Мы не сцеживали кровь младенцев, не потрошили кошек и не раскапывали могил, хотя трупы к делу периодически привлекались, причем, исключительно человеческие.

— А где вы, юноша, полагаете найти качественный труп животного? — ехидничал некромант. — Если, конечно, не собираетесь сами браться за нож. А главное — зачем, если вам все равно придется работать с человеческими останками.

Действительно — зачем? Трупы доставлялись из морга, обмытые, тихие и даже какие-то умиротворенные, после завершения ритуалов они отправлялись обратно, практически не изменив вид.

После того, как мы оговорили расписание занятий (вторник, четверг и суббота, потому что по средам и пятницам я ходил в секцию рукопашного боя — единственный черный маг за всю ее историю), Чарак первым делом пожелал увидеть моего зомби и битых два часа ощупывал Макса, восхищенно причмокивая.

— Великолепная работа! Да будет вам известно, молодой человек, гармонизировать стихийного зомби способен далеко не каждый некромант. Я бы, например не рискнул ставить свою жизнь на успех подобного опыта. Но получилось просто великолепно! Особенно — шерсть.

— О, — я немного смутился (ошейник-то мне сбацали «чистильщики»), — это шампунь.

Некромант дернул седой бровью:

— Не поделитесь рецептом?

— Без проблем! — чужого мне не жалко.

Для записи ценных сведений у некроманта с собой была маленькая книжечка, очень напоминающая дядькину тетрадь, сразу с пером и крошечной промокашкой.

— Итак, юноша, — закончив писать, удовлетворенно произнес маг, — как вы представляете себе некромантию?

— Как воздействие магией на тело человека с целью имитации жизни, — послушно отрапортовал я.

Он поморщился:

— Это — официальная формулировка. А по сути?

Я тяжело вздохнул. Ну, что ему еще от меня надо? Чарак глубокомысленно поднял палец:

— Во-первых, давайте договоримся: за воскрешением покойных родственников, разговорами с душами предков и путешествиями на тот свет — к мистикам, некромантия этим не занимается.

Однако! Он меня заинтриговал.

— Есть ли у человека душа, и чем она занимается после смерти, об этом мы ничего не знаем. Достоверно известно лишь, что смерть человека (особенно — насильственная смерть) оставляет на окружающем отпечаток его сущности и этот отпечаток магия может проявить. Заметьте — не на чем угодно, а на предметах сопутствовавших смерти, и заметьте — воздействие любой магии. Наполнить жизненные меридианы энергией может и белый, и черный Источник, и даже — проявление потустороннего, — тут он кивнул в сторону Макса, — но добиться сколько-нибудь предсказуемого результата может только правильно обученный некромант. Запомните, юноша, спасением умирающих занимаются целители, поднятый вами покойник никогда не будет тем, кто умер, всегда лишь копией, более или менее точной. И жить он будет по другим правилам, нежели настоящий человек, на чем всякие доморощенные повелители мертвых обычно и прокалываются.

Я тут же вспомнил множество характерных историй. Наверное, Чарак знал их все.

— Основное правило звучит банально: «мертвое — это не живое». Инициированное магией подобие существует вне естественных законов, чтобы удержать его в рамках правильного порядка вещей необходимо гармонизирующее (или, как вы его обозвали — реанимирующее) проклятье, типа того, которым вы регулярно обрабатываете свое создание. Поэтому ваше обучение пойдет в трех направлениях: способность ощутить отпечаток сущности, способность инициировать подобие и способность требуемое удержать.

И мы начали тренироваться в создании этих дрожаще-неустойчивых плетений, столь невесомых, что затраченной на них Силы не хватило бы даже на свечу. Они щекотали нервы, мутили сознание и мгновенно рассыпались, стоило чуть-чуть за ними не углядеть. Впоследствии Чарак стал добавлять к моим плетениям свое, и они так и танцевали в пространстве, пронизывая друг друга, сосуществуя, но не смешиваясь. Это совсем не утомляло, но приводило мысли в такое рассеянное состояние, что четверть часа в конце занятий приходилось уделять исключительно медитации, иначе я просто не смог бы добраться домой.

Даже крепкий самогон меня так не пробирал!

Наверное, странный эффект занятиями не ограничивался,

потому что и за пределами полигона я пребывал в нехарактерно благостном для черного мага настроении. Никто и ничто не могло вывести меня из равновесия. Решительно все казалось правильным и целесообразным. С раннего утра и до позднего вечера я находился в движении — Университет, Биокин, разносортные консультации и бесконечные тренировки — но это не раздражало и не утомляло. Вечером сон приходил мгновенно, стоило только лечь в постель. Ракшат бурчал что-то относительно осторожности и сомнительных практик, но я искренне не понимал его намеков. Мистер Даркон вызвал меня для разговора, долго изучал мою безмятежную физиономию, а потом плюнул и велел куда-то идти. Я ушел. Декан алхимиков осторожно уточнил относительно готовности моей дипломной работы, словил получасовую лекцию о перспективах модифицированных микроорганизмов (Полак от зависти удавился бы), но сумел меня заткнуть и выставить за дверь. Это был единственный раз, когда я немного огорчился. Если существует какой-то способ привести черного в типичное для белых состояние, то это был как раз он — ощущение дрожащей неустойчивости преследовало меня постоянно.

Редкие моменты пробуждения были мучительны, как ледяной душ. Каждое воскресенье, совершив над собой титаническое усилие, я отправлялся на встречу со старшим координатором, и тот же самый полигон, который три раза в неделю служил мне для занятий с некромантом, превращался в филиал инквизиции. Скажем прямо, с наставниками у меня был явный перебор. Я не говорил? Давешний капрал оказался первым учителем Сатала (то-то мне стиль знакомым показался), а по званию — полковником (сволочь в погонах!), причем, главой регионального Отдела Устранения. Главный «чистильщик» обожал лично встречать молодое пополнение и поучать новичков, вероятно, потому, что все прочие за подобное обращение не преминули бы набить ему морду и вообще — страшно отомстить. Две родственные души слились в экстазе, и теперь они на пару гоняли меня по всему полигону (разве что не с гиком), следуя какой-то своей «особой программе». Я потел и прыгал, понимая, что для борьбы с нежитями подобная премудрость ни разу не нужна — все эти мгновенно выхватываемые щиты, подвешенные плетения и отклонение стихий важны только для противоборства с другим магом. И нафига? Может, Сатал мечтает вырастить в Редстоне собственную армию? О, идея!! Мне надо НАСТУЧАТЬ на старшего координатора и все мои проблемы решатся! Знать бы только — кому.

К концу занятий от блаженной созерцательности не

оставалось даже пыли.

Я мрачно разглядывал прожженные в двух местах штаны, понимая, что в таком виде на занятия с некромантом идти нельзя — до изумления педантичный старик ничего не скажет, но смотреть будет косо. Придется покупать еще один комплект рабочей одежды.

— Надо быть готовым ко всему! — назидательно заметил Сатал. Он был свеж и бодр, словно и не швырялся проклятьями битых два часа почти без перерыва.

Да что ему сделается-то, уроду!

— Мы закончили изучение классического атакующего комплекса, — продолжал развивать мысль старший координатор, — но это не значит, что твой противник будет действовать по учебнику. На следующем занятии мы подробно остановимся на том, какие нюансы привносит в защиту и нападение использование амулетов.

Я обреченно вздохнул:

— Учитель, скажите честно, мы собираемся воевать с Каштадаром?

Сатал довольно хохотнул.

— Деточка, — он определенно был в хорошем настроении, — ты думаешь решительно не о том. Если у Ингерники появится внешний враг, вся эта премудрость тебе не потребуется — на войне победителя определяет тупая мощь. Но в мирное время, будучи сотрудником НЗАМИПС, ты в любой момент можешь столкнуться с вероломным нападением какой-нибудь асоциальной личности. Я не имею в виду чокнутых белых придурков. Ты думаешь, почему «надзору» никто не решается возражать? Репутация! А репутацию надо поддерживать.

— Вы намекаете на дуэль?

Мнимый инструктор гнусно заржал. Сатал покосился на него и осуждающе покачал головой.

— Дуэлью это назовут, если ты победишь. Реально все происходит внезапно, непредсказуемо и без особых причин, потому что, нападая, черные не колеблются, психов много и каждого из них кто-то должен укротить. Думаешь, все так спокойно относятся к Оковам Избавления? Нифига! Большинство буянит, хотя точно знает, что получит пошеям.

Открывшаяся перспектива меня не обрадовала:

— Мне что, придется выезжать на задержания? — всю жизнь мечтал возиться с буйными колдунами.

— Кто знает? Я первый раз попал под раздачу еще стажером, зашел, понимаешь, в караулку чайку попить, — он снова заулыбался, похоже, его такие воспоминания веселили. — А там

местные сыскари контрабандиста задержали — шибздик, самоучка, а как пошел косить, еле заломали. Впрочем, за дуэль будет считаться только единоборство и только с лицензированным магом. Кстати, победителю достается печать побежденного!

Типа, сувенирчик на могилку. В чем парадокс: мне двадцать лет твердили, что драться нехорошо — придет «надзор» и а-та-та, теперь пошла другая песня — я и есть «надзор» и это самое «а-та-та» придется раздавать мне. Нет, я не боюсь, но как же это примитивно! Где в этом торжество духа, интеллект, моральное превосходство, в конце концов? Плетением по морде и амулет в задницу — боевая магия, едрить ее вошь!!

Сатал заметил во мне колебания и прищурился:

— Или будешь каждый раз ждать, когда придет дядя-«чистильщик» и все сделает за тебя?

Я помотал головой. Нет-нет! Если я предпочитаю давить народ мозгами, это еще не означает, что пара-тройка силовых приемов мне помешает. Вот, на единоборства я ведь хожу, хотя, казалось бы, зачем это магу. Как бы объяснить ему причину моих сомнений так, чтобы он понял?

— Сэр, а вы уверены, что мне удастся найти подходящего оппонента?

Вот, именно так! Обиднее всего будет освоить всю эту хрень и обнаружить, что ее просто некуда применить.

Старший координатор тяжело вздохнул:

— Парень, поверь моему опыту, оппоненты у тебя будут. Всегда найдется баран, желающий проверить прочность ворот собственным лбом. Фатун, у тебя сколько уже?

— Три, — ухмыльнулся вечный капрал.

Гм. Три дуэли — это было, по-хорошему, немного, учитывая его гадский характер.

— А у меня уже пять! — гордо объявил Сатал. — И как ты понимаешь, у тебя без этого тоже не обойдется. Будет обидно, если государство вложит в твое обучение столько средств, а потом какой-нибудь сопливый недоучка прихлопнет тебя за твой гонор.

Отлично, выходит, я выламываюсь для того, чтобы сэкономить деньги правительству! Интересно, а мне полагается с этого какой-нибудь процент? В общем, в полезности своей науки Сатал меня не убедил, потому что единственным магом, против которого мне хотелось ее повернуть, был он сам. От знакомства с ядовитым аэрозолем любимого учителя спасало только то, что эффект от субботних занятий с некромантом не успевал выветриться к воскресенью. Зато весь понедельник я горько

сожалел об упущенной возможности.

В конце концов, мне пришло в голову поинтересоваться у Чарака, нормально ли то, что происходит. За четыреста лет практики он просто обязан был хоть раз столкнуться с чем-то подобным! Да, да, именно — четыреста лет, абсолютный рекорд. Маги живут долго, а некроманты — еще дольше. Чарак лично помнил не только инквизицию, но даже времена короля Гирейна (хотя, что может запомнить пятилетний малыш), естественно, такая жизненная перспектива порождала особый взгляд на вещи и желание поделиться им с учеником. Так я, наконец, удовлетворил давнее любопытство — узнал, почему святого черного мага Роланда обозвали Светлым.

— Это был компромисс, — заговорщицки улыбнулся Чарак, — потому что тем, кто называл его «белым» он бил морду.

Оставался самая малость — суметь повернуть разговор в нужную сторону. Задача не простая, потому что от общения со старым некромантом я просто млел (умом понимал, что он полощет мне мозги и пользуется слабостями черной натуры, но поделать с собой ничего не мог). Для верности (чтобы не забыть о теме разговора) пришлось написать себе специальную записочку, появление которой некроманта искренне позабавило.

— Прежним своим ученикам я рассказал бы сказку, — усмехнулся Чарак, — но ты ведь практически дипломированный маг? Попробуй развить теорию сам.

Упс. А я-то надеялся, что мне все положат в клювик!

— Ну, — мозги почти ощутимо заскрипели, — в основе лежат плетения. Стало быть, динамические проклятья…

Соответствующие разделы магии мы изучали только на последнем курс и довольно скромно — для их освоения требовался определенный талант, а результат, скажем так, был не всегда предсказуем. Зачем Университету лишние потери, да еще — на последнем курсе? Следовательно, то, чем мы с Чараком занимались, априори было весьма рискованным. Опасности профессии черным магам преподают едва ли не подробнее, чем секреты мастерства, поэтому память услужливо выдала нужный материал.

— В основе динамического проклятья лежит тождество, — с готовностью выдал я, — между мыслью и потоком Силы. Возникающая связь действует в обе стороны и, при возникновении отката, импульс Источника непосредственно ударяет по заклинающему.

Именно поэтому динамических проклятий стараются избегать везде, где без них можно обойтись — стремно работать без страховки (общеизвестно, что боевой маг, зачастую, убивает себя

сам). Если вспомнить, как нагреваются после ворожбы Знаки, можно представить, во что превращаются мозги при неудачном стечении обстоятельств, а мы тут с этой штукой в «кошачью колыбель» играли… Но это в случае ошибки, чем чревато для меня удачное заклинание, я, признаюсь, не задумывался.

— Ты сам сказал нужные слова, — кивнул Чарак, — тождество. Ты подумал — чего чему? Уподобление другому существу, почти такому же, как ты сам, не может пройти бесследно. Изначально некромант воссоздает того, кого собирается поднять, внутри себя, и часть его собственного естества, отданная под заклинание, никогда уже не становится прежней. Добавь к этому то, что наша ворожба всегда уникальна, а значит — заучить заклинание невозможно, только уловить общий принцип.

Чарак пронаблюдал, как меняется выражение моего лица, и удовлетворенно кивнул:

— Главные профессиональные риски некроманта — безумие и вселение посторонней сущности, гарантировать себя от этого принципиально невозможно. Смерть в качестве угрозы стоит на последнем месте. То, что с тобой происходит — побочный эффект восприятия чужого «я».

А как здорово все начиналось! Ясно было, что где-то скрыт подвох.

— Это не вредно?

— На данном уровне — нет. Эффект сохраняется два-три дня, не дольше. Серьезный риск возникает только при объединении плетений, отвечающих за разные аспекты сущности, а этим мы, как ты можешь заметить, не занимаемся.

Да, Чарак категорически пресекал мои попытки отправить зомби собирать дровишки для костра. Значит, руководствовался он при этом отнюдь не этикой.

— Страшно?

Глупый вопрос! Черные ничего не боятся, но вот сомнения в выбранном пути у меня появились.

Чарак улыбнулся блаженной и немного сумасшедшей улыбкой:

— Все беспокоятся о том, что они могут потерять, никто не думает о том, что можно приобрести! Лично я не верю, что можно растерять себя по кусочкам. Если целостность не утрачена, личность рано или поздно восстановит себя, и возможно — в более совершенном и законченном виде. Но есть кое-что, что получить другим путем невозможно…

— Зомби? — рискнул предположить я.

— Это вторично, — отмахнулся некромант. — На тождестве

построено любое понимание. Все люди пытаются понять других людей, отождествляя себя с ними, улавливая суть по жестам, по взглядам, по интонациям. Но при этом каждый человек, от рождения до смерти, пребывает в одиночестве внутри своего собственного мира, куда остальные проникает только в виде бледных теней. Некромант способен выйти за границы непроницаемой оболочки.

— Черный эмпат? — я хорошо помнил уроки Шороха и такая судьба не казалась мне завидной.

Но Чарак только покачал головой.

— Возможность прожить две, три, четыре жизни. Осознать то, до чего ты никогда не дошел бы самостоятельно — ощущения, образы, идеи. Приобрести таланты, которыми не был наделен от рождения. Ты знаешь, — щеки некроманта смущенно порозовели. Или у меня уже глюки пошли? — Это опьяняет сильнее всякого вина. Но именно поэтому невозможно поднять зомби в полной памяти и сознании, действуя в одиночку. Вобрав в себя человека целиком, ты, скорее всего, перестанешь существовать сам.

Чарак замолчал, то ли — выдохся, то ли давал мне возможность обдумать сказанное. Странности последнего времени приобретали пугающий смысл. Вот так сойдешь с ума, никто и не заметит. Нет, заметит — вон, Шорох тянет руку, типа, «не бойся, я с тобой».

— Не беспокойся, — решил приободрить меня учитель, — есть какой-то предел сложности, которым можно управлять просто за счет внутренних резервов. Для всего, что больше, существует Магический Круг — двенадцать адептов, действующих вместе, способны воссоздать полную реплику покойного. Пожалуй, некромантия — единственная черная дисциплина, безусловно требующая коллективной работы.

Меня поразила внезапная догадка:

— Значит, им не хватает…

— Угу, — сокрушенно кивнул Чарак, — а я уже староват для таких экзерсисов.

Маг, проживший четыреста лет, имеет полное право ссылаться на возраст.

— А кого будут поднимать? — не удержался я.

— Без понятия, — пожал плечами некромант, — скоро сам узнаешь. Но прежде мы должны подробно пройтись по всем типам плетений и отдельно остановиться на их сопряжении — я не знаю, кем именно тебе предстоит быть в Круге.

Таким образом, сомнительные практики все же имели место, а излишнее добродушие представляло собой сорт умопомешательства. Подумав, я решил не пускать дело на

самотек и не дожидаться, когда у меня появится два-три свободных дня для избавления от последствий некромантии. Надо действовать резко! Например — вдвое увеличить время медитации, добавить физические нагрузки (это меня тренер по борьбе научил) и побольше общаться со знакомыми. Почему — нет? До конца занятий в Университете оставалось меньше месяца, практически все зачеты были сданы, а работа по алхимии так вообще уже отдана на рецензию. Золотая студенческая пора уходила в небытие, и, хотя она была для меня неласковой, я уже начинал испытывать ностальгию. К тому же, Четвертушку выписали из больницы (он так и не признался — за что), на прощение ему тоже велели общаться, но Сэм, понятное дело, слинял, а старая тусовка шарахалась от Рона, как от прокаженного — все опасались, что внимание Искусников переметнется на них.

— Том, ты не представляешь, как здорово иметь среди знакомых черного! — искренне умилялся Четвертушка. — Вы совершенно непрошибаемая публика. Хоть что-то е сть незыблемое в жизни!

— Просто я трезво оцениваю возможности белых психопатов, — отношение Рона мне льстило, — единственный их ресурс — неожиданность. Именно поэтому я практически перестал пить.

Четвертушка мрачно кивнул:

— Испоганили весь кайф, собаки! Мать меня тоже запрягла от алкоголизма лечиться. Прикинь, к кому?

Я насмешливым фырчанием прокомментировал возможные последствия такого «лечения».

— Как жить? Кому верить?! — Четвертушка с трагическим видом опрокинул в себя остатки пива, — Вот что значит «темное время»!

— Время как время, — не согласился я.

— Угу, — он заговорщицки подвинулся ближе, — это мы здесь тихо сидим, а в восточных областях, прямо скажем, хреновато. Дядька говорил, что в правительстве выявились злоупотребления — какой-то деятель умудрился сократить тамошнюю «очистку» нафиг. Теперь народ оттуда прет со страшной силой (кому охота гулей целовать!), а каштадарцы угрожают ввести «ограниченный контингент», если мы не наведем там порядок.

— Пусть с этим столичные дяди разбираются — им за это деньги платят. А воевать с каштадарцами стенка на стенку сейчас никто не будет — времена не те.

— Тебе легко говорить, — усмехнулся Рон, — ты сам себе

«надзор», алхимическая поддержка и Гвардия Арака. Хорошо!

— Как сказать. Я еще два года фонду Роланда должен.

И это обстоятельство здорово портило мне настроение. Обычно фонд шел навстречу стипендиатам и соглашался на возмещение положенной отработки деньгами, но мне на это рассчитывать не приходилось. Пару вечеров таких размышлений и некромантическое благодушие вообще перестало на меня действовать. Результат не заставил себя ждать.

Полигон. Воскресенье. Птички поют (они еще не поняли, кто появился).

Только теперь я осознал всю глубинную мерзость происходящего: два взрослых, хорошо обученных боевых мага пинают бедного меня как мячик, и называют это «обучением». Где мой яд?!! Но аэрозоль опять остался дома (последний раз, точно говорю!) и отбиться от наставников мне было нечем. Зато острота ощущений возросла вдвое. Черные не испытывают страха, этого омерзительного ощущения, по слухам, парализующего способность сопротивляться и превращающего мышцы в кисель, но шкурку свою нежно любят. В присутствии сразу двух сильных противников боевой задор упорно не рождался (вероятно, они это учли), а желания совершать мучительное самоубийство у меня не было. Ощущение — как у оплеванного.

Темой занятия были амулеты. То есть, как раз у меня-то их и не было, моей задачей было определить, когда обычные плетения сменятся усиленной артефактом атакой, и выставить специализированный щит. В случае неудачи (а с первого раза такие вещи редко получаются), меня ожидал не смертельный, но очень неприятный эффект — заклятье на амулет Сатал, определенно, накладывал сам, и целило оно куда-то ниже пояса. Мстительная сволочь!

Знал бы он, чем это кончится…

Уловив, к чему идет дело, я обозлился и таки внес новшество в боевую магию — сформировал двухслойный щит: первый, более слабый слой пассивно принимал на себя удар враждебной магии и рвался, убеждая противника в успехе, но уж второй-то работал на отражение, причем, в такой момент, когда атакующий этого совсем не ожидал. Каюсь, я не задумывался, чем чреваты подобные шуточки, и искренне не сознавал уровня создаваемого мной проклятья — навстречу учителю метнулась хитроумная ловушка, достойная магистра магии.

И Сатал оплошал — помедлил с высвобождением плетения буквально на один миг (наверное, боялся всерьез меня покалечить), но этого было достаточно — гибнущее проклятье породило откат, ринувшийся назад по линиям Силы, целя в

своего создателя. Я начал действовать рефлекторно еще прежде, чем понял умом, что происходит. Ядовито-зеленые искры сплясали танец с фиолетовыми сполохами, и накопленная плетением энергия разрядилась красивой ветвистой молнией. И как завершающий аккорд — окружающая река подернулась легким туманом. Вот почему полигон находится на намывном острове — песок, вроде, сухой, но вода всего лишь в тридцати сантиметрах под ногами.

Прекрасный шанс избавиться от всех проблем был упущен.

— Эй! Чего это вы делаете? — подозрительно поинтересовался пожизненный капрал, стряхивая собственные плетения (но без столь драматического эффекта).

Сатал не ответил, медленно обтирая блестящее от пота лицо.

— Думаю, на сегодня мы закончили, — решился предположить я.

Сатал подошел ко мне, молча, пожал руку, потрепал по плечу и направился к пристани. Меня передернуло (ненавижу, когда за меня хватаются!), но возражать было неуместно: старший координатор с дрожащим голосом — позор для всей профессии.

— Знаешь, — резюмировал Фатун, ковыряя сапогом песок, — в дуэлях тебе лучше не участвовать. Разве что на кулачках.

Я вздохнул и сказал этому недоделанному полковнику все, что о нем думаю, самыми простыми и доступными словами. Мерзавец просиял, как медный таз, и поспешил следом за своим начальником.

Ну, довели они меня, довели!

Глава 6

— Гениально… — стонал старший координатор, пялясь в потолок пьяными от адреналинового шока глазами. — Гениально… А он с этими дурацкими амулетами носится!!

Чашка с чаем, забытая, остывала на столе. Черный маг уселся поперек кресла, закинув ноги едва ли не на спинку, и предавался эстетическим переживаниям. Кевинахари размышляла, не придется ли выводить его из транса чем-то более крепким, чем заварка.

— То есть, твою науку он усвоил? — уточнила она.

— Рона, мне его учить не просто нечему, но еще и опасно — он жонглирует чужими проклятьями, как мячиками! Я даже не знал, что такое возможно.

— Наверное, он применил что-то из некромантической практики, — предположила эмпатка.

— А считается, что некроманты — тихая публика!

— Что ж, теперь ты обогатился новым знанием.

— Первую-то часть, со щитом, я понял, — отмахнулся Сатал, — но вот вторую простым умом не понять. Точно говорю — жучара этот Чарак, сын дракона! Немудрено, что он столько лет продержался.

— Полагаю, ваши отношения можно переводить на платную основу.

— Ась? — не понял Сатал.

— Оклад своему ученику назначь, — пояснила эмпатка.

— Думаешь, это его ободрит?

— Ну, уж точно не огорчит!

— Хорошо. Конечно, сотрудник без печати мага…

— Дан!

— Понял, понял. Фиг с ней, с печатью! Такого боевика надо держать при себе, и плевать на формальности. Аксель прочухает, что за кадр у меня появился, мигом переманит. Да и остальные… Следят, понимаешь, как коршуны «все твое — мое»!

Кевинахари украдкой вздохнула. Ну вот, теперь ей придется бороться с собственническими инстинктами черного мага. Что ни день, то — свежее.

В дверь осторожно постучали.

— Ну? — отозвался Сатал, не изволив сменить позу.

В кабинет вошел офицер связи, отдал честь и положил на стол опечатанный пакет.

— Свободен!

Офицер снова козырнул и испарился. Сатал вздохнул,

спустил ноги на пол и распечатал конверт. Едва координатор начал читать, как всякие следы блаженного экстаза с его лица испарились.

— Вот как, — резюмировал он, толкая депешу в сторону эмпатки, — чего-то подобного я и ожидал все время.

— Ой-ой-ой! — тревожно протянула Кевинахари, пробежав глазами текст. — Зачем же так? Кому это было надо?!

— Вот найдем и спросим, — мрачно посулился старший координатор.

В понедельник у консьержа снова лежала записка — Чарак… раскланивался. Вот так вот — хоп! — и «обстоятельства вынуждают». На прощание он советовал мне изучать литературу и ни в коем случае не практиковаться самостоятельно.

Странно. Некромант казался мне серьезным господином, не склонным срываться с места без серьезной причины, но в записке загадочные «обстоятельства» никак не пояснялись. Я пошел за разъяснениями — Сатала не оказалось на месте. Ни его, ни капитана Бера, ни, что удивительнее всего, Кевинахари, а никаких других ответственных лиц в управлении я не знал.

Может, он обиделся за вчерашнее (типа, за то, что я недооценил его способность отразить атаку) и Кевинахари его где-нибудь утешает? А капитан Бер стоит на стреме… Тьфу, лезет же всякая дурь в голову! Я решил сделать вид, что их отношение меня ничуть не задевает. Можно подумать, мне без них заняться нечем!

Через три дня внезапная смена приоритетов стала понятнее — в прессу просочились слухи об очередном демарше Искусников, случившемся далековато от Редстона, но с менее благополучным исходом. Двое сектантов проникли в обслугу училища Отдела Устранения и подсыпали яд в пищу курсантов. Видать, у них не только Фокс разбирался в травках! Погибли двенадцать учащихся, трое из которых были черными. Чувство самосохранения требовало от прессы единодушно негодовать — не так уж много черных магов желало приносить присягу, и даже самый дикий шовинист понимал, что «чистильщики», при всех их недостатках, жизненно необходимы обществу.

— Как же так можно? — всхлипывала студентка-белая, для своих страданий в студенческом кафе упорно избиравшая мой столик. — Они ведь учились защищать людей!

Я в очередной раз пожал плечами. Откуда мне знать, чем руководствуются психопаты? Меня больше беспокоила собственная судьба. В четверг будет сдан последний зачет, на дипломе по алхимии уже красовались все требуемые подписи и

печати, охранный амулет проходил испытание на моем мотоцикле, а что делать с магической практикой было по-прежнему непонятно. Они что, забыли обо мне, что ли?

В четверг я снова пошел в управление. Сяду у дверей и буду сидеть, пока они не появятся! Только какого начальника выбрать: формального или фактического? Сатал может ответить на все вопросы (или проклясть насмерть), а Бер с большей вероятностью появится на месте. Я решил ждать капитана.

В управлении, скажем так, было пустовато. Откуда мне было знать, что Сатал поймал за хвост какого-то безумно крутого Искусника и весь редстонский НЗАМИПС в полном составе третий день прочесывает юго-восточные окраины? Лично мне показалось, что я спутал день недели или забыл о каком-то празднике. И тут на лестницу передо мной выкатилась шумная компания в разномастных мундирах — жандармы, «надзоровцы» и даже какой-то армейский чин. Все были сильно возбуждены, махали руками и отчаянно ругались.

Внезапно один из них заметил меня.

— Вот! Он!!! — завопил полицейский, тыча в меня пальцем.

Я прижался к стене и приготовился швырнуть в них боевым плетением. Живым не дамся!

— Он — ученик Сатала! — развил свою мысль несчастный.

Никому не надо было объяснять, какой именно маг может обучаться у старшего координатора. Люди резко замолчали и напряженно уставились на меня, с безопасного расстояния.

— Э-э… Это правда? — уточнил армейский чин.

— Что именно?

— Вы — маг?

— Да! — не стал я отрицать очевидного. Возможно, это их образумит.

Все возбужденно зашевелились.

— Пойдемте скорей! Нужна ваша помощь.

— Куда? — подозрительно переспросил я.

— В начальной школе Финклера взяли заложников, — прорвало жандарма, — а на месте ни одного чародея! Где их носит в такое время?!!

Ха, значит, не одного меня мучает этот вопрос! Я позволил им усадить себя в нетерпеливо завывающий мотором автомобиль. В конце концов, место, где захватили заложников, это такое место, где кто-то из начальства появится обязательно. Если этот бардак закончится, Сатал ведь найдет минутку поговорить со мной, верно?

Начальная школа Финклера располагалась в дешевом пригороде на севере Редстона и представляла собой простое

четырехэтажное здание, втиснутое в линию из таких же непритязательных кирпичных домов. У нее даже двора не было — полицейское оцепление устроилось прямо на тротуаре, а праздные зеваки наблюдали за действом из окон собственных квартир. Они мне так и запомнились: на подоконниках — ящики с ранними цветами, а над ними — любопытные физиономии.

Это ничего, главное — журналистов пока нет.

С первого взгляда стало ясно, причем тут НЗАМИПС: на дверях и окнах первого этажа висело красновато-желтое марево отвращающих заклятий.

— Защита местная или они поставили?

— Местная! — руководивший осадой полицейский едва ли не плевался. — А один из них — сторож!!!

Мило. Интересно, это — часть долговременного плана или экспромт? Да пофиг!

— Делай что-нибудь! — прорычал полицейский.

Представители власти очень нервно реагируют, когда против них оказывается задействована магия.

Я прислушался — внутри здания ритмично пели. Да, что-то делать надо быстро — происходящее слишком уж похоже на ритуал. Вот только лезть в модифицированный (это факт!) «сторожем» периметр мне совершенно не хотелось. Будем импровизировать.

— Вы понимаете, что у меня еще нет печати мага? — сказал я для того, чтобы выиграть минутку на размышление.

— …! …!! …!!!

Ну и лексикон у этих копов!

— Сам такой, — спокойно сообщил я и подошел ближе, чтобы изучить преграду.

По первоначальной задумке периметр должен был всего лишь сообщать сторожу о проникновении посторонних, но потом кто-то (а конкретно — белый маг) поковырялся в структуре заклинания, и теперь оно могло поражать любое живое существо, которое к нему прикоснется, мощными болевыми импульсами.

Вот что бывает, когда экономят и пользуются трансмастером! Черный специалист сделал бы так, что систему невозможно было бы изменить.

— Нам надо войти!!! — не унимался полицейский.

— Иди или заткнись нафиг!

Собственно говоря, единственной проблемой этого периметра был размер и расположение (внутри здания) — для того, чтобы окружить его противозаклятием, мне потребовалось бы работать, пробиваясь сквозь стены соседних домов. Накрыть все здание мощным плетением, наплевав на здоровье находящихся внутри?

Собрать в Круг десять-двенадцать магов? Нет-нет, должно было существовать более простое и изящное решение, например, отправить внутрь мертвеца. Но где его взять? Сомневаюсь, что кто-то из полицейских столь самоотверженно относится к работе.

Впрочем, начальная школа — не банк Гугенцольгеров, и ключевой Знак, наверняка, расположен стандартно — недалеко от двери, в комнате охраны или около стола дежурного. Только руку протяни!

Мне нужна была мышь. Добыть ее оказалось легко, так как заклинания, отпугивающие грызунов, легко приспособить для того, чтобы их подманивать. Я отошел немного в сторону от галдящих и суетящихся людей (показав кулак сунувшемуся за мной жандарму), нашел отдушину, ведущую в подвал соседнего здания, и через минуту имел желаемое. Незаметно придушить добычу вообще было парой пустяков. Оставалось подыскать носитель для дезинтегрирующего заклинания.

Не дожидаясь возражений, я скрутил с мундира ближайшего копа медную пуговицу и заткнул в пасть трупа, а потом направил в крохотное тельце простейшее реанимирующее заклятье — двигательные функции и немного чувств, управлять мышью мне придется самому. Застукать на горячем меня не могли — анимированная тушка почти ничем не отличалась от настоящего зверька, а магов среди наблюдателей не было.

Мертвая мышь без проблем миновала периметр и просочилась в щель под входной дверью. Защита почти не мешала некромантическому плетению — оно было слишком тонким для нее, трудность представлял только на удивление странный (с человеческой точки зрения) способ передвижения. Труп со второго раза забрался на стол дежурного, не успевшие подсохнуть глазенки без труда разглядели выпуклый диск Знака. Одно прикосновение и литая медь рассыпалась порошком — просто и эффективно.

Марево над дверями погасло.

— За мной!

Не рассчитывая на грациозность копов, я погнал перед собой поглощающий звуки щит. Минус был в том, что мне тоже ничего не было слышно, зато наше появление превратилось для певунов в сюрприз. Я, не мешкая, шваркнул всех, стоявших вертикально, заранее подвешенным парализующим проклятьем, сидевших на полу детей даже не задело. Вот так и действует настоящий боевой маг! В смысле, быстро и не разбираясь. Большой актовый зал мгновенно наполнился сердитыми полицейскими. Я крутил головой в поисках какой-нибудь магии, но, что бы ни собирались учинить захватчики, времени им не хватило. Впрочем, не факт.

— Дети, поднимаемся, строимся парами и — на выход! Капрал, обеспечьте!

Полицейские на время отвлеклись от арестованных и занялись детьми. Это были, в основном, мальчики лет одиннадцати-двенадцати, кажется, хористы. Надеюсь, они не занимались здесь спевкой, а я не парализовал на их глазах любимую учительницу музыки — у детей будет нервное потрясение на всю оставшуюся жизнь. Хорошо еще, белых среди них нет.

Пока детей выводили на улицу, я прошелся по залу и нашел пяток Знаков, применения которых в данной конкретной ситуации не видел (что-то из стихии огня). Ну и фиг с ними, пусть эксперты разбираются! Почему за все управление должен работать один бедный студент? На улице обнаружилось, что к месту действия начинают прибывать журналисты, а никого из руководства по-прежнему нет. Пора линять отсюда, пока кто-нибудь из свидетелей не ткнул в меня пальцем.

Но я решил немного задержаться — посмотреть на пленных и насладиться своим триумфом. Из здания начали выводить арестованных, немного прочухавшихся после моего проклятья, накачанных блокиратором до ушей и упакованных по первому классу. Пятеро шли спокойно и выглядели немного удивленными, шестая — тощая девица с макияжем под лесную диву — сыпала такими ругательствами, что бывалые жандармы краснели и отворачивались. Тут она заметила меня и мгновенно вычислила причину своей головной боли (умная девочка!).

— Что б ты издох, проклятый выродок! Вам нас не одолеть!!! Пусть земля горит у вас под ногами! Пусть крысы жрут ваших детей! Что б вы захлебнулись в своих вонючих испражнениях, а говенная волна накрыла вас с головой!!

Я представил себе Сатала в описанном ей положении и ностальгически вздохнул.

Какая прелесть! А сколько экспрессии. Что может усладить слух черного лучше, чем бессильные проклятья врагов? Пока я умилялся, коп пару раз двинул девицу кулаком в ребра.

— Осторожнее, — пожурил я его, — она, все-таки, белая.

Мои слова, почему-то, шокировали обоих, и дальше они пошли в дивной гармонии, без воплей и сопротивления.

И что характерно — никто из руководства у школы так и не появился. Беспредел!

— Скажи, ты специально что-то делаешь, чтобы попадать в такие ситуации? — допытывался у меня Сатал.

Я отчаянно помотал головой, отрицая возмутительное

обвинение.

Низкое вечернее солнце пронизывало шторы, а ветерок из распахнутого окна теребил материю, позвякивая кольцами креплений. Все заинтересованные лица сидели в кабинете старшего координатора, и пили чай из запасов Кевинахари (интересно, откуда она берет его в таких количествах?). Капитан Бер выглядел измотанным, эмпатка — чрезвычайно довольной собой, а Фатун так, словно он только что спер чашку и теперь наслаждается краденым. Сатал выпил свой напиток залпом и теперь расхаживал по кабинету, напоминая большого важного ворона. Наверное, у него были свои способы бороться с напряжением.

— А что они собирались делать? — полюбопытствовал я. — Там ведь не было ни одного ребенка с Источником.

— Ритуал «огненного очищения», — пробормотал капитан, зыркнув на Сатала едва ли не с ненавистью. От хваленой невозмутимости Паровоза остались крохи.

— Я не мог снять с оцепления целую бригаду! — ощетинился координатор. — Они бы точно прорвались. В итоге, жертв оказалось бы еще больше!

— Не надо ссориться, — благодушно пропела Кевинахари, — давайте лучше праздновать успех!

Капитан уткнулся в чашку, а я порадовался, что не смог найти никого из начальников днем. Вот ужо они бы на мне оттянулись! Но — к делу:

— А у меня наставник куда-то слинял, — обиженно сообщил я.

— Знаю, — буркнул Сатал, — на него готовил покушение тот перец, которого мы сегодня скрутили. Посвященный! — глаза координатора лихорадочно блестели. — Взятый с оружием, оказавший сопротивление «надзору». Молодой и — без «ключа» на сердце. Ему-то я смогу развязать язык!

Угу. Например, тем амулетом, что бьет ниже пояса.

— А как же моя практика? Будем считать, что я справился?

Сатал мгновенно пришел в себя:

— Что значит «справился», если ты еще не приступал?

Тьфу, какой зануда!

— И когда я смогу к ней приступить, сэр? Времени не так уж много.

— Ты же, вроде, учишься еще две недели.

Не думал, что он в курсе.

— Последний зачет был сегодня утром, дальше — только консультации. А у меня работа уже готова, нужно только подписать, — осторожно намекнул я.

Старший координатор насмешливо фыркнул:

— Оставь, я почитаю! А сам собирайся, в воскресенье поедешь.

— Куда?

— Куда старшие товарищи направят, а пока — в столицу. Хотел быстрей? Будет тебе быстрей.

Ну, точно, беспредел! Эмпатка ободряюще улыбнулась, капитан покосился сочувственно, а Фатун оскалился и подмигнул. Я молча опрокинул в себя остатки чая. Просто невероятно, на что приходится идти черному магу ради достижения своих целей!

Глава 7

Сердце Ингерники дышало нестерпимым жаром. Солнечный свет преломлялся в дрожащем мареве воздуха, и город тонул в ослепительном сиянии полудня, сливался с землей белыми куполами зданий и узкими щелями улиц. Трансконтинентальный экспресс прибыл на центральный вокзал Хо-Карга по расписанию, и вместе с длинной вереницей вагонов в глубокую тень дебаркадера проник удушающий зной пустыни. Поезд казался заготовкой, только что вынутой из кузнечного горна, к нему даже боязно было подойти.

Старший куратор криминалистического отдела НЗАМИПС вытер платком мгновенно вспотевшее лицо, но водружать на голову остроконечную войлочную шапку не спешил. Вот, когда они выйдут под солнце, тогда… Впрочем, думать о необходимости идти днем по улице лишний раз не хотелось.

— Ну, вот, сейчас мы его увидим. Волнуешься?

Молодой человек рядом с ним отрицательно помотал головой.

— Это правильное отношение, Дэнис, — старый чиновник ободряюще улыбнулся, — возможно, ваше знакомство продлиться всю жизнь (всю твою жизнь), но не исключено, что несходство характеров обнаружится сразу. Я предпочел бы привлечь к делу более опытного куратора (не прими это на свой счет), но возраст нашего нового подопечного не позволяет обращаться за помощью к старикам. Черные так нервно относятся к иерархии…

Прибывшие пассажиры покидали поезд без спешки — экспресс стоял в столице три часа, готовясь к рывку через раскаленные пески, этот участок древнего караванного пути был совершенно безжизненным, и преодолевать его рекомендовалось ночью. Гостя они узнали сразу — молодой черный (без заметных признаков занятия магией) вышел на перрон в сопровождении огромного лохматого пса, следом за ним носильщик катил чудовищных размеров чемодан на колесиках. На лице юноши лежала печать жестокой незаслуженной обиды и пребывала она там довольно давно. Оба куратора тяжело вздохнули — что такое черный маг в скверном расположении духа они знали не понаслышке. Дэнис поспешил придать лицу ТО САМОЕ выражение, которому стажеров Службы Поддержки учили в первую очередь — смесь рассеянности и дружелюбия, с легким налетом дибилизма (так уж получилось, что именно такая гримаса гарантированно не вызывала у черных агрессии). Эмпаты входили в нужное состояние инстинктивно, а вот обычным людям

для этого требовалась много тренироваться, но абы кого на должность куратора не брали — Служба Поддержки была вторым по важности изобретением НЗАМИПС после модулирующего знака.

Дойдя до конца перрона, маг замедлил шаг и мгновенно выделил их среди встречающих. Старший коллега Дэниса расцвел простодушной улыбкой и начал кланяться как заводной.

— Мистер Тангор? Добрый день, сэр! Мы рады приветствовать вас в столице Ингерники Хо-Карге!!! Я — Арен Фелистер, а это мой помощник, Дэнис Рокем.

Маг рассматривал чиновника с опасливым подозрением (так смотрят на незнакомого идиота). Типичного для черных выражения напористого нахальства на его лице не было, но кураторов это совсем не радовало — если боевой маг не хамит всем напропалую, значит, он сосредотачивается для атаки.

— Как добирались? — мгновенно перестроился старший куратор, теперь в его голосе зазвучали подобострастные нотки.

Дэнис знал, что Фелистер сознательно перебирает возможные варианты поведения, чтобы дать молодому коллеге пронаблюдать реакцию подопечного и действовать уже без ошибок. Пока результат не впечатлял: вся поза черного — положение «вольно», челюсть вперед, нижняя губа оттопырена — свидетельствовало о том, что его мнение о столичных жителях стремится к уровню плинтуса.

— Может, сначала перекусим? — Дэнис решился предложить еще один беспроигрышный вариант (халявная пища для черных — почти культ), — тут недалеко отличный погребок.

Молодой маг скосил глаза вниз. Нет, они с Дэнисом были практически одного роста, но ощущение обращения к нижестоящему было почти физическим. Только черный может вот так, одним взглядом указать человеку его место.

— Неплохая идея!

Не тратя зря времени, Дэнис отобрал у носильщика чемодан и пошел вперед, указывая дорогу.

До дверей заветного погребка от вокзала было не более двух сотен метров, но этого хватило, чтобы произвести на приезжего северянина неизгладимое впечатление.

— Да-а… — потрясенно протянул маг, медленно приходя в себя в полутьме харчевни. — Я, конечно, знал про климат, но что б такое…

— О, не волнуйтесь! — заторопился Фелистер. — Это сейчас на солнце за сорок, а ночью температура будет около десяти.

— Как же здесь люди живут? — поразился северянин.

— В основном, ночью, — старший куратор задумчиво почесал

нос, — а собачка не перегреется?

Маг покосился на зверя:

— Разве что протухнет. Кстати, мне надо его искупать!

Дэнис припомнил подробности прочитанного накануне досье. Теоретические возможности некромантии кураторы изучали очень подробно, но поднять наделенного независимым сознанием зомби под силу было только патриархам, которые бесплатных представлений не устраивали. Немудрено, что мистер Фелистер лично поехал на встречу с новичком — такой потенциал! Мертвый пес, определенно, заметил внимание к себе и вывалил из пасти синий сморщенный язык.

Тем временем старший куратор пытался развить успех: убедить черного ближайшие пару дней не пить, не гулять и вообще — вести себя тихо. Причем сделать это надо было так, чтобы гость не воспринял здравые, в общем-то, предложения как попытку ограничить его свободу.

— Отдохнете, акклиматизируетесь, — ворковал он, — к смене часового пояса тоже надо привыкнуть.

Удержать северянина на месте было принципиально важно: только на памяти Дэниса двое приезжих получили тепловой удар, трое — простудились, а один загремел в лечебницу с инфарктом, полученным вследствие обильных возлияний.

— А куда потом? — деловито поинтересовался маг. Он благосклонно воспринял холодный зеленый чай и теперь внимательно изучал меню заведения.

— Снятая министерством квартира…

— Я имею в виду конечную цель моей командировки.

— Вы узнаете ее на встрече с руководством службы, в понедельник. И у вас еще будет время осмотреть город.

Черный снова начал раздражаться.

— Я серьезно спрашиваю! Мне надо знать, куда отправить багаж. Состав прибудет через два дня, и мне не хотелось бы тратиться на аренду склада.

Дэнис честно попытался представить, что такое мог взять с собой черный маг, что это потребовалось везти грузовым поездом, но воображение отказывало. Да что угодно! Некроманты славились экстравагантностью.

— Мы обеспечим место для хранения, — чуть дрогнувшим голосом объявил Фелистер.

— Клево! — обрадовалось восходящее светило некромантии, — и химикаты купите?

— Э-э?

— Для зомби.

Дэнис воровато огляделся по сторонам. Нет, вроде никто не

слышал. Черных магов в столице было мало (что им здесь делать?), а вот разговоров про них последнее время велось много.

— В служебной гостинице министерства вы получите все необходимое, — твердо обещал старший куратор, и можно было с уверенностью сказать, что искомое окажется на месте, даже если конкретно сейчас Фелистер не имел о нем ни малейшего понятия.

Маг выложил на стол сложенную вчетверо бумажку.

— Список, — серьезно пояснил он, — и еще ванну, большую.

Улыбка чиновника стала немного затравленной. Дэнис мысленно пробежался по характеристике, составленной ведущим куратором северо-западного региона — по ее мнению Томас Тангор был уравновешен, трудно управляем и упорен в достижении своих целей. Все черные чрезвычайно упертые люди, а если специалист счел необходимым подчеркнуть это качество особо… Обычно, в столь сложных случаях сопровождение мага доверяли эмпатам, но требовать от белого всюду следовать за некромантом было сродни покушению на убийство — зрелище запрещенной ворожбы разило несчастных наповал.

— Мне вызвать для вас машину? — обреченно поинтересовался Фелистер, изучая список необходимых веществ.

Маг едва не подавился салатом.

— А до вечера это не подождет?

— Да, да, — встрепенулся Дэнис, — до заката всего пара часов.

— В таком случае, я оставлю с вами моего помощника, — безжалостно резюмировал старший куратор, — он обеспечит вас транспортом и передаст ключи. У вас есть еще какие-либо пожелания? — Черный помотал головой. — Приятно провести вечер!

Рассматривая удаляющуюся спину своего начальника, Дэнис подумал, что его первое самостоятельное задание может оказаться не таким уж забавным. Живо припомнилась любимая поговорка Службы Поддержки: «Все знают, что нелегко иметь дело с черными магами, но только кураторы знают, НАСКОЛЬКО это нелегко».

Некромант закончил трапезу, заказал свежих газет и еще чаю, после чего углубился в чтение. Дэнис усердно изображал еще одного зомби. Это было не трудно — гиперактивных людей в Службу Поддержки не брали. Где-то через полчаса черный вспомнил о наличии собеседника.

— Скажите, уважаемый, а Искусники у вас в городе есть?

— Есть, — не стал отрицать Дэнис.

— И что вы с ними делаете?

Молодой куратор попытался кратко обобщить события

нескольких последних месяцев.

— Ведем борьбу за умы. Они распускают слухи, мы их опровергаем и занимаемся просветительской работой. В общем, как везде.

Маг недоверчиво хмыкнул.

— У нас за три года скрутили пару Посвященных, а мелочи вообще без счета. Ты как, в курсе дел или только газеты читаешь?

— В курсе всех дел быть нельзя, — Дэнис философски отнесся к недоверию черного, — в столице они ведут себя тише, тут за каждым углом по жандарму, а за некоторыми и по два. Простора нет!

Черный неопределенно дернул бровью и вернулся к чтению. Надо будет дополнить характеристику в досье: «упорен и предусмотрителен». Как много боевых магов интересуется заранее, в каком окружении им придется действовать?

— Старшой упомянул служебную гостиницу… Это как?

— Это скорее многоквартирный дом, в местных традициях, без кухни и ванной.

Руководство министерства было бы радо сэкономить на гостях, но попытка разместить заезжих черных в одной казарме закончилась бы массовым побоищем. Приезд на чужую территорию и так приводил их в крайнее возбуждение, а если на периферии зрения еще и постоянно маячили коллеги, то даже прошедшие армейскую муштру колдуны начинали хамить и задираться.

Маг вычленил главное:

— А где же мыться?

— В столице принято мыться в специальных заведениях, именуемых купальнями.

И цены в них учили экономить драгоценную воду гораздо лучше любой проповеди: вода в город поступала по акведуку, пропускная способность которого была велика, но не беспредельна. В случае проблем от водозабора в первую очередь отключали общественные помывочные. Но зачем северянину знать тонкости?

— Гм. Оригинально. Женщины и мужчины вместе?

— Нет, в разных отделениях. Иногда — в разные дни.

Маг поскучнел, но ненадолго. Разговор сполз на достопримечательности, причем нормальные развлечения (верблюжьи бега и собачьи бои) черного не интересовали, зато нездоровое внимание привлек театр драмы.

— А что там идет? — оживился Тангор.

— «Заклятье радуги», — опешил куратор. С таким интересом он сталкивался в первый раз.

— Про что?

— Про темные века, — выкрутился Дэнис (заядлым театралом он никогда не был).

— Билет купишь?

— Сомневаюсь, — признался куратор, — вторая неделя после премьеры.

Смириться с тем, что следующим интересом черного были книги, оказалось уже проще. Клятвенно обещав записать Тангора в знаменитую столичную библиотеку (и пусть Фелистер сам думает, как это сделать), Дэнис твердо решил зажечь лампаду духам предков и пожертвовать ароматическую палочку Хранителю Пустыни — экзотические интересы подопечного не сулили его куратору ничего, кроме головной боли. Но контакт был налажен, и время до заката пролетело незаметно, а когда на раскаленные улицы Хо-Карга опустилась тень, за ними приехал обещанный Фелистером транспорт. Тангор воспитанно постелил на сиденье тряпочку и запустил на нее пса-зомби, игнорируя недовольные взгляды водителя. Дэнис в одиночку затолкал в багажник гигантский чемодан, и министерский автомобиль (громоздкое чудовище с тепловым насосом на крыше) неторопливо покатил по улицам, в окружении конных фаэтонов, зеркально-белых лимузинов и невероятного количества рикш.

Столица словно выходила из оцепенения — на недавно тихих улицах раздавались крики зазывал, визгливые сигналы клаксонов, смех и ропот тысячи голосов. В салон звуки долетали приглушенными, от пса-зомби тонко пахло ландышами, от некроманта вообще ничем не пахло, и Дэнис начинал испытывать к нему подсознательное уважение. Может, и не плохо, что придется работать в выходные? Зато премия будет большая. Тангор выглядел исключительно благовоспитанным магом, а в его странных интересах даже есть плюс — можно открыть для себя что-то новое.

И все же, когда автомобиль подкатил к служебной гостинице НЗАМИПС, Дэнис испытал невероятное облегчение — осталось поместить некроманта в его комнату, указать направление на купальню и столовую (хотя вряд ли он сегодня до них соберется) и можно забыть о работе до завтрашнего утра.

Отсчитав третий подъезд от торца здания, куратор со всей возможной поспешностью поволок туда вещи своего подопечного, а вот Тангор никуда не торопился, внимательно оглядываясь по сторонам, словно ища подвох. В итоге, черный оказался прав — при их приближении дверь подъезда распахнулась пинком, на пороге возникла мрачная личность в фуражке, на одежде незнакомца белели флуоресцирующими нитями офицерские

знаки различия. Дэнис шарахнулся прочь, мигом утянув за собой чемодан — такое характерное расположение нашивок их заставляли заучивать наизусть. Из глубины подъезда, с достоинством горного льва выступил боевой маг в чине полковника армии и, не глянув по сторонам, удалился в сторону стоянки служебного транспорта. Тангор аккуратно посторонился, проводив коллегу внимательным взглядом из-под ресниц. Куратор перевел дух (повезло нарваться на соседа!) и бесстрашно вошел в здание — других жильцов в двухквартирном подъезде не могло быть в принципе.

Испугать черного мага почти невозможно (разве что пригрозить выставить его идиотом), а на все прочие неожиданности они реагируют по-своему — резким и немотивированным ухудшением характера. Битый час начинающий некромант оттягивался на несчастном кураторе за пережитое потрясение: дотошно проверял качество реактивов, доставленных Фелистером, наличие простыней и салфеток в номере, а также бадьи для зомби и воды в ней (последнее было не лишено смысла). Наконец, придраться стало не к чему, и Тангор неопределенно помахал рукой. Повторять ему не пришлось — Дэнис мгновенно оказался за дверью.

— С почином! — старший куратор терпеливо ждал его у подъезда. — Как он там?

— При входе напнулись на соседа, — пояснил Дэнис.

Начальник сочувственно покачал головой.

— Бывает. Что у вас завтра?

Дэнис перечислил феерические планы своего подопечного.

— И еще ему карта города нужна, с указанием всех улиц.

— Будет, — обещал мистер Фелистер, — постарайся убедить его не таскать с собой зверя. В библиотеку еще туда-сюда, а вот в ботанический сад его не пустят с собакой ни при каких условиях. Кстати, ты уверен про ботанический сад? — Дэнис мрачно кивнул. — Странный интерес.

— Не то слово.

— Пусть побегает, утомится, в понедельник будет вести себя спокойнее.

Дэнис согласно покивал и поплелся к выходу с территории — боевым магом он не был, и служебного транспорта ему не полагалось, а нанимать каждый раз рикшу дороговато — в Старый Квартал проще дойти пешком.

Город вокруг бурлил, город сверкал огнями, словно пытаясь вернуть небу ярость дневного светила. С приходом сумерек улицы наполнились людьми — в середине лета столица почти полностью переходила на ночной образ жизни. Чинно

прогуливались щеголи в ярко расшитых халатах, клерки в костюмах спешили по домам, вокруг весело гомонил прочий люд, мало заботящийся о соблюдении стилей. И над всей этой суетой настойчиво витал ЗАПАХ.

Дэнис, как урожденный хокаргец, безошибочно различал душок, исходящий от пропотевших вещей и не мытого человеческого тела — для столичного жителя это был верный признак нищеты и болезни. Последний год сладковатый смрад обнаруживался повсюду, навязчивый, как дервиш — его принесли с собой толпы выходцев с восточного побережья, буквально наводнившие город. Эти бедняги, неготовые к дороговизне столичной жизни, брались за любую работу и ютились по подвалам среди жуткой антисанитарии, пугая городские власти призраком новой чумы.

В кулуарах управления поговаривали, что столичная группировка войск увеличена вдвое и только за счет северян, а на обезлюдевшие земли кантона Аранген армия выдвигается как на территорию противника. Каштадарцы массово скупают у беженцев детей с признаками Источника, а население подвергшихся нашествию чужаков регионов ропщет, требуя от несчастных убираться назад.

«Почему бы им было не передохнуть на месте!» — невольно подумал Дэнис, столкнувшись в толпе с неопрятным бродягой, и тут же устыдился своих мыслей — он считал себя человеком гуманным и просвещенным. Вот только эта вонь… Она просто сводила его с ума.

Всю жизнь мечтал посетить столицу летом. Вот спал и видел — попасть в пустыню по самой жаре. Спрашиваете, каким образом столица Ингерники оказалась в таком гадком месте? Наверное, потому, что после развлечений короля Гирейна и отцов-инквизиторов Хо-Карг остался единственным (вообще — единственным) городом бывшего королевства Ингерланд. И все равно, можно было выбрать место получше.

Тепловой насос на крыше поезда трудился из последних сил, ощущение было как у бифштекса, путешествующего через духовку. Разглядывая в окно поезда соляные чеки, в которых с незапамятных времен добывали селитру, я размышлял о том, что город, основанный рабами и каторжанами, не может прийтись по душе черному магу. В принципе, так бы и оказалось, но… Какой же тут сервис!!

На платформе меня встречали два олуха из местного «надзора», изображающих из себя радушных хозяев. Мне почти сразу удалось сбагрить им чемодан, основным достоинством

которого была свинцовая зачарованная прокладка в днище, скрывавшая от посторонних глаз дядькину книгу (заодно, если кому-то придет в голову проинспектировать хранящиеся там снадобья, можно будет сказать, что это — не мое). Жить сразу стало легче (в буквальном смысле). Потом был бесплатный ужин. Да, да, да! Намеков делать не пришлось — сами оплатили и не поморщились.

Вот, значит, каково быть настоящим магом, крутым и черным. Понравилось! Потом была машина с личным шофером, бесплатные реактивы, комплект носков моего размера и тапочки в номере. Настроение испортило только то, что я оказался не один такой.

С утра пораньше решил опробовать местную купальню. Немного непривычно: душа нет, одни тазики. Зато есть общий бассейн. В первый раз увидел, как четыре черных мага проводят время совместно и не ссорятся. Двое «чистильщиков» (этих по мордам узнаешь всегда) вяло проклинали какую-то комиссию. Поджарый маг (судя по мускулатуре и специфическом загару — из армейских) медитировал с мокрой тряпочкой на голове. Пожилой чародей непонятной специализации печально сидел на приступочке в углу бассейна (как вспомнишь, что творится днем на улице, так тоже погрустнеешь). Я нежился среди воздушных пузырьков около часа, пока Макс отмокал в бадье под лестницей, а когда вернулся, обнаружил рядом с моим зомби давешнего соседа. Пришлось сыграть в немого трагика, мужик внял и отвалил.

Потом был завтрак, он же и обед. Вкусно, много и ни грамма выпивки, даже пива не подавали. Естественно, сожрав свои порции, все черные моментально разбегались искать заведение повеселее, зато в углу обнаружилась компания эмпатов, чинно вкушающая зеленый чай и, похоже, намеренная провести за этим занятием весь день.

Подумал, и остался пить чай с эмпатами — бегать по такой жаре было выше моих сил. Здесь меня нашел этот местный не то — шпик, не то — экскурсовод, и принес план города. Стало веселее. Пока не спала жара (этот момент легко определялся по уходу эмпатов), я сидел и методично просматривал карту на предмет любых названий, связанных с театром, баснями, ботаникой и непосредственно Пьеро Сохане. Наконец-то у меня появился шанс разрешить навязшую в зубах загадку! Письмо, стоившее жизни моему дяде, определенно содержало в себе ребус, который, с точки зрения пославшего, должен был быть понятен адресату интуитивно. Я знал дядю Гордона пятнадцать лет, следовательно, имел все шансы понять ход его мыслей.

Просто мне предстояло немного дольше провозиться, возможно, посетить несколько мест, а потом «драгоценный друг» будет просто счастлив рассказать, что это такое он «торжественно хранил» «преемственности ради». Но Хо-Карг оказался огромным городом, и необходимых ассоциаций сходу набралось за три десятка, я старательно записывал их на бумаге, которую принесли по первому требованию (какой сервис!). К концу изысканий голова стала похожа на чугунный шар.

Вечером лечил нервы, гуляя по сувенирным магазинам с экскурсоводом. Пытался вспомнить, как этого парня зовут (неудобно все-таки). Поздно ночью вернулся в номер и вывел Макса погулять (физической нужды у него нет, но бегать ему нравится). Возвращаясь, обнаружил у подъезда трех боевых магов — сидели и делали вид, что они ни при чем (скамейку откуда-то приперли). Притворился, что я их в упор не замечаю — не люблю армейских, нудные они.

— Нет, сегодня я его не видел. … Нет, это не разумно. Вокруг толчется слишком много народа. … Откуда мне знать, может у бойцов Зертака фестиваль? … Все это лучше будет сделать в понедельник. … У него — охранный монстр, я позволю себе напомнить. … До свидания, сэр.

Глава 8

Утром понедельника Дэниса отловил приятель из отдела, курирующего военных экспертов (сейчас эта публика шла в Аранген потоком, и работы в отделе было завались).

— Ты, это, поосторожнее там! У наших слух прошел, что некроманты подняли зомби, теперь Зертак носится с идеей опробовать его в боевых условиях. Если что, сразу дави «манок» и падай плашмя — плетения выше пройдут.

При мысли о битве чародеев Дэниса передернуло. Надо надеяться, кураторы сумеют удержать своих подопечных в рамках приличия, и они не подвергнут риску жизнь гражданского персонала. Тем более что спасаться бегством Дэнис был не способен физически: вчера вечером он так вымотался, что по возвращении домой заснул прямо в купальне. Давно с ним такого не было! А все почему? Потому что молодой и энергичный некромант до поздней ночи носился по мелочным лавкам как заводной. Его добычей стали: большая розовощекая кукла, отрез материи с очень миленькими цветочками, моток кружева и две здоровенные иллюстрированные книжки сказок (естественно, таскать все это пришлось Дэнису). Для кого Тангор старается, было непонятно (по документам детей у него еще не было), но черный ребенок не прикоснулся бы к таким подаркам даже под страхом смерти.

Куратор опасался, что мага придется вытаскивать из номера волоком. Отнюдь: Тангор пришел в управление сам и вовремя, не хамил, не скандалил и старательно выполнял указания ассистентов. Ну, просто ангельский характер! Правда, заполнять анкету в трех экземплярах маг отказался категорически и, по быстрому накидав ответы, посадил Дэниса за переписывание. Куратор не возражал — по чистописанию у него всегда было отлично.

Когда в кабинет аккуратно, но без стука, зашел невысокий человек в строгом сером костюме (униформе Службы Безопасности) Дэнис даже обрадовался — подопечный не будет скучать, следовательно, на подвиги его не потянет.

— Добрый день, мистер Тангор, — поздоровался офицер, — уже заканчиваете?

— Пишем.

Дэнис тихо вздохнул, старательно выводя в нужной графе название задрипанной краухардской деревушки и к нему — пространные пояснения в скобочках (одноименных селений в горах было десятка три). К завязавшемуся негромкому разговору

куратор не прислушивался, чтобы не наделать огрехов в незнакомых словах. Он как раз заканчивал заполнять второй лист, когда по нервам прошлась волна неприятной дрожи, другой и внимания бы не обратил, но на курсах Службы Поддержки обычных людей старательно учили различать признаки, свидетельствующие о присутствии Источника. Заметить магию простому человеку было сложно, но можно, и как раз сейчас рядом кто-то собирался ворожить.

— … а тот, кому чего-то не хватает, сейчас получит в морду, — очень вежливо произнес Тангор, продолжая неторопливую беседу.

Из-за несоответствия тона до Дэниса не сразу дошел смысл сказанного.

— Неприятностей не боишься? — почти прошипел офицер.

— Трупы мстить не умеют! — безапелляционно заявил начинающий некромант.

Куратор заполошно вскинулся и от увиденного взмок — за считанные мгновения спокойный разговор превратился в жестокое противостояние. Черные в упор сверлили друг друга взглядами, почтенный офицер неестественно изогнулся и прижал руку к груди в подозрительном жесте. Тангор на жесты не тратился, на его лице цвела не лишенная обаяния, но совершенно безумная улыбка, глаза почти лишились радужки, превратившись в огромные, наполненные яростью зрачки. В ход вот-вот должны были пойти Источники.

«Уже пора падать плашмя?» — невольно подумалось Дэнису. Его учили убалтывать одного мага, ему не говорили, что делать, если инициаторов у конфликта двое.

— Сатал плохо дрессирует своих щенков, — пробормотал офицер.

— Протестую! Учитель преподал мне все, что знал.

Дэнис не сразу понял, что старший маг сдает позиции. Пятясь спиной и не отрывая взгляда от противника, он добрался до двери, налетев на косяк, и выкатился в коридор. Тангор задумчиво смотрел ему вслед. Вот так, наверное, и выглядели в жизни знаменитые Магистры, о которых Дэнис пока только слышал.

— Дурачок, — резюмировал некромант поведение своего противника, — надеюсь, на сегодня цирк закончен.

В последнем Дэнис был не уверен — в кабинет, между делом, заглянула какая-то неопознанная личность, а в коридоре нехарактерно энергично топотали. «Значит, все-таки были Источники».

— Да ты не ссы, — маг изволил заметить его реакцию, — мы

пошутили.

Шутка вышла не смешной, но вот послабило Дэниса от нее изрядно. Оставлять подопечного сейчас было бы верхом непрофессионализма, и куратор мученически вздохнул.

— Может, перекусим?

— Хорошая идея!

Убедившись, что черный маг занят пищей, Дэнис мило улыбнулся и улизнул. На выходе из туалета его уже ждал вездесущий Фелистер.

— Докладывайте!

— Офицер из безопасности что-то не поделил с Тангором. Сути претензий я не понял, конфликт почти сразу перешел на силовой уровень. Столкнувшись с противодействием, офицер отступил.

Фелистер кивнул, удовлетворенный его анализом.

— Хорошо. Можно надеяться, что поднимать скандал Ларкес не станет — когда черным что-то не нравится, они попросту перестают об этом думать. Полезное качество!

— Я должен был действовать иначе?

— Нет-нет! Как куратор ты можешь предотвратить случайные конфликты, участники которых загнали себя в ловушку гордости и рады выкрутиться без потерь. Когда черные нацелены на выяснение отношений, вмешаться невозможно, да и вредно — чем быстрее они подерутся, тем меньше потерь понесут окружающие. К счастью, между инициированными такое происходит редко, маги предпочитают повышать свой статус более надежными способами.

Расслышав слово «редко», Дэнис повеселел:

— Ну, тогда я пошел!

— Будете составлять отчет, опишите инцидент максимально подробно. Сделайте наброски сегодня вечером, пока все не забылось, — напутствовал его мудрый начальник.

Маг встретил его немного насмешливым взглядом, который Дэнис старательно игнорировал. Это постэффекты — у черного кровь бродит. Не хватало еще позволить втянуть себя в выяснение отношений: в лучшем случае — побьют.

В понедельник полдня посветил дебильному занятию — меня регистрировали как некроманта. Знаете, как это теперь называется? Специалист по ретроспективной анимации. Ни в жизнь бы не догадался! С меня списали еще один кристалл, изготовили фотопортрет и даже взяли пробу крови, а потом выдали набор методичек по правилам магической безопасности. С картинками. Я даже не придумал, что на это сказать.

Но у самых нудных бюрократических процедур есть предел (это я знал еще по Бухте Транка), причем, чтобы быстрее его достичь, проще сделать все по правилам, чем объяснять, почему не хочешь. До избавления было рукой подать, когда к веселью решил присоединиться еще один персонаж — черный маг в темно-сером костюме на манер того, в который любил одеваться Сатал (что-то типа униформы).

— Добрый день, — поздоровался чиновник.

Он был типичным городским черным, из тех, которых никогда не били за «дурной глаз» в слишком приличной школе, вежливые соседи не замечали намечающихся странностей ребенка, а родители не сподобились потратиться на эмпата. В итоге, из способного малыша выросло нечто вменяемое, но некоммуникабельное. Тембр голоса у него был приятный, а вот физиономия вызывала раздражение с первого взгляда, и даже то, что он, вроде бы, пытался вести себя дружелюбно, не помогало — владеть мимикой этот черный просто не умел. На кармашке пиджака у него висела маленькая табличка «Рем Ларкес». Правильный подход! Сразу можешь быть уверен, что никто не переврет твое имя, особенно — начальство. А не этому ли типу я обязан бешенными заработками на ниве изгоняющего нежить?

После первых приветственных фраз Рем Ларкес застыл столбом, тщательно обдумывая следующий шаг. В Краухарде за такое поведение дразнили сусликом и пинали под зад. Пару лет практики и ты приучался выражать свои мысли быстро и внятно, черный ты там или нет, а на тот случай, если думать все-таки приходилось, можно было придать лицу одухотворенное или угрожающее выражение.

— Предлагаю зайти ко мне в кабинет. Есть виски, — наконец разродился он.

— Спасибо, для виски рановато, — обломал я его и несколько секунд наслаждался произведенным замешательством.

— Мы можем встретиться позднее.

— Мы можем вообще не встречаться, — в тон отозвался я.

— У меня в кабинете можно обсудить важные вопросы без помех.

Мне даже стало забавно:

— А если я хочу обсуждать их с помехами?

Такое заявление вызвало у мага секундный ступор.

Наверное, это какой-то другой Ларкес. Не может быть, чтобы такой тормозной тип управлял регионом целых пятнадцать лет! И главное, я совершенно не мог понять, что он тут делает. Разговор ему явно не нравился, тем не менее, он не уходил и пытался что-то от меня добиться.

— В Редстоне вы сделали прекрасную карьеру, — вздохнул Ларкес. — Хотите ее продолжить?

— Нет.

Сказать ему, что я эту карьеру в гробу видал? Одна была минутная слабость — не уперся тогда рогом у Сатала, а теперь так охомутали, что не продохнуть. И никакого желания усугублять ситуацию я не имел.

— Вас не интересуют деньги? — удивился Ларкес.

— Спасибо, у меня есть.

Те времена, когда я готов был сплясать за крону, давно прошли, а начинать махинации перед самым окончанием Университета не имело никакого смысла.

Ларкес снова «сделал суслика». Это начинало меня раздражать. Я провел в этом дебильном учреждении больше четырех часов и надеялся, что скоро могу быть свободен. И тут появляется какой-то комик с предложением то ли — выпить, то ли — денег получить. Мне нужно не выпить, а вымыться!

— Я долгое время работал в Редстоне, — неожиданно сообщил маг, — и всегда пристально следил за успехами воспитанников Университета.

Он наклонил голову, ожидая моей реакции.

И тут я кое-что припомнил. Не тот ли это «старый босс» из-за которого Паровоз мой кристалл переписывал? Нет, конечно, я помню, что он за меня в некотором роде заступился, не дав делу ход, но это еще не повод качать права! Не для того я столько выеживался с Обретением. Поскольку по закону он был прав, а испытывать качество перезаписанного кристалла у меня желания не было, оставался только один проверенный способ вывернуться без потерь — довести дело до скандала, устроить драку, а потом любые претензии списывать на личную неприязнь. Итак, что нужно, чтобы гарантированно поссориться с черным? Подвергнуть сомнению его правоту, похвалиться своей удалью и пригрозить физическим насилием.

— Нужно было за Искусниками следить — вышло бы больше пользы. С моей помощью «надзор» спасает Редстон от последствий вашей работы, справляемся едва-едва. А тот, кому чего-то не хватает, сейчас получит в морду, — и я с наслаждением выпустил урчащего внутри зверя.

По возрасту Ларкес годился мне в отцы, если не в деды, но количество лет в таком деле у черных роли не играет. Для нас старшим является тот, кто доказал свое превосходство (силой, опытом, умом), кого не стоит раздражать и задевать без причины. Так вот, Ларкес у меня уважения не вызывал абсолютно, даже наоборот — над бывшим координатором хотелось утонченно

издеваться. А что? Нормальное желание, такое поведение у нас в крови. Предъявите ваши когти!

И тут оказалось, что вот этим, типичным для черного способом решать проблемы, Ларкес пользоваться не умеет.

— Сатал плохо дрессирует своих щенков, — обиженно пробормотал бывший координатор, словно какое-либо воспитание могло отменить черную натуру и обеспечить ему победу без борьбы.

— Протестую! Учитель преподал мне все, что знал.

Интересно, а пять дуэлей для боевого мага — это нормально? Надо было мне заранее выяснить репутацию своего наставника.

В принципе, я в любой момент готов был свернуть конфликт, повилять хвостом и изобразить раскаяние (такой ход часто помогает наладить отношения — взрослым черным нравится чувствовать себя на высоте). Но тут произошло невероятное — старший маг отступил. Он так и не призвал Источник, не создал даже самого завалящего щита, просто чтобы сохранить лицо. Слил конфликт и смылся в буквальном смысле слова — через дверь.

Что б я издох! Происшедшее привело меня к офигительному выводу — бывают черные, которые не умеют драться. Впрочем, на фоне воинственных белых это казалось почти логичным…

Кстати, а зачем он приходил? Хоть бы намекнул по-человечески.

— Дурачок.

Нельзя черному слишком много общаться с обычными людьми — это плохо сказывается на тонусе. Отослать Источник оказалось не трудно. Настоящей сложностью было игнорировать реакцию внутреннего жильца (шайбу!! шайбу!!) — Шороха мирное решение конфликта совершенно не устраивало. В его понимании, мы должны были сейчас кататься по полу, как ополоумевшие коты, и рвать друг друга, так сказать, подтверждая репутацию. Ох, доберусь я до него как-нибудь…

— Перекусим? — обреченно предложил казенный гид.

— Хорошая идея!

В принципе, черных нельзя назвать гурманами (нам главное — побольше и пожирнее), но съесть что-нибудь экзотическое — лучший способ расслабиться после применения Источника. Я заказал суп с клецками и полчаса вылавливал их из тарелки маленькой фарфоровой ложечкой. Занимательное блюдо!

Гид почти сразу куда-то смылся (наверное, сплетничать пошел). Выяснилось, что его зовут Дэнис (окликнул кто-то из знакомых). Надо будет записать, а позже — выяснить и фамилию. Вообще — странный тип. Нормальные люди, став свидетелями

конфликта черных магов, убегают быстро и не возвращаются, а этот меня в буфет повел — мысль работала в нужном направлении.

Вернулся, сел за стол и улыбается.

Вроде, он не белый. Не может быть, чтобы обычный человек вел себя так спокойно! Надо его раздразнить.

— Паршивый у вас город.

— Просто время для визита неудачное.

— Жарко.

— Только днем.

— Улицы тесные.

— Только ночью.

Однако, ноль — ноль.

— Я вот заметил, что вы приезжих недолюбливаете, — зашел я с другой стороны.

— Грязные они, — вздохнул Дэнис.

— А это принципиально?

Парень посмотрел на меня честными глазами.

— Знаете, в нашей мифологии у Хозяина Пустыни есть сестра, Чума. Споры серой гнили могут сохраняться веками, они всегда здесь — их носит ветер. Если позволить им укорениться на теле, они легко мутируют, и гниль начинает поедать человека живьем. Существовали штаммы, способные поглотить тело в течение суток, поэтому во Внутренней Пустыне не обитают теплокровные животные, вообще.

Мне никто о таком не говорил. Я мужественно подавил противоречивые желания (бежать в купальню, сматываться из города, закрыться в номере и не выходить), а потом старательно вытряхнул из головы неприятные мысли. Ну их нафиг! Никто не дергается, один я буду носиться, как наскипидаренный. Смешно, честное слово.

— Ладно, — резюмировал я, — пойдем посылку получать.

— Ась?

— Ты что, забыл? Твой шеф обещал мне склад арендовать.

Глазки у Дэниса забегали.

— Э-э… Да, но сначала надо промерить размеры…

— Ну, так пошли мерить!

Автомобилей на служебной стоянке не было и я рискнул взять фаэтон — разницы почти никакой, разве что комфорт пожиже. Все равно весь транспорт на столичных улицах передвигался со скоростью рикши, потому что именно тачками на колесах была запружена проезжая часть. На мой взгляд, это убивало саму идею автотранспорта.

Ничего, два колеса лучше четырех! А если еще и отключить

глушитель, то через пять минут ни одного рикши на улице не останется.

Пересылка в столицу мотоцикла была моим личным дипломатическим достижением. Единственной уступкой, на которую я пошел, была отправка агрегата не экспрессом, а грузовым почтовым поездом. Сколько же было воплей о том, что такие расходы в договор не входят! Но оправдание было железное — меня поперли со свалки.

Впрочем, оттуда поперли всех — полиции неожиданно пришло в голову наладить учет тамошних обитателей. Почему — сейчас? Почему они не могли потерпеть еще полгода?!! Мероприятие раздражало меня по сути и я проголосовал ногами — забрал Макса в квартиру (квартплата тут же возросла вдвое), а для мотоцикла снял небольшой гараж (угол в дровяном сарае, без замка). После ругани с домохозяйкой мне пришло в голову, что агрегат, наконец-то, можно использовать по назначению — как транспортное средство, потому что прятаться от кого-то уже просто глупо. Сейчас многие стали ездить на мотоциклах (мода пошла), а для пущей маскировки я нарисовал на черной эмали белые ромашки. Выглядело психоделически. Ракшат, в первый раз увидев ЭТО, впал в ступор и так заломил бровь, словно решил из черных в белые переписаться. А мне, знаете ли, фиолетово: если Искусники до сих пор не знают мое имя и адрес, то я — саориотский мандарин (человек, а не фрукт), зато теперь у меня всегда будет возможность быстро смыться. И, отправляясь в неведомую даль, я желал эту возможность сохранить.

Клерк проверил накладную и лично проводил нас в огороженную клеть.

Вот он, мой красавец! Я, с гордостью, покосился на Дэниса. Куратор задумчиво шевелил губами, почтовый служащий выглядел так, словно не знает — смеяться в голос или падать в обморок. Ну, не дебилы?

— Это — камуфляж, — пояснил я, — для сельской местности.

Служащий начал конвульсивно подергиваться. Пришлось продемонстрировать. Я вставил защитный амулет в гнездо и щелкнул по центральной бляшке — белая эмаль приобрела землисто-зеленый оттенок. У зрителей (клерка, двух грузчиков и одной уборщицы) отпали челюсти.

— Магия, — глубокомысленно заметил Дэнис.

— Нет, алхимия. Ну, и магия тоже. Долго объяснять! Поехали?

— Ась?

Как меня достает людская тупость!

— Места на складе нет, платить из своего кармана я не буду.

Отгоним агрегат к гостинице своим ходом. Залезай живей, едем пока светло, а то в темноте я здесь дорогу не найду даже по карте.

Мотоцикл рявкнул двигателем и бодро покатил вперед, прыгая по лестницам, ныряя в узкие проходы и ловко объезжая заторы по пешеходным дорожкам. Вот это по мне! Ехать до гостиницы оказалось пятнадцать минут, даже с учетом того, что я подкинул Дэниса к дому, а на машине мы, помнится, добирались минимум втрое дольше. Это такой столичный феномен: есть места, куда пешком дойти быстрее, чем доехать.

И вот что характерно: я отлучился из номера всего на полчаса (ополоснуться перед сном и чайку попить), а, вернувшись, обнаружил рядом с моим агрегатом пятерых (пять!) перевозбужденных магов (армейских, естественно). Судя по тому, что цвет у ромашек был красный, кто-то уже пробовал заводить.

Распинав всех, скинул тревожный сигнал и добавил звуковые эффекты, а потом, злорадно ухмыляясь, отправился спать. И Сила их оборони чего-нибудь открутить — найду и урою!

Глава 9

Не глупо ли? Когда Саталу не удалось выпихнуть меня из Редстона за три дня, он даже об Искусниках на время забыл от возмущения. Его послушать, так меня меньше, чем два года каторги за опоздание не ждало. Я был уверен, что начальство рвет и мечет, все сроки сгорели, а время — вышло. Ничуть не бывало! Заполнив папку моего дела и вручив мне опознавательный браслет, мистер Фелистер широко улыбнулся и предложил помощь Дэниса в осмотре столичных достопримечательностей. В ответ на мое недоумение последовала долгая и невразумительная речь о связи и безопасности.

Ну и фиг с ними! Пришло время заняться проблемой странной рукописи вплотную. Теперь, при наличии собственного транспорта, у меня был шанс проинспектировать все подозрительные места за один присест, без лишних трат и не особо напрягаясь. Поковырявшись с настройками, я придал ромашкам нежно голубой цвет. Дэнис поморщился:

— А чисто черный нельзя?

— Это ты о чем подумал?

Посадив навязчивого гида на багажник, я начал методично осматривать объекты из моего списка, начиная с самых удаленных.

Столица оказалась городом большим и хаотичным, даже планировка Михандрова содержала больше логики, несмотря на всю свою старину. Какого-то общего замысла в архитектуре не просматривалось, хотя создавалось ощущение, что раз или два застройку пытались упорядочить, но потом ситуация снова выходила из-под контроля. В результате, широкий проспект, раздвигающий кварталы старинной застройки, мог с ходу упереться в слепую площадь, а тесные улочки вились по холмам, прерываясь лестницами. В массивы безыскусных коробок из саманного кирпича врезались очаги деловой активности разных эпох — дворцы, храмы, комплексы правительственных зданий, стилизованные под новизну (как правило — все из того же кирпича, но с лучшей отделкой). И далеко на востоке, словно странный сон, нависали над горизонтом титанические арки акведука. Сложное сочетание непохожести и единообразия, почти прямых углов и неожиданно возникающих преград притупляло чувство направления — мне два раза пришлось пользоваться картой, хотя обычно топографическим кретинизмом я не страдал.

Мы сгоняли к старым солеварням, превращенным теперь в оранжереи, покрутились около местной ассенизационной

фабрики (никогда не привыкну к принципу использовать одну и ту же воду дважды), взглянули издали на Новый квартал, заселенный беженцами из Арангена. Подъезжать ближе я не стал — оттуда воняло, как из бродильного чана, если ответ на загадку прячется там — фиг с ней, с загадкой.

С поисками не клеилось. В основном, помеченные мной адреса не представляли собой ничего интересного, собственно, я ведь и не знал конкретно, что ищу. Если место было как-то связано с театром (где теоретически могла идти пьеса о Пьеро Сохане), то вокруг не было ничего ботанического, даже растительного орнамента. Если на объекте присутствовала зелень, то невозможно было связать его с чудаковатым белым отшельником. На что я рассчитывал? Сложно сказать. Но черные по природе очень упрямы и, начав дело, не бросают его на полпути.

В середине дня пришлось сделать перерыв на четыре часа, следуя местным традициям. Я намеревался провести жаркое время в столичной библиотеке, в поисках литературы по древним рукописям, но увидел в каталоге слово «ТЕХНОМАГИЯ» и пропал — до смерти захотелось узнать, что же это все-таки означает. В результате, поиски загадочного адресата пришлось отложить. Дэнис мирно сопел в кресле (чисто человеческая способность засыпать в самых неожиданных местах), а я старательно продирался через непонятные термины, естественно, не имеющие ничего общего с алхимией. Мне не давали покоя навеянные Шорохом сны о летающих агрегатах: они были или их не было? За книгами незаметно пролетел остаток дня.

По возвращении в гостиницу меня ждал сюрприз.

Смеркалось. У подъезда околачивались ставшие уже привычными наглые личности, какие-то олухи соревновались под окнами в художественном свисте, надеясь, что зомби заинтересуется и выглянет. И не надоест им… Связываться с бандой армейских магов мне не хотелось, но, если они не угомонятся сами, придется на них настучать. Я поднялся к себе за шлепанцами и полотенцем и почти сразу понял, что в номере что-то не так. Какая наглость! В моей гостиной, в моем кресле сидел какой-то чужой человек. Макс, клыкастый и молчаливый, стоял между ним и дверью (впустить посетителя зомби впустил, а вот выпускать явно не собирался). Все, сейчас буду бить! Я зажег свет. Незваным гостем оказался Рем Ларкес.

— Ты что, мужик, нарываешься?

Он осторожно поднялся из кресла:

— Добрый вечер, сэр. Мне необходимо с вами поговорить.

Я пытался поймать его взгляд, но он упорно смотрел куда-то

в угол. Неужели это Макс его так напугал? Черного? Не реально! Тогда — почему? Но потом до меня дошло: я просто не привык еще видеть эту позу со стороны. Встать боком, держать голову ниже и не смотреть в глаза — это же знаки подчинения, Ларкес вел себя со мной как со старшим. Со мной!!!

Тут-то я и понял, почему взрослых черных так развозит от парочки невинных жестов. Батюшки! Меня уважают!!! За это можно было простить не все, но многое. И физиономия его уже не казалась такой противной — могут же быть у человека странности.

— Ну, ладно, — пробурчал я без прежнего напора, — колись, что тебе от меня надо?

Он тяжело вздохнул:

— Мне приказано вас завербовать.

— Куда?

— В агенты Безопасности.

— Не выйдет.

— Ну, что вам стоит! — принялся канючить он. — Никто не узнает, это нигде не будет отражено.

— Тогда — зачем? Просто скажи, что было, и дело с концом.

— Министру нужен отчет о состоянии дел в восточных кантонах, из независимого источника.

— А я-то тут причем?

— Вы ведь направляетесь в Гилад, а это как раз там.

Ну-ка, ну-ка…

— Мне не сказали, куда я поеду.

По его лицу прошла странная судорога, я так понял — он попытался дернуть бровью.

— Фелистер ждет сообщения от штаба НЗАМИПС в Арангене, что они готовы вас принять. Поскольку прямой связи с ними нет, это может занять время.

!!! Это сколько же я буду туда добираться? Срок-то у договора не ограничен, а экзамены — в августе.

— Ускоришь?

— Постараюсь.

Вообще-то иметь знакомства в столице очень полезно, а отношения подчинения черных действуют надежней, чем человеческая дружба. При минимуме усилий Ларкес против меня не пойдет (характер в таком возрасте менять поздно) и будет у меня свой человек в министерстве…

— Можно подумать, как тебе помочь, — смягчился я. — Сильно пристали?

— Я не занимался агентурной работой, — опять дернулся Ларкес, — я — аналитик. Они там думают, что раз координатор,

то все делал сам.

Я прикинул плюсы и минусы затеи, возню с писаниной, полезность Ларкеса как такового и вынес заключение:

— За просто так не согласен.

— Сколько? — вздохнул бывший координатор.

— Деньги пофиг! Отработаешь натурой.

Ларкес задумчиво пошлепал губами (надо понимать, что он так хмурится):

— С этого места — подробней.

— Моего дядю убили, да и меня пытались убить. В Краухарде такого не прощают! Есть в столице один человечек, он должен что-то знать по этому делу. Поможешь найти — будет тебе отчет по Арангену.

— Конкретней, что произошло?

Обычному человеку я бы не рассказал, и даже белому — поостерегся, но младший черный — другое дело. Иерархия — это святое, под старших у нас копать не принято, наверное, потому, что дуэли колдунов слишком часто заканчиваются смертью — излишне хитрожопые быстро вымерли. Вот если его сила возрастет… Но Ларкесу такое не грозило.

— Можно посмотреть на объект? — деловито поинтересовался бывший координатор, выслушав мой рассказ о роковой посылке.

Я вынул из тайника книгу, он осмотрел ее, полистал, изучил защитные заклятья. Его лицо приобрело деловое, сосредоточенное выражение, и что характерно — местоположение тайных Знаков он находил гораздо быстрее, чем я.

— Почему его убили, я и так скажу, — пошлепал губами Ларкес. — Это список со «Слова о Короле», очень старый. Я бы даже не исключил, что перед нами оригинал.

— Продолжай.

Он вздохнул, то ли — удивляясь, то ли — насмешничая (несоответствие признаков эмоций напрягало):

— Это самая древняя рукопись в мире, точной датировке не поддается. Древние считали, что в «Слове о Короле» содержится вся правда о происхождении потусторонних сил, так сказать, записки демиурга. Согласно той же легенде, если «Слово» будет прочитано белым, то мир окажется в страшной опасности, но это сомнительно — рукопись совершенно непереводима. Существовало несколько старых списков, но считается, что для прочтения пригоден только оригинал.

Тут мне живо припомнилось поведение Шороха — он ведь не может читать, только воспроизвести воспоминания, связанные с конкретным предметом.

— Лет двадцать назад рукопись была объявлена национальным достоянием, но правительственным агентам не удалось выяснить, у кого конкретно она находится. Учитывая назначенную выкупную стоимость, на «Слово» началась настоящая охота, появилась масса фальшивых списков, потом к поискам подключились Искусники, и полилась кровь.

Опять Искусники! Это поразительно, как они умудряются постоянно путаться у меня под ногами. Ларкес многозначительно постучал пальцем по обложке:

— Не важно, список это или оригинал, убить могут и за то, и за другое. Пять лет назад, на пике интереса к «Слову», нападения на коллекционеров полиция смогла остановить только при помощи некромантов. Восемнадцать жертв! Я активно не рекомендую вам показывать рукопись специалистам и вообще — выражать интерес к древней литературе.

— Пофиг литературу, — я достал письмо и обертку, — тот, кто это послал, может знать имя заказчика.

Ларкесу не пришлось наводить справки, чтобы понять суть ребуса:

— Полагаю, вам нужен букинист, как-то связанный с садоводством, живущий в месте, на которое указывает комедия о Пьеро, — предположил маг-аналитик, — обратный порядок смыслов менее вероятен, так как слишком прост.

— Сделаешь — будет тебе отчет. Но собственным именем не подпишу!

— Это не существенно. Вы — образованный человек и легко соберете материал, необходимый для первичного анализа, — Ларкес в предвкушении потер руки. Что-то он слишком рано радуется! — Я приду завтра, часам к трем. В это время на улице мало народа.

— Как войдешь?

Тут он поманил меня к кладовке и показал в ней потайную дверцу, предположительно, выводящую на лестницу в подвал.

— Некоторые маги отказываются жить там, где нет запасного выхода, — хыкнул он (наверное, это обозначало смех), — но остальным, — кивок в сторону окна, за которым развлекались вояки, — знать об этом не обязательно.

Тут я был с ним совершенно согласен — не хватало еще, чтобы меня атаковали с двух сторон.

Той ночью мне приснилась река, ее могучее, неторопливое движение, зеленовато-прозрачная толща вод, холодно-влажное прикосновение потока. Она текла мимо меня и сквозь меня, это завораживало. Потом меня посетила странная идея, вероятно, навеянная алхимическими навыками: если вода настоящая, я

могу попробовать ПЛЫТЬ. Все мое естество рванулось наружу и вверх, видение распалось и больше меня не беспокоило. Возможно, белого такой сон натолкнул бы на гениальное прозрение, а я, проснувшись, понял, что от столичной экзотики меня уже тошнит.

Однако кровная месть — превыше всего! Того, кто покусился на жизнь моих родственников, ждет ужасная смерть и ни один патологоанатом не скажет — от чего именно. Я старательно рассовал по карманам кульки, фунтики и крохотные шарики с ядовитым содержимым, чтобы в нужным момент быть во всеоружии. К сожалению, повод для их использования пока давали только сослуживцы.

Фелистер отчаянно не хотел снимать для моего мотоцикла нормальный охраняемый склад (знаю — дорого, оплата почасовая и ответственность придется брать на себя), а в министерском гараже оставлять агрегат было опасно — слишком много народу там ходит, слишком слабые замки и почти никакой охраны. Меня, в принципе, устраивало, что транспорт будет под рукой, но для порядка я все равно поскандалил, красочно описав творящийся у гостиницы беспредел, и обругал министерские порядки дурдомом.

В номер возвращался с чувством победителя.

Ларкес из-за шторы внимательно следил за происходящим на улице. Я подошел — армейские пытались крючком на леске сдернуть с топливного бака крышку.

— Что они там ищут?

— Не знаю, пойди, спроси. Может, они решили, что внутри — плотва!

Я захватил из столовой стеклянный графин с холодным чаем и теперь жестом пригласил Ларкеса за стол.

— Узнал что-нибудь?

Бывший координатор дернул мордой:

— Тамур Хемалис, букинист, живет на улице Мэтра Кьеберсена, того самого, что написал комедию о Пьеро, — Ларкес не надеялся на мое образование, — в доме с оранжереей на крыше. В махинациях со «Словом о Короле» замечен не был, прирабатывает переводом с языков Империи. Год назад имел проблемы со здоровьем, проще говоря, старика сильно избили. Больше ничем не примечателен.

Бинго! Белый, подвизавшийся в переводе са-ориотских пиктограмм, вполне способен называть себя «ничтожным мастером зеркал» — эти ненормальные имперцы даже пишут справа налево.

— Едем!

— Сейчас?

— Нет, сначала надо тебя немного замаскировать. Больно уж физиономия у тебя запоминающаяся.

Он занервничал.

— Каким образом?

— Это просто. Ты в театре когда-нибудь был?

Я заманил Ларкеса в прихожую, к зеркалу, и принялся корчить рожи:

— Сделай вот та-а-ак!

— Не буду!! — обиделся он. — Так я стану похож на армейского спеца.

— В этом вся соль! Если что-то случится, скажут, что виноваты они.

Под таким соусом идея понравилась Ларкесу больше, мы проторчали в прихожей весь вечер, отрабатывая три основных выражения: высокомерное презрение, задумчивую отрешенность и мрачную усмешку.

— А теперь самое главное: если какой-нибудь человек лезет к тебе с глупостями, ты говоришь вот так «ш-што?», а дальше подключаюсь я и решаю все вопросы.

«Ш-што» далось Ларкесу труднее всего, поскольку двигать приходилось только одной бровью.

— Ладно, иди домой, тренируйся! Завтра встретимся около вокзала. К букинисту поедем часа в три.

Выражение «ш-што» получилось у Ларкеса само собой:

— Вы представляете, что творится на улице в это время? Особенно на солнце.

— Если быстро ехать, будет прохладнее. Главное — свидетелей меньше.

На этом и расстались. Ларкес уходил задумчиво-отрешенный. Наверное, пытался понять, не слишком ли дорого ему обходятся распоряжения начальства. На мой взгляд, в ситуации с отчетом он сильно продешевил.

Глава 10

Не знаю, как Ларкес, а я подготовился к намечающейся прогулке со всей возможной тщательностью, просто потому, что был сыт по горло всевозможными сюрпризами. В первую очередь, подумал, какие проклятья могут потребоваться, и подобрал дублирующих алхимический набор: во-первых — силы экономит, во-вторых — эффект неожиданности, в третьих — просто интересно посмотреть на результат.

Отделаться от навязчивого экскурсовода было не сложно — Дэнис совершенно не следил за своей едой. Маленький шарик особого средства мгновенно растворился в чае, а через полчаса парню срочно потребовалось домой. Я сочувственно поохал, авторитетно констатировал отравление и объявил, что отправляюсь в гостиницу, отдыхать. Собственно говоря, через час так и будет, а задержку можно объяснить нежеланием ехать по жаре.

Ларкеса я подобрал в уже знакомом погребке, по ощущениям, мы были единственными магами в округе, что — к лучшему. Он показал нужное место на карте, и мы помчались, стараясь напором скорости сбить нестерпимый жар. Так вот, из всех возможных районов города нашей целью оказался именно Новый квартал.

Я оставил мотоцикл за две улицы от цели, не потому, что опасался воров, мне колеса мыть не хотелось. Сразу стал понятен источник запаха, отпугнувшего меня в первый раз: какой-то мужик стоял и отливал прямо в подворотне, при всех, и то, что из него лилось, падало отнюдь не на чистую землю. Вы представляете, во что превращаются естественные отходы при такой жаре? Притом, что дождей здесь практически не бывает.

Нет, люди так не живут. По крайней мере, я бы — не согласился.

— Гм. Агитировать за чистоту не пробовали?

Высокомерное презрение у Ларкеса выходило с оттенком гадливости, впрочем, вполне уместным.

— Этой агитацией тут обвешано все. Но половина приезжих — хуторяне, дикий народ. Они унитазов БОЯТСЯ.

Ну, учитывая специфический механизм слива, используемый в столичных сортирах, мне тоже первый раз было не по себе.

— Пусть привыкают!

— Пусть.

Разговор не пошел. Я кипел праведным гневом — в Редстоне за такую выходку припаяли штраф, выплачивать проценты от

которого пришлось бы до старости. Впрочем, сомнительно, чтобы у того мужика вообще были деньги.

Народу на улице оказалось неожиданно много (для этого время суток, я имею в виду), но не похоже было, что кто-нибудь занят делом. Под жиденькой тенью самодельных навесов сидели разморенные жарой мужчины, громко разговаривала подвыпившая молодежь (а может, и не пившая — над компаниями висел сладковатый дымок местной «дурной травы»). При приближении к здешним жителям в нос шибал ядреный запах пота, от которого так морщился Дэнис.

— Ладно, я понимаю — унитаз, но они что и шайкой пользоваться не умеют?

— Проблема не в этом. Пропускная способность акведука, питающего город, ограничена — воды не хватает на всех, а мыться во вторичных стоках арангенцы не желают (в их понимании это вообще не вода). Они даже умываться пытаются из питьевых бутылок! Естественно, муниципалитет не хочет оплачивать их предрассудки.

Я вспомнил разговор о местной мифологии.

— А как же серая гниль?

Ларкес привычно дернул мордой:

— Этот квартал неофициально именуется Чумным, его трижды строили и сносили. Он отделен от остального города широкими проспектами, если эпидемия начнется, по ним будет проложен карантинный кордон. Сейчас всех, не сумевших адаптироваться, активно вытесняют сюда.

До меня как-то сразу дошло, что этот районч ик — что-то вроде душегубки. Сваливать надо из этого города, вот что. И чем быстрее, тем лучше!

К счастью, забираться глубоко в Чумной квартал нам не пришлось, искомый адрес находился с самого краю. Четырехэтажный жилой дом знавал лучшие времена — его построили задолго до появления здесь арангенцев. Ступеньки в подъезде были из привозного мрамора, деревянная дверь — с резьбой, а на крыше — обрамленный ажурными решетками садик, однако давно не подновлявшаяся штукатурка сыпалась, обнажая глиняные стены, а часть окон нижнего этажа была забита досками (надо понимать, хозяин не желал вкладываться в то, что все равно пойдет в распыл).

За конторкой в холле храпел неопрятный консьерж. Я сделал Ларкесу знак соблюдать тишину, и мы прошли внутрь, никем не замеченные. Лифт, естественно, не работал.

Четвертый этаж, квартира пятнадцать, на двери — табличка: «Тамур Хемалис, архивные изыскания, консультации, перевод с

языков Империи». Я повернул звонок, где-то внутри мелодично защелкало и защебетало.

Ждать хозяина пришлось минуты три, потом раздались шаркающие шаги, и из-за двери донесся дрожащий старческий голос:

— Кто там?

— Я от Гордона Ферро, откройте.

Защелкали замки, зазвенели цепочки, было такое впечатление, что это не квартира, а банковский сейф. Наконец, дверь приоткрылась, в образовавшуюся щель опасливо выглянул растрепанный белый весьма преклонного возраста, сразу бросалось в глаза, что нос у него сломан (в первый раз вижу белого со сломанным носом).

Разглядев, кто стоит на лестнице, он внезапно сильно побледнел.

— Здравствуйте! — я постарался говорить успокаивающе и дружелюбно. — Я — Томас Тангор, мне надо с вами поговорить.

Старик перевел дух и закивал:

— Конечно, конечно! Входите, пожалуйста.

Белый, что с него взять! Нормальный человек ни за что не пустил бы в дом двух подозрительных черных.

Внутри квартира оказалась на удивление приличной (на столичный манер), с низкими диванами и коврами, а еще с кучей книжных шкафов.

— Проходите в гостиную. Хотите чаю?

Чаю после такой жары мы, естественно, хотели, но гонять за ним пожилого белого я физически не мог. Да, да, знаю, это — патология, но бороться с последствиями семейного воспитания в моем возрасте уже поздно. Кивнув удивленному Ларкесу (заходи, не бойся), я пошел помогать хозяину. Так даже лучше — чай появится гораздо быстрее, всего через пятнадцать минут мы сидели на низких диванчиках в просторной гостиной с тепловым насосом, наслаждались прохладой и пили зеленый чай с мятой. Хорошо!

— Признаюсь, я надеялся получить весточку от вашего дядюшки гораздо раньше.

Так, значит, про степень нашего родства он знает.

— Это понятно. Дело в том, что в прошлом году мой дядя был убит, и мне очень хотелось бы знать, кому вы говорили об отправленной ему посылке?

Его рука с чашкой бессильно опустилась на столик, глаза подозрительно заблестели:

— Это моя вина…

Только не слезы! Если он начнет рыдать, то до вечера не

остановится, а у меня времени в обрез.

— Это — жизнь, мистер Хемалис, у черных магов умирать от старости — дурной тон. Суть в том, что у нас в Краухарде оставлять безнаказанным убийство родственников считается неприличным. Исполнители мертвы, но мне бы хотелось знать, кто их послал. Понимаете? С кем вы об этом говорили?

У него задрожали губы:

— Я… Я…

Нервный старичок попался! Я переполз на ковер и, потянувшись, накрыл его руку своей:

— Все в порядке! Я знаю, что они опасны. Меня это не остановит. Будет лучше, если вы поможете мне — так я смогу не подвергать риску… содержимое.

Он сильно вздрогнул и испугано посмотрел на меня — я оставался спокоен и дружелюбен. Уболтать этого старичка — пара пустяков. Те, кто запугивают белых, не учитывают, что, раз сломавшись, бедняги уже ничего не способны в себе удержать. Так и вышло.

— Я не знаю их имен! Они… вели себя чудовищно!! Мне пришлось обещать, что я прочитаю для них книгу, иначе меня убили бы.

— Вы можете это сделать? — уточнил Ларкес.

— Нет. Но я должен был что-то сказать!

Старик все-таки заплакал.

— Тихо. Тихо. Теперь все будет хорошо. Они оставили после себя что-нибудь? Говорили о каких-нибудь событиях, людях?

— Да! — Хемалис понизил голос, глаза его округлились. — Оно там, за гардеробом. Только не трогайте его!!

Половина окна была плотно загорожена старинным платяным шкафом (я сначала подумал, что это от солнца). Теперь мне стала понятна настоящая причина — на подоконнике стояло большое пыльное чучело птицы.

Оставить в доме белого мертвое животное! Это не люди, это — нежити. Уничтожив их, я выполню священный долг боевого мага, может, мне даже орден дадут.

— Почему бы вам не выкинуть эту штуку?

— Они сказали, что если я уберу его, мне не жить.

Ну, точно, говорящая разновидность гоулов — открытие для исследователей потустороннего! Добуду шкуры и книгу напишу, еще и прославлюсь.

— Обещаю, что через неделю вы сможете выкинуть эту гадость и вообще — переехать в район поспокойней. Вы ведь этого хотите?

Он всхлипнул и кивнул.

— Потерпите еще немного.

Пока я раскланивался с воспрянувшим духом белым, Ларкес задумчиво-отрешенно молчал, но, когда мы вышли, не удержался и дернул мордой:

— И как вы намерены искать человека без имени, побывавшего здесь год назад?

— Есть один способ. Ты знаешь какое-нибудь приличное заведение с местной кухней?

То, что было мне необходимо, подавали только в оч-чень аутентичных ресторанах. Блюдо состояло, главным образом, из бобов, к которым я с детства питал предубеждение, впрочем, все ингредиенты были перетерты до неузнаваемости. Второй проблемой было то, что коричневую маслянистую пасту требовалось зачерпывать кусочком хлеба, а у меня не было привычки совать руки в еду. В третьих… Мне его просто не советовали: сразу по приезде Дэнис предупредил, что северянину подобное не понравится.

— Собираетесь это есть? — осторожно поинтересовался Ларкес. — Знаете, северянам подобное…

Я даже зашипел на него от досады. Сколько можно повторять?! И потом, не мог же я ему рассказать, зачем на самом деле мне все это надо.

Шорох хотел знать, каково на вкус это блюдо теперь, по пришествие стольких лет. Что нового внесли в рецепт поколения? Я эту штуку в рот брать не хотел и поставил вопрос ребром: где мне найти того человека, что поставил чучело на окно? Шорох покочевряжился и обещал помочь. Я мужественно взял клочок порванной руками пресной лепешки и зачерпнул смесь…

В итоге, все оказалось не так уж страшно. Да, немного островато, но не настолько, чтобы нельзя было съесть — краухардский хрен позлее будет. Обилие лука, чеснока и пряных травок начисто отбивало бобовый привкус, а резаные овощи на закуску позволяли есть жирное и не давиться (пользоваться темно-красным соусом, поданным вместе с солью, я благоразумно не стал). Когда последний мазок пасты был извлечен со дна миски, в моей голове стала проявляться знакомая серая картинка — Шорох предлагал нам объехать Чумной квартал с севера.

— А дальше что? — Ларкес внимательно наблюдал за мной и что-то такое в уме анализировал.

Я блаженно откинулся на спинку низкого диванчика (по столичной традиции обедать нужно было именно так).

— Сейчас мы допьем чай, а потом посмотрим на тех ребят, что избили деда. Теперь я знаю, где их найти.

Ларкес комментировать не стал, но по тому, как застыло его

лицо, было ясно — мысли носятся в голове, как ошалелые (интересно будет спросить, какие выводы он сделал из увиденного). И вообще, надо бы вести себя с ним поосторожней: младший или не младший, но Ларкес — представитель властей и способен воспользоваться своим положением, а я тут задумал геноцид… Впрочем, еще неизвестно кто — кого: когда мы прибыли в подсказанное Шорохом место, нас ожидал не один-единственный злодей, а целая толпа возбужденных горожан.

Праздник у них, что ли, какой-то или я чего-то не догоняю? Но Шорох божился, что искомая личность где-то там, хотя разглядеть что-либо в такой сутолоке было невозможно.

— Слезай, — скомандовал я Ларкесу.

— Я с вами, — уперся он.

— Что, решил в белые переписаться?

— Вы — некромант, если с вами что-нибудь случится, с меня шкуру спустят.

Логично!

Мы подъехали, изображая из себя заинтересованных туристов.

Это был митинг, устроенный на краю Чумного квартала сами понимаете, для кого. Обычных горожан вокруг видно не было, полиции — тоже. Да, это вам не Редстон, за что здесь люди жалование получают — ума не приложу! Постамент безымянной конной статуи был превращен в трибуну, куда по очереди залезали выступающие из актива и говорили чушь. А что я, собственно, ждал от Искусников?

— Представители НЗАМИПС должны заняться своими прямыми обязанностями! Какой смысл в существовании этой структуры, если нежити пожирают наших детей?! Надо потребовать от них навести в Арангене порядок!

Если существовал какой-то верный способ отвратить черных от дела, так это сказать им, что они кому-то что-то ДОЛЖНЫ.

Я фыркнул.

— Приколись, да?

Ларкес не ответил, зато один из слушателей решил себя проявить:

— А вы не согласны? — напористо начал он.

— Черные — не сантехники, — отрубил я, — нужны — вызвал, не нужны — прогнал. Раньше надо было бойцов прикармливать, они бы и не разбежались!

Мужик забормотал что-то, обращаясь к Ларкесу, тот очень убедительно сделал «ш-што» и дискуссия завяла. Люди вокруг зашевелились, но мне было плевать: если они нападут, у меня появится повод закончить собрание досрочно и пощупать

вплотную нужного мне активиста. Безоружный человек боевому магу не противник!

— Правительство все устроило специально! — вмешалась потасканная барышня.

— Так вы протестовали, когда упраздняли «надзор», — не понял я, — или все-таки решили сэкономить?

Ларкес ущипнул меня за поясницу:

— Поедем, ну их.

— Погоди, послушаем. Вдруг что интересное скажут! — не согласился я.

И потом, мне что, второй раз Шороха заклинать?

На импровизированную трибуну влез прилично одетый белый, раздались жидкие хлопки. Полиции по-прежнему не было.

— Господа! Все мы видим, в каком отчаянном положении находятся вынужденные переселенцы. Власти должны…

Я почти сразу перестал слушать речь. Что они находят в этой фигне? Вон, глазки горят, кулачки сжаты. Лучше бы скинулись и наняли черного мага. И не надо мне про деньги — нищим краухардцам хватает и этим хватило бы. Но люди не ищут легких путей, им проще забраться в дерьмо и сидеть там, призывая власти к ответу. А как еще называть попытку поселиться в Хо-Карге?

— Вы не правы, молодой человек, — не отставал от меня мужик, — согласитесь, в Арангене никогда не было такого количества нежити!!

Я вздохнул:

— Тебе сказать правду, или чтобы приятно было? — Ларкес снова ущипнул меня в поясницу, и я пнул его локтем. — Запомни: порог пересекает приблизительно в тысячу раз больше нежити, чем регистрируется, но большинство феноменов не успевает созреть и распадается с рассветом: закрута попадает на сушу, фома — в открытое поле, Ведьмина Плешь — на камни, а не в песок. И — все. Пока нежить не созрел, любой дурак с солонкой способен его отослать. Просто «надзор» надо кормить постоянно, а не только тогда, когда гули тебя из дому выпрут. И профилактикой заниматься регулярно, для этого целый закон написан!

Впрочем, перед кем я разоряюсь? Ну их в баню! Кстати, помыться им действительно не мешало бы. Мужик продолжал что-то бубнить, но моим вниманием завладело другое: по ощущениям, оратор начал что-то ворожить. Был бы я нормальным черным, и эта махинация сошла бы ему с рук — белых магов среди слушателей не было (все нервные личности разбежались при появлении агрессивно настроенной толпы), но некромантия

приучила меня чувствовать тончайшие колебания среды, а именно так и проявляет себя магия. Не мудрено, что народ так завелся, при подобных-то методах «агитации». Ну, жулик, держись! Я давно хотел узнать, как действует черный Источник на белых магов, но на знакомых пробовать не хотел — жестоко это. А тут такой случай! Сейчас, когда он открыл канал, все его чувства — сплошной обнаженный нерв…

Я усмехнулся, призвал Силу и сформировал над головой какое-то бессмысленное плетение, что-то нервически-некромантическое, типа, язык показал. Тушка докладчика без звука рухнула с трибуны.

— Смотри, припадочный! — хмыкнул я, тыча пальцем.

Ларкес вздохнул — мои фокусы он видел, но осуждать не спешил. Еще бы! Я ведь просто призвал Источник, ничего не трогал, никого не обижал.

Мероприятие застопорилось. У трибуны суетились, пытаясь привести белого в чувства. Согласно теории, в ближайшие сутки он будет находиться в состоянии вялотекущей истерики. Вон, уже крики начались. Что он орет? А, драконы ему привиделись! Больная фантазия, сразу видно, что Искусник.

— У вас что, и драконы есть? — невинно поинтересовался я у настойчивого мужика.

Тот не ответил. Отдача от рухнувшего заклинания ударила по толпе, народ заволновался, встревожился и начал расходиться. Вот это уже дело! Я надвинул на глаза очки (мало ли что!) и зажал в кулаке хитрую штуку, припасенную как раз на такой случай. Собственно говоря, это был простой бумажный фунтик, готовый в любой момент разорваться, его содержимое состояло из двух компонентов: один, ярко оранжевый, ничем не пах, легко стряхивался и смывался, второй, бесцветный, лип к одежде, а при контакте с водой въедался в кожу намертво.

Тут главная пенка — запах, не ощутимый для человека, но влекущий зомби как маяк. Это средство, а также снотворные бомбочки и два типа аэрозоля я приготовил из добытых в Михандрове ингредиентов (у меня всегда была страсть к алхимическим преобразованиям). Наконец-то я смогу хоть что-то испытать!

С воплем:

— Вся власть Хаосу! — я подкатил к трибуне, метнул фунтик в помеченную Шорохом цель и, ревя мотором, умчался прочь.

Ларкес осуждающе сопел мне в затылок. А что такого? Подумаешь, покрасил всех придурков в рыжий цвет! Бывшему координатору вообще не полагалось знать подробности, он свою работу сделал, пускай теперь дома сидит.

— Бараны! Неужели нельзя было заметить мотоцикл!! ТАКОГО РАЗМЕРА!!!

— Так он же был зеленый, а говорили, что черно-белый…

— Да какая разница! Сложно, что ли, перекрасить?

— Так за каждым можно…

— Ладно, теперь вы его в лицо знаете, это тоже не плохо. Постарайтесь не забыть, когда до дела дойдет, чучела арангенские!

Глава 11

Нельзя сказать, что я совсем не задумывался над тем, что делал (в конце концов, мне еще не приходилось мстить кому-то насмерть). Сказок о таких жестокостях мне на ночь, естественно, не рассказывали, но общение со сверстниками легко компенсировало недостатки белого воспитания.

В Краухарде приветствовался сугубо личностный подход к делу, идеалом считался пресловутый Арак, возглавивший армию узурпатора ради того, чтобы добраться до горла старого короля (в итоге, сменилась правящая династия). Дебильные подражания вроде прокалывания куколок, воровства домашних животных и потрошения дальних родственников считались чем-то вроде мастурбации и признаком того, что у мстящего кишка тонка. Я знал, что у каштадарцев другой взгляд на проблему (и длинный перечень того, кого и в каких соотношениях следует убивать), но черным чужды понятия общности (Эдак можно сказать, что все люди братья и начинать с ближайшего!). Поэтому, для удовлетворения собственного эго (а вовсе не для демонстрации крутизны) мне хотелось найти того типа, который (весь из себя такой суровый) руководит в здешней банде силовыми акциями, и крепко ему наподдать. То-то будет для него сюрприз!

Ларкес не мог не догадываться, что я затеваю, но решительно ничего не предпринимал, вероятно, бывший координатор счел, что отчет об Арангене важнее пары неопознанных трупов. Я выбрался из номера через запасной ход, как ни странно, никакими охранными заклятьями не оборудованный. В темноте с министерского холма открывался потрясающий вид на город — внизу словно бы плескалось море света (тысячи газовых и электрических фонарей, разноцветные сполохи заклинаний и даже фейерверки), однако от наблюдательного глаза не укрывалось то, что тусклые полосы проспектов, фактически, делят город на сектора. Звание Чумного квартала обещало быть переходящим. Какое неуютное место…

Макс был счастлив — его вывели гулять, а вот у меня настроение портилось с каждым шагом. «И кому это надо?» — задавал я себе закономерный вопрос. Все равно рассказать об удачной мести будет нельзя — от одной мысли, что черных может охватить кровожадное поветрие, весь «надзор» на рога встанет. У Арака таких проблем не было… С другой стороны, у него не было белой родни с дурацкими представлениями о добре и справедливости. Какая справедливость?!! Дядке все равно — он мертв, исполнители — тоже, мне — пофиг, на меня никто не

давит, Хемалис… При мысли, что старик останется в квартале смертников наедине с чучелом, я понял, что кто-то все-таки сегодня огребет.

Найти доморощенного таксидермиста оказалось нелегко — мужик успел за полдня исходить весь Хо-Карг вдоль и поперек. Взять пса-зомби в наемную коляску я не мог из соображений конспирации, приходилось часто вылезать и возвращаться, Макс нервничал — обсыпанными порошком оказались несколько человек, и определить наиболее сильный след ему было трудно. Наконец я вынужден был признать, что так дело не пойдет, и отпустить извозчика. Два часа коту под хвост.

Уже глубокой ночью след вывел к чугунке, в район складских сараев и мелких мастерских. Я порадовался, что пришел пешком (в таком месте лошадь привлекла бы больше внимания, чем запоздалый путник), потом напялил поверх костюма простой халат темно-зеленого цвета (в свете газовых фонарей он становился почти черным) и, подумав, перевязал голову платком на манер рикши — такие мелочи хорошо отвлекают внимание. Следы минимум двоих отмеченных порошком людей сходились перед большими воротами, за которыми виднелись простые соломенные крыши, причем, ни одна из них не прилегала вплотную к забору.

В отдалении, грохоча и шипя паром, промчался ночной экспресс.

Окопались, гады! Даже периметр охранный поставили. А времени-то до рассвета осталось два-три часа.

Тонкость была в том, что я, могучий боевой маг, должен был проделать все, вообще не прибегая к магии: даже притом, что нежитей в столице никогда не было, город наверняка напичкан следящими амулетами (не исключено, что на нелицензированное волшебство они реагируют лучше, чем на потусторонние феномены). Искусники еще сумеют как-то отболтаться перед судом, а меня закатают по полной — черным магам в законе скидок не предусмотрено. В своей способности лишить этих людей жизни я не сомневался, но отлично помнил обстоятельства спасения Рона — нельзя дать повод прикопастья к себе.

Что ж, будем импровизировать. Я подошел к караульной будке, примостившейся справа от ворот, и решительно постучал:

— Эй, соседи, у вас горит?

— Что надо? — донесся из-за двери заспанный голос.

— Дым, говорю, от вас! Пожар или сено жжете?

— Где дым? — высунулся наружу не до конца оклемавшийся после сна сторож.

Я молча брызнул ему в лицо аэрозолем (бесчувственное тело

рухнуло прямо на меня), а за дверь зашвырнул дымовую бомбочку (там отчаянно закашлялись, но очень скоро перестали). Облажавшийся охранник мирно сопел у меня на плече. Итак, самый легкий вариант моего вооружения опробован и проявил себя блестяще, теперь останавливаться нельзя — следующий раз они будут настороже. Я прикрыл нос платком, пропустил вперед зомби и вошел на занятую врагом территорию.

Куда податься?

Должно быть, большая часть склада была вполне легальным предприятием. Над воротами сараев горели безопасные фонари, в темноте кучей громоздился неопознанный хлам, пахло лошадиным навозом и машинным маслом. Макс лавировал между замершими подъемниками, грузовыми тележками и грудами поддонов. Дальняя часть территории была огорожена импровизированным забором из ящиков, внутрь вел проход, слишком маленький для грузовика или телеги.

Ну, вот и оно, логово.

Спрятавшееся за ящиками здание тоже пыталось изображать склад. Ага, ага, тогда зачем делать столько окон? Точнее — маленьких зарешеченных проемов под самой крышей, как в конюшне, свету это почти не дает, только пыль летит и насекомые. Я осторожно обошел строение кругом, но, ни одной незапертой двери не нашел.

Какая незадача…

Меня посетила идея завалить выходы ящиками и все это поджечь, чтобы не возиться с каждым врагом по отдельности. Кардинально, но тогда сразу же придется линять, и результат становится в известной степени случайным. Вдруг у них есть подземный ход? Чтобы снести хилые замки достаточно было бы одного-единственного проклятья, но это уже последнее средство. Попробуем поступить тоньше…

Я посадил зомби посреди двора, а сам спрятался слева от двери.

— Голос, Макс, голос!

Мой пес посмотрел на меня с недоумением.

— Так надо, Макс! Ну, же, голос!!

И мне еще говорят, что зомби слушаются некромантов беспрекословно. Ничего подобного! Макс долго мялся, но, в конце концов, мой авторитет взял верх. Легкие зомби впервые за много дней наполнились воздухом, он поднапрягся и произнес дрожащим фальцетом:

— Хау!

— Молодец! Еще, голос!!

— Хау, ха-ау, хау-у-у!

Что-то подобное я слышал, когда мой мотоцикл напугал до полусмерти дворнягу-полтабуретку, однако у Макса получилось НАМНОГО ГРОМЧЕ. Скрип рассохшихся половиц, визг пилы по металлу, надсадное дребезжание дрели — вопли терзали слух, словно сверла.

— Заткнись, зараза!!! — взвыли за дверью.

Зомби утроил усилия.

Дверь распахнулась, из нее выскочил разъяренный мужик с палкой. Он не успел разглядеть, собаку какого размера собирается бить, потому что я тут же я обработал его аэрозолем. Бесчувственное тело отлично подошло для того, чтобы застопорить дверь.

На штурм!

Я вошел внутрь здания. Кругом штабелями громоздились пыльные ящики, никто не двигал их, наверное, лет сто. Далеко слева раздавалось бормотание голосов, но сразу туда я не пошел — попавшийся мне мужик, скорее всего, был привратником, значит, сразу его не хватятся и немного времени у меня есть. Надо осмотреться.

Зомби занял позицию в дверях (мимо него никто не пройдет), а я пошел по проходам, пытаясь найти в пыли свежие следы. Недаром говорят, что чистота полезна для здоровья — если бы не четкая тропа, мне и в голову не пришло бы лезть в подсобные помещения, но одно из них явно постоянно навещали, и любопытство заставило меня открыть дверь. От увиденного у меня морда дернулась, почти как у Ларкеса.

Опять арбалеты. Просто мания какая-то! Ну, я понимаю, спереть с армейских складов три-четыре шутки, но где они их берут сотнями?! Кому бы задать этот вопрос?..

В тесном помещении рядами стояли боевые машинки, одной — больше, одной — меньше. Повозившись, я взвел тетиву и приладил стрелу в желобок. Нет, стрелок из меня фиговый, но как временная альтернатива заклинанию эта штука подойдет — у аэрозоля слишком маленький радиус действия. Когда все было готово, совсем рядом раздался подозрительный шорох. Уж не держат ли они сторожевых собак? На полу действительно стояло что-то вроде собачьей клетки, но, заглянув в нее с баллончиком наперевес, я обнаружил внутри не зверя, а человека. Из темноты на меня глядел мальчишка-подросток лет четырнадцати, признать в нем белого было нелегко — он был весь в синяках и замызганный невероятно, но инстинкты меня никогда не подводили… И тут мне живо припомнился сломанный нос старика Хемалиса.

Я покрепче сжал ложе арбалета.

Бить белых! Это все равно, что мучить младенцев. И кто-то сейчас за это огребет. Заговаривать с пленником я не стал (он выглядел совершенно невменяемо) и отправился разыскивать это чудо природы, говорящих гоулов, с четким намерением заполучить черепа. Интересно, если снимать с них шкуру осторожно, новая нарастет?

Я ориентировался на голоса и быстро обнаружил дверь, из-под которой пробивался свет. В обычаях черных было бы ворваться туда с арбалетом и баллончиком наперевес, но мне пришло в голову для начала заглянуть в замочную скважину. Обзор был так себе: помещение вроде того, что с арбалетами, видно лицо одного человека и спина другого, причем, говорил кто-то третий. Выбранный мною набор оружия для такого расклада не подходил.

Отложив арбалет, я осторожно выгреб из карманов все дымовые бомбочки, независимо от состава содержимого. Набралось штук шесть. Какова вероятность передозировки в закрытом помещении? Да пофиг! Выживут, значит, предки защитили. Я резко открыл дверь (Незапертую! Вот бараны), зашвырнул в нее весь наличный боезапас, захлопнул и припер ногой. Взрыв ругани и кашля показал, что народу в комнате собралось гораздо больше, чем казалось.

Настал момент истины: если кто-то из них сумеет добраться до меня, придется наплевать на конспирацию и вызывать Источник. Грохотала упавшая мебель, тяжелое тело ударилось в дверь, но времени на то, чтобы налечь на нее вдвоем у них не хватило. Я выждал еще минут десять, чтобы снадобья выветрились (не хватало еще самому надышаться), а потом рискнул проверить свою добычу.

Восемь штук. К сожалению, от нормальных людей они ничем не отличались, поэтому потрошить их смысла не имело. Надо же! А я был почти уверен, что у них клыки.

Поверженных врагов не интересно было даже пинать — все равно ничего не почувствуют. На вид они казались обычными горожанами, в меру приличными, в меру — замызганными, ни белых, ни черных среди них не было. В момент моего появления они сидели за столом и рассматривали схемы незнакомых мне зданий, на стене висела большая карта Хо-Карга (я немедленно написал на ней неприличное слово). У стены гудел тепловой насос, стояла пирамида из бутылок с питьевой водой, в этом комфортабельном гадючнике был даже телефон. Скучно, господа! Я подумал и набрал номер городской жандармерии:

— Хочу сообщить о похищении и убийстве, — промурлыкал я в трубку, — Кто, кто… Неизвестный доброжелатель!

Перед уходом я нашел таксидермиста-любителя и двух парней, имевших на костяшках пальцев свежие ссадины, а потом засунул каждому из них в рот по крохотной (с маковое зернышко) порции вещества, которое заставило бы бледную поганку посинеть от зависти. Ближайшие пару дней им гарантированы незабываемые ощущения. Смогут ли целители их спасти? Откуда я знаю! А кто-нибудь интересовался, смогут ли целители спасти меня? В качестве трофея вынул из уха таксидермиста замысловатую серьгу (никакой магии, но, кажется, золотая).

А теперь — ходу отсюда, бегом, с прыжками!

Издали я видел, как спешили к складам полицейские машины. Ни одной лошади — богато живут, а может, на скотину воды не хватает. Меня ждал очень долгий и замысловатый путь домой.

Мы бежали, потом шли, потом я нес зомби на себе. В ход пошли все немагические способы сбить погоню со следа, которые были мне известны. Я несколько раз брал извозчиков и рикш, иногда — сажая Макса с собой, иногда — оставляя бежать следом. Наверное, мы пересекли всю северную часть города три раза. По пути я старательно избавился от халата, старых башмаков, остатков снадобий и всех компрометирующих предметов, и, наконец, усталый, но с чувством выполненного долга, добрался до гостиницы.

Небо на востоке светлело (еще немного, и начнется по южному стремительный рассвет). Рядом с моим мотоциклом возился какой-то маг — раскладывал по дорожке самодельные амулеты, наверное, надеялся нейтрализовать охранные заклинания. Я чуть не ринулся туда, вызывать наглеца на дуэль, но вовремя опомнился — хорошенького понемножку, ради успеха кровной мести собственностью придется пожертвовать. Да и не факт, что у него что-то выйдет (громкое бибиканье подтвердило мои предположения). В окно привычно вылетел чей-то тапок.

А теперь — спать. И пусть мне приснится много-много воды и паровой катер.

Глава 12

Весь остаток ночи, все утро и часть дня я спал как младенец, и никакие кошмары меня не мучили. А с чего, собственно? Хо-Карг представлялся слишком большим и неупорядоченным, чтобы мелкое происшествие на злополучном складе могло его сильно взволновать. Мне и в голову не пришло, что сплетни по столице распространяются даже быстрее, чем по краухардской деревне (это телефоны, от них все зло!), причем, в отличие от журналистов, сплетники за свои слова вообще никакой ответственности не несут.

Первую волну паники, бушевавшую до выхода первых утренних изданий, я благополучно пропустил, из объятий сна меня вырвало мурлыканье дверного звонка и настойчивый стук в дверь. Возмутительно! Будить меня, черного мага?! Уничтожу!!!

За дверью стоял мистер Фелистер и какой-то незнакомый чиновник, при виде моей мрачной физиономии на их лицах мгновенно расцвели дебильные улыбки. Макс сунулся было приветствовать гостей, но я прижал его бедром — вчера у меня не хватило терпения как следует расчесать зомби, кто знает, что набилось ему в шерсть.

— Здравствуйте, мистер Тангор! — чуть ли не пел Фелистер. — К сожалению, вчера мистер Рокем немного приболел…

— Я тоже приболел.

— О! Сожалею. Прислать лекаря?

— Нет.

Я закрыл дверь у них перед носом и вернулся в постель. Увы, сон вместе со мной возвращаться не пожелал. Ненавижу. Где-то далеко, на здании министерства часы пробили двенадцать.

Однако, первый час уже, понятно, почему они всполошились. Тут я вспомнил, что не принял перед сном ванну и окончательно потерял желание валяться в постели — надо пойти, навестить купальню, а заодно и столовую, отпраздновать удачное завершение дела.

Вокруг гостиницы было нехарактерно многолюдно: добрая дюжина мрачных личностей бродила кругами, презрев жару. Военные спецы собрались в кучку и получали указания от седого поджарого колдуна, способного убивать белых одним взглядом (какой матерый дед!). Может, хоть он их делом займет (все эти алхимики-любители меня конкретно забодали). Но внешне мотоцикл выглядел целым, и я решил на время забыть о проблемах.

В купальне кроме меня оказался единственный посетитель — Ларкес, терпеливо сидевший в бассейне в ожидании моего появления.

— Здравствуйте.

Вместо ответа я, с разбега, плюхнулся в воду. Бывший координатор хладнокровно обтекал.

— Привет!

— Чудные дела творятся в нашем древнем городе, — без тени эмоций объявил он.

— Да?

— Воистину! Шеф жандармов сумел посрамить свое руководство.

— Как это?

— Решительные действия жандармерии, — тут по его лицу прошла непонятная дрожь, — позволили предотвратить государственный переворот или, как минимум, крупные беспорядки. Наши бравые служители щита и дубинки повязали все руководство заговора в более-менее живом виде на какой-то явке, причем, для отцов города происшедшее стало неприятным сюрпризом. Возможно, потому, что внук начальника полиции содержался на той же явке в качестве заложника.

— У начальника полиции родственник — белый? — не поверил я.

Ларкес сделал вид, что не заметил моей оговорки.

— Его младший сын женился на эмпатке. И знаете что? Все произошло благодаря анонимному доносу.

— Чудеса! — дипломатично отозвался я.

— Дальше — больше, — на лице Ларкеса появилось выражение мрачной одержимости (ли это он так улыбался?), — по городу ходят слухи о появлении новой организации ассасинов, поставившей себе целью уничтожение Искусников, и название у нее как-то связанно с хаосом.

— О…

— Ого! Вербуют туда, якобы, исключительно обычных людей, родственников которых убили сектанты, и после нескольких лет жестокой муштры эти боевики валят любого мага на раз, не оставляя никаких следов. А жертв своих помечают рыжей пудрой.

Я уже и не рад был, что начал разговор.

— И не далее, как вчера, — жестко закончил он, — отряд свирепых мстителей атаковал Посвященного Искусников прямо посреди города, доведя несчастного до состояния полной невменяемости. По городу идут аресты, запрещенное оружие изымается тоннами, а экспертам НЗАМИПС рекомендовано не покидать территорию министерства — есть информация, что

главный удар должен был быть направлен на них.

— Вы что-то об этом знаете? — осторожно поинтересовался я.

Он выдал мне очень убедительное «ш-што».

— Не имею ни малейшего понятия! А вы?

— Аналогично.

В принципе, мне льстило внимание, но что, если меня повяжут и начнут требовать назвать имена остальных членов группы?

— Можно попросить вас о небольшой услуге? — вздохнул Ларкес.

— Да, конечно.

— Не покидайте гостиницу, пока шум не уляжется. Я постараюсь ускорить ваш отъезд в Аранген настолько, насколько это возможно.

— Годится!

Мы еще посидели в бассейне — единственные в министерстве, кто никуда не спешил.

— Забавно, — пробормотал Ларкес, — для того, чтобы выйти на штаб мятежа, вам потребовалось неполные десять дней, а мои коллеги бились над этой задачей два года. Как вам это удалось?

— Да мне этот штаб ни в зуб не сдался! — бесполезно изображать перед ним невинность. — Ты же со мной был и знаешь — мне нужны были те, кто напал на дядю.

Бывший редстонский координатор недоверчиво хмыкнул:

— Существует поверье, что некоторые маги способны слышать голос Судьбы, причем, уклониться от исполнения высшей воли они не в состоянии. Так это или не так, мне неизвестно, зато теперь я понимаю, почему Сатал до сих пор держится.

— А что с ним не так? — обиделся я за учителя (идея о невозможности уклониться мне тоже не понравилась).

— Ничего. Он — «чистильщик» до мозга костей, органически непригодный к групповой работе. Его единственная положительная черта — неспособность остановиться, — любезно сообщил маг. — На свое место он попал за умение «держать удар» и невосприимчивость к критике — руководство считало, что в условиях начавшейся вокруг Редстона возни, важно будет не поддаваться на провокации.

— Знаете, — хмыкнул я, — а ведь Грокка на должность не он поставил.

— Не он, — вздохнул Ларкес, — пойдем, перекусим?

Я не возражал, но не мог не отметить, что от возможности критики любимого себя Ларкес изящно уклонился. Если подумать, что этот теоретик анализа был у нас региональным

координатором, становится понятно, почему в делах такая жопа. Лучше «чистильщик» чем такой зануда! Но в Редстоне НЗАМИПС, по крайней мере, был, а вот любопытно взглянуть, как выглядит теперь это самый Аранген, обходившийся без «надзора» пять лет. Заодно и отчет напишу.

После обеда Ларкес навязался провожать меня до гостиницы. Я сначала не понял — зачем. Хочет, чтобы нас увидели вместе? Оказалось, я не учел одно важное обстоятельство: у армейских магов иссякло терпение. Их не пустили в город, им было скучно, они хотели мотоцикл и они хотели зомби, а моя скромная персона стояла у них на пути. Нельзя дразнить черных, это вредно для здоровья! Бывший координатор изначально что-то такое подозревал, но мне не говорил (сволочь!).

Знакомая компания поджидала меня у подъезда, встречающих было трое и выражение их физиономий ничего хорошего не сулило. Я попробовал обойти их по большой дуге, но они тут же перестроились, намертво перегородив дорогу. Пришлось снизойти:

— Ну, что надо?

— Отойдем, поговорим, — мотнул головой тип в чине лейтенанта.

— Не хочу.

— А ведь придется!

Я смелый, я очень смелый, но в этот момент я понял, что мне придется нелегко. И, как назло, ни одного полезного снадобья со мной не было — в купальне их не очень удобно прятать.

— Господа, возьмите себя в руки! Подобное поведение на территории правительственного учреждения…

Отлично, теперь мне придется прикрывать еще и Ларкеса! Боевики синхронно выставили щиты — к противоборству они были морально готовы.

Неожиданно я почувствовал, что бывший координатор тоже призывает Источник. Мощность канала у него была так себе, зато качество плетений… Проклятье серой дымкой выметнулось из его ладоней и щиты забияк попросту свернулись.

— Господа! — Ларкес повысил голос. — Я повторяю: возьмите себя в руки! Нарушение общественного порядка карается понижением в звании и штрафом в два оклада!!

Не знаю, что оказалось убедительней: неожиданный облом, угроза понижения статуса или возможность потерять деньги, которых черным всегда не хватает, но боевые маги решили внять голосу разума, посопели немного и разошлись.

Я был потрясен.

— Что же ты раньше ничего не делал, если такой крутой?

Он старательно составил гримасу высокомерного призрения, но сквозь нее просвечивало самодовольство.

— Всегда можно найти способ договориться, не прибегая к мордобою.

— Но это же скучно!

— Мои родители были нормальными людьми и научили меня множеству других способов развлекаться.

Так он — маг в первом поколении! И такое бывает. Я сочувственно покачал головой:

— Понимаю, мужик, у меня вот мать за белого вышла. Прикинь? До сих пор тянет помогать людям! Еле сдерживаюсь.

Ларкес привычно дернул мордой и комментировать не стал.

Я честно выполнял данное бывшему координатору обещание, моей выдержки хватило на два дня, но это был предел — даже книги, которые Дэнис таскал из столичной библиотеки, больше не помогали. Меня со страшной силой тянуло хулиганить. Например, сделать так, чтобы охранные амулеты на мотоцикле не отключались самостоятельно. Пусть каждый раз ходят ко мне и просят прекратить этот вой! А я буду над ними глумиться… Или вот еще: подбросить армейским бомбочку с «дурной травой». Иногда черные маги спьяну откалывают такие забавные шутки…

Мне нужно было срочно спустить пар, иначе последствия были непредсказуемы.

Я выбрал компромисс: нечто вызывающее, относительно безобидное и, в тоже время, полезное — отправился навестить Хемалиса. Вдруг он до сих пор ждет и не знает, что делать? Покидать территорию министерства боевым магам запретили (то есть, настойчиво не рекомендовали), но никаких кордонов или магических преград не сделали, только транспорт со служебной стоянки убрали. Это действовало не хуже крепостной стены — черным было лень идти пешком до проспекта, и они предпочитали портить нервы друг другу. Естественно, на краухардского некроманта такие примитивные приемы не действовали: я тупо вышел через главные ворота, спустился с холма и через десять минут оказался на оживленной улице. Ни первый, ни второй извозчик везти меня к Чумному кварталу не захотел, третий, в принципе, тоже, но я психанул, и мы сошлись на двойной оплате.

Хо-Карг неуловимо изменился — стал как-то тише, пришибленней, провинциальней. Тут и там бродили разморенные жарой военные патрули, вокруг полицейских участков и некоторых правительственных учреждений выросли баррикады из мешков с песком и деревянных щитов с отвращающими знаками, почти не видно было детей.

Я разглядывал просыпающиеся от дневного оцепенения улицы и думал, что от посещения столицы у меня останутся только два впечатления — суета и беспокойство. А где развлечения, где вино, где знаменитые нескромные танцовщицы? Необходимо срочно исправлять положение, а то рассказать Четвертушке будет не о чем.

Улица Мэтра Кьеберсена была почти безлюдна, у дома с оранжереей на крыше стоял огромный грузовой фургон, два дюжих грузчика в униформе носили вещи, еще один мужик все это охранял. Чувствовалось, что работают профессионалы. Я поднялся на четвертый этаж и обнаружил, что Хемалис переезжает.

— Мистер Тангор!! — всполошился старик. — Прошу прощения, у меня беспорядок! Чаю?

Убедить его, что мне не нужен чай, было невозможно. Через пять минут мы сидели на кухне и пили холодный настой с какими-то цитрусовыми добавками. Почти все имущество Хемалиса было распихано по тюкам и корзинам.

— Переезжаю! — просиял улыбкой белый. — Я вам так благодарен, так благодарен! Чем мне отблагодарить вас за ваш мужественный поступок?

На самом деле, я хотел предложить ему трофейную серьгу, но по здравому размышлению понял, что такой подарок перепугает беднягу до полусмерти.

— Да фигня все, забудь. Я только спросить хотел — чего ты так долго ждал? Пятнадцать лет прошло, пока чухнулся.

Он, печально, вздохнул:

— Я страшился тех, кто убил твоего отца. Он был могучий маг и не устоял, а меня они раздавили бы не глядя.

— Что-что, ты сказал?

Хемалис испуганно сжался, и я приказал себе сбавить тон.

— О… так вы не знали?

Я стоял, тихо дурея — до сих пор все твердили мне, что причиной смерти отца стало неудачное проклятье. В моем сознании быстро-быстро, пощелкивая, собирались вместе давно замеченные странности и оговорки.

— Но… почему… — мир пошатнулся, безадресная ненависть жаркой волной поднялась из груди, ослепила, погрузила все в кровавый туман. Я вдруг забыл, где нахожусь и что случилось. Взбудораженный Источник бился в поисках цели, не вовремя обозначился Шорох со своим любопытством, и в результате я сорвал зло на нем, как некоторые лупят кулаком о стену. Обжигающее прикосновение магии отрезвило.

Когда первая волна ярости схлынула, я стал задумываться

над ее причинами и обнаружил, что отец как таковой тут не причем — мне, даже при большом усилии, не удавалось вспомнить о нем ничего конкретного. Кончено, если бы мы жили там, где его знали, и его имя упоминалось бы в доме чаще, мое воображение легко нарисовало идеальный образ, объект любви и подражания, но матери и Джо удалось сделать понятие «отец» совершенно стерильным. Личность Тодера Тангора не затеняла моего существования, даже о династии своей я знал только потому, что в нашей долине людей по фамилии «Тангор» было не меньше дюжины и все — те самые. Сейчас моя злость была вызвана не скорбью, а тем, что у множества моих (истинных или мнимых) проблем был конкретный источник. И вот что я скажу: мне сильно повезло, что раньше я не имел повода искать виноватого на стороне.

Дед испуганно следил за выражением моего лица, наверное, его ужасала идея оказаться наедине с беснующимся некромантом. Я ободряюще улыбнулся — возможность получить на руки белого с инфарктом меня тоже не радовала.

— То есть, почему сразу не сказали — я понял. Но почему до сих пор?..

Он расслабился, и от облегчения слова потекли из него рекой:

— Обычно черные, потерявшие в детстве кого-то из родителей, не способны контролировать Источник. Мне трудно это понять, но единственный способ избежать беды — убедить ребенка, что потерянного родича попросту не существовало. Это очень трудно сделать, особенно, если все вокруг знали умершего. Чтобы избежать встречи с «доброжелателями», ваша мама увезла вас из Финкауна туда, где никто не обратил бы внимания на еще одного черного сироту — к старшему брату Тодера, рассорившемуся с семейством. Миллисент всегда была очень решительной женщиной! Они с Джонатаном так и познакомились, он ведь — эмпат и консультировал вас, когда вы был еще ребенком. Если бы Гордон не написал мне, я бы даже не знал, где они поселились. Но после Обретения Силы им следовало раскрыть секрет…

Я вспомнил мамины шу-шу с шефом Харликом. Угу. Следовало. И мне повезло, что я не узнал правду от кого-то менее тактичного, чем этот старик, например, от того же Салариса.

— А ну-ка, давай с подробностями! Кто убил, как, почему…

— Я толком ничего не знаю, — заныл дед, — он был один, когда пентаграмма вышла из-под контроля, от тела не осталось даже пепла, но на месте был найден наконечник арбалетной стрелы. Поговаривали, что во время срыва проклятья он был уже

мертв.

Я не стал развивать тему: вряд ли белый знает в подробностях обстоятельства уголовного дела, а от слухов будет больше вреда, чем пользы. Впрочем, у меня теперь достаточно знакомых, способных ответить на вопросы.

— Ладно, проехали. Что было, то прошло, — но с мамой и Джо я еще поговорю. Конспираторы, Шорох их побери! — Я тут подарочек принес, отдай кому-нибудь, вдруг пригодится.

Белый с подозрением разглядывал перетянутый шпагатом сверток. Внутри лежали министерские руководства по магической безопасности — знаменитое краухардское скопидомство не позволяло мне выкинуть их или вернуть завхозу, да и качество печати было всем на зависть (наверное, для того, чтобы «чистильщикам» нравилось носить их при себе). Вдруг у Хемалиса найдутся друзья, коллекционирующие такую фигню?

— Спасибо, — с некоторым сомнением поблагодарил меня букинист.

На том и расстались.

— Слушай, в таком шикарном заведении был! Там так интересно девки пляшут… Завтра еще пойдем! Не возражай. Я тебя про билет в театр сколько просил? Узнай еще, сейчас народу наверняка поменьше. И потом, мне тут кальян предлагали, как это на черных действуют, нормально?

— Ни-ни!!!

— Ну, и фиг с ним. Пиво из молока пробовал, прикинь? Кумыс называется. Отвратительная штука! А козлятина ничего, понравилась. Прикинь, съел козла!

Тангор был полон энтузиазма, а его куратор — тихого ужаса, в его сознании уже прорисовывалась картина, в которой обкуренный некромант отплясывал вместе со стриптизершами с куском козлятины в руке. Возражать было бессмысленно: когда черного куда-то несет, его можно только убить.

Поэтому Дэнис старательно кивал, в душе понимая, что грандиозным планам магам не суждено сбыться. Ах, какими витиеватыми выражениями пугал вчера секретарш мистер Фелистер! Обаятельный Тангор оказался единственным боевым магом, презревшим распоряжения руководства и отправившемся в город, несмотря на запрет (даже армейских спецов удалось убедить проявить сознательность). От возможности потерять подопечного самого Дэниса пробирал холодный пот, легкомысленного северянина требовалось убрать из города немедленно — профессиональных телохранителей в Службе Поддержки не держали. К сожалению, штаб восстановленного

арангенского «надзора» постоянной связи с центральным офисом не имел и на запрос пока не ответил, а отпускать некроманта без сопровождения было бы верхом непрофессионализма. И тут в отдел заглянул какой-то армейский спец, желающий отметить командировку на границу с Каштадаром. О, каким демоническим огнем вспыхнули тогда глаза Фелистера!

«Завтра и ушлют», — определил для себя Дэнис, — «с военным эшелоном».

Он даже немного сожалел о скором расставании со своим первым подопечным. Задним числом, дни, проведенные с Тангором, казались куратору насыщенными и интересными. Дэнис был не против продолжить знакомство, отправиться с магом туда, где его ждали секретные и, несомненно, великие дела, но… Престарелая мать. Дедушка, успевший отпраздновать свои сто лет и никак не решающийся перебраться к родне в Умпаду. Сестра, оканчивающая столичную Академию, и племянник, приехавший, чтобы туда поступить. В такое время нельзя оставить родственников без присмотра!

«На обратном пути встретимся. Может, и я на север подамся».

Глава 13

— Чем они там заняты?! Да что он себе позволяет?!! Домогаться чего-то от моего некроманта!!!

Мисс Кевинахари шумно вздохнула.

— Хорошо, не моего, общественного. Но работающего в моем регионе! При этом действовать через мою голову!!!

Капитан Бер скромно сидел на стуле у двери и старался не бросаться в глаза, что при его габаритах было сложно, но можно. В некотором смысле, причиной бурной реакции Сатала был он, но брать на себя ответственность за продолжающуюся уже неделю истерику начальника Паровоз не желал. Кто мог подозревать, что старший координатор так болезненно отнесется к нарушению субординации?

Злополучный звонок раздался утром. Учитывая шестичасовую разницу по времени, можно было предположить, что нужда в разговоре у Ларкеса возникла резко и в середине дня.

— Здравствуй, дружище, — вздохнули в трубке, — это снова я.

Голос бывшего начальника звучал блекло и безжизненно, и от этого, почему-то, казался более искренним.

— Что-нибудь случилось, сэр? — осторожно уточнил Паровоз.

В трубке немного помолчали.

— Крестника нашего тут встретил, — «значит, Ларкес сейчас в столице», — помнишь его?

— А как же! — Паровоз не представлял себе, как можно забыть этого шебутного чернокнижника.

— Скажи, как Саталу удается с ним работать? — напряженно поинтересовался бывший координатор.

Паровоз быстро прикинул все возможные последствия разговора: подставлять он никого не хотел, но скандал с Ларкесом, по-любому, выйдет Тангору боком — бывший начальник Бера отличался исключительной даже для черных магов злопамятностью.

— Да он с ним, по-хорошему, и не работает, — честно ответил Паровоз, — все больше — ругается.

И что будет, когда Сатал потребует от молодого некроманта выполнения конкретных задач, капитан себе не представлял.

— А что, если мне необходимо его содействие? — не отставал Ларкес.

Паровоз глубоко задумался.

— Во-первых, забудь такое слово «должен», во-вторых, не пытайся давить на пацана (учти, Саталу он уже один раз

пришпилил). Честно и полно изложи проблему, если он потребует что-то взамен — дай. Можно торговаться. Лучше не врать.

— Гм. Кажется, я улавливаю, — задумчиво протянули в трубке. — Спасибо, дружище. Ты, действительно, звони, если что. Секретарю министра, например. Она найдет, как мне передать.

И вот этот безобидный, в общем-то, разговор привел Сатала в исступление.

Кевинахари, молча, наполнила чашки свежезаваренным чаем. Координатор, исполнивший ставший за неделю почти ритуальным «танец негодования», опустился в кресло, а капитан Бер перебрался поближе к столу.

— Итак?

— Отчет аналитиков готов, — капитан выложил на стол папку. — Кстати, Воскер настаивает, что Ларкес сознательно не позволил удушить проблему в зародыше.

— Отлично! — старший координатор злорадно ухмыльнулся, разве что руки потирать не стал. — На совещании мне будет, что ему сказать. И то, что он липнет к моим сотрудникам, я ему тоже припомню.

Мисс Кевинахари закатила глаза. Эмпатка сразу посоветовала капитану наплевать на произведенный эффект и больше не поднимать тему, очевидно, в ее понимании происходящее было неизбежным следствием из натуры старшего координатора.

— Нашли время совещаться, — недовольно пробурчал Паровоз.

— Так, как сейчас, тоже нельзя, — встрепенулся Сатал. — Горстка фанатиков шпыняет правительственные силы, как хочет. Пока нас спасает хорошая экономическая конъюнктура — у общества нет поводов для возмущения. А дальше что будет? Давить паразитов надо, прямо сейчас!

Предсказание Дэниса сбылось — молодого некроманта выпроводили из столицы с поспешностью, в иных обстоятельствах необъяснимой. Обнаружив это, Тангор начал нудить и упираться (наверное, из духа противоречия), хотя до того просто горел желанием отправиться к месту работы, но тут хитроумный Фелистер прозрачно намекнул, что следующий состав в бедствующий регион пойдет не раньше, чем через неделю… Черный подхватился и через два часа готов был ехать.

— Вы отправитесь вместе с подразделением капитана Ридзера, — улыбаясь, старший куратор подсовывал юноше папку с командировочными документами.

— Армейские? — Тангор косился на папку с подозрением и держал руки за спиной.

— Надежная охрана никогда не помешает! В Арангене сейчас неспокойно.

Некромант побухтел немного, вздохнул и принял документы. Мистер Фелистер словно испарился.

— Знаешь, — поделился впечатлениями Тангор, — твой босс — тот еще жучара!

Дэнис был с этим определением совершенно согласен, но уронить честь мундира не мог:

— Он просто за вас беспокоится.

В этот день преимущества мотоцикла в столице были особенно заметны: некромант успел отправить в Краухард посылку с сувенирами, выпить чаю, потрепать Дэнису нервы, а автомобиль с зомби и чемоданом до вокзала все еще не добрался. И это притом, что народу на улицах стало меньше!

— Может, автомобиль по жаре заглох, — пытался спасти положение куратор.

— Угу. Или их по дороге грабанули, — мрачно предположил Тангор.

Странная идея. Кому мог потребоваться автомобиль со шмотками и мертвым псом, Дэнис не представлял.

— Пойдем, хоть на паровоз глянем, — некромант решительно вылез из-за стола.

Куратор, нехотя, потащился следом.

На оккупированную военными часть вокзала они проникли не без труда. То есть, выписанные министерством документы охрана принимала охотно, а вот мотоцикл пропускать не хотела. Черный маг мрачнел, а Дэнис метался по вокзалу в поисках коменданта. Еле сговорились.

На этом злоключения не кончились (день, определенно, был проклят). Только увидев перед собой заветный перрон, куратор осознал простую, в общем-то, истину — Тангор поедет в Аранген не один, а с коллегами. И, если встреченный у гостиницы полковник показался Дэнису львом, то здесь таких обитал целый прайд — около дюжины боевых магов в мундирах. Для сопровождения армейских специалистов в Службе Поддержки существовал особый отдел и не зря: если на «чистильщиков» еще можно воздействовать, взывая к логике, то у вояк даже логика была какая-то своя. Вот только кураторов этого коллектива поблизости не наблюдалось, и от необходимости лично объясняться с ненормальными Дэнис порядком струхнул.

«Лучше получить взыскание, чем по шее», — решил для себя начинающий куратор.

— Вы как, справитесь здесь без меня? — поинтересовался он у черного, почти не сомневаясь в ответе. — Тогда я пойду,

встречу багаж, — и он бодро зашагал к выходу с перронов, невероятным усилием воли не позволяя себе сорваться на бег.

Ненавижу спешку! Когда времени в обрез, вечно что-то идет не так. Люди хамят, вещи пропадают, в результате чувствуешь себя словно в перьях. Кто бы мне сказал раньше, на какие жертвы придется идти, ради получения диплома! А почему? Потому, что Саталу было лень поставить свою закорючку на титульном листе. С черными магами так нельзя! Только благодаря титаническим усилиям и феноменальному самообладанию мне удалось добраться до нужного поезда, никого не покалечив. И тут мой сопровождающий исчез из поля зрения так стремительно, что выяснить, к кому здесь следует обращаться, я просто не успел.

Вот ведь, деловой не к месту! То его пинками не прогонишь, а тут шур-шур и — нет его. Ладно, будем действовать по старинке.

Я взгромоздился в седло и медленно поехал вдоль состава, отыскивая мага с наибольшим количеством блестящих нашивок — верный признак командира. И что характерно — стоило мне проехать, как за моей спиной бойцы спрыгивали с платформ и шли следом. Это нервировало. Я успел добраться почти до самого паровоза, когда прямо передо мной из-за ящиков вышел армейский маг в чине капитана, и — встал. Пришлось резко жать на тормоз. А физиономия-то у него какая знакомая, словно домой пришел — это был один из тех, кто устраивал посиделки у моего подъезда. Вот и познакомились!

Во мне начинала закипать злость.

— Ты, что ли, директор цирка?

Присутствующие мгновенно сомкнули ряды. Вот сволота! За что не люблю армейских — не знаю, как их этому учат, но нападают они всегда скопом (поведение для черных противоестественное, а от того особенно раздражающее).

— Это ты про кого? — надменно поинтересовался капитан, расправив плечи, от чего все его многочисленные нашивки стали перемигиваться.

— Про того козла, который всю ночь зеркальце свинтить пытался, — невозмутимо отозвался я.

Пытался, несмотря на пронзительные завывания охранного амулета. Но желающих спать оказалось больше, чем желающих зеркальце, а потому воров прогнали матюгами и не вполне словесными проклятьями (утром и так дохлый газончик в паре мест был сильно опален).

Плечистый маг очень мило стушевался:

— Не понимаю, о чем ты!

— О такелаже. Веревки, короче, мне нужны. И кусок брезента.

— Так бы сразу и сказал! А то бормочет себе под нос непонятно что. Для чего такелаж?

Я показал ему предписание: мне предстояло ехать в Аранген вместе с ними. Перспективы такого шага уже не представлялись мне радужными (мотоцикл развинтят, зомби препарируют, меня — выкинут в песках). Может, лучше дезертировать, пока не поздно?

Капитан внимательно изучил бумаги и вдруг превратился в радушного хозяина (ох, не к добру это, не к добру!). Дэниса, притаранившего багаж, поблагодарили за службу и отправили нафиг. Мой агрегат споро закрепили на охраняемой платформе, для Макса нашлась лишняя бочка, из которой он мог вообще не вылезать, а для меня — свободное купе в штабном вагоне. Правда, теплового насоса в нем не было, но, когда одним поездом едет двенадцать черных магов, обеспечение комфорта становится исключительно вопросом навыка — армейские уже успели поработать над установкой щитов и Знаков, так что, риск замерзнуть насмерть был гораздо выше, чем опасность изжариться живьем.

Сначала я не понял, с чего такая забота, но, стоило поезду тронуться с места, как капитан проявил свои истинные цели — начался форменный алхимический шпионаж:

— Никогда не видел мопеда на масле. Не дымит?

— Это — прототип, оборудованный двигателем с черномагическим управлением, выпущен ограниченной партией, — возможно, он вообще один такой. — Не дымит, заводится с полпинка и ездит на любом масле.

— А что это у тебя за проклятье на фаре висит?

— Это новейший патентованный глушитель, модель РТ-1, - и то, что Рон поставил свое имя вперед, я ему еще припомню!

— А что это такое вчера, гм, бибикало?

— Экспериментальный охранный амулет, надежное средство от жуликов, — штука, выдержавшая напор боевых магов, не может быть не надежна. — Уникальная разработка! Проходит стадию полевых испытаний.

— А почему цвет менялся?

— Это супермодерновый полихроматический камуфляж нового поколения, интегрированный с охранным амулетом. Существует в единственном экземпляре, — не говоря уже про эксклюзивный дизайн. — Семь независимых цветовых комбинаций!

Капитан мрачно посмотрел на меня, прикинул свои выгоды и вздохнул:

— Выпьем?

Следующие три дня промелькнули незаметно. В пути боевые маги не скучали: они квасили по-свински, занимались тренировками на крыше вагона и пулялись файерболами в сусликов (Не видишь? А он там есть!). Причем, все это они делали ПО УСТАВУ. Складывалось впечатление, что все присутствующие играют в предельно сложную азартную игру с постоянно меняющимися правилами, в которой капитан играет роль арбитра. Натуральный психоз! Это действо настолько занимало их внимание, что ни на что другое его просто не хватало: первый день мое присутствие еще вызывало вопросы, а на второй обо мне уже никто не вспоминал. Единственным армейским магом, которого я встречал до той поры, был мистер Смит, но он не казался мне настолько странным (то ли от недостатка отмороженности, то ли — из-за отсутствия группы поддержки).

Что может довести взрослых черных до такой шизы?

Я решил осторожно расспросить самого, на мой взгляд, вменяемого из этой компании — парня года на два старше меня.

— Слышь, а как ты попал в армию? — не представляю себе черного, мечтающего о дисциплине.

— Да у меня невеста была, — отозвался он, словно это все объясняло.

Я ждал продолжения.

— Ну, ее урод один клеить стал.

Это уже конкретней…

— Потом оказалось, что у него дядька-прокурор.

Но я все еще не до конца врубился.

— А в тюрьме ко мне вербовщик подъехал: «Выдержишь испытания, сможешь первым делом убить того козла».

— И как?

— Убил, конечно, — спокойно пожал плечами боец.

— Гм. А невеста?

— На что мне эта шлюха!

Я попытался представить себе ситуацию, в которой пожертвовал бы всей оставшейся жизнью для достижения такой простой цели. Нет, у меня слишком много интересов, я не могу отказаться от них всех ради чего-то одного. И мне совсем не интересно знать, каким образом свернули мозги этому парню. Ну их в баню!

На четвертый день пути поезд два часа шел в туннеле (крутой аттракцион!), а когда гора осталась позади, безжизненные пески сменились ковыльной степью — мы миновали водораздел Внутренней Пустыни.

Капитан позвал меня в штабное купе для обсуждения

дальнейшей стратегии.

— Сейчас мы здесь, — он ткнул пальцем в край большого, песчано-желтого пятна, — а направляемся сюда, — палец съехал далеко вниз, — сначала прибудем в расположение части, потом сформируем колонну, и лишь затем выдвинемся на побережье. На все про все — около месяца.

— …!!! Мне не подходит.

Какой месяц, какой месяц?!! Мне через месяц уже отчет сдавать, причем, в Редстоне, не в Арангене!

— Тогда другой вариант. Завтра мы остановимся для заполнения цистерны здесь. Вот тут, — ноготь съехал немного в сторону, — располагается штаб восстановленного арангенского НЗАМИПС. Правда, связи с ними практически нет, но проводника на побережье они найти смогут. Там и встретимся.

— Согласен!

Перрона на полустанке не было, поэтому мотоцикл пришлось спускать с платформы на руках. Шуму было столько, словно выгружали трактор (вспомнился анекдот о лампочке и капралах). От избытка чувств даже Макс начал скакать и гавкать. В качестве моральной компенсации пришлось показать капитану глушитель и камуфляж в действии.

— Значит, в основе — принцип щита…

— Точно.

— Умом понимаю, а повторить не смогу.

Что и требовалось доказать.

— Не переживайте! Мне говорили, что это ге-ни-а-ально.

Капитан остался чесать бритую репу и строить планы, а его подчиненные, тем временем, снаряжали меня в поход.

— У тебя там что, чугуний? — пропыхтел молодой маг, помогающий мне закрепить чемодан на багажнике мотоцикла.

— Как догадался? — весело отозвался я.

Для комфортного путешествия мне потребовалась еще канистра масла и канистра воды, а дальше оттягивать отъезд смысла не имело. Последний раз бибикнув теплой компании отморозков (придурки начали кричать и улюлюкать), я решительно вырулил на проселок, уходящий приблизительно в нужном мне направлении.

Готовься, Аранген, Тангор идет!

Глава 14

Не иду, а еду. И чем дальше дорога уходила от чугунки, тем сильнее было ощущение, что капитан Ридзер меня… Скажем так: обманул не по детски. Высадил не там, короче говоря.

Наслушавшись стонов о «проклятом НЗАМИПС», я ожидал увидеть голый ландшафт, обглоданные нежитями камни, всюду — кости и черепа. Вместо этого передо мной от горизонта до горизонта волновалось море трав, в котором (это было слышно даже за шумом мотора) издевательски стрекотали кузнечики. Никаких тебе туманных ложбин, темных омутов, непролазных чащ или бездонных болот. Какие там чащи! Всякое подобие лесов здесь вывели давно и надежно. Вдоль межевых границ росли только вековые дубы (наверное, ради желудей), почти незаметные взгляду низины и овражки заполняли подстриженные скотом кустарники (нормальные, а не тот колючий кошмар, который рос вокруг Михандрова). Исполненный подозрения, я пытался найти хоть что-то, скрытно несущее угрозу, и не мог. Откуда здесь взяться нежитям? С точки зрения выходца из Краухарда, в Арангене было абсолютно безопасно.

В теплом воздухе облаком висела мошкара, в небе сновали птицы, этой самой мошкарой занятые, монотонность горизонта приятно разбивали башни ветряных мельниц. Рассекатели легко справлялись и с насекомыми, и с травой, разве что масла жрали больше обычного — проселок хоть и выглядел наезженным, но за последний сезон заметно зарос. Меня одолевало искушение растянуть путешествие денька на два, купить у местных какого ни на есть пива и устроить себе выходной. Останавливало только то, что дата экзаменов стремительно приближалась, а к практике я, по меткому выражению Сатала, еще не приступал.

Но и это беспокойство становилось все слабее.

Одиночество в полях пробирает не хуже иного колдовства. Все мысли и заботы как-то незаметно улетучиваются из головы, сознание словно застывает в ожидании не то конца пути, не то — какой-то не назначенной встречи. Чтобы ощутить эту магию вполне, нужно пережить одиночество в Арангене. Какой тут простор! Казалось, все восточные кантоны Ингерники можно окинуть взглядом за один раз, настолько ровной была земля, настолько прозрачным — воздух. Облака белыми арками изгибались на небосклоне, даже в середине лета зелень не жухла, прохладный ветер мягко дул с гор. Не возможно было поверить, что в какой-то сотне километров отсюда находится пекло Внутренней Пустыни.

Казалось бы, можно ехать и ехать, но ближе к полудню солнце начало припекать и мысли о привале стали неодолимы. Мне хотелось умыться, перекусить, а может и вздремнуть чуток (проверить правильность выбранного пути тоже будет не лишним), даже Максу надоело выделывать кренделя в траве, и он побежал вровень с мотоциклом. Теперь мы оба бдительно оглядывались по сторонам в поисках жилья.

Всеобщее благолепие разбудило во мне сельскую жилку (это притом, что домашний огород я люто ненавидел), и хозяйственный мужичок внутри начинал ворчать, что поля, де, стоят не кошены, а среди зелени не видно крепких спин пасущегося скота. Вот этот-то момент Аранген и выбрал, чтобы поставить меня на место.

Можно было сразу заметить, что отвилок дороги в сторону безымянного хутора слишком уж зарос, но какой черный обращает внимание степень помятости травы? Ворота стояли приветливо распахнутыми, меня насторожила только тишина, какой в нормальном хозяйстве не бывает — ни мычания, ни лая, ни голосов. Я стоял посреди заросшего двора и тупо смотрел на заколоченные окна и покинутые хлева.

Есть вещи, за которые в Краухарде натурально убивают, а жандармерия даже дело расследовать не берет. И вот это — одна из них.

Закон «о брошенных строениях» для кого написан?! Люди уехали отсюда явно больше года назад, почему дома все еще не сожгли или, на худой конец, не сняли с них крышу? Это прямо какие-то гнездышки для фом, чтобы нежити случайно не подохли без защиты! От того, чтобы подпалить хутор немедленно меня остановила только высокая трава — не хотелось соревноваться в скорости со степным пожаром. Я обошел все дома и посшибал с окон ставни (хоть какой-то свет), распахнул двери сарая и снял с колодца крышку. Ух! А вот пить из этой ямы ближайшее время никому не советую — для закруты тут, конечно, места маловато, однако какая-то мелочь вроде Темных Прядей в воде явно поселилась, наивные новоселы запросто могли поплатиться за это жизнью. Скажите, ну кто их просил ставить на колодец крышку?!! Пришлось идти в дом и искать соль — оставить нежить пастись на воле мне не позволяла краухардская гордость. Заодно нашел и топор — вырубить упреждающие знаки. Все это мероприятие (засолка колодца, обустройство простейших Знаков и осветительных дыр) заняло у меня чуть больше часа. А перед отъездом проделать то же самое им религия не позволяла?

М-да, называется — пивка попил. Попадись мне прежние хозяева… Впрочем, может быть я их даже видел, в какой-нибудь

столичной подворотне.

Я переждал жару под просторным деревянным навесом какой-то сушильни, размышляя над тем, что, по-хорошему, крутым «чистильщикам» из надзора тут и вправду нечего было делать, а вот парочка жандармов с батогами не помешала бы. Свои прелести в Арангене есть, вот только это все — не правильная опасность, а просто — людская дурь, которая выбивается из мозгов без всякой магии, грубой силой. Именно такие ситуации и позволяют черным магам неплохо зарабатывать. Увиденные в дальнейшем странности меня уже не удивляли — брошенные дома, наглухо закрытые сараи, колодцы с «домиками» и прочая фигня, за которую сажать надо. Хотите мое мнение? Недоумки заслужили того, чтобы умереть от чумы — глупость не должна поощряться.

Вечером на равнине замаячили крыши большого селения, где, предположительно, находился штаб арангенского НЗАМИПС. Меня уже встречали, но делали это как-то неласково, с дубьем — четыре мага выстроились поперек темной дороги, подозрительно напоминая кордон. Их суровый вид меня не обеспокоил — черным вообще не свойственна осторожность, а после происшедшего в Хо-Карге мое нахальство просто било через край.

— Пароль!

— …!!! Я из Хо-Карга, о моем прибытии должны были сообщить.

— А ты докажи!

Макс подошел к нему поближе и показал зубы. Впервые вижу человека, который обрадовался от вида зомби.

— Ну, заезжай, раз так.

То, что я принял за село, оказалось небольшим городом, по какой-то непонятной причине выстроенным посреди степи. В сумерках можно было различить аккуратные двухэтажные домики без огородов, храм, ратушу, а так же то, что городок практически пуст. Меня встречали темные окна, заколоченные двери, тусклые масляные фонари горели только на центральной улице. Местечко с неподражаемым названием Тюкон-Таун обещало вскорости стать таким же призраком, как найденный мной хутор.

Штаб арангенского НЗАМИПС разместился в единственном нормально оборудованном здании с освещенным фасадом и защитными Знаками на фундаменте. Конторой руководил пожилой черный маг умеренной вредности (наверное, его долго такого выбирали). Подчиненных у него наблюдалось человек пять, при этом вели они себя тихо и напряженно. Я не представлял себе, что могло заставить «чистильщиков» так дергаться, но и на проводников они никак не тянули, а

самостоятельно добираться до расположенного на побережье городка по лишенной ориентиров равнине можно годами. Как говорится, здравствуйте — попали!

— Что-то произошло, сэр? Может, я чем-то смогу помочь.

А потом вы поможете мне.

— Вы по дороге кого-нибудь встречали? — прищурился арангенский начальник.

— Никого. Вообще — никого.

— У нас сотрудник пропал, — без перехода сообщил он, — третий день ищем.

— Как это «пропал»?

«Чистильщики», вообще-то, не из тех, кто бежит с места службы, да и куда отсюда убежишь.

— А вот так! Поехал на плановый осмотр и — с концами.

— Не может такого быть!

Мужик внезапно разозлился, словно все не высказанные мной подозрения задевали лично его:

— Ты давай не умничай и не в свое дело не лезь, понял?

Я понял — проводника мне не видать, как своих ушей. Надо было срочно спасать положение.

— Давайте Макса по следу пустим!

Он поморщился:

— Хорошая идея, но запоздала — время ушло, к тому же, он на рыдване своем уехал.

— Так у меня же пес не простой.

Он честно попытался обдумать предложение, но искрометная интуиция среди его талантов не значилась.

— Ладно, попытка не пытка. Только транспорт не дам — таратайка последняя осталась, мало ли что. Разве что лошадь у местных наймете…

Излишним любопытством он тоже не страдал. Интересно, а как, с его точки зрения, я сюда добрался? Дошел пешком от станции?

— Мне нужна только канистра масла и кто-нибудь из ваших, кто способен опознать пропавшего.

Арангенский шеф поморщился:

— Сотрудников у меня в обрез. Возьми с собой Паульса, он у нас эмпат, от него сейчас никакого толку.

— Белого? Да вы чего!!! Я же некромант, вдруг мне ворожить придется.

Тут «чистильщик» ажно поперхнулся.

— Ты только местным этого не брякни! Это же дикий народ, они читают сказки и ВЕРЯТ. Зам мой с тобой поедет, и что б вернулись до темна!! И — вдвоем.

Кто бы знал, как меня достали эти сердитые начальники… Может, ну его, этот диплом? Стоит из-за него надрываться! Но, забравшись к Шороху в… э-э, в общем, отступать было глупо, к тому же, командировочные мне помаленьку капали, и это помогало примириться с реальностью.

В штабном здании мне отвели комнату для гостей — каморку с кроватью, стулом и вышитыми розочками занавесками на окне. Вышивка и кружева в доме черного мага вызвали у меня острое дежавю. И почему самая забубенная дрянь происходит в таких вот тихих, мирных местечках? Наверное, это какой-то мировой закон: кто сладко жил, тот плохо кончит. Впрочем, сказано не про меня.

Я отправился спать, потому что надо было встать до света, а когда проснулся утром, мое отношение к Арангену было именно таким, каким и должно быть. Птички и травки больше не умиляли, дремотный зной не заставлял расслабиться, увиденные красивости превратились в ОБЪЕКТЫ, лживые декорации, за которыми скрывалась хищная сущность этого края. В голове хихикал листочками календарь, отсчитывающий дни до экзамена в Университете, меня сильно вело на мордобой. И без разницы, кто убодил пропавшего «чистильщика» (а в том, что он мертв, сомнений практически не оставалось), главное, что в гости к ним пришел звездец, и я всех с ним лично познакомлю.

Зомби налету ухватил суть задачи. Не знаю, чем Макс руководствовался (запахом, отпечатками шин или каким иным чутьем), но на выезде из городка он встал на след и уверенно повел нас по дороге сквозь поля. Почему арангенский шеф так легко расстался со своим замом, я понял очень скоро: болтливый черный — редкое явление, но если уж словесный понос начинается, то приобретает характер патологии (может, это нервное напряжение так на нем сказывалось). Мотоцикл скакал по колдобинам как тушканчик, а этот олух не замолкал ни на секунду, как он себе язык не откусил, понять не могу. Если бы не мой опыт общения с белыми, «надзор» потерял бы еще одного сотрудника, мамой клянусь!

Естественно, набор тем у черных и белых был разный: «чистильщик» хвастался, безудержно, взахлеб, не интересуясь ответной реакцией и не беспокоясь, как выглядят его похвальба со стороны. Его послушаешь, так арангенский «надзор» был КРУТ, а почему люди от нежити бегут — так это местные сами виноваты.

— Вот, было: дом — один сплошной фома, а они жечь его не позволяют — частная собственность. Но босс их обломал! Закон не нравится? Заходи первый! Вышел живой, значит, твоя правда. Главного балабола со второго раза морла взяла, остальные

заткнулись.

Арангенским селянам можно было только посочувствовать — «чистильщик» выбрал самую жесткую и беспощадную форму для их знакомства с реальностью (поделиться иллюстрированной методичкой — не судьба, проще по морде дать). Поймав себя на плаксивых мыслях я едва не застонал. Да что ж это такое! Откуда во мне это соплежуйство? У черного такие новости должны вызывать только злорадную ухмылку. И ведь главное — раньше я не был таким размазней. Или был?

Тьфу!

Болтливый «чистильщик» не представлял, как близко подошел к тому, чтобы быть проклятым насмерть.

В конце пути нас ждал облом. Пропавшего мистера Гатая мы не нашли, зато нашли его грузовичок (он приткнулся на обочине широкой грунтовой дороги, почти тракта), вокруг обнаружились какие-то странные эманации и никаких следов тела. Макс выглядел откровенно озадаченным. Вызванные «манком» сослуживцы мага ничего не понимали и от этого еще больше злились, они не верили в дезертирство «чистильщика», но близость торной дороги наводила на неприятные мысли. Мои гипотезы о происходящем были не столь однозначны (я ведь знал, что нежити — не единственная проблема в мире), однако мне приходилось держать их при себе — черные были слишком взбудоражены. Да и чем бы им помог факт, что трава на месте инцидента слишком свежая? Если они вообще способны отличить живую траву от сухой. В Университете я видел, как белый маг может ускорить рост растений, но в данном случае это ничего не объясняло — черного такой фигней не удивишь. Результатом поисков стала возвращенный транспорт и много-много работы для штатного эмпата.

К вечеру я вернулся в Тюкнутый Таун с противной мыслью, что придется-таки добраться до побережья в одиночку. Может, у них хотя бы карта окрестностей есть? Количество магов в помещении НЗАМИПС увеличилось до пятнадцати и обстановка стала совершенно невыносимой. Мистер Паульс (прилично одетый мужчина средних лет) обреченно пытался привлечь к себе внимание, но сделать что-то в одиночку эмпат не мог. Все были раздражены, огрызались, и дело шло к дуэли, естественно, для претензий выбрали чужака. Поскольку на благодарность надеяться уже не приходилось, я не возражал (заодно и проверим, так ли хороша наука Сатала). Раззудись плечо, размахнись рука!

Бандитского вида «чистильщик» с татуировками на костяшках пальцев и отсутствием двух передних зубов первым созрел для действия и что-то неловко пошутил. Остроумия от

него не требовалось — смысл первых слов значения не имел, это была всего лишь дань ритуалу приглашения к драке. Итак, принижение статуса, похвальба и угрозы…

— Таскать навоз твоя работа, потому сюда и послали, бездаря. До других дел не дорос. Маленький еще! Подучил бы я тебя, да лень пороть — рука устанет. А то — подходи, беззубый, дорого не возьму!

Щербатый парень побледнел, покраснел, а потом пошел пунцовыми пятнами. Эка я насобачился черных магов дразнить! Между прочим — особый шик на дуэли.

Мешавшие оперативному простору стулья уже разлетались в стороны. Эмпат самоотверженно пытался влезть между нами, но его утянули в задние ряды, чтобы не портил развлечение. По-хорошему, от швыряния проклятьями меня удерживал именно он — кто знает, как моя магия повлияет на белого (Искусник-то в Хо-Карге действительно чокнулся). Но богатый жизненный опыт научил меня иметь при себе альтернативу… Внимательно следя за руками «чистильщика» (жесты — первый признак работы с Источником) я вытянул из кармана бумажный кулек и метнул его в противника, тот отбил снаряд щитом, тонкая оболочка лопнула, и мага густо обсыпало ярко-зеленым порошком. Забияка чихнул, еще раз. Дыши, дыши, моя прелесть, это именно то, что от тебя требуется!

— Что происходит? — забеспокоился начальник, но «чистильщики» не имеют рефлексов армейских спецов, и групповой атаки можно было не опасаться.

— Это — блокиратор в порошкообразной форме, — злорадно ухмыльнулся я (именно так и должен вести себя настоящий черный маг!).

Присутствующие дружно отшатнулись от пострадавшего. Мой противник заполошно вскинулся, попытался что-то такое наколдовать… По нулям. Я начал разминать кисти рук.

— Ну, что, мужик, за базар отвечать будем?

Ничто так не выбивает черного из равновесия, как внезапная потеря Источника (по себе знаю). Половина азарта тут же испаряется и ситуация уже не кажется такой очевидной.

— А я чего? Я ничего, — сразу стушевался кастрированный волшебник.

— Это навсегда? — с болезненным интересом спросили из массовки.

— Нет, но на неделю — точно.

— Эй! — встрепенулся начальник. — Что же ты творишь?! У меня сотрудников и так в обрез, работать некому!

Опомнился, что называется. Что ж, там, где не подействовала

добрая воля, поможет моральный террор.

— У меня тоже работа, важная, срочная и секретная. Вы мне содействовать должны! Дайте мне проводника в Гилад и я уеду.

И можете здесь хоть голышом плясать.

Напряженные взгляды скрестились на незадачливом «чистильщике».

— Соркар, а ты ведь, кажется, ездил на побережье? — поинтересовался арангенский шеф и голос у него был ласковый-ласковый.

Все правильно: маг, потерпевший поражение в поединке, для «чистильщиков» — человек опущенный, а, учитывая специфическую травму, припоминать происшедшее Соркару будут долго и с удовольствием. То, что мы не швырялись друг в друга проклятьями, принципиального значения не имело.

Бедняга осознал свои выгоды и обреченно кивнул.

— А как же Гатай?

Я отмахнулся (этот жест заставил черных попятиться еще дальше).

— С этим у меня проблем не будет!

— Ты знаешь, что произошло? — прищурился шеф.

— Нет, но догадываюсь. В Хо-Карге Искусники переворот готовили, вы думали, до вас не докатится? Там на дороге следы какой-то белой ворожбы. Я так думаю, что кто-то мимо проезжал, а ваш парень на них напоролся.

На физиономиях «чистильщиков» появилось озадаченное выражение — плохенькое объяснение было лучше, чем никакого, не нравилось им только то, что предложил его чужак.

— Да ладно вам! Против боевого мага они все — щенки. Главное — быть осторожней с чужаками, особенно — с белыми, а еще — следить за едой, — я ткнул пальцем в рассыпанный порошок, — потому что они этим делом тоже владеют.

— Соркар, поступаешь в распоряжение господина Тангора, — как ни в чем ни бывало продолжил арангенский шеф, — собирай вещи, завтра с утра поедете. И что бы раньше, чем через неделю не возвращался.

«Чистильщики» быстро, но не теряя достоинства, разбежались, через минуту в комнате остался один мистер Паульс. Эмпат выглядел взъерошенным и жалким, как жеваный кошкой воробей. Вот кому действительно приходилось кисло!

— Извините, — попытался улыбнуться он, — я плохо контролирую ситуацию.

— Забейте! Эти — в любой жопе выживут, фиг с два с ними что-нибудь случится. На мой взгляд, ваша помощь больше нужна местным жителям.

Хотя бы потому, что я еще ни одного не видел вблизи — они разбегались при появлении черных магов с поразительной скоростью, а это уже о многом говорило.

— В первый раз черный учит меня моей работе, — в исполнении белого эти слова служили похвалой, а не наездом.

— Не просто черный, а специалист по ретроспективной анимации, — поправил я его.

Глава 15

Паровоз мог позволить себе посмеиваться над любовью начальства к совещаниям, потому что ни разу в них не участвовал и не представлял, как сложно организовать нечто подобное. Полный министерский Круг собирал пятьдесят восемь участников, семеро из которых были черными, восемнадцать — белыми, а остальные тридцать три желали быть защищенными при принятии решений и от тех, и от других. Зал собраний был единственным в Ингернике местом, полностью блокированным от проявлений любой магии, а делегаты традиционно являлись на заседания в масках и одинаковых синих балахонах.

Внутренний Круг министерства Общественной Безопасности был намного скромнее и гораздо реже собирался в полном составе. А, в сущности, какое дело жандармам до проблем алхимического шпионажа? Равно как и боевым магам НЗАМИПС до боеготовности кантональных сил самообороны. Сегодняшний случай был исключением: попытка переворота в столице требовала принятия жестких мер, хотя, надо признать, сбор был объявлен задолго до того, как о заговоре стало известно.

Чиновники собирались в холле конференц-зала, расположенного на минус втором ярусе замка Деренкорф (очертания башен и ломаной линии стены этой крепости давно стали визитной карточкой министерства). Зачарованные светильники удачно имитировали дневной свет, но настоящих окон в помещении не было. Каменные стены ненавязчиво прикрывали гобелены в сине-серебряных тонах, какие Знаки за ними скрывались, никто выяснять не пытался — министерство Безопасности было, пожалуй, единственной организацией, для которой человеческие злодеи несли большую угрозу, чем потусторонние феномены. Участники совещания потихоньку просачивались через многочисленную охрану, здоровались со знакомыми и разбивались на группки для неформального общения. При необходимости, архитектура вестибюля, с колоннами и альковами, позволяла найти уединение, но вот спрятаться тут было решительно негде.

— Здравствуйте, уважаемый! Что-то вас у нас давно не видно. С глаз долой, из сердца — вон?

— Не знал, что у вас такие серьезные проблемы, что требуется мое вмешательство.

— Спасибо, чем ваше, лучше вообще никакого. Думаете, чье наследство я разгребаю до сих пор? А вот вы, похоже, забыли, что сменили место службы.

— Откуда такие выводы?

— Оттуда, что вы до сих пор пытаетесь командовать моими сотрудниками! Может, вам еще и вашу должность на бумажке написать? Чисто для памяти.

Маг с аккуратным бейджиком «Рем Ларкес», определенно, начинал кипятиться:

— Я пытался передать юноше опыт и знания, пока общение с вами его окончательно не испортило. Какой пример может подать «чистильщик» некроманту?!

Заслышав разговор на повышенных тонах, присутствующие среагировали по-разному: большинство поспешило отойти в противоположенный конец вестибюля, а трое — подтянулись ближе. Черные любят скандалить и драться, а еще больше любят смотреть, как дерутся другие.

— Да вы представить себе не можете, на что способен некромант с хорошо поставленным ударом!

От перехода на физические аргументы спорщиков спасло появление министра. Господин Михельсон был обычным человеком, но от настоящих черных отличался только мастью, шумных разборок не терпел и от неуправляемых сотрудников избавлялся безжалостно. Маги мгновенно превратились в миролюбиво беседующих коллег.

Зрители дружно вздохнули (кто-то облегченно, кто-то — разочарованно) и потянулись к дверям, за которыми скрылось руководство. В скромном зале собрались все пять региональных координаторов, начальники различных служб (общим количеством семь штук), сам министр со своим первым замом и двое приглашенных гостей (следует ли рассматривать Ларкеса как гостя, было непонятно — его новой должности никто не знал). Черные, как ни в чем ни бывало, рассаживались вокруг стола, и только хороший эмпат мог бы определить, что, скажем, Главный цензор готов был поддержать прежнего хозяина Редстона, координатор Аксель — нынешнего, а шефу жандармов было глубоко плевать и на того, и на другого. Сатал посылал Ларкесу многообещающие взгляды.

Министр дал подчиненным ровно минуту на то, чтобы занять свои места.

— Господа! — господа приняли деловой вид. — Я думаю, никому из вас не надо объяснять, что ситуация в стране критическая, и от того, что неизбежность кризиса была предсказана много лет назад, никому не легче. Сразу оговорюсь: меры по предотвращению теологической угрозы предлагались нашим министерством регулярно, но кое-кого в правительстве опыт Нинтарка ничему не научил. К счастью, ротация кадров,

вызванная последними выборами и ситуацией вокруг Арангена, привела к власти более решительных людей.

Кое-кто из присутствующих понимающе закивал: министр юстиции, последний ставленник арангенских землевладельцев, полгода назад покончил с собой (он был одним из идеологов «нового уклада», позволившего кантональным властям экономить на службе «очистки»), а провести в правительство нового лоббиста деморализованная и обнищавшая восточная фракция не смогла.

Министр не позволил себе поминать дурным словом всегдашнего оппонента.

— Мы получили карт-бланш. От нас требуется в кратчайшие сроки ликвидировать угрозу государству, — на этом месте многие погрустнели, — но ситуация не так уж безнадежна, — тонко усмехнулся министр. — В свое время группа экспертов изучила проблему всесторонне и выработала ряд рекомендаций, о которых лучше расскажет человек, непосредственно занимавшийся их реализацией — мой первый помощник. Прошу!

Ларкес бросил на своих недоброжелателей многозначительный взгляд и вышел к демонстрационной доске, на которой уже висело несколько плакатов. На лице бывшего координатора не было привычного многим «кукольного» выражения и это само по себе привлекало внимание. Вновь представленный помощник министра немного театрально закусил губу, словно вспоминая что-то, а потом обратился к собравшимся:

— Господа! Сказать, что проблема стара, значит — ничего не сказать. Люди систематически пытаются заменить собой господа бога и переделать этот мир в соответствии со своими представлениями о добре и зле. Первые сохранившиеся в архивах упоминания об организации, ставящей себе целью привести человеческое общество в соответствие с божественным замыслом, относятся ко временам Белого Халака. Тщательный анализ истории показывает, что реализация этого учения всегда осуществлялась через гонения на носителей черного Источника и массированное применение запрещенных магических практик, а результатом всегда (я подчеркиваю, господа, всегда!) становилось катастрофическое падение уровня жизни, уничтожение государственности и жертвы среди гражданского населения. Поэтому я хочу, чтобы все присутствующие осознали: альтернативой борьбе с Искусниками является превращение Ингерники в такую же поучительную сказку, какой стал Ингерланд короля Гирейна.

Бывший координатор с некоторой гордостью посмотрел на

Сатала, потрясенного такой длинной и прочувствованной речью, и счел возможным перейти к делу. Слушателям сразу стало не до мимики черных магов. Нет, наивных обывателей среди руководства Общественной Безопасности не было, но одно дело — понимать, что перед тобой отнюдь не безобидные чудаки, а другое — осознать, какими силами они располагают. Тем более — магия. Белые маги в силовых ведомствах не приживались, черные своими секретами делиться не спешили, обычные же люди были склонны волшебство недооценивать.

— Их основная цель — ритуал, относящийся к разряду смертного колдовства. Суть его нам доподлинно не известна, но сами Искусники уверенны, что изгоняют при помощи него некое мировое зло. Реально это приводит к временному снижению частоты регистрации потусторонних феноменов с последующим резким возрастанием ее до значений заметно выше исходных. Поскольку между первой стадией и второй может пройти несколько десятков лет, неизбежный коллапс сектанты объясняют «происками злых сил», а уцелевшие посвященные начинают готовиться к проведению следующего ритуала. Все прочие действия Искусников имеют второстепенное и тактическое значение. Так, например, заговорщикам из Хо-Карга была обещана помощь в истреблении боевых магов, которые ненавистны сектантам сами по себе, конечный результат переворота посвященных не интересовал.

Тут Ларкес сделал паузу, давая аудитории прочувствовать смысл сказанного. Обычные люди были в шоке — знать о существовании рвущихся к власти сумасшедших само по себе неприятно, а обнаружить, что безумцам даже власть не нужна — это уже удар. Черные напряженно соображали, каким образом их собирались подловить.

— Что представляет из себя их оружие, мы не знаем, — гадостно улыбнулся бывший координатор, — связной должен был передать его боевикам непосредственно перед акцией. Можно предположить, что его эффективность зависит от неожиданности применения, и иметь с ним дело нам все-таки придется.

Наконец, помощник министра перешел к практическим мерам, и доклад превратился в бурную перепалку — идея никому не нравилась. Искусников предлагалось ловить на живца, практически — во время самого разрушительного из известных ритуалов, при этом сказать, сколько он длится и где проводится, аналитики не могли.

— Полумеры бессмысленны! — горячился Ларкес. — Сколько мы с ними боремся, а толку нет. На ритуале подобного уровня обязательно будет присутствовать все руководство секты, это же

смысл их жизни! В любом другом случае под удар попадет только часть посвященных. Тодер был уверен, что вычислил всех, и что? Нам лишь удалось выиграть немного времени.

Буря возмущения была ему ответом. Одиннадцать человек и пять магов азартно бранились четверть часа, когда все аргументы были предъявлены трижды, министр завершил дискуссию зычным окриком:

— Господа! Никто не мешает вам бороться с угрозой по-своему, все текущие распоряжения и циркуляры остаются в силе. Проектом «Город Короля» будет заниматься независимая группа. В вашу задачу входит сигнализировать ей о возможном начале подготовки ритуала и в этом (только в этом!) случае не проявлять инициативы.

— А как же Аранген? — спросил кто-то с места.

— В Арангене проводится войсковая операция. Даже если Искусники сунутся туда, полагаю, генерал Зертак способен будет отследить магическую активность на вверенной ему территории.

Желающих спорить с министром не оказалось, обсуждение сместилось в сторону практических вопросов. Региональным координаторам НЗАМИПС предписали увеличить количество постов инструментального контроля и усилить магическое слежение за безлюдной местностью, жандармерии и кантональной полиции — установить негласный надзор за передвижением магов выше шестого уровня, могущих оказаться жертвами ритуала, и предельно жестко реагировать на исчезновение черных. Главный цензор торжественно обязался отслеживать попытки «удачных предсказаний», а также авторов, явно подготавливающих почву под последствия запрещенного волшебства.

Использовать собранный компромат Саталу так и не удалось — после трех часов дебатов даже черные потеряли привычный задор, и поддерживать его мстительное настроение не желали. Но уйти, не сказав последнего слова, он просто не мог:

— Так вот чему вы собираетесь учить моего некроманта, уважаемый! Я разгадал ваш маневр, вы решили из черных в белые переписаться. У меня даже штатный эмпат не умеет так мозги парить!

Чтобы черный сделал что-то и не похвалился? Не может такого быть! Ларкес конвульсивно поморщился, став похожим на себя прежнего.

— Да я эту речь неделю репетировал! С преподавателем актерского ремесла, между прочим. Это вам не проклятьями швыряться, молодой человек, учитесь серьезно подходить к делу.

От огорчения Сатал даже не обиделся, ему почему-то

захотелось выпить чаю (зеленого, без молока и сахара). А что сделаешь? Даже настоящему боевому магу, крутому и черному, иногда надоедает собачиться со всеми подряд и хочется понимания, которое в кругу коллег, по определению, не достижимо. Поэтому самый молодой координатор Ингерники решительно выкинул из головы мелкого колдуна, выбившегося в начальство, и с чистым сердцем отправился домой, туда, где подчиненные его уважают, а в тюремной камере все еще содержится один живой Искусник, который чего-то недоговаривает.

Глава 16

Гилад попал в перечень морских портов по чистому недоразумению — глубоководных бухт в этой части арангенского побережья не было. Около пирсов теснились потрепанные рыболовецкие шхуны, а большие океанские пароходы, с ветровыми башнями и дымящими трубами, останавливались в добром километре от берега, передоверяя груз и пассажиров вертким портовым буксирам. Для главного арангенского бизнеса — торговли зерном — город интереса не представлял и жил исключительно дарами моря, но и они последнее время шли не очень. Рыбаки и горожане, в жизни которых ничего не менялось со времен Реформации, начинали испытывать смутное беспокойство и оглядываться по сторонам.

На причале группа неместного вида грузчиков сортировала развалы ящиков, тюков и бочек, доставленных последним пароходом, задержавшимся на траверзе Гилада аж на целые полдня. Хозяева шхун гадали, кого наймут для дальнейшей перевозки чудаковатые кладоискатели (а в том, что приезжие ищут именно КЛАД, никто из местных не сомневался). Обсуждать перспективы этого занятия рыбаки старательно избегали — третий год рейсы на Птичьи острова приносили всем устойчивый дополнительный доход, и за свои деньги чужаки могли искать хоть морского дракона — промысел это не портило, любимчиков приезжие не выбирали, а возможность в неспокойные времена регулярно получать почту тоже была не лишней. Но сегодня завсегдатаев портовых пивных ожидало новое развлечение.

Вниз по улице с басовитым урчанием катила удивительная конструкция из двух колес, двух всадников, огромного количества кульков и гигантского чемодана. Средство передвижения под грузом угадывалось едва-едва, против ожидания, с пирса оно не сорвалось, плавно завернуло на пристань и остановилось рядом со скарбом кладоискателей. Умелому водителю было немногим за двадцать, и выглядел он так, словно не мотался по пыльным дорогам, а только что покинул круизный пароход. Зато прибежавший следом пес от грязи и репьев казался толще себя вдвое.

— Держи руль, запасливый ты наш! — буркнул юноша, выбираясь из-под кучи поклажи.

Пассажир покрепче уперся ногами, удерживая перегруженный агрегат в равновесии.

Черные были на восточном побережье редкостью (особенно — последние десять лет), но всем рыбакам почудилось в

новоприбывших что-то смутно знакомое и тревожное. Портовый люд стал откладывать свои дела и присматриваться к происходящему.

Меж тем приезжие решили вступить в общение. Грузчиками руководил патлатый молодой человек, едва ли старше водителя удивительного транспортного средства. Странных путешественников он заметил, но особого внимания на них не обратил.

— Здравствуйте, уважаемый, — окликнул его голос, один тон которого заставлял прибавить в конце сакраментальное «что б ты издох».

Патлатый, с удивлением, оглянулся. Не то, чтобы к нему раньше так не обращались, просто общение студентов-археологов во время полевой практики отличалось от общепринятого даже сильнее, чем холщевые штаны (которые практикант успел изгваздать, вообще ничем не занимаясь) от цивильных брюк (стрелочку на которых гость сумел сохранить, весь день находясь в дороге). После двух недель вольной жизни цивилизация настолько выветривалась из немытых голов, что слово «мистер» начинало вызывать гомерический смех, а сейчас перед студентом был человек, не только не осознающей всей крутости небеленого полотна, но и посматривавший на обладателя расписанной философскими цитатами фуфайки с явным состраданием, как на душевнобольного. Появление этого типа требовало немедленной реакции.

— Где находится штаб шестой партии?

— А где плюнете!

Щеголеватый мотоциклист окинул зубоскала проницательным взглядом и снисходительно поинтересовался:

— А из старших тут кто-нибудь есть?

Улыбка шутника стала натянутой. Он явно пытался выдумать достойный ответ, положение спас один из грузчиков, сразу распознавший черного и понимавший, какими проблемами грозит начинающаяся перепалка.

— Они в «Пьяной камбале» остановились, это вверх и около пекарни — направо. А если вам начальство нужно, то мистера Баррая спросите.

Надменный юноша кивнул и вернулся к своему мотоциклу.

— Ты, это, лампу-то выключи! Чай не ночь, — патлатый просто не мог промолчать.

— Без проблем, — процедил юноша и что-то сдвинул на руле.

Тучи птиц взметнулись в небо. Почтенный смотритель порта облил себя пивом и выругался как пьяный матрос. Оглашая окрестности надсадным ревом, Шорохом меченый агрегат

покатил в сторону гостиницы.

В Арангене мне открылась новая истина: я ненавижу путешествовать. Ну, вылазка на день-два, с возможностью комфортного ночлега и непременной парой чистых носков — туда-сюда, а день за днем катиться по сельской местности, даже не зная, где остановишься в следующий раз… Чистое извращение. В Краухарде вообще не бывает бродяг (климат не тот), а жизнь в городе быстро приучила меня к водопроводу и канализации. Да что там, я даже завтраки сам себе готовить перестал! Возвращение к девственной природе не вызывало ничего, кроме раздражения. Первые пару дней меня утешали физиономии арангенских селян, шокированных видом мотоцикла, но потом черная натура взяла верх, я начал брюзжать и ко всему придираться. Просто чудо, что мне достался спутник под блокиратором!

Исчезновение Источника разбудило в Соркаре бездну запасливости и осторожности (а может, он всегда был таким), «чистильщик» набрал с собой в дорогу столько барахла, что у меня просто челюсть отпала. Ну, я понимаю, личное имущество, но полпуда харчей, снадобья от чиха, котелки, одеяла, и Шорох знает, какие еще «жизненно необходимые» мелочи… Хотя, не исключено, что он просто знал здешнюю специфику лучше меня — арангенская глубинка была решительно не приспособлена для путешествий. Гостиниц на нашем пути вообще не попадалось (может, они есть где-то рядом с трактом), ночевать приходилось в частных домах, а жили арангенские селяне даже беднее, чем краухардские (что стало для меня откровением). В смысле — кучно, грязно и по-старинке, запасного одеяла в семье могло вообще не быть, либо оно пребывало в таком состоянии, что пальцем прикоснуться боязно. Осознав реалии, я стал выбирать для ночлега сено и сарай. Соркар сунулся спать в доме (забыл, болезный, что Источник — тю-тю) и потом весь исчесался — клопы! Защитного амулета у него не было. Интересно, как местные такое терпят. Ладно, маги среди них не живут, но неужели нельзя мебель клопобойным порошком обкурить? Он стоит гроши!

Сильно разгоняться на перегруженном мотоцикле я не решался. Раздобыть топливное масло каждый раз было целой проблемой, спирт тут употребляли исключительно внутрь, а табличек с названиями улиц нигде не вешали. Смысл? Если большинство селян — неграмотные. Когда я пытался представить, что напишу в отчете для Ларкеса, ни одного цензурного слова на ум не приходило.

Единственным развлечением за все время пути стало зрелище пепелища, на которое меня занесло по милости Соркара. Впервые увидел, как сгорают строения, вообще ничем не защищенные от огня — просто в хлам (в Краухарде даже от дровяных сараев больше остается). Впрочем, на качество ночлега конфуз проводника не повлиял.

Я забрался в уцелевший сад в поисках мяты и яблок для будущего чая, Макс что-то вынюхивал у ворот, а Соркар пытался определить, спасся ли хоть кто-то, и не затоптать при этом возможные улики. Среди головешек можно было разглядеть нечто, напоминавшее обугленные туши людей и животных. Мы дружно сделали вид, что ничего не заметили — фиг знает, где искать местную полицию, а потом еще показания давать, протоколы подписывать, да что констеблю в голову взбредет… Лежали они здесь мертвые и еще полежат.

— Говорили же им — осторожней! — сокрушался «чистильщик», когда мы разбили лагерь подальше от этого крематория.

Как оказалось, здесь жил единственный обнаруженный «надзором» черный — сын хозяина фермы. Я только плечами пожал. На мой взгляд, результатом стихийного Обретения пожар не был — остаточная аура не та. Интересно, а противопожарные нормы здесь игнорируют так же, как магические?

К концу путешествия студенческое общежитие вспоминалось мной как волшебный сон. (Ну, почему, почему я не поехал с Ридзером? Ни за что не поверю, что армейские маги выступили бы в поход, не обеспечив себе нормальных условий!) Мы находились в пути пять дней, и Соркар божился, что в Гиладе мы окажемся к обеду. Я ему верил, потому что врать «чистильщику» было не с руки — куда бы мы ни приехали, попадем-то мы туда вместе.

Аранген закончился, как кошмар — внезапно. Горизонт как-то незаметно разбился на холмы и словно бы приблизился, долина резко ушла вниз, а дальше, за слоистыми уступами (словно раскрытой летописью геологических эпох) лежал Восточный океан, не имевший ничего общего с северным морем. Вроде бы и то, и то — вода, а какая разница! Цвет был не серо-стальной и даже не синий, а какой-то бирюзовый, горизонт почти не различался — влажная дымка смазывала границу между небом и землей, от чего океан казался кусочком сна. Мне не удалось побороть искушения остановить мотоцикл на гребне последнего холма и пять минут совершенно по-дурацки наблюдать за движением белых барашков. Я вспоминал холодные туманы Острова Короля, и понимал, насколько жизнь несправедлива:

кому-то — все, а кому-то — ничего.

— Шикарно, — сказал за моей спиной Соркар, — только купаться сложно — волна высокая и медузы.

Я хмыкнул. Не знаю, может, кому-то это и доставляет удовольствие, а у меня соленая вода вызывает исключительно нездоровые ассоциации.

Ставшая заметно оживленней дорога осторожными изгибами уходила вниз, в конце ее, на берегу неглубокой бухты раскинулся Гилад, город с непередаваемым ароматом рыбной лавки. Расчет «чистильщика» оказался верен — на место мы попали к обеду и работодателей моих отыскали, практически ни с кем не поругавшись. Организация с двусмысленным названием «шестая партия» базировалась в трактире (очень предусмотрительно, на мой взгляд). Доброжелатели советовали мне обратиться к какому-то Барраю, но на документах значилось «Д.Нурсен» и я намеревался найти именно его.

Перед искомым заведением стоял полувоенный грузовик без опознавательных знаков (довольно давно, если судить по засранному чайками ветровому стеклу). Нас тут же заметили (но скорее всего — заранее услышали). По крайне мере, когда я, оставив мотоцикл и зомби под присмотром Соркара, пошел договариваться о ночлеге, на крыльце уже маячил встречающий.

— П-привет!

Я прищурился. Ба, знакомые все лица!

— Здорово, Алех. Дефекты дикции?

Белый смущенно улыбнулся:

— С-сейчас л-лучше.

Я понимающе покачал головой. Говорят же, что встреча белых с нежитью к добру не приводит.

— А-а это кто?

— Мой брат-дебил.

Наверное, у Соркара было такое лицо, что уточнять имя белый не решился.

— Слушай, Нурсен здесь?

Он кивнул.

— А з-зачем т-тебе?

Я вынул из-за пазухи пухлый конверт с документами.

— Командировку отмечать буду!

«Пьяная камбала» по меркам Арангена оказалась весьма приличным заведением — тут было электричество. Никогда не думал, что буду воспринимать такую простую вещь как роскошь! Впрочем, горожане на алхимическую диковинку особо не надеялись — на стенах виднелись крюки для масляных ламп.

Это меня добило.

Скажите, в чем смысл: десять лет сбивать в Ингернике цены на зерно, а самим ходить босиком по навозу? И ведь не то, чтобы у арангенцев не было возможности приобщиться к цивилизации (в Краухарде народ ведь как-то обходился). Может, им в радость выламываться в поле с рассвета до заката вместо того, чтобы приобрести один единственный трактор? В этом русле естественнее смотрелось решение властей отказаться от НЗАМИПС, типа, чтобы чужаки не отвлекали пейзан от работы. Лично мне выверты арангенской экономики были фиолетовы, но теперь я лучше понимал, почему отсюда слиняли все черные — было в этом какое-то ощущение паутины, что ли, словно тебя заталкивают в шкуру вьючного мула и непонятно, на кого злиться. Интересно, а как белые воспринимают такую ситуацию?

Да пофиг! Мне еще белых на шею и я вообще свихнусь.

К сожалению, проблемы с дикцией на разговорчивости Алеха не сказались, только на связности речи. Из всего потока ыков и гыков мне удалось уловить только то, что мой приезд очень своевременен — завтра они собирались куда-то уезжать и минимум на неделю. Белый вломился в комнату руководства даже не постучав (интересные у них отношения) и мы смогли лицезреть начальников в экзотической позе — они разглядывали мой мотоцикл, стоявший точно под окном.

— Здравствуйте!

От незнакомого голоса они дружно подпрыгнули. Знакомство состоялось.

Джим Нурсен оказался седоволосым джентльменом, белым магом скромных возможностей и членом Археологического общества Ингерники, второй, чуть более прилично одетый человек — мистером Барраем (не то — завхозом, не то — управляющим). Должность его я не запомнил, но пенка была в том, что Нурсен — руководил, а со всеми практическими вопросами следовало идти к Барраю. Шестая партия была, соответственно, археологической экспедицией. Спрашивается, нафига им некромант?

Уяснив, кто я такой, пожилой джентльмен безумно обрадовался (не часто увидишь белого, который радуется приезду черного мага), мне тут же отметили прибытие и объяснили, что к месту действия мы поедем завтра утром, на корабле. Выцарапать из них подробности не получилось — все шифровались как заразы. В качестве компромисса мне удалось договориться, что Соркар будет жить на берегу за казенный счет и присматривать за моим зомби и мотоциклом.

— Это правда, что ты н-н-н…

— Специалист по ретроспективной анимации, — поправил я

Алеха.

Конспирация накрылась медным тазом почти сразу — взявшись помогать с разгрузкой мотоцикла, белый первым делом ухватился за мою собаку (каюсь, недосмотрел), после легкого обморока и потрясенного «что это?» ему пришлось рассказать все. Ну, почти все.

— Зачем тебе?

— Очень перспективная профессия. Редкая, денежная. Взял пару уроков, вроде пошло.

— Это же за-за…

— Только с людьми, про животных в законе ничего не сказано, — и эту тайну Сатал завещал мне хранить паче жизни. Кому-то в Ингернике дико повезло, что черные так мало читают. — Слышь, а у вас тут бумагу писчую раздобыть можно?

— З-зачем? — не понял он.

— З-заметки для отчета делать буду, — честно признался я.

Эта хорошая мысль, как водится, посетила меня с сильным опозданием. Только покатавшись по Арангену неделю, я понял, что забуду все нафиг прежде, чем вернусь в столицу. Алех немедленно подарил мне совершенно новый блокнот из дорогой линованной бумаги и карандашик (тоже нужен).

— Думали, в к-конце месяца.

— Что в конце месяца? — не понял я.

— Т-ты приедешь, — объяснил Алех. — Т-теперь з-закончим р-р-р…

— Работу раньше, — закончил я за него.

Алех радостно закивал. М-да, тяжко с ним придется.

Нет, то, что они хотят закруглиться, не могло не радовать — у меня на все про все оставалось три недели, а ведь еще до Редстона как-то надо добраться. Теперь, по крайней мере, не придется устраивать истерик организаторам работ. Хорошо! Только выспаться не получится — Макса вычесывать надо. И мыть… Во что превращается длинношерстная собака, если позволить ей путешествовать своим ходом, словами описать невозможно, скажу честно: в какой-то момент у меня появилось желание развоплотись его и прикопать целиком. И что обиднее всего, пока я возился с зомби, Соркар по-свински дрых. От желания разбудить его и припахать к делу меня удерживало только то, что Источник к нему, рано или поздно, вернется, а вот память при этом не исчезнет.

Надо ли говорить, что утром я был немного не в форме?

В порту специфический аромат Гилада стал почти осязаем. Рыба была тут везде: она сушилась в длинных сараях, подавалась в харчевнях, красовалась на вывесках и флюгерах (и под

причалом гнила тоже она). Прямо сейчас рыбаки вытаскивали из лодок корзины с слабо шевелящимся серебристым содержимым. Глаза бы мои не смотрели!

Алех жизнерадостно агукал, Соркар ухмыльнулся и исчез, члены экспедиции, брызжа энтузиазмом, скапливались на пирсе. Меня мутило от съеденной за завтраком скумбрии (надо запомнить название блюда и никогда больше не брать). Нурсен расщедрился и нанял единственное в Гиладе судно с мотором — шхуну китобоя. Флагман прогресса, однако, да. Того порченого алхимика, что присобачил к паруснику гребной винт, следовало утопить в корыте — у меня от одного взгляда на эту конструкцию слезы наворачивались. Ременная передача!!! В море, да при таком усилии на валу. Формой лопастей вообще никто не заморачивался, если бы они масштабировали обычный лодочный движок, и то вышло бы лучше. Пять минут я печально наблюдал, как команда готовится запускать масляный мотор (хорошо хоть не спиртовой) и осознал, что в Арангене не только черных нет, но и алхимиков тоже днем с огнем не сыщешь.

Появился Нурсен в компании капитана, и народ стал потихоньку втягиваться на борт судна.

— Э-э… ваш багаж? — кивнул он.

— Да!

Накануне вечером я переложил все необходимые вещи в мешок (портить чемодан морской водой не хотелось) и теперь представлял прямую противоположность Соркару — черного, путешествующего налегке.

Команда, с грехом пополам, завела двигатель. Из кормовой пристройки повалил чадный дым и все пассажиры, не сговариваясь, перекочевали в противоположенный конец судна.

— А это что такое? — меня заинтересовал торчащий на носу китобоя объект. Люблю диковинки!

— О, это чисто арангенское изобретение — метатель с химическим зарядом, — гордо объявил капитан.

— С каким-каким зарядом? — насторожился я.

— Сейчас мы используем смесь пироксилина с селитрой…

Я спал с лица и попятился назад. Свят, свят! Вот так и не знаешь, рядом с чем ходишь.

— Убери эту штуку отсюда нафиг! Ты что, убить нас всех решил?

— Не беспокойтесь, смесь совершенно безопасна!

— Ты бредишь…

— Три поколения моих предков пользовались этим устройством, и ни одного несчастного случая не было! — похвалился он.

— С магами на борту? — вкрадчиво уточнил я.

У всех членов экспедиции, прислушивавшихся к нашему разговору, на лице отразилась умственная работа. Вот что значит — не алхимики! А ведь тут пофиг, какая магия — белая или черная, залететь можно с любой.

— Вы свою значимость сильно преувеличиваете, — огрызнулся капитан.

— Слабоумный идиот в третьем поколении!!! — рассвирепел я. Ну, нету у меня сегодня чувства юмора, нету. — Одно неудачное проклятье и все нестабильное вещество детонирует разом! Хочешь сказать, что у тебя на ней защитный блок?

Озадаченные взгляды сменились шоком понимания. Еще бы нет! Из всех присутствующих гарантированно неинициированным был только Баррай.

— К-кстати, да, — вмешался Алех, — заклятья типа «флаттер»…

Ну не дебил?

— Откуда я помню, какое — «флаттер», а какое — не «флаттер», скажи, пожалуйста? С этой штукой — не поплыву!

Мистер Баррай опомнился первым и тут же взял капитана в оборот:

— Вы знаете, мистер Тангор в чем-то прав! Непроизвольные магические эманации могут серьезно…

Короче, взрывчатку с корабля убрали, два полных ящика этих долбанных зарядов вынесли, ни свинцовых прокладок, ни элементарных защитных Знаков на них не было. Офигеть! Я пометил себе впредь выяснять, кто и чем тут занимается. Дикие люди! Вот так заснешь, а за стенкой окажется склад фейерверков. Как же хлопотно быть черным магом в таких Шорохом забытых местах. Хочу домой! Или, на худой конец, в Редстон.

Шхуна вяло затарахтела к выходу из бухты, оставалось надеяться, что, выйдя на простор, они не станут выеживаться и поднимут паруса. Я вздохнул и принялся искать на палубе место поудобней, с четким намерением проспать всю дорогу (или хотя бы до обеда). Судя по разговорам, до базового лагеря экспедиции было часов восемь хода при хорошем ветре, общаться со мной никто не хотел (даже тот нахальный оборванец, который вчера просто нарывался на тумаки), путешествие обещало быть спокойным.

На волноломе собралась группа провожающих шхуну белых. Почему белых? Потому, что один из них наворожил иллюзию «звезды путешественников» (кстати, типичный «флаттер») и запустил ее над проливом. Они бы еще на пристани поворожили, где заряды лежат, самоубийцы. Никакого представления о

технике безопасности! А случись что, скажут, что виноват черный маг.

Алекс оживился и начал махать им рукой, но ему, почему-то, не ответили.

Известно, что у черных не бывает друзей, только знакомые, боевые маги не способны испытывать привязанность, а преданность и верность им заменяют ослиное упрямство и дурацкие принципы. Но может ли родство к потусторонней силе полностью перечеркнуть типичные человеческие реакции?

Рэм Ларкес имел на этот вопрос свою точку зрения — в его жизни было чувство, сильное и яркое, естественно, оставшееся тайной для окружающих — маг скромных возможностей, решивший сделать карьеру в НЗАМИПС, не мог позволить себе выглядеть странным. Тогда жизнь казалась проще, оба они были волшебниками, и Ларкес свято верил, что разобраться со странными ощущениями он сможет позже. Судьба распорядилась иначе.

Нелепая смерть друга (сильнейший маг поколения убит стрелой, какая ирония) не сделала чувство слабее, оставаясь по-прежнему ярким и острым, оно превратилось в неутолимую ненависть. Штатный эмпат нашел бы, что сказать по этому поводу, но Ларкес с детства не доверял белым, вообще. И его не заботило, насколько происходящее напоминает редкое в среде черных, но от этого не менее разрушительное безумие. Одержимый маг способен был идти к своей цели годами, десятилетиями, компенсируя упорством и работоспособностью слабый природный потенциал. Искусники не могли совершить худшую ошибку, дни секты были практически сочтены.

Во всех своих кабинетах Ларкес неизменно развешивал по стенам портреты двенадцати величайших магов Ингерники, в число которых покойный друг попадал неизбежно. Сейчас, глядя на большой, немного официозный дагерротип, первый помощник министра меланхолично размышлял над тем, является ли удивительное внешнее сходство отца и сына неким знаком, посылаемым (Кем? Не все ли равно!) лично ему с определенной целью. И приходил к выводу, что таки да. И то, что юноша с такой сомнамбулической точностью вышел на убежище старой лисы, это ведь неспроста. А этот изящный в своей небрежности выпад, предотвративший хаос в столице? Ларкес был старше, чем казалось с виду (недавно он разменял вторую сотню лет) и был воспитан в старых традициях, на сказках про Душу Мира и Леди Судьбу, ему совершенно очевидно было, ЧТО движет мальчиком, даже если он об этом и не подозревает.

Секретарь невозмутимо ждал, когда первый помощник министра изволит оторваться от созерцания портретов. Клерк был уверен, что черный маг лелеет мечту попасть в число избранных.

— Говори!

— Сообщение из Арангена, сэр! Один черный маг, сотрудник ОУПФ, пропал, предположительно — погиб. Один неинициированный черный предположительно — погиб, возможно — похищен. Есть следы применения белой магии. Начать развертывание проекта?

Ларкес повернул голову к стене, на которой висела карта континента.

— Игнорируйте! Ритуал ни разу не проводился на удалении более трехсот километров от Острова Короля. Передайте материалы генералу Зертаку без комментариев. Пусть сам решает свои проблемы.

Секретарь поклонился и вышел. Ларкес вернулся к созерцанию портретов.

Глава 17

Когда китобой высадил нас у какой-то апокалипсически разверстой скалы, я подсознательно начал ждать повторения Острова Короля. Как говорится: «Те же и зомби». Однако быстро выяснилось, что здесь нежитям ничего не светит — причудливо выветрившиеся скалы жарились под лучами солнца, и ни одной подозрительной щели природа в них не оставила. Боевые маги — отдыхают.

Стоило шхуне скрыться, как из расселины вырулил вездеход на резиновом ходу и, прихватив нас, бодро покатил к неизвестной цели. Весь островок был не больше километра в поперечнике, на южном его конце в жерле древнего вулкана плескалось дождевое озеро, а в северной, более пологой части разместился отлично обустроенный лагерь — огромные армейские палатки, полевая кухня, душ и сортиры с наветренной стороны. Хорошо быть археологом, если, конечно, шурфы не копать! Воспринимать это место как курорт мешало только обилие черных магов. Чарак ведь что-то говорил про Круг, да? Вот здесь они и собирались его устраивать (это какие-то армейские разработки, однозначно).

Ко мне отнеслись чутко, с пониманием: выделили койку для отдыха, навалили харчей и — никаких разговоров о работе. Запрет был только один: в озеро не плевать — вода питьевая. Видел я как-то в Редстоне плакатик с рекламой отдыха на Южном побережье, здесь было один в один, разве что без пальм, имелись даже своя достопримечательность — руины пиратской крепости на склоне кратера (так, куча камней в рост высотой). Впечатление немного портили черные, ходившие вокруг палатки, как коты вокруг сметаны (или они думали, что я их не чувствую?). К сожалению, спать мне больше не хотелось, да и новое место требовало решительного освоения. Самое главное — показать всем, что ты не тормоз!

Первым встреченным мной черным оказался маленький сухонький мужичонка в старомодном полосатом костюме (у меня вообще складывалось ощущение, что почтенный возраст — характерная особенность некромантов). Двигала им не воинственность, а скорее любопытство.

— Здравствуйте! — мужичок приподнял соломенную панаму. На периферии зрения нарисовался мистер Баррай.

— Добрый вечер, — я решил показать себя с лучшей стороны. — Нас не представили…

— Крапс, — вежливо улыбнулся он, — следственный отдел жандармерии.

— Томас Тангор, — я решительно расправил плечи, — внештатный сотрудник.

И пусть кто-нибудь посмеет сказать, что это не круто!

Некромант оживился.

— Сын Тодера? О, мои соболезнования! Очень, очень способный был… э-э… человек.

Спасибо, что хоть сволочью не назвал. И вот хорош бы я был, если бы вовремя не растряс Хемалиса! Ух, мама…

Я важно кивнул, принимая соболезнования.

— Это была большая потеря для всех!

Он, неожиданно, согласился.

— А к нам какими судьбами?

— Работать.

— Замечательно! Нас ждет исключительно интересный опыт, если все получится, естественно.

Я сделал вид, что понял. Баррай решился вмешаться:

— Возможно, у вас найдется время поговорить с руководством экспедиции? Мистер Нурсен поподробней опишет вам задачу.

Что характерно: раньше он сделать этого не мог. А теперь что изменилось? Ох уж мне эта «ботва»! Я снисходительно кивнул, и мы пошли в столовую знакомиться местным активом.

Как ни странно, миссис Клементс среди них не было — Алех дорос до самостоятельной работы (надо будет поздравить его). На новеньких присутствовали какой-то армейский чин (я так и знал!), престарелый алхимик и девица, вид которой почему-то ассоциировался у меня с целительством.

— Как вы представляете себе цель вашей работы? — поинтересовался обладатель мундира по фамилии Стивенсен (не маг и, судя по твердому взгляду, по меньшей мере, полковник).

— Никак не представляю. Никто же ничего не говорит!

Просвещать меня немедленно вызвался Нурсен. Мистер Баррай украдкой вздохнул (я тоже, но тише). Хорошо хоть этот — не заика!

— Все дело в находках, сделанных в Городе Наблы, — гордо объявил белый. И замолчал.

— Где-где? — разговор явно следовало поддержать.

— В поселении древнейшей цивилизации нашего мира.

— А, — вообще-то, ни о чем подобном я не слышал, но мало ли что бывает.

Он подозрительно уставился на меня, явно ожидая другой реакции.

— Ты интересовался когда-нибудь древней историей?

— Ну, не то что бы…

— Понятно, — огорченно вздохнул он. — Тогда начну с начала. У людей очень сложное и неоднозначное прошлое, официально самое древнее человеческое поселение — это так называемый Город Бекмарка, часть древнего мегаполиса, похороненная под гигантским оползнем. Он почти на тридцать тысяч лет старше поселения в Кейптауэре, следующих по возрасту руин.

— Угу, — про Кейптауэр я читал, когда пытался разобраться в ТЕХНОМАГИИ.

— Не знаю, что вы слышали, — словно ответил на мои мысли он. — Но если высокое развитие цивилизации Кейптауэра в известном роде предположение, то для цивилизации Бекмарка оно документально доказано. Методом ретроспективной некромантии из массива ржавчины в раскопе была восстановлена самодвижущаяся повозка, идентичная нашим во всем, кроме внешнего дизайна.

От такого заявления я немного припух. Отпечаток сущности неживого предмета?..

— Да, — ухмыльнулся он, — археология не стоит на месте! И вот мы находим третий слой…

В общем и целом, заслуги археологов в деле не было — открытие совершили непрофессионалы. Во время последней разборки с Каштадаром одному из флотских офицеров показалось, что у Птичьих островов какая-то странная форма (пираты из местных за двести лет до такого не доперли). Мужик оказался предприимчивым и злоупотребил служебным положением, подбив корабельных магов прощупать морское дно — он предполагал, что перед ним древний порт, а где порт, там и затонувшие сокровища. Результат оказался обескураживающим: на плавно уходящем в морскую бездну континентальном шельфе располагалось что-то огромное, круглое и железное. Что хочешь, то и думай. Естественно, что находкой в первую очередь заинтересовалось армейское руководство.

Проверить аномалию удалось только через тридцать лет, после изобретения подводного колокола для больших глубин (под это его и сделали). Множество теоретиков разглагольствовало о природе объекта, но ни один даже близко не угадал: когда оператор колокола пару раз копнул ил, наносы осыпались, и под ними обнаружилась верхушка гигантской стеклянной полусферы. Так было найдено НАСТОЯЩЕЕ морское сокровище — Город Наблы.

— Это титаническая конструкция! — сладострастно вздыхал Нурсен. — Создать такую нам сейчас не под силу, она все еще держит атмосферу, коррозировали и протекли только двери

люков. Если бы существование Города не засекретили, наши материалы произвели бы фурор в алхимии.

Я, в этот момент думавший именно о фуроре и алхимии, непонимающе нахмурился. Любят же люди шифроваться не по делу!

— Если это произошло трижды, — тихо заметил мистер Баррай, — то почему не может произойти в четвертый, пятый, шестой раз?

— Да, да! — откликнулся Нурсен. — Три цивилизации существовали в разное время на этой земле и все три исчезли без следа, хотя ни в чем не уступали нашей. Скажем честно: даже цивилизацию Бекмарка археологическое сообщество приняло с трудом — людям не нравится думать о регрессе такого масштаба. Кроме того, коллапс всякий раз происходил практически мгновенно. Древнейшие летописи Кейптауэра прямо говорят, что мир за пределами острова исчез за один день, хотя многие склонны были считать это ошибкой, возникшей при переписке текстов. Однако создается впечатление, что и в Бекмарке, и в Набле жители тоже умерли все и сразу. Особенно это заметно в подводном городе: тела лежат хаотически вдоль коридоров, некоторые — прямо на рабочих местах, один труп упал с наполовину натянутым гидрокостюмом. Это жуткая картина, — он помрачнел, — двое моих коллег сошли с ума после работы там. Как вы думаете, какой эффект все это произведет на обывателей?

Да-а… Это же худший кошмар в реале: внезапная, необъяснимая смерть, регулярно косящая обитателей этого мира. Всплеск религиозного фанатизма — самое меньшее, что нас ожидает.

— Мы должны знать, что произошло, — подвел черту Баррай, — мы приглашаем вас в Город Наблы.

Он сам не понял, что сказал: теперь, когда я узнал о существовании такого места, удержать меня от проникновения туда было гораздо сложнее, чем затащить внутрь. Практика и работа по контракту это были так, приятные бонусы (мне ведь еще и заплатят). Да я жизнь готов был положить за то, чтобы поглядеть на такое чудо!

— Понимаю, — мне стоило титанических усилий выглядеть обеспокоенно, а не алчно. — Я осознаю важность задачи и приложу все усилия, чтобы выполнить работу должным образом.

Нурсен радостно заулыбался, а Баррай подозрительно прищурился (он, определенно, слишком много знал о черных).

Естественно, прямо сейчас никто никого воскрешать не собирался. Весь следующий день я посветил «акклиматизации»,

знакомству с коллегами и совместной тренировке. Смысл последней был мне решительно непонятен (некромантические плетения всегда уникальны и общих схем не имеют), но никто из старших не возражал, а задавать вопросы не хотелось. В среднем, привлеченным к делу некромантам было лет по восемьдесят (и это притом, что возраст черного по виду угадать трудно). Похоже, что у правительства серьезная напряженка с кадрами… э-э… ретроспективных аниматоров. Надо будет учесть это, когда будем договариваться о стоимости моих услуг в следующий раз. Потом Барраю надоела эта идиллия, он постановил завязывать с акклиматизацией и заняться делом. Наверное, от меня ожидали каких-то возражений, но я сделал вид, что намеков не понимаю (старики на этом курорте поселиться готовы, а у меня экзамены на носу!).

В предрассветных сумерках нас забрал с островов паровой катер, большой, быстроходный, весь от носа до кормы увешанный вымпелами военно-морского флота. Гражданских среди его экипажа не было. Если таким образом власти хотели добиться, чтобы никто не знал местоположения купола, то своей цели маневр достиг.

Над океаном всходило солнце. Огромное пространство, не стиснутое домами или горами, медленно наполнялось светом, поверхность волн торжественно хранила оттенки теплых и холодных цветов, не позволяя им смешаться (словно белую и черную магию). Над водой висела легкая золотистая дымка и никаких ориентиров от горизонта до горизонта. Крикливые морские птицы остались ближе к земле, тишину нарушали только равномерный гул турбины и вкрадчивый шелест волн. Пожилые некроманты дремали, Алех (который должен был кому-то в чем-то помогать) счастливо улыбался ветру. Я пытался разглядеть в этих волнах что-то необычное и не мог (интересно, каким проклятьем армейские спецы прощупывали дно?). В результате, цель путешествия возникла неожиданно, сбоку. Катер сделал крутой поворот и причалил к другому судну, выше и шире, никаких опознавательных знаков на нем не было. К сохранению ужасной тайны власти подходили очень серьезно…

Я первым вскарабкался по веревочной лестнице, и тут моя физиономия стала именно такой, какая должна быть у ретроспективного аниматора — мерзкой. Скажем прямо: алхимик имеет право не доверять устройствам, в монтаже которых не участвовал.

Агрегат, который обозвали колоколом, по форме напоминал сигару и был гораздо больше, чем можно было ожидать — около двадцати метров длиной. Клепки размером с монету заставляли

думать о вывернутом на изнанку паровом котле, а крышка с маховиком — о недоброй памяти бродильном чане (причем, мы поедем внутри). Других подробностей конструкции видно не было — колокол почти целиком находился в воде, для его подъема и погружения судно имело специальный проем посередине (такой полет фантазии и размах дела мне импонировали). Весь агрегат был густо намазан свинцовым суриком.

— Нехилый чугунок!

— Вообще-то он из бронзы, так заклинания лучше держатся.

Моя оценка монструозной конструкции резко подскочила: если к делу привлекли магию, значит, к испытаниям подходили серьезно и накопали кучу недостатков (это плюс, когда ошибки выявляют до того, как они станут проблемами). Непонятно было только, зачем сурик.

— Сколько народу он берет?

Моряк замялся.

— Полтора десятка, по максимуму. Конечно, комфорт минимальный.

А сейчас в эту кастрюльку набьются разом двенадцать некромантов, не считая экипажа. Прелесть! Всю жизнь мечтал посидеть у кого-то на голове.

— У-удачи! — Алех смотрел на подводный аппарат с благоговейным трепетом.

— Пофиг удачу, ты мне лучше терпения пожелай.

На палубу начали взбираться мои коллеги, судя по их мрачным лицам, мнение об этом транспорте они составили давно и менять его не собирались.

— А частями нельзя? — я наблюдал, как экипаж упаковывает некромантов в агрегат.

— Нет. Время работы регенератора ограничено.

Если бы не мое жгучее желание попасть в подводный город, я нашел бы, что на это сказать (и даже сделал бы кое-что). Пожилые колдуны устраивались на скамейках плотно-плотно, и сердито сопели. Естественно! Нам ведь не просто приходилось касаться друг друга (что для любого черного — оскорбление), но еще и смотреть практически в упор, физически не имея возможности для отступления. Хотите мое мнение? Создатели спускаемого аппарата явно что-то не доработали. Посадили они, значит, всех черных в одну коробочку и — бултых! Интересно, здесь кому-нибудь кроме меня читали в детстве сказку про джина и бутылку? Или скорее уж медный кувшин — цвет у стен соответствующий.

Погружение в бездну заняло больше получаса.

Я скучал и думал, за каким фигом предкам потребовалось

что-то строить в такой заднице. Нет, вышло удачно (на поверхности-то не сохранилось ничего), но логики никакой. По моим понятиям, совершить такую глупость людей могли заставить две вещи: выгода или опасность, в смысле, либо они нашли здесь что-то безумно ценное для себя, либо — от кого-то прятались. Предположения по этому поводу, поначалу вполне разумные, постепенно приобретали все более извращенные формы, начиная от засилья на поверхности драконов (откуда-то ведь пошли легенды об огнедышащих тварях) и кончая товарно-денежными отношениями с дальними кругами Ада.

Ни духоты, ни перепадов давления в колоколе не ощущалось, единственным напоминанием о необычности происходящего была тишина, словно мир за оболочкой звонких бронзовых стен разом прекратил существование. Неприятно, оказывается, быть единственным источником звука — словно каждым вздохом рисуешь на себе мишень. Люди не смеялись, не балагурили, старались не двигаться без особой нужды и напряженно ждали. Только шуршал вентилятор, да загадочно мерцали на стенах Знаки из белой магии (Никогда не слышал, чтобы белым удавалось что-то алхимическое!). От растущего напряжения я весь извелся, под рубашкой словно ползали полчища муравьев, а чесаться было нельзя, и дюжина моих коллег выглядела не лучше. Причем, они знали, на что шли, потому что были здесь раньше, и все равно решились. Вот где выдержка! Когда экипаж колокола принялся орудовать рычагами и штурвалами, это было настоящее спасение — нервы у набившихся в плавучий саркофаг магов были на пределе.

Колокол встал нижней частью на люк, операторы тщательно проверили надежность сочленения и откинули крышку. Сквозь уплотнение вытекло не больше чайной ложки воды, все выглядело так, словно внизу просто открылось новое пространство, дыра в другой мир.

Здравствуй, Город Наблы! Надо будет спросить у Баррая, кто такой был этот Набла. Можно будет его поднять, поблагодарить, и снова упокоить.

Поскольку я залез в колокол последним, то выходить пришлось впереди всех. У меня от любопытства даже глаза моргать перестали. Тускло светился голубой зачарованный фонарь (такие могут гореть годами, уходя, его просто не гасили). Баррай передал мне вниз лампу поярче, но лучше видно от этого не стало — дальние углы по-прежнему тонули в темноте.

Однако, просторно тут! Не то, что в нашем колоколе — предки места не жалели. Судя по всему, помещение изначально предназначалось для приема подводных судов, а

присоединительные размеры, значит, наши у древних попросту слизали. Большим полукругом располагались четыре раздвижных двери, за единственной открытой виднелся точно такой же люк, как тот, через который мы проникли. Вдоль стены тянулся ряд металлических остовов скамеек, благодаря удивительной сухости воздуха, объяснения которой я не находил, за столько лет металл не потускнел и не заржавел. Ни паутины, ни остатков растительности (да и откуда им взяться?), ни покойников (в любом виде). Из зала выходили два коридора, один уводил вверх по странной двойной лестнице, весь проем второго был затянут мембраной из промасленного шелка. Справа от лестниц в стене зиял пролом, открывающий какие-то пустоты и нечто, подозрительно напоминающее гнездо песчаных гнид, как его изображали в археологических манускриптах.

Баррай спустился сразу за мной, принял сверху металлический чемоданчик и первым делом сменил патрон в регенераторе — приземистом бочонке, приткнувшемся под фонарем.

— Атмосфера купола не пригодна для дыхания, — сообщил он. — Мы заполнили чистым воздухом лишь несколько помещений, чтобы не нарушать сложившегося равновесия — кислород может губительно сказаться на древних артефактах. Поэтому очерченную мелом зону просьба не покидать!

Жирная меловая черта проходила в метре от шелковой мембраны.

Ладно, хорошенького понемножку и не все сразу, ничто не мешает мне просто смотреть по сторонам. Профану не понять, как много может сказать алхимику один вид рукотворного устройства! В каждой детали интерьера, в ребристых стенах коридора, в профиле намертво заклинившей двери были спрессованы годы опыта, изысканий, удачных решений и оглушительных провалов.

Глаз легко различал границу между древним и современным — слишком уж разительно отличались форма и дизайн. Здесь все казалось слишком правильным и гладким, словно в ювелирной лавке. Взять, например, те ажурные металлические блюдца, закрепленные на потолке. Я не мог представить себе способ изготовления этих штук, кроме точения из цельного куска и полировки вручную, но даже в этом случае на поверхности видны были бы вскрывшиеся дефекты. Нонсенс! Их здесь сотни, возможно, тысячи, и они ВСЕ были совершенно ОДИНАКОВЫЕ. Вот теперь-то мне стали понятны причины навязчивых бредней о техномагии — в мозгах «ботвы» просто не помещалась мысль о том, что подобное можно проделать без помощи волшебства. Я,

невзначай, провел рукой по доступной части стены и попытался проанализировать ощущения, принесенные Силой.

— Не торопитесь с Источником, молодой человек, — окликнули меня сзади. — Здесь это опасно.

А если подумать, что именно является материалом для регенерационных патронов, то главную опасность можно пометить крестиком. С языка рвались страшные проклятья. Он что, решил, что Силу не соразмеряю? Все такие заботливые, жалко только, что не к месту… Поругаться с коллегой я не успел — освоенная археологами зона была не так уж велика.

Баррай завел всех в зал с выпуклой стеклянной стеной. Донные отложения засыпали основание купола, поэтому моря видно не было, зато в углу стекло рассекала драматическая трещина. На полу лежало… ну, будем считать, что тело (хотя как им удалось определить, что кто-то здесь умер в плавательном костюме — загадка великая есть). Теоретически, кости — это камни, а камни могут лежать вечно, но на практике из них что-то такое уходит, и в неподходящих условиях от скелета остается только ломкий белый мусор. Свод черепа и дуги ребер не сохранились, отчетливо различались только желтоватые бусины зубов и холмик на месте позвоночного столба. Баррай произвел привычные манипуляции с регенератором и зажег яркие голубые светильники.

Мд-да. Ясно, что к своей работе маги относились с душой: весь пол помещения был исчерчен Знаками и линиями пентаграмм (щиты, поглотители, отражатели — все то, что поможет нам остаться в живых, если что-то пойдет не так). Красиво, впечатляет, однако собственно некромантические плетения от умения рисовать не зависели совершенно.

— Это — последнее сохранившееся тело на расчищенной территории, — Баррай оглядывал останки без трепета или сожаления. — Если в этот раз не получится, придется сдвигать перегородки, а это — работы на три недели.

С такими темпами я не то, что к сдаче работ, я к экзаменам не успею. Как же меня все это забодало…

Крапс активировал защитные знаки вокруг регенераторов, остальные сосредоточенно разминались. Я начинал звереть. Им что, не лень таскаться сюда раз за разом? Всего делов: взялись, вздрогнули, подняли. Ну, и упокоили, конечно же. С Максом это заняло у меня не более пяти минут. Эхо чужих Источников не прибавляло благодушия, понять, где мои собственные мысли, а где — голос черной натуры, становилось все сложнее. К тому моменту, как все было готово, чувство робости перед неосвоенным ритуалом умерло у меня окончательно. Теперь —

только дай!

В воздухе заплясало зеленое кружево некромантических плетений, у каждого мага оно было свое, с неповторимым рисунком и неизъяснимым значением. Мне досталось то, что символизировало речь (не звук, а скорее саму способность общения).

Почти сразу я понял, что именно у них каждый раз не получается. Один взял на себя чувства, другой — память, третий — способность сознавать, каждое заклятье по отдельности было совершенным, но должен был быть кто-то, кто замкнет Магический Круг, согласует между собой отдельные ритмы, а пока все плетения враждовали друг с другом, как на моем мотоцикле — двигатель с фонарем. Чувство гармонии — штука тонкая, дается либо постоянной практикой, либо при рождении раз и на всегда. Я ждал, тянул, но нужного действия (такого простого и понятного), никто не начинал. Так вот зачем им нужен был Чарак, уже имевший опыт участия в подобных ритуалах! Но старый некромант не способен был к таким подвигам и прислал вместо себя меня.

Этак они будут упражняться годами, пока мертвецы в куполе не кончатся.

Я решительно усложнил собственное плетение, принуждая остальных исправить в своих заклятьях мелкие огрехи и придать им нужную форму (таким методом пользовался Чарак, когда обучал меня). Маги заволновались. Крапс попытался выйти из Круга, но я пресек попытку к бегству — сформировал узел, мешающий ему отослать Источник. Все на секунду приняли нужные позиции, и почти сразу мертвое тело отозвалось нам. Теперь я вел Круг, а остальные мне подчинялись, и результат был на лицо.

Потоки черной энергии пронизывали пространство, резонируя с тонкой изнанкой реальности, истончая грань между мирами, делая понятия живого и неживого расплывчатыми, неясными. И немая до той поры материя неслышно пела. Труп, лежащий на месте своей смерти — лучшие условия для подобного колдовства.

Искусство некромантии заключается вовсе не в том, чтобы сотворить зомби (как бы ни были уверены в этом обыватели), а в том, чтобы пробудить мертвого, дать ему шанс вернутся. Это одновременно и сложней, и проще. Проще — потому, что живое существо и само знает, как должно быть устроено, сложней — потому, что человеку невероятно трудно отделить реальность как таковую от своих представлений о ней. Пробуждаемую личность требовалось принять такой, какова она есть, не пытаясь упростить

или улучшить, о чем и предупреждал меня Чарак, а черный Источник агрессивен и непокорен, чрезвычайно сложно одновременно удерживать над ним контроль и пассивно созерцать. Разница между оживлением Макса и тем, что мы делали сейчас, была в сложности воспринимаемой структуры, а так же в глубине необходимой отрешенности — отпечаток сущности держался в костях едва-едва (артефакты магии существуют долго, но не до бесконечности же!).

Я впервые поднимал полноценного человеческого зомби и с восхищением наблюдал, как сливаются в одно целое, проявляются из небытия разные аспекты личности. Подумать только, сколько противоречивых черт уживается в одном человеке! Стремление двигаться и желание замереть, потребность видеть, не даже имея глаз, и дышать, уже не нуждаясь в воздухе, хаотическое мельтешение обрывков мыслей и неумолимый напор пробуждающейся воли. Это тело когда-то было женщиной. Было. Не знаю, что бы она почувствовала, если бы узнала, как выглядит сейчас. В наших усилиях по ее воскрешению наблюдался какой-то предел, вызванный то ли неумелыми действиями Круга, то ли — древностью останков. Тело не желало собираться до конца, что было к лучшему — буйное чудовище я бы остановил одним щелчком, а вот что делать с женской истерикой в исполнении зомби — совершенно не представлял. Жизненной силы покойнице, определенно, не хватало, она не знала, но каким-то образом догадывалась, что с ней делают, и не могла этому помешать. Крапс потянулся к ней усилием воли, готовясь сломить и подчинить, но я не позволил ему, просто прижал его Источник и маг насторожено замер. Слишком уж он привык потрошить уголовников!

Теперь мне стали понятны слова Чарака о тождестве и понимании — я чувствовал себя одновременно двумя разными людьми, мужчиной и женщиной. Причем — женщиной испуганной (вот, значит, как оно выглядит, это чувство!). Для воскрешенной пролетевших мимо веков не существовало, она только что упала на пол, и вдруг ее окружили странные незнакомые люди.

— Не бойся, — сказал я ей. Раньше мы не поняли бы друг друга, но сейчас говорили на одном языке. — Помоги мне. Скажи, что случилось? Что с тобой произошло?

Она поверила и послушно обратилась в себя, последним, смертным усилием пробуждая образы минувшего, а я смотрел на мир ее глазами и видел все таким, каким оно было тогда. Просторные, светлые помещения, разноцветные огни, подсвечивающие толщу воды, медленно плывущие в ней

агрегаты. И на этом белом пластике, на светлом металле, словно паутина, расцветали грязные пятна фомов. Неживая мерзость расползалась, на глазах обволакивая купол, а люди стояли и показывали на нее пальцами. Они ничего не предпринимали, они выглядели удивленными и слегка обеспокоенными, но не испуганными.

— Ты знаешь, что это? Ты понимаешь, что это было? — допытывался я у зомби.

Все-таки это тело было очень старо, эхо жизни почти погасло в нем, и даже самые сильные колдуны не могли удержать его дольше минуты. Мертвая плоть обратилась в серый прах, на этот раз окончательно, а накопленную реанимирующими проклятьями энергию пришлось рассеять.

Все некроманты видели то же, что и я. Мы потрясенно молчали.

— Что? Вам удалось что-то узнать?

Ах, да, у ритуала ведь были зрители. Содержание наших видений Барраю было недоступно.

— Их убило вторжение потустороннего, — ответил я за всех, — фомы, самое примитивное из стихийных проклятий, но они не знали, что это было, и не могли себя защитить.

— Но мы же в море! — потрясенно выдохнул Крапс. — Тут соленой воды до жопы. Нужно было просто стены помыть…

Я пожал плечами:

— Это просто, если об этом знать. У них не было времени искать средство.

Глава 18

Крапс изводил меня всю обратную дорогу.

— Поздравляю! Какой успех!!! Лично я до последнего не верил, что у нас вообще получится что-то путное, но чтобы сознание пробудилось во всей полноте… Восхитительно!

Я морщился — обсуждать происшедшее мне сейчас не хотелось.

— Который у вас? — прищурился некромант.

Какое его собачье дело?

— Пошел нафиг!

— Постэффекты, — спокойно заключил он, — нужно пару дней, чтобы они развеялись.

Я отвернулся к стенке. Мне хотелось остаться одному, чтобы без помех разобраться в этом странном движении, поселившемся внутри. На границе чувств то и дело возникали образы, вкусы, запахи, совсем чуть-чуть не доходящие до сознания, словно вид через грязное стекло или приглушенный разговор. Их можно было уловить только так — в полной неподвижности, исподтишка.

Наверное, вот это и имел в виду Чарак, когда говорил о возможности прожить чужую жизнь, но он не объяснил, что это не будет похоже на воспоминание или книгу, скорее — на иное состояние ума, то набегающее волной с яркостью галлюцинации, то полностью сходящее на нет. Я с ужасом и восторгом осознавал, что меня стало БОЛЬШЕ (впрочем, образ был знакомый — Шорох давно уже меня так доставал). Обрывки чужих суждений вспышками пронзали мозг, оставляя после себя неожиданные ассоциации и мысли о странном. У меня была только пара дней, чтобы сохранить, запечатлеть в себе хрупкое чудо, а потом моя личность возобладает, и яркие видения превратятся в мозаику неясных пятен. Я готов был сюсюкать и выдуриваться как угодно, лишь бы не потерять это сокровище — окно в другой мир, где люди плавали под водой и летали по небу, где рукотворные устройства умели говорить, а фотографии могли быть не только цветными, но и движущимися. Алхимический рай! Вот что было истинным сокровищем, унесенным мной из Города Наблы.

Вероятно, остальные некроманты тоже испытывали нечто подобное — по прибытии в лагерь все мигом разбежались по своим закуткам, и больше я никого не видел.

Приходила лекарка из актива, пыталась втюхать мне успокоительное. Улыбнулся, взял и вылил. Потом устыдился своей выходки, начал извиняться, нес чушь про вред химических

релаксантов и необходимость достижения душевной гармонии. По-моему, вид черного, рассуждающего о душе, напугали ее гораздо сильнее, чем вылитый эликсир.

Ночь прошла словно в бреду, а утром, проснувшись, я взял полотенце и пошел на море купаться. Спрашивается, зачем? Затем, что если раньше я был абсолютно равнодушен к водным процедурам, то теперь меня преследовало глупое убеждение, что быть на море и уехать без загара — западло (воспоминания о тупых развлечениях древних людей шли в комплекте с алхимическими секретами). И что характерно: старики как-то сумели с этим справиться.

Я расстелил на гравии большую простыню и начал принимать солнечные ванны. В этом дебильном занятии ко мне немедленно присоединился Алех.

— П-привет. Н-ну, к-как?

— Успешно, — я не стал грузить его особенностями некромантических ритуалов. — Ты вообще-то там был?

— Н-нет, не п-пуска-а…

— Понятно.

Да, все эти мрачные коридоры и ощущение глубины могли окончательно свихнуть мозги впечатлительному белому.

— А почему вы наверху не роете?

— З-зачем?

— Здесь был насыпной остров — сначала сделали стенки, потом набили внутрь всякий хлам, а сверху засыпали песочком и выстроили дома. Остатки вулкана защищали все это от морских течений, а то, что камней не видать, так это основание за столько лет просело или море поднялось, уровень фундаментов оказался под водой. Наверняка под нами до фига артефактов!

Алех, с интересом, оглядел угловатые дюны.

— С чего т-ты взял?

— Масси это знала, — пояснил я. И в ответ на недоуменный взгляд: — Мессина Фаулер, покойница, которую мы поднимали. А ты о чем подумал?

— Н-надо бы к-копнуть…

Я пожал плечами. Белый мог проникнуть в прошлое только так — через осколки камней и куски керамики, увидеть мир глазами умершего ему было не дано. Какая ирония! Каждого белого от рождения преследует способность понимать и сострадать, но при этом добиться ТОЖДЕСТВА может только черный.

А потом полдня тосковать об отсутствии зонтика и удобного лежака на пляже. Бред!

Решительно свернув простыню, я отправился искать кого-

нибудь более здравомыслящего, чем ушибленный ритуалом некромант. Например, нашего полковника. Это ведь он придумал зомби поднимать, так?

Армейский эмиссар оккупировал столовую, как самую большую палатку со столом, где и сидел, обложившись ворохом бумажек.

— Ну что, раскрыли вы свою тайну?

Стивенсен пошлепал по столу пачкой листов:

— Пока мне достается только поток сознания. От вас я отчета не требую — в контракт это не входило, да и воспоминания все равно будут одинаковы.

«Вот только истолковать эти воспоминания сумеют не все», — подумал я, но вслух ничего не сказал. Мне еще застрять здесь не хватало!

— Прямо скажем, до сих пор потусторонние феномены в качестве причины апокалипсиса не рассматривались, — Стивенсен набил трубку какой-то исключительно вонючей травой и раскурил ее, наплевав на вред, наносимый здоровью окружающих. — Правительство и лидеры белого сообщества организовывали масштабные исследования, но никому ни разу не удалось обнаружить следов природных катаклизмов, которые соответствовали бы датам предполагаемых палеокатастроф. Некромантия была последним козырем. Теперь исследования придется начинать заново…

«Хочу все знать» — вечный принцип. Однако надо признать — они выбрали оригинальный способ искать ответы на вопросы. У меня было глубокое убеждение, что Мессина считала допросы покойников детской сказкой.

— Я вообще не помню, чтобы там у них фигурировали маги.

— Остальные тоже на этом настаивают, — мрачно кивнул полковник, — и про Кейптауэр мы знаем одну забавную вещь: это было не убежище избранных, а тюрьма, в которой, среди прочих, отбывал пожизненное заключение последний черный маг своей эпохи. Сходства не обнаруживаете?

— Как это черный маг может быть последним? — возмутился я.

— Не знаю, но тут не может быть двух толкований. Этот маг — легендарный король, правивший островом триста лет. Естественно, его жизнь потомки описывали очень подробно, из чего становится ясно, что других черных магов, кроме него, не было ни тогда, ни долгое время после. Именно он ввел в практику ритуал принудительного Обретения Силы — не мог позволить себе ждать приемника.

«Периметр протекает в трех местах» — очень внятно

произнесли у меня над ухом (Шорох, последнее время не ощущавшийся и не наблюдавшийся, счел необходимым напомнить о себе). Я поежился. Да какое мне, в сущности, дело до проблем тридцати тысячелетней давности? Тьфу на них!

Коллеги-некроманты продолжали напряженно медитировать (а может просто сачка давили всем коллективом), а я засобирался. Отдых на море — это, конечно, хорошо, но мой диплом — результат напряженного пятилетнего труда, да и зомби уже неделю без присмотра.

Все необходимые подписи и печати я получил за полдня (хорошо жить на острове!), осталось выбрать путь к свободе. Нурсен предлагал подождать одного из рейсовых пароходов, через которые осуществлялось снабжение экспедиции. Идея мне не нравилась. Чугунка подходила к побережью только в двух местах: порте Ильсиль на каштадарской границе и в Веронте, туда и туда — пять дней по морю и еще не каждое судно сможет принять на борт мой мотоцикл (его же придется тащить лебедкой из шлюпки). Добавить к этому непременную пересадку, потому что поезда из Веронта до Редстона не ходят, либо лишние три дня на трансконтинентальном экспрессе через весь южный Аранген. И вообще, мне была чисто эстетически отвратительна необходимость делать крюк: кратчайшее расстояние между двух точек — прямая.

— А-а давай со мной? — предложил Алех.

Оказалось, Стивенсен хочет отослать начальству срочный пакет — его нужно было доставить в почтовое отделение на узловой станции, именно для таких целей в Гиладе и стоял грузовик. Миссию поручили Алеху, как самому работящему. Дорога до чугунки была прямая и наезженная (а не те проселки, которыми мы выбирались из Чокнутого Тауна), следовательно, времени на нее должно было уйти гораздо меньше. Проблема была только одна — от мысли, что зомби опять будет носиться по колючкам, меня начинало мутить.

— Пес в кузов поместится?

— Бе-ез проблем!

Я тут же согласился. Засажу в грузовик Макса и Соркара с его шмотками, а сам поеду налегке. Хорошо!

Обратный путь в Гилад пролетел незаметно, возможно, потому, что в этот раз за нами пришла обычная шхуна, а нормальный парусник не вызывал у меня такого же раздражения, как увечная моторка. Через неполные восемь часов я сошел на пристань и долго стоял, хлопая глазами и пытаясь понять, что же тут изменилось.

Там, где раньше была только грязь и пыльный хлам,

появились десятки оттенков цвета и нюансов формы. Обшарпанные лодки больше не казались отрыжкой прогресса, в них чудилось что-то иррационально-романтическое, убогие навесы из плавника и горбыля радовали глаз неповторимостью очертаний. Даже запах, хорошо знакомый смрад гниющих водорослей и рыбы, внезапно обнаружил в себе новые оттенки ароматов соли, йода и экзотических трав.

Зашибись.

Нет, Гилад-то остался прежним, изменился я сам. Во мне говорила память человека, всю жизнь прожившего в подводных куполах, мегаполисах из стекла и металла и еще где-то выше неба (совершенно непонятно, что при этом имелось в виду). У Мессины Фаулер задрипанный приморский городишко вызвал бы умиление простотой и незамысловатостью провинциальной жизни, лишенной сумасшедших ритмов и умопомрачительных интриг. Надо признать, что в чем-то она была права, но в таком случае я предпочитаю безумие. Подумать только, воскресить человека, жившего больше тридцати тысяч (!) лет назад и напороться на прекраснодушную «ботву». Мало мне местных белых…

Наверное, Соркар прослышал, что кто-то отправился на острова, и заранее пришел на пристань с зомби на поводке. «Чистильщик» терпеливо дожидался моего приезда. Между прочим, уже две недели прошло, как там у него с Источником? Надо ему чего-нибудь поубедительней наврать, а потом — быстро сматываться. Мне только разъяренного калеки под боком не хватает! Макс энергично барабанил хвостом по доскам причала.

Кстати, а как выглядит память фермерского пса?

Я подозрительно уставился на зомби, Макс сделал уши веером. Нет, не может быть, чтобы во мне поселилась сущность овчарки! Человек сложнее собаки, должно же быть какое-то передаточное отношение… Я представил свои мысли в виде листа бумаги и старательно замазал эту идею нафиг, чтобы голову себе не ломать.

— Кстати, таратайку-то вашу чуть не свистнули, — между делом сообщил Соркар.

— К-кто? — удивился Алех.

Чистая душа! Он думает, что на его имущество не найдется желающих, особенно в Арангене, откуда каждый второй надеется слинять.

— Фиг знает.

— И почему не свистнули? — практично уточнил я.

— Да твой зомбак их пуганул! В окно высунулся и ну гавкать. Меня по ночному делу чуть карачун не хватил.

Хорошо, что у Соркара Источника нет, а то карачун хватил бы не только его. У меня уже выработалась привычка доверять суждениям зомби, и, если Макс счел нужным кого-то облаять, значит, дело того стоило. К тому же, содержатель «Пьяной камбалы» проставился по такому случаю бесплатным пивом:

— Извиняемся, значит. Не местные хулиганили.

Скорее всего — врал. Чтобы в арангенском захолустье топталось столько чужого народу? Ни в жизнь не поверю! Впрочем, ловить несостоявшихся воров мы не стали и на следующий день покинули побережье.

Великий и ужасный генерал Зертак скипидарил мозги подчиненным. Те трепетно внимали, потому что тем, кто слушал невнимательно, генерал мог наскипидарить кое-что еще, и даже слаженная работа команды из одиннадцати магов не позволила бы избежать гнева колдуна, по слухам, пережившего смертное проклятье.

— Безответственность! Невыполнение приказа!! — неистовствовал генерал. — Вам что было сказано? Сопровождать! А вы что сделали?!

Капитан Ридзер виновато потупился, подчиненные дружно повторили его жест.

— Отпустить ценного сотрудника одного, без согласованного маршрута, без связи!!! Как это называется?!!

— Виноват, — выдохнул капитан. Бояться боевой маг не умел, качать права было самоубийством, поэтому Ридзер старательно взращивал в душе чувство раскаяния, призванное заглушить любые возражения со стороны черной натуры.

— А когда делал, чем думал?!

Генерал продолжал бушевать. Зертак знал своих подчиненных так, как иной эмпат не может, и любые поползновения к пофигизму, самонадеянности и лентяйству пресекал в зародыше. А как иначе удержать в руках банду черных отморозков? Проштрафившиеся маги были рады уж тому, что уйдут живыми.

Только покинув штабную палатку Ридзер позволил себе укаткой вздохнуть и перестал тискать в руках фуражку с высокой тульей и гербом — символом своего капитанства. Сегодня он ее не потеряет. Пронесло!

— Может, поехать, поискать? — спросил самый совестливый в команде.

Ридзер протер бритую макушку платком и укрепил на ней фуражку.

— А смысл? Он ехал на секретный объект, пока мы будем

искать это место, они там все закончат и разойдутся по домам. К тому же, при нем зомби, а это, считай, полтора жандарма. Ничего с ним не случится!

Шутка про жандармов и собак (две пары ног, одна голова) прижилась.

Вокруг шумел полевой лагерь, велся последний смотр транспорта, амуниции и бойцов. На длинных шестах нежно перезванивались амулеты инструментального контроля, и большинство хрустальных призм было обращено на юг, в сторону границы с Каштадаром. Со дня на день должна была начаться важная, но невероятно нудная операция по зачистке Арангена от проявлений потустороннего, некоторым из которых было уже по пять-семь лет (в таком возрасте даже примитивный фома начинает представлять некоторую опасность). Власти Ингерники гордились тем, что могут применить силу там, где другие народы покорно отступают, чтобы веками дожидаться, когда нежити на проклятых землях передохнут от голода. Поставленную задачу следовало выполнить безупречно!

А пока треть личного состава развлекалась, устраивая рейды по сопредельной каштадарской территории, дабы пресечь организованные и не очень попытки южан поживиться за счет Арангена (Зертак справедливо полагал, что возражать такой ораве боевых магов соседи не решатся). Армия желала доказать, что не зря ест хлеб, а заодно и преподать урок всяким разным заграничным.

Места для проблем в планах командования не оставалось.

Глава 19

В кой-то веки я имел основания считать, что удача мне улыбнулась: контракт выполнен, диплом считай — в кармане, осталось только деньги получить. Могут же другие люди зарабатывать, не влипая в неприятности! И мне пора начинать. Возможно, контракт с НЗАМИПС окажется не такой уж дикой идеей.

Под рокот армейского грузовика путешествие по Арангену пошло веселее. На ставшие уже привычными убогие ландшафты (все эти поля-овины-домовины), я смотрел взглядом победителя — чуждая реальность была укрощена и усвоена. Заночевали, по молчаливому согласию, в кузове грузовика — никому не хотелось возобновлять знакомство с клопами, тем более что погода стояла офигительная (в Краухарде такой вообще не бывает). На привале Алех развлекал нас этнографическими байками, про то, как на этих самых землях кто-то восставал против кого-то с неясными целями и почти побеждал. Всю свою историю Аранген был поводом для войн и раздоров, но что самое смешное — первоначально завоевателей привлекал здешний строевой лес. А странности быта объяснялись до изумления просто: вся земля восточных кантонов принадлежала пяти крупным землевладельцам. Селянам еще повезло, что в Ингернике рабство запретили!

А Ридзеру я отомщу. Это он, гад, подбил меня ехать на побережье через штаб «надзора»! Можно было догадаться, что прямая линия на карте — не обязательно самый быстрый путь.

Я был настроен ехать вперед тупо, прямо и нигде не останавливаясь. Мои спутники такой постановки вопроса не понимали (жизненного опыта не хватало), если Алех еще как-то стремился исполнить поручение, то Соркар был настроен погулять за казенный счет. Казалось бы, не мальчик, должен понимать, что лучший способ избежать неприятностей — не дать им себя настигнуть. Но «чистильщик» в дурной глаз не верил (я раньше — тоже), черные заморочки к нему постепенно возвращались, он распропагандировал Алеха (белый просто неспособен был дать отпор) и общим голосованием (двое против одного), было решено свернуть. Коллектив желал пива! Следовало послать их к Шороху и со спокойным сердцем ехать дальше, но тут на меня накатило необычное благодушие (личность Мессины Фаулер опять дала о себе знать) и я позволил им себя переспорить. Серьезная ошибка! Надо будет на рукаве написать: «Черный маг всегда прав».

Я ехал впереди, хотя дороги не знал (пыль глотать не хотелось), а Соркар рулил следом (потому что белый в качестве водителя вызывал у меня подсознательную дрожь). Алех не возражал — кататься ему тоже нравилось, а заблудиться было невозможно — дорогу до узловой станции местные пометили полосатыми столбиками (без поясняющих табличек). Разглядев в стороне черепичный крыши (верный признак достатка), «чистильщик» начал решительно бибикать и мы, поддавшись низкому соблазну, отправились прямиком в объятья Короля.

Это был еще один Тюкон-таун, разве что без мостовой. Необычно плотная для сельской местности застройка означала, что земли вокруг селения принадлежат особо прижимистому латифундисту, который ни пяди не продает, а арендную плату назначает такую, что даже содержание трактира становится невыгодным. Хотите мое мнение? С такими порядками, работу «надзора» придется организовывать вахтовым методом — ни один черный здесь дольше необходимого не задержится.

То, что гулянки не будет, я интуитивно понял еще на околице — слишком уж много народу топталось на улице, а день-то не праздничный. Ну и Шорох с ней, не очень-то и хотелось! Осталось найти место, где сможет развернуть грузовик, и сваливать. Увы, Соркар прозрачных намеков не понимал: увидев вывеску с кружкой, он немедленно заглушил двигатель и полез наружу. Я мысленно выругался.

Ох, екнется нам это пиво…

За облупившейся вывеской нас ждал убогий трактир без комнат (скорее — просто пивная): под навес «а-ля коровник» хозяин выставил грубые деревянные столы, а землю между ними присыпал резанной соломой. Сейчас в заведении было нехарактерно пусто и это настораживало.

— Видали? Каштадарцы! — авторитетно объявил Соркар, пока мы сидели в ожидании ужина (все равно придется тут ночевать — пьяного я его за руль не пущу).

Там, где посетителям заведения предлагалось оставлять лошадей и телеги, примостился затейливый фургон. Я в первый раз видел что-то подобное: вытканный яркими узорами полог, резные стойки, кисти и бахрома, спицы раскрашены в три цвета — не повозка, а шкатулка на колесах. Нарядные пегие лошадки с заплетенными гривами аппетитно хрумкали зерном, из-за полога высовывались заинтересованные детские мордашки, но наружу обитатели фургона не выходили.

— Зд-десь? — удивился Алех.

— А то! Как Зертак к границе подошел, так они и полезли.

— Зачем? — иностранцев я принципиально не любил, хотя ни

с одним еще не общался.

— Ну, дык, у них же черные — типа прокаженных. Живут отдельно, еще и следят за ними: то — нельзя, это — нельзя. Пока «надзора» не было, бонзы беглецов по-тихому обратно отсылали. А сейчас спецы на границе своих не ловят.

Я почувствовал гордость за державу. Да, Ингерника — самая прогрессивная страна в мире! Мечта всего человечества. Главное, чтобы гостей было не слишком много…

— Бонзы — полицейские? — на всякий случай уточнил я.

Соркар снисходительно ухмыльнулся.

— Нет, это старые Семьи, у которых земли до жопы. У них здесь все свое было — жратва, законы, армия. Они и НЗАМИПС отсюда выжили, а теперь пятки грызут, — и пояснил. — Я здесь родился, но сбежал, боялся, что папаня в Каштадар продаст.

Вопросов к Арангену у меня больше не оставалось.

Пока мы ели, все было тихо, а потом селяне начали скапливаться за оградой. Не люблю я, когда люди так вот стоят и смотрят. Под навес бочком протиснулись трое мужиков, одетых с претензией — в скрипучих лакированных сапогах, пиджаках и картузах. И это летом, в самую жару. Однако, делегация!

Самый представительный из вошедших отвесил нам натуральный поясной поклон (я даже про пиво забыл на минуту).

— Здравствуйте, господа хорошие! Прощенья просим.

— За что?

Мужик растерянно захлопал глазами. М-да, шутить с ними бесполезно — сам потом будешь как оплеванный.

— Да вы присаживайтесь, уважаемые, в ногах правды нет. Кто вы и какие у вас к нам дела?

Трактирщик молча подтащил к столу еще три стула.

— Староста я, стало быть, тутошний, Агапий.

— Рад знакомству. Тангор.

— Окажите, стало быть, божескую милость! Избавьте общсчество от чужеземных злодеев.

Кажется, я начал понимать суть проблемы. Очевидно, в глазах этой деревенщины каждый, путешествующий в автомобиле, был, по меньшей мере, членом правительства, а уж глядя на мой мотоцикл, они просто не могли подобрать подходящего титула — фантазия отказывала. То есть, они взывали к представителям власти, а поскольку двое из нас были сотрудниками НЗАМИПС, мы даже послать их нафиг с чистым сердцем не могли. Вдруг нажалуются?

Я почесал шелушащийся нос (результат извращенного времяпрепровождения на пляже).

— Это тех, что в фургоне? А что с ними не так?

— Ну, дык, как они приехали, так человеки пропали!

Люди у них куда-то делись.

— Черные? — для проформы уточнил я.

Староста и присные энергично замотали головами.

— Мельник, стало быть, наш, Пафнуций!

Нет, черного не могли назвать таким именем, черный бы не дался. Пришлось набраться терпения и продолжить разговор (все равно они от нас просто так не отвяжутся).

— Сколько людей пропало?

— Мы ж говорим, Пафнуций!

— Один, стало быть, человек, — тьфу ты, еще и словечко привязалось!

Селяне заулыбались понятливости начальства.

— Как пропал, опишите подробно.

Где-то через четверть часа выяснилось, что мельник уехал в соседний городок за какой-то мелочевкой на трехосной телеге (жернов ему, что ли, новый нужен был?), а через пару дней, когда селяне ужа начали беспокоиться, с той же стороны приехал пестрый каштадарский фургон. И повозка, и кони у приезжих были другие, почему местные решили, что каштадарцы в чем-то виноваты — не разбери поймешь, на мой взгляд, наиболее вероятной причиной исчезновения человека были нежити.

— А может, ваш мельник просто загулял где-то?

— Не можно, господин хороший, у Пафнуция — семья, да и собака его дурно выла.

С точки зрения черного, наличие семьи говорило только в пользу загула, а собака… М-да.

— Оставайтесь здесь, сейчас я все выясню!

«Чистильщик» увязался следом.

Мне нужно было поговорить с каштадарцами. В то, что им за каким-то Шорохом потребовалось убивать мельника, прятать где-то его лошадей и фургон, а потом являться в деревню покойного, я категорически не верил. Вот только поймут ли они меня?

При моем приближении обитатели фургона приняли боевую стойку, в смысле, дети скрылись внутри, а взрослые вышли навстречу. Впереди встала тетка с буйно начесанной шевелюрой (по всем признакам — черная), а за ее правым плечом занял место плечистый мужик весьма специфической наружности. Выглядел каштадарец как заправский телохранитель, только рост (он был на полголовы ниже меня) немного портил впечатление. Наверное — муж, а может и сын, кто знает, сколько лет этой кикиморе.

— Какая телка! — восхищенно пробормотал Соркар, из чего я сделал вывод, что он черный по отцовской линии. Я-то в

Краухарде вдоволь насмотрелся на этих чернооких красавиц. Вон, староста наш, вроде — тихий мужик, а со своей старухой так ругается, что на полдолины слышно. Нафиг, нафиг! Идеальная женщина должна быть как хомячок — маленький, пушистый и не разговаривает.

Я остановился за три шага от цели — правильно выбранное расстояние предотвратило множество конфликтов. Кланяться не стал, но и долгих разглядываний себе не позволил — просто чуть прикрыл веки, пряча взгляд.

— Добрый день, мадам! — обращаться всегда следует к старшему. — Вы понимаете по-ингернийски?

— Мы понимаем, — ответил из-за ее спины боец.

— Эти добрые люди, — я мотнул головой в сторону мрачной толпы, исподволь заполнявшей площадь, — беспокоятся о своем соплеменнике. Не попадалась ли вам на пути в последние дни трехосная телега, запряженная парой крупных гнедых лошадей?

Каштадарцы обменялись парой фраз на чирикающем наречии.

— А что, если нет?

— Тогда я развернусь и уеду, а вам придется разбираться с этими добрыми людьми самостоятельно.

За нашим общением наблюдало уже человек сорок.

Они еще немного посовещались.

— Кто вы такой, чтобы спрашивать? — уточнил мужик.

Почти нахальство. Или тетка решила, что сможет завалить полноценного мага?

— Я — сотрудник НЗАМИПС! — пришлось расправить плечи и продемонстрировать мое очередное временное удостоверение, которое я по чистой случайности нигде не потерял, а Сатал — не забыл мне выдать.

Новость вызвала сильное возбуждение и нездоровый интерес черноокой ведьмы.

— Надзора-а? — с сильным акцентом переспросила она, строя мне глазки.

— Он тоже из «надзора», — поспешил я переключить ее внимание на Соркара, — только раненный. А мне нужно знать про телегу.

— Нам не нужны неприятности, господин! — громила едва заметно скрючился (явно привык иметь дело с черными, но сам — не волшебник). — Мы сами ничего не знаем, но один из детей видел большую повозку, рядом с которой ходили люди. Потом что-то ярко вспыхнуло, он испугался и убежал.

— А какого цвета была вспышка? — уточнил я.

— Это важно?

— Важно.

По цвету иногда можно определить тип Источника. Белые заклятья никогда не бывают синими или фиолетовыми, а черные — желтыми или оранжевыми.

Мужчина сходил к фургону и о чем-то поговорил с детьми, каштадарка продолжала подмигивать Соркару. Наверное, он ей отвечал (вот баран!).

— Мальчик у нас еще мал, — виновато пожал плечами вернувшийся каштадарец, — но по его словам выходит — словно солнце зажглось.

— Ждите здесь, никуда не уезжайте!

Это следовало обсудить без посторонних. Велев селянам скрыться с глаз и не раздражать начальство (меня, то есть), я вернулся в харчевню и устроил свой собственный военный совет.

— Белые хулиганят.

— Б-белые н-н-н…

— Могут, если это Искусники. Вопрос, на кой им сдался этот мельник. Он даже не черный был!

— Телега, — подал голос Соркар. — Это, наверное, те, что стырить грузовик пытались.

— Гилад отсюда далеко, — не согласился я.

— Дык, пять дней. Если пешком, то — как раз.

Я задумался. Если вспомнить «звезду путешественников», то какие-то белые маги в Гиладе, определенно, были. Знали ли они про взрывчатку на корабле? Да пофиг теперь, главное — я о ней вовремя узнал. Допустим, они прибыли на побережье пароходом, стали искать транспорт для продолжения пути, пытались спереть грузовик (неудачно), и быстро-быстро пошли сюда. По времени проходит. Тогда как в картинку вписывается убитый на тракте «чистильщик» (там-то грузовик никто не взял!) и, если уж на то пошло, вспыхнувший как свечка хутор? Обогнать меня пешком или на лошади они не могли. Что, две, а то и три колонны Искусников, марширующие по Арангену? Типа, коллективные гуляния, с песнями и костерком. А нафиг? Они, конечно, психи, но не на столько, чтобы устраивать марш-броски в компании нежитей, чисто для моциона.

— Сходим на место, — предложил я «чистильщику», — сравним, похоже ли это на то, что было с Гатаем.

Соркар сразу согласился (он тоже был немного пьян). Зомби остался присматривать за Алехом и грузовиком (Максу я доверял больше, чем белому), а мы отправились в указанном каштадарцами направлении. Мотоцикл шел немного зигзагом. Действительно, хорошее здесь пиво!

Никакого беспокойства по поводу сомнительного

мероприятия я не испытывал, на мой взгляд, Искусникам (если это были они) полагалось вовсю улепетывать отсюда на краденной повозке. Хотя, если задуматься, с какой скоростью будут шагать мельниковы битюги, еще не известно, как быстрее. И вообще, что может угрожать черному магу в отсутствии «надзора»?! Гм. Ну, был в Краухарде случай, когда селяне забросали камнями надоедливого колдуна… Но то в Краухарде, в Арангене народ пожиже будет.

Короче говоря, запамятовал я, что у сектантов непостижимая логика. Наверное, они тоже не видели причин бояться, а когда заметили нас, въезжающих в деревню, желание завладеть грузовиком их просто ослепило. Мы пили пиво часа два, времени, чтобы спланировать захват у них было достаточно, но начали они банально — с гоп-стопа.

Найти на проселочной дороге место, в котором никогда не был, чисто по описанию — задача не для слабонервных. Мы уже четверть часа плелись по-черепашьи, останавливаясь каждые сто метров и пытаясь соотнести данные каштадарцами ориентиры с местностью. Я отплевывался от мошкары (на такой скорости рассекатели не работали) и всюду выглядывал проплешины в траве или пятна свежей зелени.

— Здесь или чуть дальше?

— Наверное, здесь, — кивнул Соркар.

Я проследил за его взглядом — в нашу сторону решительно шагал взъерошенный юноша (почти мальчишка), неприятно напоминавший мне укурка с копьем и покойного Лорана. И ведь чешет прямо в лоб…

— Замри! — приказал я ему, готовясь садануть чем-нибудь ошеломляющим.

Он остановился, одновременно вынимая из кармана руку, в которой был зажат крупный серебряный амулет, весь в разноцветных стразах. Какая пошлость! Я приготовил щиты. Разрушительных заклятий в белой магии немного, но, чтобы отразить их, черному приходится строить невероятно плотную оборону. Это как попытка избить кого-то сквозь подушку: противозаклятья воздействуют не на враждебную магию как таковую, а на среду, в которой та распространяется (неэффективно до жути).

Золотистая вспышка ударила по глазам раз, другой. Никаких странных ощущений это не вызывало. В принципе, заклятья другого Источника магу не доступны, но, если знать теорию, их схему можно реконструировать по результатам воздействия. В данном случае, ничего угрожающего я не замечал.

Третий раз вспышка получилась слабее.

— Ты скажи, что сделать хочешь. Может, я помогу.

Нахальный юноша побледнел, швырнул в мою сторону амулет, развернулся и дал деру.

— Фас! — скомандовал я.

Пса-зомби со мной не было, зато был Соркар, а рефлексы на бегущую добычу у них совершенно одинаковые. «Чистильщик» припустил за жертвой так, как Макс не всякий раз бегает, в считанные мгновения незадачливый злодей был настигнут и брошен на землю. Соркар принялся избивать его ногами.

Я поднял амулет и, не спеша, подошел к дерущимся. Вообще-то, пытаться отнять у боевого мага его жертву чревато (можно по шеям получить), но мне нужно было поговорить с задержанным, а на двоих его явно не хватит. Я хлопнул пару раз в ладоши перед лицом «чистильщика» и тот, инстинктивно избегая контакта, подался назад.

— Достаточно! Берем его и возвращаемся.

— Зачем? — набычился черный.

— Надо его допросить.

— Я его убью, ты — поднимешь, и мы будем знать все!

— Я не собираюсь смешивать свое сознание с мыслями этого дегенерата! Мой интеллект может серьезно пострадать. И вообще, будешь возражать — получишь в морду еще один шарик и сможешь забыть про Источник на полгода.

Такая угроза подействовала лучше, чем тумаки.

И мы поехали обратно. Втроем, на одном мотоцикле. Причем, пленный Искусник постоянно куда-то сползал, норовил оббить ноги о камни или приложиться носом к раскаленному цилиндру. Соркар зверел и предлагал тащить его волоком, я слабо возражал, ссылаясь на гигиену. Вы представьте: черные въезжают в деревню, волоча на веревке изувеченный труп. Местные вообразят себе неизвестно что, а мне потом от них отбиваться!

В селении нас встретила мертвая тишина, контраст был такой, что проняло даже Соркара. Где сердито бурчащие мужики, где встревоженные грядущим мордобоем тетки? Собаки и те нам в след не брехали. Да что собаки, кур не было!

Только на площади перед трактиром нам встретились первые люди. Кащтадарец замер посреди улицы со здоровенным топором в одной руке и вполне ингернийского вида арбалетом — в другой. Алех сидел на подножке грузовика, привалившись к двери, судя по окровавленному лицу, его стукнули по башке (самый слабый его орган), ведьма склонилась над белым и сосредоточенно бинтовала рану. Очень профессионально, на мой взгляд, и перевязочным материалом они запаслись в достатке. Мирные переселенцы, ха! На лице бойца отразилось невероятное

облегчение.

Макс, виляя хвостом, уже спешил мне навстречу, напоминая при этом клубок для вязания — из него под разными углами торчали три арбалетных болта.

Черный маг страшен в гневе.

— Кто стрелял в мою собаку?! Испепелю!!!!

Последовала минута смятения — каштадарец мучительно подбирал слова, Алех пытался мотать головой и что-то выговаривать, а я — полыхал гневом. Признаюсь, от резких действий меня удержало поведение Макса — рядом с ненадежными людьми он не стал бы вилять хвостом.

— Это не мой! Они убежали, они пытались взять грузовик!

Каштадарка закончила перевязывать Алеха и целеустремленно зашагала в нашу сторону. Я оглянуться не успел, как дурная баба вцепилась в пленника и принялась молотить его головой об мотоцикл.

— Эй, шабаш!

Она же мне всю эмаль обдерет!! Вместе с меняющими цвет проклятьями, значащими для меня не меньше мотоцикла — Искусник столько не стоит. Соркар вежливо, но твердо, перехватил буйную дуру и стал подталкивать ее в сторону трактира. Я избавил зомби от сомнительных украшений, поправил реанимирующие проклятья и оставил охранять наш транспорт — у него это хорошо получается.

— Они приехали на лошадях…

— Мельниковы были кони, — вставил трактирщик, без понуканий принесший нам выпивку.

— … «трясучкой» всех обложили и — к грузовику.

Он даже термин ингернийский знает, тот самый, для белого заклятья, вызывающего неодолимое желание спрятаться и не выходить. И защита у них в фургоне где-то установлена. Мирные переселенцы, верю, верю! А топор у них — хворост рубить.

Со слов каштадарца получалось так, что Искусники вошли в селение по наглому, разогнали магией местных, стукнули по голове не вовремя подвернувшегося Алеха и сразу полезли в кабину грузовика. Тут-то Макс их за задницы и взял. Бой был короткий, но кровавый — зубы у зомби длинные, а белые заклятья мертвецу фиолетовы. Каштадарец дождался, когда все арбалетчики сделали залп (а боевому магу перезарядка не потребовалась бы!), и присоединился к веселью. Спрашивается, зачем? То ли азарт одолел, то ли выслужиться захотелось.

— Это не-э-э…

— А кто, бандиты с амулетами из белой магии? — уточнил я.

Алех, смущенно, замолчал.

Одно хорошо — встретив воинственно настроенного белого можно почти не сомневаться, что он — сектант. В нормальном состоянии эти ребята милые, тихие и добронравные. А Искусников мы разъясним.

— Сейчас мы узнаем, кто они такие и что им было надо!

Допрашивать пленника я доверил Соркару (не потому, что не могу ударить связанного человека, а для того, чтобы не мешать профессионалу). Помогать «чистильщику», неожиданно, вызвалась каштадарка. Не знаю, что они делали с несчастным, но меньше, чем через час он был полностью готов к сотрудничеству, а сумасшедшая баба все еще шипела и пыталась вцепиться ему в рожу. Соркарау такое поведение женщины явно нравилось (извращенец!). Посмотрим, как он запоет, когда Источник вернется, а сматываться будет поздно.

Несостоявшийся убийца исходил слюнями и соплями. Почему убийца? Потому что надеяться остановить черных магов легкими увечьями мог только идиот.

— Я не хотел!!

Естественно, попадаться — не хотел. При этом то, что ему придется кого-то убивать, он отлично знал, но возможность быть убитым в его планы не входила. В остальном, Искусник вел себя как мальчишка, пойманный на краже конфет.

— Куда вы шли?

— Не зна-аю!

— Что собирались делать?

— Не зна-аю!

Группа доморощенных магов шла за лидером, не задавая вопросов, все были счастливы уже тем, что могут участвовать в общем деле. Учили и инициировали их внутри секты, судя по тому, что пленник не понимал простейших вещей, задачей боевиков было просто активировать амулеты в нужное время.

— Как должен действовать амулет?

— Не зна-а…

— Понятно.

После этого содержательного разговора пленного заперли в чулан. Я сидел под навесом и при последнем свете рассматривал трофейный амулет, мысль, что при помощи этой штуки любой клоун может убить настоящего боевого мага, мне не нравилась. И кем, в таком случае, оказываюсь я?

— Ну, и что это? — Соркар был мрачен.

— А я знаю?

Неинициированный Алех помочь делу не мог. Я напряженно вспоминал те ощущения, которые вызвало у меня срабатывание амулета. Нет, ничего угрожающего, просто белая магия, как

почесаться, а Искусники, конечно, придурки, но не на столько, чтобы идти в бой с непроверенным оружием.

— А ну-ка, выгребай карманы!

Соркар набычился:

— Зачем?

— Затем, что сама по себе эта штука никого убить не может. Гатая они вынесли без проблем — черного мага при исполнении, я и ты — ничего не почувствовали. Ты — временно не маг, а я — ни разу ни «чистильщик». Вопрос: что у Гатая было при себе такого, чего нет у меня? Ты же с собой все, что мог, забрал. Выворачивай карманы!

Стол наполнился массой всевозможных предметов, от перочинного ножика до «манка» (где он столько прятал?!!). Я зачаровал на яркий свет самую большую лампу, и принялся осторожно передвигал вещицы, пытаясь вспомнить их устройство и назначение.

— Здесь все? Все, что должен иметь при себе «чистильщик»? Имей в виду, они были уверены, что это сработает с каждым.

Соркар только плечами пожал.

В норме сотрудник НЗАМИПС имел при себе массу полезных вещей: эликсиры, пробники, всевозможные амулеты (защитные и не совсем). Я припомнил взломанный периметр в Редстоне. В работу черного проклятья почти невозможно вмешаться, эликсиры, несомненно, сработаны белыми, но их прежде еще нужно выпить. Значит, откладываем все снадобья и чисто черномагические прибамбасы. Передо мной осталось полдюжины штуковин, имевших сложное либо неизвестное мне устройство. Тут-то мне и поплохело.

— Вот это вот — что?

— «Хранитель».

— А как он определяет момент смерти владельца?

«Чистильщик» таких тонкостей не знал. Я лихорадочно пытался вспомнить теорию. Поэтически говоря, «хранитель» срабатывает, когда душа волшебника покидает телесную оболочку, и делает невозможным вмешательство потустороннего или проведение некромантических ритуалов. На землю падает лишь серый пепел — амулет уничтожает труп качественно и целиком.

Насколько распространены эти штуки у боевых магов? При работе с потусторонними феноменами всегда присутствует риск появления лича — облажавшегося колдуна, заселенного враждебной сущностью. Особенно это актуально для слабосильных недоучек, которыми является большинство «чистильщиков», поэтому им «хранителей» раздают в

обязательном порядке. Пары примеров из недалекого прошлого было достаточно, чтобы власти начали за этим очень жестко следить: ловить измененного волшебника — крайне неблагодарная задача. «Хранитель» — маленькая изящная штучка, ювелирное украшение, которое совершенно не обязательно каждый раз снимать и одевать — в постоянном ношении смертоносного амулета боевые маги видели признак крутизны. Другое дело, что я упорно считал себя алхимиком и традиционных атрибутов колдуна избегал (мне черного костюма и лакированных туфель хватало по горло). Можно ли вмешаться в работу этого смертельно опасного устройства?

Избавиться от «хранителя» Соркар согласился охотно и для того, чтобы бросить амулет в мешок, воспользовался двузубой вилкой — возможность даже теоретически быть испепеленным заживо ему совсем не улыбалась. Насущную угрозу мы устранили, истинное лицо убийц предъявили общественности, бесплатным пивом накачались до бровей и отправились спать в кузов грузовика (попытки жены трактирщика устроить нас в доме ни у кого энтузиазма не вызвали). У меня перед глазами уже стояли паравоз-дорога-Редстон. И душ. О, да! Много-много горячей воды, пушистые полотенца, никакой экономии мыла и никаких свечей.

Проснулся я среди ночи, мокрый от пота, и разбираться, что это за странные реакции, мне было недосуг. Перед моим мысленным взором висела карта Арангена, та самая, на которой Ридзер показывал маршрут продвижения своего отряда к каштадарской границе. Оттуда начнется войсковая операция по зачистке восточного побережья от потусторонней заразы, там сейчас собралась добрая половина армейских экспертов — элита боевых магов Ингерники. И туда же (именно туда!) несколькими отрядами пробирались Искусники. Нет, если они собираются подходить со своими амулетами к каждому бойцу, то долго не протянут. А если у них есть что-то более поганое на ту же тему?

Сна больше не было ни в одном глазу. Я вылез под бледный лунный свет, и попытался собраться с мыслями. Почти немедленно ко мне присоединился Соркар. Определенно, Источник к нему возвращался (наверное, стресс помог). Ну, вот, я раскрыл чудовищные планы сектантов и что мне теперь с этим делать?

Самое простое будет — наплевать и забыть. Соркар возражать не станет — мысль о моем старшинстве намертво впечаталась в мозги «чистильщика». Алеху можно ничего не говорить. В конце концов, какое мне дело до армейских отморозков, которых я все равно никогда не увижу?

«Никогда» — вздохнула внутри чужая память об опыте

потерь, которой у черного не могло быть по определению. Мессине Фаулер приходилось терять близких людей — ждать встречи, надеяться на близость, а потом сознавать, что прерванный разговор не продолжится уже никогда. Никогда. Я приобретать подобный опыт не желал принципиально. Нафиг надо! У меня здоровый сон и крепкие нервы, мне не совершенно не обязательно испытывать их на разрыв. Значит, Искусников придется как-то обломать. Самое простое было бы — доехать до станции и позвонить по телефону, если бы я знал, кому звонить.

Соркар терпеливо ждал моего решения.

— Собирайся, — сказал я ему, — едем на юг.

Зачем он мне понадобился, черные ведь предпочитают работать в одиночку? Не знаю, какой-то новый инстинкт появился — не желал я идти на дело без страховки.

Мы собрались за пять минут. Разбудили Алеха — велели взять зомби и ехать к станции. Разбудили каштадарцев — посоветовали следовать за белым и охранять его. Разбудили трактирщика — пригрозили, что, если староста упустит пленного злодея, ему не сдобровать. Потом наполнили маслом запасные канистры и умчались в ночь.

В двух часах езды от селения начинался широкий тракт, тот самый, на обочине которого убили «чистильщика» Гатая, дорога, по которой нам с Искусниками было по пути.

Глава 20

Если бы месяц назад мне сказали, что я буду мчаться куда-то сломя голову, чтобы спасти банду армейских спецов, я бы ржал как конь, до истерики, а уж почетная должность некроманта не являлась мне даже в страшных снах. С другой стороны — не я один такой тупой. Вон, мир без магов даже умники из правительства себе не представляли. Какая из этого мораль? Фиг знает!

Мотоцикл рычал как животное, рвал руль из рук и прыгал по рытвинам раздолбанного тракта, совсем не напоминающего аккуратные городские мостовые. По сторонам изредка мелькали крыши каких-то строений, но меня не интересовало, есть там кто-то живой или нет. Один раз вдали показались закопченные руины крупной усадьбы, и Соркар за моей спиной чуть слышно хмыкнул. Для разнообразия, тут имелись дорожные указатели, сообщающие, что мы направляемся в Ильсиль. Подумать только, если бы я сел на пароход, то давно уже был бы там!

И наблюдал, как вокруг дохнут ничего не понимающие маги.

Искусников мы не догнали (возможно, они знали другую дорогу или просто залегли на дно), но ближе к вечеру следующего дня я наткнулся на многочисленные следы автомобильных шин и решил рискнуть — так грубо и нагло срезать угол через выгоны может только водитель-черный. Ездили здесь не раз, если повезет, там будет узловая станция или хотя бы полицейский участок с телефоном, потому что по такой дороге добираться до Ильсиля можно много дней, а где именно располагается арангенская армейская база, я не знаю.

Заночевать пришлось в поле (какой баран здесь ездил, кто мне скажет?), практически на голой земле (запасливый Соркар прихватил с собой в дорогу только два одеяла и бутерброды). Спорить было не о чем, сражаться — не с кем. Я лежал и смотрел на звездное небо, а в голове воспоминания Мессины Фаулер (по странному стечению обстоятельств покойница оказалась специалистом по какой-то там безопасности) мешались с рассказами Чарака. Картина мира, бывшая у меня с ранних лет простой и понятной, дрожала и расплывалась, выходя за пределы уютных личных интересов. Я больше не был уверен, что смогу прожить жизнь, не вникая в проблемы окружающих — даже мне не удастся игнорировать реальность двести лет подряд.

Интересно, каково это, быть последним черным магом? Тьфу, какие глупости в голову лезут!

Впрочем, это только кажется, что черных легко перебить

поодиночке. Да, мы не любим общества себе подобных, но Чарак рассказывал, что при Гирейне черные образовывали настоящие общины, подступиться к которым солдаты короля физически не могли. В конце концов, группа единомышленников, объединенная иерархией, это и есть идеальный боевой отряд, а при наличии минимума времени на размышление, у черных такой тип отношений складывается естественно, и не приходится никого дурить, опаивать ядами или держать в ежовых рукавицах. Однако стоит общей угрозе исчезнуть, команда мгновенно рассыпается и хорошо, если без скандала. Каким образом тогда получалось, что в прошлом черных магов не было вообще? Возможно, Искусники знали ответ на вопрос и теперь методично реализовывали это знание.

А еще, в моей семье слишком часто умирают от невыясненных причин. Сначала отец, потом, вон, дядька. Вокруг постоянно что-то происходит, люди что-то делают, а я не в курсе! В какой-то момент это начинает раздражать, в конце концов.

Ничего, сейчас вот тут по-быстрому разгребем, а потом дома я задам кому надо правильные вопросы.

Утром было холодно и совершенно нечего жрать.

— Может, вернемся к дороге? — осторожно предложил Соркар.

Я покачал головой. Мне хотелось быть где угодно, только не здесь. Если я сейчас поверну, то к исполнению задуманного дела не вернусь уже никогда. Черная натура, Шорох ее забери!

— Вон там вроде холм, деревья — заберемся и осмотримся.

Холм в арангенском понимании поднимался над равниной метров на двадцать, на его плоской вершине топорщились какие-то развалины и группа больших, не раз битых молниями дубов. Я взобрался на дерево, выглядящее самым крепким. Зелень во все стороны (меня уже начинало от нее тошнить). К югу, почти у самого горизонта (километров пятнадцать) какие-то черные штришки и дымки, возможно, город. К западу — тоже дымок, гораздо ближе и цветной.

— Отставить панику! Пути на пару часов, а там спросим, куда дальше.

Мы вернулись к пробитой грузовиками колее, оставив странный желтый дым позади. Мне было неспокойно. Вообще-то, что-то подобное происходит, когда над пентаграммами жгут цветные свечи, но мчаться к месту ритуала, на котором, возможно, из сарая изгоняют морлу, совершенно не хотелось. Я и так буду выглядеть странно, зачем усугублять ситуацию? Сейчас приедем, найдем какого ни на есть начальника и «пост сдал — пост принял». Я не говорил? Черные ленивы и склонны до

последнего закрывать глаза на проблему.

Минут через пять Соркар принялся шипеть мне в ухо и щипаться. Меня и так из седла выкидывает, а тут еще он! Пришлось останавливаться с четким намерением набить ему рожу. Мой беспокойный седок соскочил с мотоцикла первый и отчаянно замахал рукой:

— Там, там!!!

Я поглядел туда, куда указывал «чистильщик» и понял, что еще раз сглупил — высоко над равниной завис кольцевой сполох золотисто-белого цвета. Значит, все-таки стационарная пентаграмма и никаких морл.

Домчаться до города по такой дороге мы не успевали, оповестить об опасности всех, кто там находится — тем более. Можно было склеить ласты и погрузиться в медитацию, но это противоречило бы всем моим представлениям о себе.

Тангор — против!

Мысли понеслись вскачь.

Черный маг не может расплести белое заклинание, как рыба не может обрести голос, а деревенский дурачок — стать королем (то есть, без вмешательства каких-то экстремальных обстоятельств). С другой стороны, белые маги не зря падают в обморок при виде некромантов: их Источник позволяет им прийти к гармонии с миром, убедить воду, воздух, землю и огонь помочь, а черный способен привести в мир нечто противоестественное, ни одной из природных стихий не являющееся. Между нами километра полтора, если поднапрячься, то плетением я их достану, но достаточно ли будет этого, чтобы помешать?

Сейчас узнаем.

Я не стал заморачиваться со Знаками, призвал Источник и окружил вытягивающийся в овал сполох туго закрученной сетью из зеленых нитей цвета некромантии (дотянулся едва-едва). Облом. Не похоже, чтобы там кто-то лишился чувств. Возможно, пентаграмма защищает их от непосредственного воздействия магии так же, как защищала бы меня (сделать зарубку на память). Ладно, будем надеяться, что хотя бы моя Сила невидима для Искусников, раз уж я не вижу ихнюю.

Оставался последний вариант — «битва через подушку», попытка воздействовать на магические потоки через физический уровень бытия. Вопрос — как. Я ощущал, что передо мной находится что-то большое и сложное, но даже приблизительно не представлял, куда там надо тыкать. Знание теории не помогало — способ наблюдения был слишком груб. Это напоминало то, как герои дерутся с врагом, глядя при этом в мутное зеркало, в

смысле, дико неудобно и постоянно приходится делать поправку на искажения. Успеха можно добиться только в одном случае — если я буду заранее, совершенно точно знать, где именно находится слабое место заклинания. И вот тут-то теория могла мне помочь.

Некоторое время я формировал мягкие, ритмичные искажения эфира, заставляющие магов перераспределить энергию и самим создать требуемую мне слабость (сполох тем временем упорно приобретал форму копья, чем нервировал меня безумно). В заклятье появился ритм — первый признак управляемости — и странные уплотнения, наверное, обозначавшие присутствие чародеев. Затем я взвинтил Источник до предела и послал вперед резкий, острый импульс, предельно отличающийся от того, что делал перед этим.

Получилось?

Нет, заклятье не распалось, но его структура разом усложнилась на порядок, расслоилась, породила узоры третьего и четвертого уровня, видимые даже мне. Мог ли заклинающий теперь удержать свое творение? Вряд ли оно было намного причудливей, чем пойманный некромантом человеческий разум.

Без ложной скромности скажу — я бы удержал, но тут сказалась разница в опыте участвующих в деле волшебников: в структуре на секунду обозначились пять малоподвижных, диссонирующих с общими ритмами центров, они начали тормозить потоки, разрывать их о себя. Только кто-то один там понимал, что именно делает, пользуясь мощью чужих Источников, но он сейчас был занят спасением собственной души — магия вышла у него из-под контроля.

Небо взбесилось, в вышине мгновенно вспухли плотные черные тучи, что было для них материалом — влага или кислота — оставалось только гадать. Рядом повисли сотни радуг, в землю ударили ветвистые оранжевые молнии. И все — в абсолютной тишине.

Великолепно! Замечательно!

И тут я понял, что рассеять накопленную моим собственным плетением энергию до конца у меня не получается. Что означало: сейчас меня шарахнет «откат», вопрос только, насколько сильный. В голове стремительно пролетела вся жизнь и особенно — то, что я знал о подобных ситуациях. Меня ожидала масса замечательных вещей, от удовольствия изжариться заживо до перспективы стать полным идиотом, причем, возможность остаться в живых без помощи хорошего целителя стремилась к нулю. Но, задерживая момент отсылки Источника, я лишь способствовал накопления остаточного потенциала.

Что же делать? Глупый вопрос. Вздрогнули!

К оранжевым молниям добавился фиолетовый ореол.

Сказать, что это было плохо, значит — ничего не сказать. Это было настолько плохо, что я немедленно забыл все происшедшее. То есть, умом знал, что послал Соркара куда-то на мотоцикле (то ли — за помощью, то ли — нафиг), что прокусил губы в двух местах и исцарапал в кровь лицо и плечи, но никаких образов на этот счет в памяти не возникало. Следующим воспоминанием было то, как я лежу, голый, продрогший, завернутый в какую-то мокрую простыню, рядом со мной стоит капитан Ридзер, улыбается и спрашивает:

— Слушай, а ты присягу принести не хочешь?

Тут я едва не сбежал от него как был, в одной простыне. Меня поймали и долго успокаивали, убеждая, что «он совсем не то имел в виду». О чем думал целитель, приставив ко мне этого психопата, я не уловил, но точно не о не о сохранении моих нервов. К тому времени с момента моей идиотской попытки бодаться с белыми магами прошло шесть дней.

Отвыкшие от движения мышцы мелко дрожали, на подбородке топорщилась длинная щетина (никогда себя до такого не доводил!), в желудке из еды бултыхался один овсяный кисель, но, учитывая альтернативу, все это были пустяки. Оказалось, что пока я отсутствовал ментально, меня напоили блокиратором, раздели и обложили мокрыми тряпками, стараясь сбить температуру. Было еще предложение опустить меня в колодец, но лекарь его, с возмущением, отверг. К счастью, пользовал меня не деревенский коновал, а нормальный армейский целитель, с подобными ситуациями сталкивавшийся регулярно, можно сказать, что я стал героем с минимальным риском для жизни.

В принципе, большинство боевых магов хотя бы раз «ловят пряник» (играться с черным Источником и не ошпариться очень сложно), а дальше все решается тем, какую часть энергии «отката» жертве удалось рассеять. До сих пор из моих университетских однокурсников шибануло двоих (не до смерти) и теперь мне предстояло присоединиться к компании неудачников. А все почему? Потому, что никто из наставников не удосужился объяснить — плетение уровня смертного проклятья невозможно удержать в одиночку без вреда для здоровья. Причем, это было верно не только для черных магов — из моих оппонентов двое умерли, а один — повредился рассудком. Что стало с остальными, никто не говорил, а я — не спрашивал. Пусть делают друг с другом что хотят!

Когда меня вырубило, Соркар действовал правильно — взял

мотоцикл и умчался за помощью. Спас он этим не одного меня: знать про ловушку белой магии армейские чародеи не могли, но грозу и оранжевые молнии отлично разглядели, естественно, они собирались пойти и выяснить, что там происходит, а экипировка боевого мага по уставу непременно включала в себя пресловутый «хранитель». Получив новые сведения, вояки среагировали предельно рационально (в чем им не откажешь, так это в умении менять правила игры): команду целителей отправили искать в кустах мою бесчувственную тушку, а всех бойцов — ловить Искусников, вручную (для верности, они поснимали с себя вообще все амулеты, не вникая, есть в них белая магия или нет). Несостоявшиеся диверсанты отстреливались от группы захвата из арбалетов, но с тем же успехом они могли плеваться жеванной бумагой — готового к бою черного мага такой фигней не проймешь. Собственно говоря, поэтому охотничье оружие в армии и не прижилось. Смысл? Если волшебник все равно сделает лучше и быстрее. Искусники, в общем-то, правильно уловили слабое место государственной машины — контроль за черной магией, но как они собирались возвращать Аранген без помощи «чистильщиков», я категорически не понимал.

— Я так думаю, они рассчитывали, что каштадарцы им помогут.

Менять одних черных магов на других, совершенно незнакомых, казалось мне глупым.

— Фиг ли?

Ридзер пожал плечами:

— Наверное, им понравился каштадарский принцип отделения инициированных черных от общества в особый орден. Не знаю только, в курсе ли они, что иностранцы там причисляются к низшей касте и не имеют права владеть ничем, кроме носильной одежды, даже собственные дети им не принадлежат.

Я хмыкнул. Из-за каких-то глупых принципов подарить чужому государству такие земли! А смысл? Прежних хозяев каштадарцы обратно уже не пустят и благодетелей своих придурочных вырежут под корень, чтобы породу не портили. Но шанса познакомиться с традициями южан Искусникам не представилось — всех выживших повязали и отправили для разбирательств на военную базу в Кафолке, место уединенное и пользующееся дурной славой. Не думаю, что общественность когда-нибудь узнает об их дальнейшей судьбе.

Улыбчивая помощница целителя поила меня восстанавливающими зельями, а в промежутках, в качестве моциона, водила по коридору крохотной сельской больнички.

Наверное, я стал самым благодарным из ее пациентов, потому что был готов глотать, что угодно, и отжиматься до потери пульса, лишь бы поскорее отсюда выбраться. В больничке толклась масса пришлого народа, периодически целители выгоняли всех вон и запирали дверь, но праздно шатающаяся публика упорно проникала обратно. До меня не сразу дошло, что они тут потеряли: армейские спецы и гражданский персонал, просто люди в форме и самые отчаянные арангенцы пытались хоть одним глазком взглянуть на свирепого боевика (по слухам) одолевшего целый полк Искусников.

Я, кажется, после Михандрова мечтал о славе? Нате!

Покушение на основу военной мощи Ингерники наделало не мало шума. Генерал Зертак, вкурив, какая жопа просвистела у него над головой, тоже приехал ко мне, посмотреть на живого героя. Я в этот момент еще лежал без сознания, и возможности поговорить с великим человеком не имел, о чем ни секунды не жалею. Как оказалось, в полученном увечье был несомненный плюс: вся эта толпа озабоченных колдунов не лезла ко мне с предложениями показать «тот фокус» или сделать еще одного зомби (хотя намеки на возможность получения погон продолжались). Надо было линять отсюда, пока цел, тем более что отмазка в виде экзаменов у меня имелась.

Забери Король всех этих паразитов, и черных, и белых, и серобурмалиновых с проседью! Я не просто опаздывал, а СИЛЬНО опаздывал, без помощи Сатала меня могли и к экзаменам не допустить. К счастью, военный целитель оказался более договоропригоден, чем его гражданский коллега и, узнав, что мне срочно нужно в Редстон, возражать не стал.

— Эликсиры в дорогу я вам дам, выписку из истории болезни сделаю. По прибытии на место немедленно покажитесь целителям своего управления!

Я старательно кивал — дорога к этим ребятам мне была уже известна. Скоро меня будут показывать новичкам как экспонат — то Шорох в парня вселяется, то «откат» некроматнический бьет. Где еще такого чудика отыщешь!

— Вот, Ликен с тобой поедет.

— Зачем? — насторожился я.

— Так ведь зомби!

Ах, да, кто-то ведь должен будет обновлять заклинания на Максе. Надо надеяться, что от общения с армейским магом моему псу не снесет башку.

— Справишься?

— Не беспокойтесь, — улыбался маг с нашивками капрала (полученным заданием он явно гордился), — я изучал основы

ретроспективной анимации в рамках курса первичного допроса.

М-да. Думаю, что спрашивать его, чем в армии занимаются некроманты, мне не следует.

По дороге к чугунке мы повстречали колонну беженцев, которые, как ни странно, не покидали Аранген, а наоборот — прибывали в него (Ридзер что-то говорил о национализации земель, но я не предполагал, что это можно провернуть так быстро). Возглавлял колонну смутно знакомый мужичок (не он ли приставал ко мне на том злосчастном митинге?), а к груди он прижимал что-то, подозрительно напоминающее министерское руководство по магической безопасности. Рядом с ним вышагивал желчный субъект с саквояжем и тросточкой. Неужели они сподобились нанять черного мага? Какой прогресс в мировоззрении! Если так, то шанс заселить свою землю заново у них, определенно, был.

В Хо-Карге военный эшелон не остановился — в нескольких кварталах города был объявлен карантин и вокзал находился на особом положении. А как же мой отчет? Я столько из-за него горбатился!! Да фиг с ним, через Сатала передам.

— А вот вам ваш отчет, уважаемый, вы ведь его так ждали! Замечу, что слухи о компетентности генерала Зертака оказались сильно преувеличены.

— Вообще-то, это секретный документ.

— Знаю. Я сам ставил на нем гриф секретности.

— Отдайте же, наконец, бумаги!..

— Кстати, я думаю, что пособие по инвалидности моему сотруднику должны выплачивать за счет средств вашего отдела.

— Какая инвалидность?! Подумаешь, «откат»! Отдохнет пару месяцев и будет как огурчик.

— Вы отрицаете факт производственной травмы?

— Вообще-то, он действовал согласно договору.

— Ах, так он уже не ваш агент! Отлично. Однако договор не предусматривал спасение армейских экспертов, в обязанности сотрудника НЗАМИПС такая деятельность не входит.

— Я буду ходатайствовать о выплате компенсации.

— Это той, что в размере двойного оклада?

— Нет, персональной премии от министерства.

— Тогда уж сразу медаль.

— Если ему — медаль, то мне — орден!

— За что, интересно?

— За то, что я вас всех не прибил до сих пор…

Глава 21

Свершилось! Меня обмерили, взвесили и признали достойным звания алхимика.

Свидетельства об окончании Университета вручались публично, при большом стечении народа. Я тупо разглядывал свое: в правом верхнем углу на нем красовалась большая, тисненая золотом печать, напоминающая часовой механизм в разрезе. В левом верхнем нахально сидела другая — черная, замысловатая, маслянисто-радужным отливом вызывающая ассоциации с бочкой дегтя. Когда я смотрел на листок, у меня было ощущение, что печати между собой ругаются. Правая означала, что я проявил особые успехи на поприще алхимии, а левая свидетельствовала, что я — боевой маг, успевший доказать свое мастерство в деле. Должно быть, это Сатал постарался, старшая каналья региона, мать его за ногу! Теперь все мои потенциальные работодатели будут интересоваться, почему я не черный маг, а боевые маги (если мне не повезет иметь с ними дело) будут ржать и спрашивать, что я делал в алхимиках. Блеск! Нет, нет, нельзя сосредотачиваться на этом, страшно подумать, во что может превратиться черный маг, ненавидящий свои способности. Тем не менее, чувство, что меня поимели в извращенной форме, сохранялось.

— Томас, я так тобой горжусь!

Я благосклонно принимал поздравления родни — единственный черный, пришедший на церемонию с родителями. И не только с ними: Лючик восхищенно крутил головой и засыпал меня градом вопросов, а маленькая Эмми (не такая уж она теперь маленькая) благосклонно принимала внимание белых студенток (не могут они пройти мимо ребенка без ути-пути). Год назад я извелся бы, выглядывая, не подтрунивает ли кто надо мной, но сейчас мне было глубоко плевать на такие мелочи (возможно, так сказывалось воздействие блокираторов).

Нет, поймите правильно, если бы я был дома, то сумел бы отболтаться, и этот визит не состоялся бы, но Джо принял отсутствие реакции за обычный для черных пофигизм, и по возвращении из Арангена меня ждала телеграмма с указанием конкретной даты приезда. Хорошо хоть зомби удалось к «чистильщикам» пристроить.

А вот Рон пришел на церемонию один.

— Поздравляю, — Четвертушка благоразумно подождал, когда белые утянут мою родню знакомиться с оранжереей и другими достопримечательностями Университета.

— Тебе того же.

— Скажи, а как ты умудрился сдать магию, если сидишь на блокираторах?

Я многозначительно ткнул пальцем вверх.

— Связи. Нужные знакомства в верхах. Ты не представляешь, какие люди замолвили за меня словечко! Сам-то как? Я думал, ты на осень останешься.

Рон передернул плечами.

— Больно надо! Пришлось, конечно, попотеть… Выпьем?

Но на территории Университета алкоголь не предлагали, ближайшие пивные в день выпуска закрывались от греха, так что мероприятие пришлось отложить до вечера. Я сбагрил Джо папку с дипломом, шапочку с кисточкой и обязательную на церемонии алую с белым мантию (на прокате этих балахонов кто-то сделал состояние), и переместился туда, где вокруг столов с закусками тусовалась наиболее здравомыслящая часть выпуска.

За дальним столиком тайком распивали подарочный ликер преподаватели (празднуют, что избавились, наконец, от нас). Чему радуются? Через две недели — новый учебный год.

Столик с мясными закусками и бадьей салата плотно обступили выпускники факультета боевой магии. Естественно! Не фруктами же на палочках нам питаться. Я вытянул из горки чистую тарелку и отправился наверстывать упущенное. Сокурсники-черные подвинулись, хмыкнули какие-то приветствия и оставили свои глупые шутки при себе. Вот что значит — репутация, причем, даже не моя — события в Арангене считались государственной тайной. Как полагается прилежному ученику, я купался в лучах славы моего наставника, великого и ужасного Эдана Сатала. (Подумать только, два года назад его никто не знал, год назад его считали молодым выскочкой, а теперь при звуках имени глаза у всех стекленеют и взгляды обращаются к небесам.)

Наш самый большой знаток управляющих заклинаний, регулярно пытавшийся оспорить мое первенство в этом вопросе, снизошел до беседы:

— Ты теперь куда, Тангор, в Хо-Карг рванешь?

Сказать ему, что только псих станет перебираться в столицу в такое время? К жаре, чуме и толпам оборванцев.

— Знаешь, город, где уже месяц — карантин, не является пределом моих мечтаний.

— Какой карантин? Зачем карантин? — встрепенулся будущий гений банковской сигнализации (он такие ловушки плел, у меня мозги сносило).

Такое впечатление, что газеты читаю один я.

— Чрезвычайное положение, с запретом перемещений и гражданских институтов власти. Писец, короче, по случаю чумы и народных волнений.

И неизвестно, чего власти боятся больше — людей или заразы.

— Это кто сказал? — нахмурился парень с задатками армейского спеца.

Предлагать себя в качестве свидетеля я не стал и молча поднял глаза к небу. Все поняли правильно, и на мгновение воцарилось благоговейное молчание.

К столу протиснулся студент из обычных, тиснул салата с говяжьей вырезкой и, мило улыбнувшись, отвалил.

— А я вот слышал, — решил блеснуть эрудицией невзрачный парень без выраженных предпочтений (из таких получаются большие начальники), — что в Арангене едва не размазали генерала Зертака.

Вот тебе и государственная тайна. А ведь это белых считают сплетниками!

— Как? Кто? — оживился народ. Черных хлебом не корми, дай над чужой бедой позлорадствовать.

— Да так, что, пока он за каштадарцами следил, ЭТИ САМЫЕ подобрались с тыла и едва не прокляли всех насмерть. Какой-то «чистильщик» всех спас.

Будущие светила черной магии понимающе заухмылялись — что из себя представляют сотрудники службы «очистки», было известно каждому. Да, бедняге генералу теперь не позавидуешь: если уж редстонские студенты полощут его имя, то что делается в более просвещенных кругах… И как вовремя я оттуда смылся!

Народ начал сдержанно (все ж таки образование!) хвалиться будущим местом работы и ожидаемыми доходами. Если с доходами у меня все было в порядке, то назвать оставшиеся четыре года контракта с НЗАМИПС желанным времяпрепровождением я не мог даже под пыткой. Пришлось сделать вид, что семья нуждается в моем внимании и слинять (посвящать кого-либо в свои проблемы не хотелось — глупо ждать от черных сочувствия). К тому же, объективно говоря, жаловаться грешно — Сатал выбил для меня персональное пособие по нетрудоспособности, тысячу крон в месяц. Дайте два!

— И никакой ворожбы, понятно? — штатный целитель был непреклонен.

За тысячу крон в месяц я был способен понять что угодно. Жаль только, что симулировать болезнь не удастся — ни одного лишнего дня прогула учитель мне не позволит.

Праздник студента постепенно перемещался с территории

Университета в заранее арендованные банкетные залы и кафе. Я из-за своей затянувшейся практики не успел примкнуть к подходящей компании, а потому отправился с семьей на квартиру, пешком, чтобы дети хоть немного притомились. Это было вопросом жизни и смерти: перевозбужденная белая малышня тараторила без умолку, они умудрились заговорить до полусмерти даже Джо — он начал отвечать как-то заторможено и с надеждой поглядывать на меня. А что — я? Я вообще-то черный маг. Подал идею купить детям мороженое — хоть какое-то время рот у них будет занят. Ладно, еще недельку их потерплю, а потом они сами вынуждены будут уехать — младшим надо в школу.

В голове царила приятная легкость. Еще бы нет! Перевернута очередная страница книги жизни, можно даже сказать — закончен целый том. Теперь я — дипломированный алхимик (ну, и маг тоже), у меня впереди вся жизнь. Небольшие недоразумения с «надзором» и неурегулированность отношений с фондом Роланда не могли отравить мое существование.

— Это все, что у вас есть?

— Да, сэр, но я могу поднять дела в центральном архиве…

— Не надо! Достаточно.

Старший координатор прихватил собранные Бером папки и с деловым видом поспешил прочь. Стоило ему скрыться за дверью, мисс Кевинахари прекратила суетиться с чашками и задумчиво нахмурилась.

— Тебе не кажется, что Дан меня избегает?

Вопрос был странным, но, припомнив поведения Сатала за последние пару дней, Паровоз не мог не признать — его начальник сторонится эмпатки.

— Он знает, что от меня очень сложно что-то скрыть, — Кевинахари глотнула чаю и решительно отставила чашку. — Что он от тебя хотел?

Капитан пожал плечами.

— Справку о ритуальной магии, данные инструментального контроля за последние семь лет и демографическую карту региона. Неофициально.

— Он ведет какой-то проект?

— Не слышал об этом.

Эмпатка глубоко задумалась и от ее серьезности Паровоз начал немного нервничать. В молчании прошло пять минут.

— Знаешь что, — в конце концов объявила Кевинахари, — мне кажется, что у нас назревают крупные неприятности.

Глава 22

Из попытки полечить нервы в компании Четвертушки не вышло ровным счетом ничего толкового — к моменту моего прихода Рон был уже изрядно пьян. Вид приятеля, в одиночку нагружающегося горькой, стал неприятным сюрпризом. Никогда за ним такого не водилось! Похоже, у меня назревали проблемы (именно у меня!) — уважающие себя маги не ходят по кабакам в компании алкоголиков. Университетские приятели разъехались, в городе я практически никого не знал, и перспектива оставшиеся четыре года контракта с НЗАМИПС пить чай в обществе Кевинахари мне не нравилась.

Пришлось срочно отбирать у Рона бутылки (не взирая на сопротивление).

— У тебя что, кто-то умер? — я не мог представить другого повода так себя изводить.

На Четвертушку накатил приступ слезливой пьяной откровенности, по началу я вообще ничего не понимал, кроме общего пассажа о несправедливости бытия.

— С предками поругался?

Он кивнул, хлюпая носом и размазывая сопли по лицу. Все ясно. Рон — обычный человек, сами по себе разборки не доставляют ему наслаждения, напротив, вызывают дискомфорт, особенно, если конфликт происходит с хорошо знакомыми людьми, вроде родителей. Черный после выяснения отношений почувствовал бы душевный подъем, а этот сидит и киснет. Я думал, такие проблемы бывают только с белыми, тут работа для эмпата, но к мозгоправу Четвертушка не пойдет — имеется печальный опыт. Поиграть мне, что ли, в Кевинахари?

Пятнадцать минут ушло на то, чтобы заварить чай (из них десять — на поиски заварки). Жидкость получилась странного цвета и слегка мутноватая. Сцедив отвар через ситечко, я взял в руки чашку и попытался вспомнить, как эмпатка обычно начинала разговор. По нулям. А, да плевать, он же все равно в дупель пьяный!

— И по какому поводу был скандал?

— Никакому! Я же ж ничего даже ж не сказал…

— А если подумать?

И все-таки Рон на голову крепче, чем большинство людей — после чашки чая с лимоном и пяти минут сопливых вздохов он пришел в себя достаточно, чтобы изложить свои жалобы на жизнь внятно и логично.

— Я ведь ее ни в чем не упрекал, ни в чем! А ведь это она

меня с Сэмом познакомила, — он последний раз шмыгнул носом, — еще просила «помочь мальчику освоиться». Освоились… — Воспоминания о столкновении с Искусниками отрезвили Рона лучше, чем чай. — Ну, думаю, с кем не бывает, все ж таки родная мать, не могла она такое со зла сделать. А вышло, что лучше бы я ей сразу в лицо плюнул — меньше бы крику было. Она все страдала, за сердце хваталась, соли нюхала, словно это не мне, а ей чуть мозги не вынесли. Веришь, в доме шагу стало невозможно ступить, сразу шипеть начинают «тише, тише, мамочка больна!». Ну, да фиг бы с ними, у меня квартира своя, да и экзамены на носу — времени для гулянок не было. А потом знаешь, что? Я хотел мальчишник устроить, тебя, пацанов пригласить — у меня не так уж много друзей осталось. Предки взялись организовать все в загородном доме, там отлично можно оттянуться и не мешает никто. Я уже и список гостей набросал… И ты знаешь, что она мне выдала? «Никаких черных здесь не будет!» Прикинь? Ты мне жизнь спас, а она нос воротит! Я припух от такой заявы, только рот открыл возразить, и тут она выдала… Как по нотам. Значит, пока я в благородство играл, она там себе записывала в книжечку, типа, когда и кто ее обидел. Главное — ничего такого ей не сказал, вообще — ничего, не успел. И знаешь, что обиднее всего? Отец меня даже слушать не стал, сразу за грудки схватил «как ты говоришь с матерью!». Ну, тут я ему в морду и двинул. И ушел. А что? Пусть хоть целуйся с этой истеричкой.

И вот из-за этого я столько возился с чаем? Фигня какая!

— Поздравляю! Значит, ты стал взрослым.

По крайней мере, у черных все приблизительно так и происходит. Можно было бы отметить событие, но с него, пожалуй, хватит.

— Ты не понимаешь…

— Да все я понимаю! Тебе давно пора начать жить своей жизнью, — надеюсь, он хотя бы подштанников в дорогу набрал. — У черных это само собой получается, а обычные люди вечно что-то выдумывают. Ты квартиру купил? Купил. Доход есть? Есть. Значит, все удачно, ко времени и по месту. Теперь будешь им только открытки на именины слать. Или ты, — тут я нахмурился, — еще и с дядькой поругался?

Потерять такой источник финансирования было бы со стороны Четвертушки неразумно.

— Не-е. Дядька к нам домой давно ходить перестал.

— Вот! Бери пример с умного человека.

Пару минут он печально разглядывал чаинки на дне чашки (надо было фильтровать через салфетку).

— Все равно обидно.

— Забей! Те еще дешево отделался. Кабы она реально Искусником была, фиг бы ты легко ушел.

Хотя папаша Рона меня удивил: с его ростом и комплекцией лезть на физически развитого мужчину в самом расцвете сил значит — зубы не жалеть. Четвертушка постепенно возвращался в нормальное для себя мрачно-философское настроение.

— Ладно, вытрезвляйся! Я завтра зайду, дело одно обсудить надо. Но теперь название изобретения будем утверждать отдельно. Никаких «р», «т», «т» и еще раз — «т»!

Так черный маг спас друга (только никому об этом не говорить! Скажут: «Дурень Тангор из черных в белые переписался» Позор!). По крайней мере, на следующий день Рон выглядел вполне вменяемо и увлеченно обсуждал перспективы продаж моего охранного амулета (а пил при этом исключительно кофе). Его послушаешь, так производство следует организовать самим, на том и заработать.

— Вещичка-то простая, но производители авто связываться с ней не станут — объемы не те. А вот если пройтись по салонам…

Мысль о том, чтобы ходить и что-то организовывать, меня убивала. В гробу видал я это производство!

— Вот ты этим и займись. Меня до конца месяца все равно, что нету.

Потому что, грубо говоря, свою способность круглосуточно выдержать присутствие двух белых малолеток я переоценил — они меня достали. Квартира, которая для одного меня была даже великовата, пятерых человек вмещала едва-едва. Белые, как штык, вставали с первыми лучами солнца, а спать отправлялись рано — дети все-таки (сам я предпочитал валяться в кровати до десяти). Лючик испытывал нездоровый интерес к моему мотоциклу и постоянно нудил о том, чтобы его покатали. Эмми тянула всех гулять — в парк, в зоосад, по магазинам игрушек или «к дамам» (театр мимов давал представления в центре Редстона). У мамы были свои интересы (наверное, она впервые за последние десять лет выбралась в большой город), а Джо не всегда мог один справиться с двумя, и мне тоже доставалось. Можно было съехать на время в отель, но это уже будет выглядеть как бегство. Неужели белые заставят черного отступить?!

Смешно сказать, но положение спасла моя работа.

В начале лета великодушный Полак предоставил мне бессрочный отпуск, вернувшись из которого я не узнал Биокин: теперь фирма занимала целый этаж, вход на который преграждали новенькая дверь и вежливый, гладко выбритый секьюрити, в коридоре стояли фарфоровые вазы с аккуратными,

словно лакированными кустами, а пыльные занавески заменили модные полосатые жалюзи. Увы, одним лишь дизайном изменения не ограничились. Вырос штат — теперь число работников приближалось к полусотне. Пяток алхимиков увлеченно чертил конструкции бродильных чанов на основе базового варианта (трехтрубные, пятитрубные, каскадные), недосягаемо надменный Карл (ему бы черным быть) руководил группой наладчиков, большая часть которых постоянно находилась в разъездах. Откуда-то появились финансовый директор (незаметно потеснивший Полака у руля), повар и специалист по кадрам, немедленно наладивший учет присутствия сотрудников на рабочих местах. Писец! Уютная фирмочка «не бей лежачего» уверенно превращалась в респектабельную контору.

На своем рабочем месте (которое в мое отсутствие засандалили в дальний угол) я просматривал схемы новых установок, прикидывая, не чревато ли проблемами какое-нибудь из нововведений. Честно скажу, алхимиков Биокин набрал хороших — глупых ляпов они не допускали, чертежи выполняли аккуратно и пояснения писали подробные. Можно было поднапрячься и влиться в коллектив, сосредоточившись на изобретении бесконечных вариантов бродильных чанов, но особого смысла я в этом не видел. Во-первых, даже после всех прибавок, моя нынешняя зарплата оказывалась меньше, чем прежняя с учетом премии от Четвертушки, во-вторых, особых перспектив роста не намечалось, в третьих, общая обстановка для черного больше не подходила.

В другой ситуации я уволился бы немедленно, но, учитывая засилье белых на моей жилплощади, в необходимости работать по часам был плюс. Можно было с чистой совестью чмокнуть маму в щечку, потрепать Лючика по вихрам и свалить, предоставив Джо самому разбираться со своими отпрысками. Он им отец или нет? А за обедом я просматривал списки вакансий в газетах и размышлял, не стоит ли и в правду заняться производством автомобильных амулетов.

За такими размышлениями меня и застал Сатал.

Визит любимого учителя стал для меня неприятной неожиданностью. Что ему надо? Все равно ворожить в ближайшие два месяца я не смогу.

Старший координатор вырядился в жеваные и рваные тряпки (модный прикид «ботвы»), но с таким же успехом мог нацепить мундир жандарма — результата это бы не изменило. За два года привычка повелевать настолько въелась в его натуру, что перепутать Сатала с простым горожанином было невозможно (это только говорят, что волка можно обрядить в овечью шкуру, а на

практике — то уши выпирают, то хвост торчит).

— Отойдем, поговорить надо.

Я расплатился за обед и, с независимым видом, пошел за ним (в офисе о моей второй работе не знали, и это меня вполне устраивало). Сатал в молчании прошел несколько улиц и завернул в полутемное кафе.

— Выпьем?

— Нет, спасибо, мене еще полдня работать. Разве что чай.

Он заказал два чая и дождался, когда официант вернется к стойке, кроме нас, посетителей в кафе не было.

— Скажи, а как ты со своим монстром договаривался?

Я сразу понял, о чем он. Странный интерес! Все, что касалось Шороха, я изложил в письменном виде несколько раз.

— При помощи батарейки и образов электрических разрядов.

— Нет, это понятно, но он ведь что-то делал для тебя. Как ты его заставил?

Я пожал плечами.

— А как принуждают к сотрудничеству разумные существа? Попеременным запугиванием и обещанием всяческих благ.

— Откуда ты узнал, какие блага ему подходят?

— Он сам дал понять, почти сразу. Его привлекают новые впечатления, ощущения и эмоции, которые он не может испытывать без посредства человека. Сейчас у него мало объектов контакта и он скучает.

— Тем не менее, он пытался тебя убить…

— Скорее — получить тело в безраздельное пользование.

Сатал помолчал, обдумывая сказанное.

— Это твоя собственная интерпретация событий?

— Его поведение сложно интерпретировать двусмысленно — это как если бы кто-то жил в твоей голове.

— И как быстро возникло такое понимание?

— Ну, не сразу, — тут я вспомнил странные алхимические сны, — первые эффекты начались недели через две, хотя возможно, он мог сделать это раньше, просто выжидал. Очень сообразительная зараза.

Сатал понимающе кивнул, положил на стол деньги за чай и ушел, ничего не объяснив и не попрощавшись. В принципе, такое поведение для черных нормально, но что мне делать с проснувшимся любопытством?

Забить! Сосредоточиться на том, что всего через два дня я буду свободен.

Визит родственников окончательно превратился в кошмар наяву. Возможно, Джо просто не понимал, каким испытанием для моих нервов является его присутствие. Ну, да, раньше мы все

жили в одном доме, но это было давно, я отвык, и конкретно эту квартиру ни с кем делить не планировал. Большая удача, что в прописанный целителем коктейль входили не только блокираторы, но и релаксанты.

Зато, какой кайф я получил, проводив родственников на вокзал и вернувшись в квартиру ОДИН. Неописуемо!!! Весь вечер просто валялся на кровати, поверх покрывала, в ботинках, и наслаждался тишиной. Потом ходил по комнатам и возвращал вещи на привычные места, тем самым утверждая свое абсолютное господство. Надо смотреть правде в глаза: я тоже вырос, мне пора иметь собственный дом и быть в нем полновластным хозяином. Съемная квартира больше не удовлетворяла возросшим требованиям.

Как это ни банально звучит, черному магу срочно требовалась личная башня, но отгрохать ее в окрестностях Редстона было нереально — цены на землю тут просто заоблачные. Не повезло.

Глава 23

Следить за вышестоящим начальником, да еще и магом, дело неблагодарное. Кроме того, обычно нещепетильный Паровоз испытывал чувство вины — Сатал ему нравился. Но Кевинахари была непреклонна:

— Все, что не запрещено, то — можно. Список принес?

— Да. Здесь все, что он взял из спецхранилища и хранилища улик, звездочками помечено то, что уже вернул, галочками — то, что я видел у него в кабинете. Такое впечатление, что кое-чего в управлении уже нет.

Эмпатка внимательно изучила список, подчеркивая жирными линиями некоторые названия.

— Вот это — довольно редкий ингредиент, но в черной магии его использовать нельзя. Два амулета, назначения которых эксперты так и не установили. Записи, изъятые с места преступления, зашифрованные. Тебя это не напрягает?

— Мистер Сатал — сотрудник НЗАМИПС с многолетним стажем, — набычился Паровоз. — Подозревать его в том, что он соблазнился на какие-то…

Кевинахари упрямо мотнула головой:

— Сатал — человек, пусть черный, пусть маг, но им тоже можно манипулировать. Очень трудно, но можно. Просто я не понимаю, на чем его могли подловить. Поспрошай, не происходило ли последнее время чего-нибудь необычного, только очень осторожно — как бы нам самим не досталось.

В ответ Паровоз только хмыкнул — эта затея ему с самого начала не нравилась. Он уже жалел, что поддался влиянию эмпатки. А вдруг, враг — Кевинахари? В конце концов, цвет-то у нее соответствующий. Бер твердо решил, что дальше простого наведения справок не пойдет, а потом поговорит с Саталом начистоту относительно всех этих махинаций.

Но по мере того, как на его стол ложились сообщения от подчиненных, планы Паровоза менялись не быстро, а очень быстро.

— Плохие новости, — на этот раз капитан пришел в кабинет эмпатки сам. — Я узнал, что случилось, — Кевинахари потянулась за чашками и чайником, но Бер решительно отмахнулся. — Ты ведь знаешь, что у Сатала есть дети — девочка и два мальчика-близнеца? Так вот, вчера начался учебный год, а близнецы в школе не появились. Преподаватели волнуются, родственники недоумевают — их никто не предупредил. Сатал говорит одним — одно, другим — другое, а его жена вообще ни с

кем не разговаривает.

— Это плохо. Плохо-плохо-плохо, — Кевинахари сжалась в кресле, свернулась в комок.

— И что хреновее всего — я ничего об этом не знаю. Агенты молчат, никаких новых фигурантов последнее время не появлялось. Что делать будем?

Именно это — бессилие помочь — Паровоз ненавидел в профессии полицейского. Он работал как вол не ради наград, а ради того, чтобы испытывать это ощущение как можно реже. И все равно провалы происходили.

— У него есть личный телефон? Сможешь организовать прослушивание?

— Уже. Посадил двух верных людей, болтать не будут. Но, если дело затянется больше, чем на две недели, мы начнем привлекать внимание.

— Столько времени нам не дадут, — эмпатка глубоко вздохнула, успокаиваясь, словно погружаясь в медитацию (белому выдерживать такие повороты жизни нелегко). — Амулеты! Это — единственная зацепка. Что они из себя представляют, для чего нужны?

Паровоз кивнул.

— Дам старые схемки одному деятелю в Университете. Если повезет, с прошлого раза их магия улучшилась.

— А еще, нужна будет группа, — эмпатка тихонько покачивалась в кресле, глядя в пустоту, — не больше десятка стрелков, но таких, кто не станет размышлять над приказом. Не черных и не магов. Может, Хамирсон кого посоветует? Лучше бы, если бы они были в постоянной готовности.

Паровоза только теперь отчетливо осознал: он может оказаться перед необходимостью противостоять не просто слетевшему с катушек сослуживцу, а сильнейшему боевому магу региона, одержимому желанием спасти семью. Слова в такой ситуации будут бесполезны, можно только убить первым.

Бер честно пытался придумать какой-то ход, который позволил бы овладеть ситуацией и избежать трагической развязки. Что может обычный коп противопоставить людям, приготовившимся к противостоянию с черным магом? Нельзя прочесать весь регион (тем более — незаметно), а информаторы бесполезны — злоумышленникам удалось внедриться в Редстон, вообще никак не потревожив созданную капитаном сеть. Где-то там, за стенами управления ходят вполне законопослушные с виду люди, аккуратно платят налоги, здороваются с соседями и ни один человек ни за что не догадается, что у них в подвале сидят двое похищенных малышей (хорошо, если живые).

Сатал брал материалы инструментального контроля, вероятно, пытался отследить момент похищения и подозрительную активность вокруг города. Судя по тому, что никто не мчится на перехват, ничего у него не вышло.

Чтобы гарантированно избежать проблем с черными малолетками (подобными паре бешеных росомах), злоумышленникам нужен отдельно стоящий дом, а не квартира или городской особняк. Можно подключить к делу данные о покупке недвижимости (за год, два, три?). Если бы имелся хотя бы малейший намек, позволяющий уменьшить область поиска! И, пожалуй, придется охватить лет пять — Искусники знамениты своей предусмотрительностью, провалы секты, как правило, вызывались стечением обстоятельств, а успехи были результатом многолетнего планирования.

Прослушивание телефона помогло не сильно.

«Нам надоело ждать результатов».

«Я не бог и не умею ходить сквозь стены! По крайне мере, не оставляя следов. Вы ведь хотите сделать все незаметно? Комната с рабочей пентаграммой закрывается на ключ, а ключ — в сейфе местного руководства. Бер ошивается в управлении до поздней ночи! В среду он поедет на совещание с городским начальством, и я сделаю с ключа копию. Потом мне нужна будет неделя на противозаклятье…»

«Нам кажется, что вы не желаете сотрудничать».

«Это — объективные обстоятельства! Амулеты я достал вам сразу».

«Если к шестнадцатому числу все не будет сделано, ваши шансы получить потомство целым сильно уменьшатся. И не сомневайтесь, мы способны проконтролировать результат».

Читая записи слухачей Бер качал головой — так разговаривать с черным магом мог позволить себе лишь тот, кто абсолютно уверен в своих позициях. И в отсутствии последующей мести, если уж на то пошло. А еще Паровоз знал: ключ от помещения инструментального контроля действительно хранится в сейфе, но не у него, а у самого Сатала. Значит, старший координатор отчаянно рискует, пытаясь выиграть время. Для чего? У капитана не было четкого ответа.

— Откуда был звонок?

— С вокзала. За пятнадцать минут до этого прибыл паровоз от Финкауна, через десять — ушел состав на Экверх. И это если не рассматривать возможности того, что звонивший просто взял извозчика.

— Диаметрально противоположенные направления, — кивнула Кевинахари, — скорее всего — обманка.

Теперь они знали предельный срок. Можно было предположить, что в качестве «контроля результата» Искусники подразумевают какую-то гадость и не факт, что устранение старшего координатора изменит их планы.

— У меня тут полторы тысячи случаев покупки особняков в сельской местности, ты не посмотришь? Конечно, описания не полны…

Эмпатка безропотно взяла пачку листов, значит, у нее идеи тоже кончились. Сатал шатался по управлению как тень, Кевинахари шуршала бумажками в своем кабинете, капитан решал все текущие дела, одновременно пытаясь найти среди поступающей в НЗАМИПС информации какую-нибудь зацепку, а время уходило.

В качестве жеста отчаяния Паровоз решил обратиться к гадалке. Не какой-нибудь шарлатанке без роду и племени, а мадам Алонзе, по слухам, сумевшей предвидеть четыре крупнейших катастрофы современности (и задолжавшей Беру пару услуг). Но провидица не пожелала идти навстречу своему благодетелю.

— Нет, драгоценный, ничего не случится. Ни в этом месяце, ни в следующем. Принеси какую-нибудь вещь, погадаю на детишек, а так — не могу. Одно точно скажу тебе — ближних дней не бойся. Далеко оно, время темное, неминучее, ночными туманами скрыто. Не сейчас еще увидишь ты, касатик, истинное лицо Зла.

Ободренный таким образом, Паровоз вернулся в управление, лишь для того, чтобы убедиться — никаких подвижек в деле нет.

— Завтра надо будет поговорить с ним, — Кевинахари старалась не смотреть капитану в глаза, — за ночь я успею досмотреть бумаги. В любом случае, он должен понять, что сделать что-либо незаметно ему уже не удастся — слишком много народу в курсе происходящего.

Бер хмыкнул и не стал уточнять, что «в курсе происходящего» только они двое, а эту проблему черный маг вполне в состоянии решить. До назначенного Искусниками срока оставалось два дня.

Ночь прошла беспокойно, а перед уходом на работу капитан облачился в костюм высшей защиты, который последние дни носил, не снимая. Впрочем, против профессионально нацеленного проклятья мундир спасти не мог. Разговор предстоял напряженный.

В холле управления Бера перехватил дежурный офицер.

— Сэр, сэр! Я, конечно, понимаю, что мы связаны субординацией, но всему же есть предел! Без записи, без предварительного уведомления, не объяснив причин, в конец

концов!!!

Капитан поморщился.

— Нельзя ли поподробней, мистер Фарел?

— Господин координатор занимает оперативный блок уже два часа, и все это время сотрудники не могут…

— Группу капрала Майма к оперативному блоку!

Широким шагом Бер устремился на встречу неизбежному.

Оперативным блоком в просторечии именовалась приземистая одноэтажная постройка, оборудованная для осуществления мелкой, но срочной ворожбы. Здесь исправляли поврежденные амулеты, накладывали чары на оружие и эликсиры, совершалось все то несерьезное, но совершенно необходимое волшебство, последствия которого не стоили того, чтобы тащиться на базу «чистильщиков». Внутреннее пространство здания было защищено двойным периметром, стационарными отражателями и двумя дюжинами всевозможных ловушек — считалось, что для работы профессионалов средней силы таких предосторожностей достаточно.

Очередь на работу в оперативном блоке занимали за два дня. Сейчас на скамейке в тени акации мирно беседовали «за жизнь» два черных мага и целитель-белый, ничуть не обеспокоенный срывом графика — не впервой. Появление группы штурмовиков с арбалетами все трое восприняли с интересом.

— Экстренная ситуация! — решительно объявил Паровоз (подчиненные узнали его без дополнительного представления). — Прошу освободить место инцидента.

Под взглядами суровых штурмовиков маги любопытствовать не стали и удалились в сторону главного корпуса. Капитан решительно открыл дверь оперативного блока (в таких ситуациях обладателю костюма высшей защиты полагалось играть роль щита).

Старший координатор обнаружился почти сразу. За последние дни Сатал сильно сдал — осунулся, словно бы почернел лицом, под глазами пролегли глубокие тени.

— А, этот ты, — маг стер с лица обильный пот. Он сидел на полу у стенки (ноги не держат?), перед ним медленно остывали линии какого-то масштабного Знака. — Группа готова?

Паровоз неуверенно наклонил голову.

— Перестань! Не время шифроваться. Я знаю, где дети, теперь надо спешить.

Мимо напихавшихся в коридор штурмовиков протолкался взволнованный дежурный:

— Сэр, у нас проблемы со связью! Ни один телефон не работает, вероятно, что-то на подстанции…

На лице Сатала расцвела маниакальная улыбка.

— Не дергайся, парень, это часа на полтора. Ну, что я сказал? Двигаем, двигаем, двигаем!!!

Со смесью раздражения и облегчения Паровоз начал отдавать новые приказы, всего через десять минут два заполненных штурмовиками грузовика выезжали из ворот управления.

— И куда мы едем, сэр? — попытался уточнить Бер.

— Прямо по улице и на бульвар налево.

— А точнее?

Сатал покачал головой.

— Мне не известен адрес, только маршрут. Я вижу это место, теперь остается до него добраться.

Кевинахари, успевшая заскочить в кузов, протиснулась к координатору и протянула ему голубой флакон. Тот снова покачал головой.

— Нет. Я обещал, что не буду этого делать.

— И что заставляет вас держать обещание? — мрачно поинтересовалась эмпатка.

Сатал хмыкнул.

— Он может мстить моим потомкам тысячи лет. Оно мне надо?

Смысл происходящего стал понятен Беру с кристальной ясностью — они беседовали с одержимым.

— Сэр, вы…

Улыбка Сатала превратилась в оскал.

— Да! Всегда есть способ решить проблему, просто не все готовы ему следовать.

— Шорох присутствует одновременно и везде, — отозвалась эмпатка, — для него ничего не стоит проследить путь конкретного человека во времени и пространстве. Но большинство прикоснувшихся к чудовищу умирает.

— Ну, умирает, ну и что, — равнодушно пожал плечами Сатал. — Тех сволочей я точно переживу.

Колонна выехала из города и свернула с ухоженного тракта, оказавшись в лабиринте узких проселочных дорог, мелких фермерских наделов, больших загородных особняков и неожиданных скоплений мазанок совершенно архаичного вида, обитатели которых воспринимали появление грузовиков как событие. Шоферы гудками сгоняли к обочине погонщиков с осликами, пастухов и коз — сельчане старались вернуться домой до заката. С телегами было сложней — на дороге попадались места, где разъехаться было просто невозможно.

Даже знай полиция точный адрес, найти похитителей среди этого хаоса было бы нелегко. Шорох в качестве провожатого тоже

имел свои недостатки — нежить оказался не в состоянии определить степень проходимости дорог, и пару раз колонне приходилось делать крюк, объезжая замусоренные овраги и грязные, заболоченные пруды. Последние две сотни метров до уединенной фермы отряд шел пешком, но в организованный Саталом полуторачасовой паралич связи они уложились. Старший координатор закрыл глаза, словно прислушиваясь к чему-то, и уверенно кивнул:

— Здесь!

Кевинахари обвела цель на карте.

— В моих списках этой усадьбы не было.

Паровоз почти не удивился.

Судя по размеру надела, перед ними была часть некогда большого хозяйства, обкромсанная соседями и больше никому не интересная. Можно было только подивиться хитроумию безумцев — устроить логово так близко к Редстону и, в то же время, словно на восточных островах.

В кустах перед покосившейся изгородью старший координатор устроил военный совет.

— Всем — слушать меня. Нас интересует подвальное помещение, выглядит оно приблизительно так, — Сатал продемонстрировал расчерченный карандашом лист бумаги. — Внутри ходят трое, дети сидят здесь. Я с вами не пойду: применять магию там нельзя — вот тут, тут и тут установлены емкости с нитроглицерином. Это крайне нестабильное вещество, малейшее колебание магического фона может вызвать непредсказуемые последствия. Плюс в том, что среди них волшебников тоже нет.

Очевидно, координатор внимательно прочел отчеты Тангора по Арангену. Капитан с уважением рассматривал схему — объем полученных данных оправдывал риск обращения к нежитю. Как часто люди гибли из-за незнания сущих мелочей!

— А что, если они стукнут по контейнеру или уронят его? — поинтересовался капрал, командовавший штурмовиками. Он, определенно, знал, что такое нестабильное вещество.

— Будем действовать быстро и молиться, чтобы они разбирались в алхимии хуже нас. Вперед!

Паровоз мысленно сложил пальцы крестиком — доказательств участия обитателей фермы в похищении у них не было. Что, если монстр ошибся? Если уж на то пошло, то о пропаже детей Сатал не заявлял. Хорошо еще, что штурмовиков, деловито готовивших к бою ножи и арбалеты, нюансы соблюдения законности не волновали (за то Хамирсон их и выбирал).

Среди тарахтения сверчков и одуряющих запахов перезрелых яблок вооруженные люди выглядели почти так же нереально, как уютный сельский домик, превращенный в смертельную ловушку.

— Собак нет, — доложил капралу высланный вперед разведчик. — Только куры во дворе.

Бойцы начали по одному просачиваться на территорию фермы, таща за собой здоровенную чугунную болванку — бытовой заменитель штурмового заклинания. Капитана Сатал дальше ограды не пустил:

— На тебе амулетов, как бус на каштадарке. Сиди здесь!

И Паровоз остался в кустах, топтать траву вместе с магом и злиться на свою временную беспомощность. Кевинахари медитировала.

Весь штурм занял от силы минуты три. Из всех находившихся в подвале Искусников отреагировать на появление вооруженных людей успел только один — сторoживший детей сектант метнулся вглубь комнаты, к металлической емкости, установленной на высокой треноге. Неизвестно, чем кончилась бы история, если бы в тот же миг ему под ноги не кинулся юркий, подвижный мальчишка. А что вы хотите? Ни какие веревки не способны долго удержать на месте деятельную натуру. Не ожидавший такого маневра охранник рухнул на пол, оказавшись в пределах досягаемости второго близнеца, и был мгновенно укушен за ухо. Обозленные долгим пленом черные с нечеловеческими воплями впились в свою жертву. Шокированные поведением детей бойцы замешкались, и это едва не стоило Искуснику зрения.

Дремотный покой осеннего вечера взорвался звуками и движением.

Во дворе обыскивали и связывали арестантов, еще не вполне осознавших изменение своего статуса. Оставленные на дороге грузовики подогнали ближе, по старому дому грохотали шаги команды зачистки, капрал нашел во флигеле телефон и теперь пытался дозвониться в управление (проклятье Сатала еще держалось). Перед воротами бойцы расчищали место под лагерь (ночевать, что ли, собрались?). Вспугнутые куры бестолково метались у людей под ногами.

Сатал, изможденный, но довольный, бдительно следил за развлечениями своих отпрысков, лазающих по капотам грузовиков с восхищенными и перемазанными кровью мордашками. Вместе они напоминали семейку вурдалаков, которым только что удалось плотно перекусить.

— По крайней мере, помощь эмпата им не потребуется, — чуть слышно пробормотала Кевинахари.

Бер согласно хмыкнул — чуть в стороне отрядный целитель перевязывал подвывающего от боли пленника, кожа не лице Искусника висела лоскутами. Штурмовиков от травм спасли шлемы и доспехи (черным зверенышам было без разницы, на ком срывать злость), но стоило раздаться властному отцовскому окрику и близнецы дивно преобразились — маленькие бестии стали просто шелковыми. Если бы не испачканные чужой кровью лица и затасканные вдрызг костюмчики, можно было подумать, что детишек вывезли на пикник. Да, авторитет отца происшедшее явно не поколебало…

Капрал оторвался от бестолкового общения с телефоном.

— По-моему, проще нарочного послать, сэр. И выставить оцепление до приезда экспертов.

Паровоз прищурился на быстро темнеющее небо.

— У вас спецосвещение есть? Дан, как тут с отвращающими знаками?

— Если и стояло что, они сами все снесли, — Сатал ловко подхватил сорвавшегося с подножки близнеца и привычно шлепнул его по заднице.

— Спецсредств у нас нет, — забеспокоился капрал, — мы ехали на задержание людей.

— Вот что, бросаем все, как есть, и валим в город. Ты как хочешь, Дан, но я с твоим новым другом знакомиться не хочу.

Пленных Искусников грузили в один грузовик, а без меры воинственных отпрысков старшего координатора — в другой. Будь они хоть сто раз черные, дети остаются детьми — мальчишки устали от обилия впечатлений и заснули сидя, с трогательным доверием прижавшись к отцу с двух сторон. Паровоз искоса поглядывал на них и гадал, стал ли Сатал великим и ужасным до того, как женился или уже после.

— Кстати, — после благополучного разрешения ситуации Кевинахари прибывала в с состоянии, близком к эйфории, — что он потребовал от тебя за свою помощь? Кроме неприменения блокираторов, естественно. Имей в виду, избавиться от метки Шороха нельзя, эликсиры способны только снять остроту приступов.

— Ничего, — Сатал усмехнулся, — он дал понять, что это подарок.

Грузовик подпрыгнул на ухабе, один из близнецов заворочался во сне и отец подтянул его обратно на скамейку.

— Странное существо, — пробормотал капитан.

— Нормальное существо, — легкомысленно отмахнулся маг, — не понимаю, чего Тангора от него так воротит.

Паровоз не стал оспаривать мнение координатора, в конце

концов, сорок дней карантина еще не прошли.

Глава 24

Я слушал речь нового помощника директора, вещающего о своем видении будущего Биокина, одновременно пытаясь понять, что же в моей жизни опять пошло не так. У меня была работа и доходы, сумму которых дядя Гордон мог увидеть только во сне, собственный угол, уважение коллег, масса свободного времени, полный развлечений город под рукой и никаких обременительных обязанностей, даже в НЗАМИПС обо мне пусть временно, но забыли.

Что же мне, собаке краухардской, еще не хватает?

Я чувствовал себя… клерком. Это чувство мне не нравилось. Что хуже — я и был клерком, если посмотреть правде в глаза. Разве такой должна быть жизнь настоящего алхимика, приобщенного к тайнам бытия, почти всемогущего Мастера? Даже нищенское существование дяди Гордона было ближе к моему идеалу — в нашей долине он был ЕДИНСТВЕННЫМ, а я в Редстоне — всего лишь лучшим.

В качестве поощрения сотрудникам фирма предлагала бесплатный кофе, в любых количествах, естественно, без бренди. Я прихлебывал мутную конторскую бурду и с тоской вспоминал о секретаршах Полака.

— Томас, ты сегодня вечером свободен?

Как говорится, помяни Шороха, он и появится. Вдохновитель Биокина по-прежнему был бодр и полон энтузиазма, вот только теперь на нем был деловой костюм, ни в чем не уступающий моему, да и стиль прически, скажем так, сильно изменился.

О наступающем вечере я даже не думал, поэтому, не колеблясь, ответил:

— Да!

— Это замечательно, — заулыбался он, — мы тут хотим организовать что-то вроде вечеринки для старых сотрудников. Придешь?

— Непременно! — вытащить в пивную Рона мне никак не удавалось, а трезвое существование начинало немного напрягать.

Я по быстрому раскидал накопившиеся бумажки (новый алхимик нарисовал газогенератор без клапана аварийного сброса давления, мелочь мелочью, а как дерьмо в морду ударит, так смешно не будет) и ровно в пять ноль-ноль выкатился из офиса, предвкушая пусть излишне скромную, но вечеринку.

Старыми сотрудниками на поверку оказались я, Полак и Йохан, Карла бортанули и скоро стало ясно — почему. Намечался бунт на корабле.

— К сожалению, вкладчики Биокина не заинтересованы в новых разработках, — вздыхал Полак, подвигая ко мне кружку пива и тарелку свиных ушек. Йохан, целыми днями рывшийся в бесконечных отчетах, отчаянно кивал, — фирма была задумана как инновационный проект, но теперь она вырождается в бригаду чертежников.

Я сделал большой глоток. Хорошо! Но черного такой фигней не купишь.

— Испытываете проблемы с поиском нового места работы?

А может, инвесторы стали хоть чуточку умней (для него это было бы катастрофой).

Полак покачал головой, таким серьезным я его еще никогда не видел.

— Нет. Мы хотим все начать по-новому, с нуля. Суть в том, что интересующая нас тема у большинства экспертов считается провальной. Деньги-то я найду, но без твоей помощи решить задачу мы все равно не сможем, — в глазах Полака появился фанатический блеск. — Зато в случае удачи это будет прорыв!

Я задумчиво похрустел хрящиком. Не пытаются ли эти халявщики сеть мне на шею? За экспертные заключения, вообще-то, принято платить. Или они предлагают мне войти в долю?

— И что же это за дело?

Йохан выложил на стол пухлую папку, а Полак передвинул ее ко мне:

— Будет лучше, если ты сам составишь впечатление о проблеме. Решение о том, стоит ли нам всем ввязываться в авантюру, зависит только от тебя.

Я повертел в руках сверток, перекрученный шпагатом крест-накрест и завязанный мертвым узлом (они бы его еще сургучом опечатали). Такая таинственность меня интриговала.

— Ладно, я посмотрю, но позже.

Полак вздохнул.

— Времени сколько угодно. По моим сведениям, конкурентов у нас нет.

Домой я возвращался почти трезвый, с увесистой папкой подмышкой. В прежние времена халявная выпивка привела бы меня в чудесное расположение духа, а теперь даже скуку не рассеяла. Ну, подумаешь, пиво. Как это банально! В конце концов, я и сам мог его себе купить. У консьержа меня ожидал еще один «подарочек», конверт с отпечатанным типографским способом адресом — редстонский комиссар фонда Роланда Светлого приглашал меня на собеседование.

Получение повестки меня ничуть не обеспокоило — я искренне полагал, что объясняться с фондом будет Сатал. В

крайнем случае, можно было обсудить возврат денег за обучение (обычно они идут навстречу стипендиатам). На следующий день я взял выходной (в счет отпуска, обалдеть!) и отправился в управление, капать на мозги альтернативному начальству.

В маленьком кабинете Бера гоняла чаи святая троица — координатор, капитан, Кевинахари, и все дружно уставились на меня.

— Ну, что я говорил, — буркнул Паровоз.

Я нахмурился.

— Ты сегодняшние газеты читал? — поинтересовалась эмпатка.

Они что, издеваются?

— Нет!

— Тогда чего приперся? — высказался Сатал.

Я рассвирепел.

— Того! Я вчера повестку из фонда Роланда получил. И что мне с ней делать?

Сатал равнодушно пожал плечами. Надо сказать, что выглядел он паршиво — краше в гроб кладут, то есть, очень знакомо как-то выглядел.

— Этот вопрос можешь адресовать моему преемнику.

— Временно исполняющему обязанности, — поправила эмпатка.

— Оставим это словоблудие, Рона! В нашем деле ошибок не прощают.

— Какие еще ошибки? — возмутился Паровоз. — Операция проведена почти идеально. А то, что амулеты пока не нашли…

Раньше Сатал начал бы кричать и материться, а сейчас только глаза закатил:

— Пофиг амулеты, с ними как раз все удачно вышло. Даже если целители будут ко мне благосклонны, никто не позволит руководить регионом магу с Шорохом в голове. Так что, готовьтесь — через сорок дней временный исполняющий станет постоянным.

Ах, вот оно что! И здесь тварь поганая отметилась. Не прощу, уничтожу!! Мне только смены руководства сейчас и не хватает.

— И кто же будет нашим новым вождем?

— Это сюрприз.

Я вышел, громко хлопнув дверью. Козлы! А обо мне кто-нибудь подумал?

Но паника излишня. Ничего особо страшного в фонде Роланда нет, максимум, что они могут потребовать согласно договору — несколько лет работы на средней ставке, я даже на Аранген согласен. И пусть капитан Бер (мой официальный

начальник) думает, как это будет сочетаться с внештатными обязанностями.

Уже на ступеньках управления мне пришла в голову забавная мысль: Сатал ведь, кажется, женат. Сказать ему, что ли, о странных интересах Шороха или пускай спит спокойно? Ха! А вот это ему будет сюрприз.

Комиссар фонда Роланда отнесся к моему внезапному визиту философски, вероятно, к нему систематически ходят и что-то требуют. Я, для разнообразия, просто хотел навести кое-какие справки.

— Сэр, есть некоторые моменты, которые из текста договора не вполне ясны…

— Спрашивайте, я буду рад разъяснить любые неясности, — чиновник кисло улыбнулся (надо так понимать, что его совсем не радовала необходимость с кем-то объясняться).

— Договор вступает в силу через сорок дней. Считая от получения повестки?

— Нет, от вручения диплома.

То есть, мне вот-вот надо будет куда-то ехать.

— Я слышал, что иногда фонд соглашается на денежную компенсацию.

— В качестве исключительной меры для узких специалистов, в этом случае вся сумма займа выплачивается единовременно с учетом процентов.

То есть, это для тех, кого решили купить крупные фирмы. Моих сбережений до полной суммы контракта чуть-чуть не хватало (два года назад я даже думать про такое не смел!).

— Хорошо, значит, я должен два года…

— Три, — аккуратно поправил чиновник, — за дополнительные занятия тоже платил фонд.

Офигеть… Из-за этой гадской черной магии, которой я совсем не хотел, на меня навесили целый год! Где мой волшебный посох?!

— Пусть — три, — не время спорить о мелочах, — как будет определяться указанная в договоре «средняя ставка»?

— Как средняя для специалистов данного уровня.

— Я имею в виду, если работа оплачивается повременно, то исходя из скольких часов, а если сдельно, то кто обеспечит мне объем заказов?

А это актуальный вопрос — их «среднее по отрасли» может вычисляться по окладам государственных алхимиков, которые работают в двух-трех местах одновременно. Или, как вариант, меня ушлют на дикую ферму, где из алхимии есть только колесо. Вдруг заказчикам захочется сэкономить? А мне так три года жить.

Комиссар посмотрел на меня с некоторым интересом:

— Не беспокойтесь, фонд соблюдает интересы своих стипендиатов. Ваша заработная плата не будет ниже прожиточного минимума.

— Рассчитанного для какой местности?

Что-то он темнит. Ясно, что алхимик с устоявшейся клиентурой может работать за меньшую ставку — доход стабилен, возможности подработки известны, а я там буду на новенького.

Комиссар порылся в столе и вручил мне брошюрку.

— Методика расчета. Ознакомьтесь.

Я потратил минут десять на внимательное изучение текста. Подход оказался вполне разумным, с учетом районных коэффициентов, стоимости жилья, а так же того, что алхимиков в данной местности может вообще не быть.

— Отлично, сэр, — я вернул чиновнику брошюрку. — Не подскажите, а куда мне придется ехать?

— Место работы выпускника выбирается исходя из заявок, полученных фондом от государственных учреждений Ингерники.

Так, главное — не потерять настрой.

— Конечно, сэр, я уверен — это не только принесет пользу стране, но и поможет мне приобрести новые знания и навыки, — побольше энтузиазма. — Но во время прохождения практики я получил травму магического характера и сейчас прохожу курс лечения. Мне хотелось бы быть уверенным что там, куда меня пошлют, есть целители соответствующей квалификации.

Комиссар поджал губы, а я выложил на стол справку из НЗАМИПС, в которой неподражаемым лекарским жаргоном категорически требовалось, чтобы мне обеспечили соответствующий уход (штатный целитель отнесся к моим проблемам более чутко, чем непосредственное начальство).

— Гм. Еще месяц?

— Да.

— Мы можем отложить начало действия договора на это время, через месяц вы принесете мне официальное заключение.

— Договорились!

За месяц я сумею встретиться с новым начальством и урегулировать конфликт интересов. Может, мне даже удастся столкнуть их лбами.

Домой я возвращался, насвистывая и прикидывая, как распределить дела на ближайшие тридцать дней (вдруг ехать все-таки придется). Надо было решить вопросы с финансами и квартирой, избавиться от лишних вещей (да, появились и такие), еще раз обговорить дела с Четвертушкой. Но первым делом я

ухватился за таинственную папку Полака (вчера до нее просто руки не дошли).

В папке лежали вырезки и конспекты статей, охватывающие последние двадцать лет, и даже небольшая монография на заданную тему. Половина текстов была на каштадарском, который я, скажем так, понимал три года назад в пределах краткого университетского курса, сейчас знакомыми казались только буквы. Ну, да, Каштадар — родина алхимии, они и теперь еще пытаются с нами ровняться. Я решительно отложил нафиг тарабарские свитки и принялся за монографию.

Рудные бактерии. Ну-с, посмотрим, чем же Полака не устраивает традиционная металлургия.

Казалось бы, чем можно удивить алхимика с пятилетним стажем? Экономическими расчетами. В Университете рентабельности производства внимания почти не уделяли, а дополнительные курсы на эту тему я не посещал (мне и так забот хватало). Оказалось — упустил много интересного. Пока поделки клепались из лома и мусорных остатков, это не имело значения, но, стоило поднятья на более-менее значимый уровень, впереди начинал маячить барьер, который могла одолеть далеко не всякая разработка — дороговизна цветных металлов. Медь, золото, серебро и свинец нужны всем, и магам, и алхимикам, при этом, если залежи железной руды еще худо-бедно разрабатывались, то месторождения меди, например, были близки к полному истощению. Именно дороговизна металлов тормозила развитие цивилизации — их попросту негде становилось брать.

Изучив проблему, я стал лучше понимать, почему дядя так трясся над каждым кусочком машинного лома.

Рудные бактерии могли помочь сконцентрировать нужные элементы и удешевить их добычу в десятки раз, естественно, если кто-то придумает, как их использовать (пока законченный алхимический цикл — от руды до металла — был достаточно спорен). В подборке Полака присутствовали все бешеные идеи, опробованные нашими предшественниками с единственным выводом — этим путем идти не стоит. Очень увлекательно. В смысле, я, конечно, волшебник, но, по-моему, они мои возможности переоценивают. Особая прелесть ситуации заключалась в том, что, если решение существовало, то целиком находилось в компетенции природников (тех самых ребят, которые, не глядя, вытурили меня из своего клуба).

Я честно рассмотрел возможность послать Полака к его любимым бактериям, в бродильный чан. Нашел себе, понимаешь, волшебную суму — вынь да положь! Но мельком оброненная фраза о блестящих перспективах уже проросла в душу видением

великого меня, гениально решившего важнейшую проблему современности. Богатым буду… Знаменитым на весь мир… Статую себе сделаю из чистого серебра, башню построю четырехэтажную с лифтом и буду всех от нее гонять. Хорошо! Но сначала надо выяснить, действительно ли все так плохо с материалами — «ботва» любит истерику разводить на пустом месте.

Глава 25

Желчные и неуступчивые целители из карантинной бригады отпустили-таки Сатала на один день для передачи дел преемнику. Обычно взрывной и энергичный, координатор был нехарактерно тих и печален, а взгляд его время от времени становился рассеянным. Бер, проинструктированный целителями как раз по поводу таких случаев, пытался понять, что же видит перед собой маг, рискнувший разделить душу с нежитем. После того как секретные ключи и коды сменят владельца, пациента следовало скорейшим образом доставить в карантинный блок, располагавшийся на территории все той же базы «чистильщиков». В данный момент, травмированный Шорохом координатор был единственным тамошним обитателем, но Паровоз был уверен, что во время вынужденного заключения Сатал не скучает — слишком много знакомых вокруг.

— Как твои мальчишки-то?

Сатал бледно улыбнулся:

— Замечательно! Я сейчас стараюсь с семьей не общаться — нельзя демонстрировать младшим свою слабость.

Учитывая, как выглядят младшие в семье черного мага, Паровоз с этой позицией был совершенно согласен — собственные многочисленные племянники Бера на фоне близнецов казались ангелами.

Во двор, шурша шинами, вкатился служебный лимузин, черный, с едва заметно взблескивающими защитными Знаками под эмалью. Из автомобиля вылез невысокий маг с кожаным портфелем в руках и аккуратным бейджиком на лацкане пиджака.

«А мимика-то у него улучшилась!» — заметил про себя Бер и мысленно поморщился. Если раньше странная внешность Ларкеса отпугивала народ, позволяя избежать множества недоразумений, то теперь сглаживать шероховатости капитану придется самому.

Между тем маги раскланивались в обычной для черных манере — без прикосновений и рукопожатий — готовясь продолжить общение вдали от посторонних глаз. Враждебности в их позах и жестах не чувствовалось.

— Вы с ним работали? — тихо поинтересовалась эмпатка.

Паровоз мрачно кивнул.

— Пятнадцать лет. Правда, руководство тогда сидело в Гердане, а это упрощало ситуацию.

Кевинахари задумчиво наклонила голову.

— Немного некоммуникабелен, зато не склонен к эмоциональным всплескам. Рассудителен. Неплохое сочетание

для руководителя такого ранга!

Паровоз поморщился — он не хотел разводить критику руководства, прошлого, а теперь и будущего.

— Он очень хороший руководитель, просто отличный. У него все всегда делают именно то, что нужно. Никогда не знают, что нужно, но именно это и делают, без вариантов.

На глазах Бера уволилось или добилось перевода несколько компетентных сотрудников, неспособных вынести того, что с ними обращаются как с беговыми тараканами. Причем, попытки избежать рутины или потребовать объяснений Ларкес воспринимал как саботаж, нежелание работать и личное оскорбление.

— Интересно… — протянула эмпатка.

Паровоз пожал плечами (может, ей и интересно), а потом заторопился — на сегодня у него была масса дел помимо встречи со старо-новым начальством.

Перенастройка Знаков и печатей, если она ведется их прежним владельцем — дело нескольких минут (а если без него, то кропотливая работа занимает две недели), всего за полчаса вся полнота власти магического «надзора» в северо-западном регионе перешла к Ларкесу. В качестве заключительного штриха, маги переместились в кабинет координатора.

— Отнял помещение у капитана, — с легким укором заметил Ларкес.

Сатал пожал плечами — дружелюбное поведение конкурента его дезориентировало. Способностями эмпата черный маг не обладал, но, в конце концов, логично рассудил, что улыбчивость коллеги — не более чем маска.

— Перебьется!

— А чем был плох офис в Гердане?

— Слишком далеко от места событий.

— Зато, если кто-то покусится на руководство, жертв среди гражданских будет меньше.

Сатал припомнил несколько эпизодов в недалеком прошлом, но соглашаться все равно не стал.

— Покушения надо предотвращать!

— Согласен! — торжественно возвестил Ларкес, чем снова вверг коллегу в замешательство. — А как поживает ваш замечательный подчиненный? Должен признать, что обучение некроманта боевым приемам дало поразительный эффект.

Сатал неопределенно хмыкнул и решил, что этот странный разговор надо заканчивать. Он вынул из ящика стола большой пухлый конверт и молча передал его Ларкесу. Конверт мгновенно исчез в портфеле нового координатора.

— Все, я назад, в карантин, — вздохнул Стал. — Мистер Арверти, наверное, уже икру мечет. Никогда не попадайтесь здешним целителям — страшные люди!

Ларкес проводил коллегу до порога, сердечно пожелал ему успешного завершения карантина, закрыл за его спиной дверь и запер замок на два оборота ключа. Еще какое-то время улыбка жила на его лице словно сама по себе, а потом выцвела, уступив место кукольной неподвижности черт. Маг призвал Источник и внимательно осмотрел помещение, удовлетворенно кивнул и только после этого вывалил на стол содержимое портфеля — несколько картонных папок, две дюжины амулетов, красивую хрустальную чернильницу и длинный деревянный пенал, украшенный совсем не декоративным орнаментом. Затем Ларкес подробнейшим образом изучил подарок предшественника. Большой белый конверт оказался набит бумагами — копиями отчетов, карт, схем и донесений. Новый координатор разложил их и сколол по какой-то одному ему известной схеме, а затем убрал в простую серую папку, на которой от руки была сделана подпись: «Проект Город Короля». Папка заняла место на книжной полке, отлично вписавшись в окружение.

Что мне нравится в жизни, так это ее непредсказуемость. Еще вчера времени на ответ Полаку было завались, а теперь его катастрофически не хватало — на решение проблемы века у меня оставалось две с небольшим недели. Учитывая, что из всех заморочек природников мне было известно только то, что кошка — млекопитающее, шансов на гениальное прозрение было немного, но следовало хотя бы понять глубину своего невежества. Я бросил работу в Биокине (наконец-то!) и задался целью разобраться хотя бы в терминологии, ибо на ближайшие три года о библиотеках придется забыть — стипендиаты фонда Роланда, как правило, работают там, куда ни один вменяемый алхимик добровольно не поедет. Не то, что подобный поворот был для меня неожидан (напротив, о том, что так и будет, я знал еще пять лет назад), но почему-то мне казалось, что при Сатале ситуация развивалась бы иначе.

Прочитав в газете, кто именно займет место любимого учителя, я испытал смешанные чувства. С одной стороны, Ларкес казался уступчивым типом и был мне кое-что должен, с другой — теперь он стал моим начальником. Следует ли мне считать наше выяснение отношений несостоявшимся, или наоборот — его главенство условным? Вот почему мне никогда не нравились государственные учреждения — формальная иерархия все только усложняет. С проблемой я поступил так, как и полагается

черному — сделал вид, что ее нет, а вопросами отношений с фондом начал доставать капитана Бера. Результат получился, прямо скажем, сомнительным.

— Значит, так, — обрадовал меня редстонский босс. — Господин Ларкес признает приоритет фонда Роланда Светлого, поскольку договор с ними ты заключил раньше, чем с НЗАМИПС. Сначала отработаешь то, что должен им, а потом — то, что осталось от контракта с «надзором».

Видали? Я им всем теперь должен, причем — на семь лет вперед.

— И НЗАМИПС забудет обо мне на три года? — мысль была приятная, но почему-то мне в такое не верилось.

— Ну, если местным властям потребуется силовая поддержка, это время будет учтено в общей продолжительности контракта…

Я чуть не задохнулся от возмущения.

— Это что ж, мне теперь оставшиеся четыре года будут нарезать купонами за те же деньги? Да ни один маг так не работает! Я на вас в суд подам. И всем расскажу, что воскрешенное животное по закону зомби не считается!!!

Аргумент был убойный. Как жаль, что при первой встрече с Саталом я не знал об этом маленьком, но интересном недочете в законодательстве! Вероятно, тот, кто формулировал соответствующие главы, пытался абстрагироваться от религиозно-этических норм Инквизиции и под рассмотрение попал только эффект, которое оказывает на некроманта попытка в одиночку пробудить человеческое сознание. Не спорю, буйный колдун опаснее зомби или вурдалака, но в итоге всеобщее убеждение о недопустимости любого некромантического акта основывалось на чистом заблуждении и силе традиции, а по-хорошему любителей мертвечины можно было преследовать только за физические разрушения, нанесенные их питомцами (благо без них не обходилось). Это было глупо, закон нуждался в доработке, но обратной силы не имел. Представляете, как будет выглядеть НЗАМИПС, если об этом узнает пресса?

Паровоз начал злиться, я тоже не уступал, будь у меня Источник — фиг бы мы договорились. Сошлись на том, что приработки пойдут в зачет контракта из расчета восьми часов в месяц и без увеличения ставки. Жмоты!!!

Мысли о несправедливости бытия в который раз заставили меня оторваться от книг. Курс приема блокираторов закончился, и это тоже не добавляло мне благодушия. Говорят, что после такого долгого перерыва возвращение Источника — сродни второму Обретению (целитель прочитал мне целую лекцию на эту тему, а потом полчаса задавал контрольные вопросы). Меня

ожидали все тридцать три радости черной натуры — безудержная жажда доминирования, воспаленное самолюбие, параноидальная подозрительность, раздражительность, самоуверенность, ослиное упрямство и лень. В общем, такое состояние, когда мирно катящийся по рельсам трамвай начинает представлять реальную угрозу жизни.

Насчет остальных эффектов я пока был не уверен, но убить всех хотелось прямо сейчас — огромный Редстон стал казаться маленьким и тесным, как краухардская деревня. Практически в любом, самом неожиданном месте можно было встретить кого-то, кто тебя знал, а ведь черные маги не любят случайного общения (Мало я их бил! Вел бы себя, как нормальный черный — наслаждался бы сейчас тишиной). Бармены в пивных приветствовали меня по имени и интересовались здоровьем (не дождетесь!), под ноги все время подворачивались бывшие студенты, желающие знать, как у меня дела (как сажа бела!), а когда у подъезда управления я едва не столкнулся с Ларкесом (малорослый колдун с жизнерадостной улыбкой выбрался из служебного лимузина и бодрой трусцой пронесся к дверям), стало ясно, что роландовский фонд нарисовался в моей жизни очень своевременно.

Даже в библиотеке мне не было покоя. Накануне утром, когда, казалось бы, всем преподавателям полагается быть на лекциях, меня отловил кошмар всех черных университета — профессор Шнайс, исключительно занудный белый маг-теоретик, начисто лишенный чувства самосохранения.

— Добрый день, мистер Тангор. Ностальгия замучила?

— Занимаюсь самообразованием.

Я постарался незаметно закрыть справочником книгу об обитателях морских глубин.

— Похвально! А что вы думаете об этом? — он сунул мне под нос какой-то листок.

Эх, был бы у меня сейчас Источник, сделал бы из него камбалу — чтобы оба глаза на одну сторону.

— Это — из белой магии.

— Я знаю. Но вы же у нас, — тут он довольно хохотнул, — универсал.

Ну вот, стоило мне выйти за ворота, как мисс Стефания всем разболтала о моих странных интересах, даже этому ученому недоразумению. А ведь я специально не подходил к нему с вопросами, чтобы не нарываться на глупый юмор!

— Это только часть, что-то из внешнего контура. Должны быть еще.

— Да, — он на секунду соединил два листа, — я тоже думаю,

что это не амулеты, а скорее — Печати, часть какого-то сложного периметра. А вы — молодец! Признаться, я думал, что Стефания пошутила.

Еще секунда, и они у меня оба юморить разучатся совсем.

— Я — черный маг…

— Да, да, конечно.

Он, с деловым видом, сорвался с места и почти мгновенно скрылся из виду. И после этого черных называют бесцеремонными!!! Они просто со Шнайсом не общались.

К концу месячной отсрочки я понял, что ХОЧУ, нет, просто жажду поработать на фонд Роланда Светлого где-нибудь далеко-далеко, в глуши, и что бы ни одного знакомого вокруг в пределах дневного перехода.

Последний штрих — возвращения Силы — проходил на хорошо знакомом полигоне. Вечный капрал Фатун мне помогать не стал.

— Дразнить я тебя не буду, не жди. Я, кончено, псих, но не сумасшедший. Вот тебе имитатор, вот — мелки, иди и упражняйся.

Вот так у нас и обращаются с героями! Источник отозвался легко и привычно, а бутафорскую тварь я разнес на такие маленькие кусочки, что искать их в песке смысла не имело. Что характерно: Фатуна потом пришлось выкликать из-за реки, и отозвался он не сразу.

Все, завязывать надо с этими отсрочками! Чемодан соберу и — в путь. Осталось только смотаться к комиссару и выяснить, куда ехать.

— Думаете, это разумно, позволять фонду Роланда распоряжаться специалистом такого класса?

— Дружище, ты, естественно, не улавливаешь смысла событий. Скажи, у тебя в конторе работают черные маги младше тридцати?

Паровоз напряг память и вынужден был признать, что нет.

— Вот видишь! Есть ряд физиологических процессов, которые не может отменить подписанный контракт. Сама мать-Природа в определенном возрасте принуждает черного покинуть семью и отправляться на поиск собственного места в жизни. Вмешаться в этот полный сакрального смысла процесс означает — сформировать устойчивую точку конфликта, которая будет сопровождать адепта на протяжении всей жизни. Для формирования здоровой психики боевой маг в возрасте до двадцати пяти — двадцати семи лет ДОЛЖЕН иметь свободу перемещений и ни на чем не фиксироваться, иначе воспитатели

встанут перед необходимостью ЛОМАТЬ сложившийся стереотип врага. Это неконструктивно. Я понимаю, Сатал — молод, но куда смотрела Кевинахари?

Паровоз смутился.

— Ну, сэр, были обстоятельства…

— Да, да, я читал дело, — взгляд Ларкеса сместился в сторону увешанной портретами стены. — Очень талантливый юноша. Я понимаю, «чистильщик» не смог найти к нему альтернативный подход.

Капитан понял, что Тангор просто не знает меры своего везения. Если бы Ларкес задержался в Редстоне всего на один год…

— Будем надеяться, что напряженность учебного процесса не позволила молодому человеку осознать свои предпочтения. Пускай в ближайшие три года источником раздражения для него остается фонд Роланда. Кстати, именно поэтому они и не кредитуют боевых магов.

— Почему же они не согласились взять деньгами?

— Они бы рады, — господин координатор безмятежно улыбнулся, — но фонд финансируется правительством. Последние веяния сильно испортили им бизнес — государство желает получать с выпускников натурой.

— Ну и пес с ними, — постановил капитан, — честно говоря, мне так даже спокойнее будет.

— Ты тоже заметил? — оживился Ларкес. — Юноша имеет свойство попадать в эпицентры конфликтов. Будет лучше, если ближайшие год — два он проведет подальше от Редстона.

Паровоз пожал плечами — заботливость черного мага казалась такой же неестественной, как и его жизнерадостная улыбка. Ну, хочет Ларкес избавиться от протеже своего конкурента, что тут сделаешь! Хорошо хоть без крайностей и по закону.

Глава 26

К месту работы я ехал… Скажем так: долго. Никаких экспрессов или, предки оборони, фирменных поездов в такое место не ходило. Когда я прикинул по карте предполагаемый маршрут, то понял, почему комиссар тянул с направлением до последнего — боялся, что осчастливленный стипендиат эмигрирует из Ингерники нафиг, ибо что Каштадар, что такая глушь — одна зараза. Естественно, перевозку зомби и мотоцикла фонд оплачивать не собирался, поэтому путешествовать пришлось за свои кровные.

В дорогу меня провожали дождь и Полак. Йохан печально мок под большим, ярко раскрашенным зонтом, плохо защищающем от порывистого осеннего ветра.

— Ну, как, ты подумал над нашим вопросом?

— Подумал, — я вернул ему заново перевязанную папку. — Но вы должны понимать, что я не чувствую этой темы. Нужно ставить натурные эксперименты, чтобы все глазами посмотреть. И не в городе.

Он, понимающе, кивнул.

— Я тоже думал об этом. Разработку такого масштаба сложно будет держать в тайне, а голые теории не патентуются. Удаленная провинция, это как раз то, что нужно…

Наш идейный вдохновитель ловил намеки на лету.

— Ну и замечательно. Я, когда осмотрюсь на месте, вам напишу. Если захотите продолжить дело — приезжайте. Я-то, сами понимаете, в перемещениях теперь не волен.

— Понимаю. Спасибо. Мы будем ждать.

— И не трепитесь об этом лишний раз. Если не хватит денег — у меня есть в заначке, в крайнем случае, свяжитесь с Рональдом Рестом. Только осторожней с ним — ушлый тип, на бегу подметки режет.

На том и расстались.

И потянулись, потащились в путь неторопливые местные поезда. С видом бывалого путешественника я скучал и смотрел в окно. Сначала сквозь разрывы в лесозащитной полосе было видно только сельские пейзажи, потом над деревьями начали топорщиться корпуса и трубы западного индустриального района, а мощные грузовые паровозы басовитым ревом провожали пассажирский состав. В соседнем купе шумно пьянствовали не отягощенные культурой попутчики, но при попытке вовлечь меня в дурное веселье Макс внятно произносил «гав!» и гости тихо испарялись. После двух пересадок дизайн вагонов упростился, а

лесозащитная полоса выродилась в гряду вечнозеленого кустарника, высаженного по сторонам пути чисто для проформы. Место пастбищ и цехов заняли заросшие бурьяном каменистые пустоши — еще не знойный Полисант, но уже и не благодатная прохлада умеренных широт.

Я между делом вспомнил, что здешние равнины носят звание «кладбища цивилизаций». В любом холме, если порыться, можно было найти камень, подозрительно напоминающий бетон, или слои темных, смолистых отложений, наводящих фантазеров на мысли о дорожном покрытии. Тут же рядом топорщились руины времен короля Гирейна. В этих местах злосчастному королевству досталось больше всего: люди бежали, нежити вытравили зверей и траву, а зимние дожди смыли и так не очень толстый плодородный слой. Безымянные холмы среднего запада до сих пор пребывали в запустении.

Но люди здесь жили.

В этом я однозначно убедился на последнем участке пути. Допотопная «кукушка» на последнем издыхании тащила за собой четыре пассажирских вагона, ни о какой багажном отделении речи не шло и мотоцикл пришлось затаскивать на платформу с углем. Состав был набит битком (если бы не суровый кондуктор, люди ехали бы и на крыше), даже зомби пришлось уплотниться, а мне — отбивать настойчивые попытки сесть на мой чемодан. Общительные кумушки бубнили у меня над ухом, дети орали на весь вагон и так — все восемь часов пути. Да… Может, лучше было своим ходом?

На каком-то задрипанном разъезде с гордым названием «Узловая» половина народ бодро рванул на выход, а я сосредоточенно попер к дверям свой объемистый багаж (и это — не считая мотоцикла). Помощник машиниста пробовал пугать меня расписанием, на что ему было сказано: «Куда ж ты денешься от штурмового проклятья!» и он замолк. Да, есть такое убойное заклинание — стоп-кран называется, а тем, кто попробует возражать против его применения, я просто в лоб дам. Наконец, весь мой багаж оказался на перроне, и поезд укатил в совсем уж какую-то таинственную даль.

Я подозрительно огляделся. Меня встречали: приземистое здание вокзала, крашенное тремя оттенками желтой краски, гроздья телеграфных проводов, протянутых между столбами самыми безумными способами и чуть перекошенный ветряк-электрогенератор. Я проводил взглядом толпу прибывших, бодро грузящуюся на немыслимо чадящие транспортные средства (ни одной лошади, быка или осла поблизости видно не наблюдалось) и между двумя ударами сердца понял — мое!

Пять лет городской жизни с шорохом осыпались за спиной.

Я вздохнул полной грудью и тут же обнаружил в воздухе соблазнительный запах домашних пирожков. У дверей вокзала две тетки с корзинками споро раздавали свой товар оголодавшим пассажирам. Сейчас же все съедят!!! Бросив шмотки под охраной Макса, я рванул через пути за ароматной выпечкой.

Успел едва-едва. Бабка-пирожница привычно обсчитала меня на два цента и в качестве компенсации дала бумажный кулек. Сразу же выяснилось, что пирожки, которым полагалось содержать только яблоки, имеют начинку как минимум двух сортов — еще и с капустой. Толпа стремительно рассасывалась, и я, уже не торопясь, пошел обратно к вещам, пытаясь сообразить, куда направлюсь дальше.

На платформе по-прежнему копошились люди, причем, лучшего места, чем рядом с моими шмотками, они для этого дела не нашли. Я осторожно приблизился и прислушался к разговору.

Представительный мужик в темно-зеленых каучуковых сапогах (последний писк деревенской моды) решительно возражал поджарому мужчине в аристократичном прикиде из полицейского мундира, армейских ботинок и совершенно гражданской шерстяной шапочки (судя по всему, служака был лыс).

— А я говорю, мистер Брайен, что к нам приехал алхимик! Разве не видно? — мужик махал картузом в сторону моего мотоцикла, причем, его головной убор мотался в сантиметре от морды обалдевшего зомби. Обычная собака такого обращения не вынесла бы.

— Да я и не спорю, мистер Квайфер, но мне сообщили, что именно этим поездом приезжает специалист из нашего управления, — со сдержанным раздражением гнул свое оппонент.

— Так идите и ищите его где-нибудь там! — мистер Квайфер махнул рукой в сторону вокзала, чудом не угодив моему псу по носу.

Макс, которому мельтешение пред мордой надоело, многозначительно зевнул.

— А почему, собственно? — заметно приободрился мистер Брайен.

Под вспыхнувший с новой силой спор я переглянулся с зомби и стал незаметно отступать к вокзалу — оттуда прекрасно можно следить за дискуссией, а если они подерутся (у Квайфера было два человека поддержки, у Брайена — один, но с армейской выправкой), то меня гарантированно не заденет. Если повезет, то скоро они утомятся и уйдут с платформы, тогда можно будет спокойно забрать вещи (сходу влезать в местные разборки мне не

хотелось).

— Сэр, извините, пожалуйста, вы, случайно, не мистер Тангор?

На меня с тайной надеждой смотрело очередное белое чудо (как же без них!) — парень моих лет, одетый немного не по погоде — в шерстяной свитер и тяжелые бутсы на толстые носки.

— А если да, то — что? — негромко отозвался я и попытался ненавязчиво вытеснить его с платформы. Главное — выйти из пределов слышимости, а там уболтать белого — пара пустяков.

Поздно.

— Здравствуйте! Какое счастье!!! Мы вас так ждали, так ждали! Я уже весь вокзал обошел, а вас нигде нет!

Спорщики начали оборачиваться, и мне пришлось делать вид, что я только что подошел.

— А вы, собственно, кто?

Квайфер рванулся ко мне так резво, что Макс дернулся, готовый прыгнуть наперерез, но этот живчик ограничился тем, что ловко ухватил меня за руку и принялся трясти. Интересно, он понимает, кто перед ним?..

— Здравствуйте! Я — старший инспектор алхимического надзора округа Суэссон, это — мой помощник, Винклен, — тычок в сторону одного из сопровождающих, — и наш водитель, Шейкли, — взмах в сторону другого, — это мы направили запрос в фонд Роланда Светлого. Как добрались?

Забавно, что, представляясь, он назвал только свою должность.

— А по имени?

— О, голова дырявая! Боб Квайфер! — он широко махнул картузом и безошибочно угодил Максу по ушам.

— Гав! — выразил пес-зомби свое отношение к происходящему.

Все на мгновение замерли и замолчали, а я, пользуясь общим замешательством, сумел набрать приемлемую для разговора дистанцию. Моя черная натура завывала, как циркулярная пила. Меня нельзя хватать и тискать!!!

— Прошу прощения, сэр, — оппонент Квайфера, — я — Ганнибал Брайен, начальник окружного отдела НЗАМИПС. Вы ведь боевой маг, не так ли?

— Да!

И чем быстрее это поймут окружающие, тем лучше. Квайфер заметно сбавил натиск.

— Дело в том, что по моим данным на этом поезде должен был прибыть эксперт нашего криминалистического отдела. Вы об этом что-нибудь знаете?

— Без понятия! А как зовут этого эксперта?

Он замялся.

— К сожалению, мне этого не сообщили.

— Тогда — советую уточнить!

Нет, других черных магов в поезде не было, но возмущал сам факт — не знать, как меня зовут! Мистер Брайен в глубокой задумчивости остался на перроне, а остальные (я, инспектор, помощники и не представленный белый) потащили груду багажа в сторону вокзальной площади. Надо признать, что пример Соркара оказался заразительным: помимо чемодана вещей и двух коробок с книгами со мной в путь отправился серебряный сервиз, ремонтный набор к мотоциклу, аккуратный сундучок с зельями и чудо современной алхимии — граммофон (последний в пути уже два раза пытались стырить). Возможность воспроизведения звука без помощи магии вызывала во мне эстетическое наслаждение.

Под моим чутким руководством вещи и зомби загрузили в небольшой грузовик. Видавший виды агрегат был заляпан грязью по самую крышу, подсохшие бурые разводы скрывали под собой какие-то эмблемы и надписи. Впрочем, здесь все выглядели так же — то ли дорог в округе не было, то ли местные жители о них не знали.

Наблюдая за говорливым и деятельным мистером Квайфером, я понимал, что в большой бочке меда имеется-таки ложка дегтя: мой новый босс совершенно не умел общаться с черными. То есть, он знал, что такие люди существуют, и, наверное, не раз видел их, но в кругу его общения (среди подчиненных, знакомых и соседей) нашего брата не было. В будущем это сулило массу глупейших проблем. А не стоит ли возобновить знакомство с мистером Брайеном? В конце концов, сглаживать подобные шероховатости — его святой долг. Решено! Как только устроюсь, первым делом найду окружного шефа.

Сюрпризы бывают не только в жизни черных магов. Молодой человек с густыми каштановыми кудрями носил форму посыльного так уверенно, словно действительно им был, перевязанная красной лентой коробка в его руках смотрелась вполне органично. Он любил носить яркую униформу, из-за которой черты его лица никто не запоминал, и давно научился производить нужное впечатление, вообще не произнося ни слова, благодаря чему и голос его оставался никому не известен. Ни случайные свидетели, ни чудом выжившие жертвы, ни поднятые некромантами мертвецы не могли описать неуловимого убийцу, даже его ненормально расширенные зрачки в показаниях не фигурировали.

Попасть на второй этаж многоквартирного дома, мимо консьержа и двух спускавшихся по лестнице жильцов было проще простого. У нужной квартиры молодой человек помедлил, приводя мысли в порядок и поднимая коробку нужной стороной на уровень груди (спрятанная внутри смертоносная машинка давала возможность произвести лишь один выстрел). Того, кто ждал его за дверью, убийца изучил невероятно подробно и мог различить в любой толпе, со спины и боком, но дверь открыла разбитная бабенка в подвязанной к поясу юбке и шлепанцах на босу ногу.

— Тебе кого, милок?

— А где… оно… он?

— Съехал жилец! — отозвался из квартиры еще один женский голос. — Вчерась еще съехал.

За дверью плюхнула тряпка, загремело ведро — еще одна любопытная тетка хотела поглядеть на незадачливого визитера. Мнимый посыльный шарахнулся к лифту — поспешное бегство было предпочтительней попытки экспромтом убрать неизвестное количество свидетелей, а потом еще и консьержа внизу. Все равно ясно, что дело сорвалось, теперь главная задача — раствориться на улицах Редстона, исчезнуть в толпе.

Позже несостоявшийся убийца будет биться в истерике на полу, доказывая, что не виноват в провале, услышит необходимые слова утешения, примет причастие и уйдет, немного покачиваясь, но уже совершенно спокойный. Медленно растворяющаяся в крови доза «драконьих слез» вернет ему присутствие духа и заставит не замечать двух внимательных взглядов, направленных в спину.

— Что скажешь?

— Скажу, что как это ни прискорбно, Учитель, Илан помогает нашему делу в последний раз.

— Согласен, — названный «Учителем» глубоко вздохнул. — Если колдунам снова удалось укротить древнего демона, оставлять такой след просто недопустимо. К счастью, чудовище глупо и не способно устанавливать причинно-следственные связи. Через полчаса действие «слез» достигнет пика, ступай к Илану и помоги ему… уйти.

И человек, лично обучавший молодого ассасина премудростям ремесла, спокойно кивнул. Слово «убить» как всегда осталось непроизнесенным.

— Мне узнать, куда делся колдун?

— Повремени! Мне не нравится, что столько совпадений связано с именем одного человека. Не будем метаться. Никогда не следует делать то, что от тебя ожидают, Дэрик, не следует

вести себя предсказуемо. Знание придет к нам само, как всегда своевременно.

О, да, своевременно, но дождаться его удастся не всем.

— Колдун опасен, — названный Дэриком поднес к лицу чашку с ароматным травяным чаем и рассеяно следил, как белый хозяйский кот что-то сосредоточенно вынюхивает в углу. — Несмотря на молодость, это сильный боевик, недаром им затыкают дыры по всей Ингернике. Наши братья до сих пор уверены, что тот ритуал нельзя было прервать на середине. И он широко мыслит, в отличие от своего отца, мне доносили, что среди его интересов есть даже белая магия. Не стоит ли решить эту проблему до того как она созреет?

Выцветшие от старости глаза Учителя внимательно изучали лицо собеседника. Дэрик знал все любимые словечки старика, все те глубокомысленные обороты речи, которые тот использовал, чтобы уйти от прямого ответа. Все-таки тридцать лет вместе! Сейчас Дэрик был уверен, что услышит что-то вроде «терпение и еще раз терпение — вот наш удел» или «твой дух далек от созерцательности, сын мой», но вместо этого Учитель спокойно кивнул.

— Что-то беспокоит тебя, грызет изнутри. Но можешь ли ты отличить глас несбывшегося от желания мстить мертвецу?

Дэрик задумался. У него никогда не было пророческих видений (он вообще в них не верил), но упорно преследующее его чувство неправильности происходящего действительно шло из сердца.

— Что-то идет не так, но что?

Старик кивнул.

— Очень хорошо! Однако этого мало, чтобы стать настоящим Мастером. Ты должен понимать, что предчувствие имеет иную природу, оно не проистекает из логически обоснованных событий и угроз, а потому искать его причины при помощи разума бессмысленно. Этот колдун может стать нашим губителем, а может завтра утром не проснуться в потели. Глупо гадать! Не следует действовать предсказуемо.

— Предчувствие надо игнорировать? — нахмурился Дэрик.

— Опять ошибка! Предчувствие — повод сосредоточиться на нашей задаче еще раз, посмотреть на нее под другим углом, усложнить схему. Не следует действовать резко и суетиться понапрасну. Предчувствие — не только помощь, но и распространенная причина неудач. А теперь, займись делом!

Белый кот запрыгнул на колени Учителя, требуя внимания к себе. Дэрик почтительно поклонился и ушел, в очередной раз удивляясь про себя мудрости древнего мага.

Сейчас следовало придумать, как избавиться от тела Илана…

Глава 27

К концу дня я понял, что чиновники фонда Роланда сознательно не сообщили моим нанимателям, что к ним едет черный маг — просто побоялись, что такой подарок нафиг никому не нужен. Сколько проблем это создает для меня, им было без разницы.

Начнем с того, что стипендиату полагалось бесплатное жилье, но сходу в него вселиться у меня не получилось. Одного взгляда на носящихся по двору детей было достаточно, чтобы понять — это место мне категорически не подходит. Я — черный, мне для отдыха нужна не дружеская компания, а одиночество и отсутствие посторонних глаз, что и было сказано моим сопровождающим в предельно доступных выражениях.

— Но, что же мы скажем матушке Тирлен?! — забеспокоился белый, взявшийся помогать водителю с разгрузкой.

— Скажем, что мой пес не умеет играть с детьми.

— Гав! — возразил Макс из кузова, но его мнение в расчет принимать не стали.

В поселок Верхний Вал мы возвращались ближе к вечеру, и я сильно подозревал, что ночевать буду в сарае. Около управы нашего возвращения терпеливо дожидался мистер Брайен, ехидных замечаний он себе не позволил. Вот что значит — профессионал!

— Мне показалось, что у матушки Тирлен вам не понравится. Если позволите, я хотел бы предложить альтернативу.

Естественно, мы позволили (особенно — Квайфер, который, по-видимому, запасных вариантов не имел). Уже в сумерках колонна заехала во двор крупного хозяйства — дом, большой сарай и водокачка, людей поблизости видно не было.

— Это же дом удавленника! — испугано выдохнул белый.

— Мне показалось, что боевому магу призраки не помешают, — сдержано отозвался мистер Брайен.

— Потому что их здесь нет, — профессионально прищурился я. — А что за история?

— Расскажу чуть позже. Ключи! — он вытянул из бардачка тяжелую связку.

Ребята Квайфера перетаскали мои вещи на крыльцо и уехали, а окружной шеф задержался. Было бы глупо предположить, что он заботится обо мне просто так.

— Выпьем? — наконец, решился мистер Брайен. — У нас варят неплохое пиво.

— Согласен!

Он вынул из-под сиденья два больших кувшина, наверное, возил их там весь день, но погода стояла прохладная, и за сохранность продукта можно было не опасаться. Мы устроились на кухне, наскоро протерев пыль и разогнав пауков (дом удавленника был близок к тому, чтобы стать «брошенным строением»).

— Колитесь, мистер Брайен, что вам надо? Ни за что не поверю, что черный маг интересует вас просто так.

Он поджал губы (не иначе — сторонник политкорректности).

— Видите ли, один знакомый из регионального офиса намекнул мне, что в наш район приедет… э-э…

Я понял, что он пытается выговорить слово «некромант».

— Специалист по ретроспективной анимации.

— Да, да, вот именно! — облегченно вздохнул Брайен. — Полагаю, это вы?

— А зачем вам это?

Он стиснул челюсти — кому-то не повезло крепко разозлить мужика.

— Суть в том, что на границе округов Вендел и Суэссон происходят убийства. Весной было найдено восемь трупов, но это только потому, что захоронения производились кучно, сколько жертв на самом деле, мы не знаем. Все убитые — дети до двенадцати лет.

— Черные?

Он поморщился.

— На такой стадии разложения сказать невозможно. Шестеро мальчиков и две девочки, убиты не позднее, чем пять лет назад. Мы до сих пор не можем их идентифицировать — нет заявлений о пропаже, по крайней мере, в нашем регионе. Жертв может быть гораздо больше, и — никаких зацепок относительно того, кто это сделал. И тут я подумал, что возможно… э-э…

— … ретроспективная анимация поможет идентифицировать убийцу?

— Да, именно так!

— Вы в курсе, что я работаю по четырехлетнему контракту из расчета восемь часов в месяц? Значит, теперь в курсе. Только учтите, никаких допросов ходячих трупов не будет — для этого нужен другой ритуал. Я могу завладеть памятью покойных, выборочно. Скажем, видеть и слышать то же, что и они. Вас это устроит?

Что-то подобное я уже проделывал пару раз под руководством Чарака. По-видимому, именно это являлось основной обязанностью экспертов криминалистического отдела, большинство из которых в построении Круга не могло

участвовать даже теоретически. Подобная манипуляция считалась относительно безопасной — личность заклинателя легко подавляла видения из чужой жизни.

— Что угодно, — вздохнул мистер Брайен, — если это поможет найти мерзавцев.

— А штатного некроманта пригласить не хотите?

Шеф дернулся — ну, не нравилось ему называть вещи своими именами.

— С этим надо ждать до полугода. В таком деле промедление недопустимо!

Как ни странно, но я мог его понять. Черные спокойно относятся к смерти, чужой и своей, но мысль о том, что кто-то систематически лишает жизни малышей возраста Лючика, была мне неприятна.

— Завтра я договорюсь о своих обязанностях, а вечерком — подъезжайте. Кстати, что там с удавленником?

— Да ерунда! Человек один приезжал сюда отдыхать, из столицы, археолог-любитель, полгода назад он ни с того, ни с сего повесился. Чистое самоубийство, но местные напридумывали себе неизвестно что, и теперь тут никто не желает жить. А зря — добротное хозяйство.

Уже лежа в кровати, застеленной свежими простынями (шеф был предусмотрителен) я размышлял, почему в детстве жизнь казалась такой простой, а сейчас — что ни день, то свежее. Или она всегда такой была, просто мне удавалось существовать как бы в другой плоскости бытия? Фиг поймешь. Шорох осторожно проверял, чем я без него целый день занимался (после происшедшего в Арангене уродец уверился, что за мной нужно постоянно приглядывать). Пришлось привычно шуганут назойливую тварь — мы еще за Сатала не посчитались! А в принципе, все не так уж плохо: работа есть, комфорт уже обеспечен, осталось зачистить местность от детоубийц и вообще наступит рай на земле. Хорошо!

Первым, что я понял на новой работе: алхимический надзор — кормушка, придуманная для того, чтобы удержать более-менее приличных алхимиков в такой глуши. А то, что округ Суэссон — отстойная глушь, мне твердо заявили трое из пяти здесь работающих (как и я — не местные).

— Не правда! — возразил я. — Не хуже чем у нас, в Краухарде. И климат мягче.

На меня посмотрели с состраданием.

Сама по себе наша контора монтажом или ремонтом чего бы то ни было не занималась. Алхимическому надзору полагалось

писать цидульки — справки о степени износа основных средств, рекомендации по внедрению нового оборудования, экспертные заключения о причинах аварийных ситуаций — для чего в штате состояли юрист и машинистка. Умные бумажки требовались населению не так уж часто, и все остальное время государственные алхимики халтурили на стороне (как я и предполагал).

— Ты не думай, парень, народ у нас не дикий, — втолковывал старший инспектор. — Мы просто живем далеко, новинки до нас не сразу доходят.

Но тонкий ручеек нововведений все-таки достиг Суэссона и боссу Квайферу, жопой чувствовавшему важные веяния, срочно потребовался человек, разбирающийся в современном положении дел. Теперь по умолчанию предполагалось, что курировать новинки придется мне.

И из всего немыслимого богатства выбора первым таким устройством оказался закупленный местными фермерами в складчину новейший трубчатый газогенератор. Вы не представляете, с каким чувством я смотрел на эту конструкцию! (Это проклятье, они меня преследуют, надо бежать) Ситуацию усугубляло то, что доморощенный трест сэкономил на монтажниках, так что мне досталось вся тошнотворная рутина, которой обычно занимался Карл. Нет, я справился, но на то, чтобы устранить уже допущенные ошибки в сборке и соединениях, ушел почти месяц.

Зато по окончании работ все местные называли меня мастер (!) Тангор. Насколько я понял, умелому алхимику здесь могли простить все, даже вредный черномагических характер.

А вот с задачей шефа Брайена у меня прогресса не было.

Соответствующий ритуал мы провели почти сразу, особой замысловатостью он не отличался: потискав немного в руках рассеченный наискось череп, я впал в транс на два часа, а потом еще час приводил мысли в порядок.

— Ну, как? — с надеждой поинтересовался мистер Брайен (у него было звание — капитан — но оно к нему никак не приставало).

— Да хреновато, — резюмировал я, — перед смертью ребенка чем-то опоили, поэтому своих убийц он не видел.

— Наши эксперты что-то такое говорили, — припомнил он, — у них сложилось впечатление, что проводился какой-то ритуал, но в белой магии нет заклинаний, предусматривающих смерть обычных людей, даже в запретной ее части.

То, что касалось запретных, смертных заклинаний — это Брайен должен был знать лучше меня.

— Ну, а черной магией здесь не пахнет, гарантирую. Дальше. Мальчик был слабоумным, поэтому ни своего имени, ни места жительства не знал. Но кое-чего они не предусмотрели, — я взял приготовленные листы бумаги и вывел на них череду знаков. — Вот это было написано на воротах приюта, где он жил. Скорее всего, забрали его оттуда вполне официально.

— «Ореховая роща»?

— Сразу скажу: понятия не имею, где это. В качестве наводки — в той местности случался снег, но шел он редко, а когда таял, оставлял черные разводы. Может, там завод недалеко, а может — у котельной труба короткая.

— Будем искать…

— Флаг в руки. Опознать воспитателей я смогу, если память дурачка сойдет за доказательство.

— Это все равно ребенок!

— Знаю, но рассказать о себе он не может почти ничего.

Последующие семь ритуалов, проводившиеся строго через предписанный традицией интервал, показали, что все жертвы имели те или иные дефекты, затрудняющие опознание их личности и места жительства. Складывалось впечатление, что преступники принимали в расчет возможность вмешательства некроманта (о которых, теоретически, общество ничего не знало), и позаботились, чтобы работа экспертов криминального отдела была до предела затруднена. Лишь двое детей были действительно похищены (с моей точки зрения) остальных выкупили у родителей или усыновили. Особенно мне запомнилась слепая девочка, с самого начала заподозрившая новых «опекунов» в дурных намерениях, но не имевшая возможности ни убежать, ни сопротивляться. Обладая удивительно тонким слухом, она различила название места, куда ее везли — «Ундегар». Слово пугало, в ее странном сознании оно отождествлялось с огромным холодным пространством, но в реальности оказалось узкими щелями древних выработок, расположенными на юге Суэссона.

— Придется все там обыскать, — мрачно сообщил Брайен, — тоннели тянутся под землей на многие километры, пес знает, что там еще может обнаружиться.

Я серьезно рассматривал возможность привлечь к дознанию Шороха, но у развратного монстра существовали проблемы с конкретикой. Допустим, он сумеет отождествить умерших детей с найденными скелетами (что уже требует умственного усилия), но в бездне его странной памяти события пяти и пяти тысяч лет назад были равноценны, для того, чтобы извлечь из потока нечеловеческого сознания что-то путное, нужны дополнительные

ключи.

И я доверил расследование чутким рукам мистера Брайена, взяв с него обещание держать меня в курсе дел.

Тем более что свободного времени становилось все меньше — мой алхимический бизнес, наконец, «пошел». Немудрено, ведь я разъезжал везде верхом на своей рекламе!

В Суэссоне мопеды не любили по объективным причинам — человек, приехавший куда-то на мотоцикле и чистым, вызывал нездоровый интерес. Не удивительно, что первым в моей новой практике стал заказ на уникальный амулет, отвращающий грязь от ветрового стекла.

— Так ведь дорого, нуждается в зарядке! Да и дворники для этого есть…

— Ты мне о дворниках не заикайся! — зловеще посоветовал клиент. — Сделаешь или нет?

Естественно, я сделал, хотя и удивлялся. Но удивление продержалось до первого зимнего дождя, продолжавшегося без перерыва три дня и превратившего весь Суэссон (по крайней мере, все его дороги) в бесконечные потоки жидкой грязи. Да-а, в Краухарде такого не увидишь — горы у нас. Теперь я везде таскал с собой лишнюю канистру масла — рассекатели жрали его едва ли не больше, чем двигатель.

— Почва у нас мелкая, — заступался за родной край один из клиентов, — вот и развозит!

— А дорогу приподнять не судьба?

— Да кому это надо!

Нормальная дорога в Суэссоне была только одна (я специально ездил, чтобы убедиться в ее существовании) и происхождение имела легендарное — ее строили еще при королях. Широкая насыпь кое-где возвышалась над равниной на два метра, имела хорошо продуманную систему дренажа и водоотвода, благодаря чему просуществовала без ремонта до наших дней. Второй раз начинать такое титаническое строительство жители не собирались.

И все ездили по уши в грязи… Пока количество застрявших намертво не превышало одного — двух за сезон, ожидать изменений не приходилось.

Жизнь этого края потихоньку становилась и моей. Я узнавал правильные маршруты во всякие важные места, имена нужных людей и некоторые местные обычаи, соблюдение которых здорово облегчало жизнь. Время шло. Получив от Лючика подробнейший письменный отчет о проведенных им зимних каникулах, я поймал себя на том, достаточно давно не видел мистера Брайена и ни разу не интересовался, как продвигается его расследование.

Образ шефа НЗАМИПС вызывал воспоминания пусть о частичной, но неудаче, и активно вытеснялся из памяти. (Для черных такое нормально, в этом наша сила и наша слабость: мы не изводим себя душевными терзаниями и кошмарами по ночам, зато и сосредоточиться на мучительном переживании не можем.)

Это тривиальное по сути наблюдение вызвало настоящий шок. Чтобы какая-то безликая стихия (даже не Шорох) решала, что для меня важно, а что — нет? Не бывать такому! Я полночи ворочался без сна, а потом нашел гениальное в своем идиотизме решение — решил завести дневник. Нет, никаких отчетов перед невидимым другом, которыми так любят заниматься белые — мне был больше по душе классический исследовательский проект, с перечнем задач, списком мероприятий и промежуточными отчетами. Купил под это дело шикарный блокнот в кожаном переплете. Шифровать записи не стал (лень), вместо этого навесил на книжку четыре штуки разнообразных испепеляющих проклятий и Бриллиантовую Руну. Теперь, в случае неуместного любопытства, блокнот мгновенно сгорал негасимым пламенем, а вернуть его из-под действия Руны мог только хорошо образованный черный маг.

Мой визит вызвал у мистера Брайена легкое удивление.

— Боевые маги обычно… э-э…

— Имеют избирательную память?

— Вроде того.

Впрочем, перестроился шеф быстро. Как оказалось, троих детей уже смогли опознать, но поимку преступников это не приблизило — документы, которые предъявляли самозваные опекуны, были ловко подделаны.

— И никто не проверил?!

— В сиротских приютах и не такое случается. Насколько я понимаю, там рады были избавиться от калек до беспамятства.

— А в Ундегаре?

— Ничего конкретного. Место безлюдное, инструментальным контролем просматривается слабо. Глухо, проще говоря.

Вот так, стоит ненадолго пустить дела на самотек, как все замирает. Убийцы, небось, над этим горе-следствием ржут как кони. Уже, небось, и детишек новых присмотрели…

— Надо мне туда съездить, может, что в памяти шевельнется.

Не в моей, естественно.

Мистер Брайен вызвался прокатить меня до места (ему легко, на казенном-то масле). В сторону Вендела мне ездить еще не приходилось, и я с интересом рассматривал местность, почему-то названную безлюдной. Дороги здесь были вполне наезженными, а между холмами просматривались следы каких-то масштабных

земляных работ. Новые рудники? Мне казалось, что все стоящее здесь выбрали, когда Ингерника еще на картах не значилась.

— Водохранилища, — пояснил Брайен, — для полива хлопчатника. Ребята с южного побережья хотят разводить его у нас.

Я сделал в дневнике пометку познакомиться с предприимчивыми дельцами — если у них получится, мужики озолотятся. (Да, я стал читать «Деловые ведомости», там много писали про бум технических культур).

— Это у вас что, рабочие записи? Интересный способ концентрации внимания!

Он еще и дразнится! Подозрение на то, что у меня что-то не в порядке то ли с памятью, то ли со вниманием, надо было давить в зародыше.

— Нет, это черномагический метод вычисления преступников, по звездам, — меня понесло, — помогает определить координаты разыскиваемых относительно Мировой Оси.

— Вы думаете, что она существует? — Брайен оказался теоретически подкованным.

— Гарантирую!

К счастью, уточнять местоположение загадочного артефакта шеф не стал.

Мы совершили экскурсию по заброшенным в далекой древности рудникам, полюбовались на жерла шахт (издалека, там все было так усажено отвращающими знаками, что подойти ближе решился бы только самоубийца) и совершили круг почета вокруг титанического террикона, насыпанного неизвестными проходчиками до немыслимой высоты (подумать только, что целая гора не просто результат человеческих трудов, но еще и побочный результат!). Магам местного управления я верил, если они не нашли следов убийства, значит, их здесь нет. Вопрос — почему их нет, если они должны быть обязательно?

— Слушай, а эти водохранилища, их когда копали?

— Полагаете, южане могут быть в чем-то замешаны?

— Не то! Я вот то думаю: если грунт вокруг места ритуала изъять и разбросать по местности, остаточную ауру ведь не удастся определить?

Взгляд мистера Брайена приобрел хищную сосредоточенность.

— Мы это проверим!

Ну а пока делать в Ундегаре нам было нечего. Ссылаясь на черномагические нужды, я набрал в отвалах кусочки разнообразных пород — они пошли в исполнение второго пункта

в списке моих планов. Пора было отослать весточку Полаку.

Глава 28

Теоретически, НЗАМИПС представляет собой сложный механизм, чье функционирование полностью описано в законах и инструкциях и не зависит от того, какой человек занимает ту или иную должность в организации. Но капитан Бер прожил на свете достаточно, чтобы понимать: теория — лишь первое приближение к практике. От личности руководителя любого уровня (тем более — региона в целом) зависит не все, но многое, начиная от вульгарного порядка финансирования тех или иных нужд, и кончая таким эфемерным понятием, как психологический климат в коллективе. Со времени предыдущей смены координаторов прошло не так много времени, и стиль руководства Ларкеса не стал для большинства новостью, зато теперь Бер мог наблюдать его с гораздо более близкого расстояния.

Благообразность внешности на натуру черного мага не повлияли, ликвидировать введенные Саталом новшества он не стал, но циркуляр о порядке ведения отчетности выпустил немедленно. Что до умения вправлять подчиненным мозги, то оно у Ларкеса только улучшилось, это Паровоз понял, когда увидел в коридоре управления мрачного как смерть Фатуна в новенькой полковничьей (!) форме. Для некоторых сотрудников настоящее звание Вечного капрала стало неожиданностью.

Дела шли по накатанной колее, и капитан не видел бы в этом никаких проблем, если бы не результаты допросов задержанных, каждый день ложащиеся ему на стол. По делу о похищении Джеймса и Вильяма Саталов было задержано в общей сложности десять человек. Паровоз был далек от мысли, что это позволит выйти на глубоко законспирированное руководство секты, но даже тех знаний, которыми располагали члены разгромленной ячейки, было достаточно, чтобы понять — готовится нечто. Искусники желали сделать инструментальный контроль не восприимчивым к некоторым типам заклинания (возможные последствия подобного сейчас анализировали эксперты), кроме того, бесследно пропали амулеты и записи, взятые Саталом из хранилища. Вещдоки пылились в сейфе более двадцати лет, они были добыты в те веселые времена, когда положение НЗАМИПС было отнюдь не очевидно, а задержания преступников иногда превращались в настоящие побоища (без уцелевших). Назначения артефактов никто не понимал, но знатоки утверждали, что они должны использоваться по крайней мере еще с двенадцатью такими же.

Все вокруг вызывало беспокойство, но Паровоз был не

настолько глуп, чтобы идти с инициативой к Ларкесу или даже Кевинахари (эмпатка буквально запала на нового начальника, казалось, ее целиком захватило желание разобраться в характере странного мага, тот воспринимал внимание со сдержанной гадливостью). Когда новый координатор затеял в инспекционную поездку по региону (нашел время!), Бер не выдержал и отправился к единственной живой душе, достаточно осведомленной, чтобы комментировать его подозрения.

Сатал наслаждался одиночеством — его дети были в школе, а жена отправилась с визитом к подругам. Паровоз не мог не признать, что общение с Шорохом изменило мага, правда, не в худшую сторону. Сатал стал раздумчивее, что ли, внимательней к мелочам — то, над чем Кевинахари билась два года, пришло к бывшему координатору буквально за несколько дней. Если не обращать внимания на то, что девять из десяти магов платили за знакомство с тварью безумием и ранней смертью, лучшего воспитателя трудно было бы пожелать.

— Я думал, вы уедите из города.

— Отпуск у меня, оплачиваемый, на полгода, — пояснил бывший начальник Бера, принимавший гостя в домашнем халате и мягких тапочках, — глупо не использовать. А моих парней два раза на один пряник не купишь.

Сатал был не против потрепаться о старой работе. Капитан сам заварил зеленый чай и принялся жаловаться на новое начальство. Вопреки его ожиданиям, маг критику конкурента не поддержал.

— Ты не понял, но это нормально. Забавно то, что даже Рона ничего не поняла.

— Не поняла что? — насупился Бер.

— Он следует плану. Это — особая стратегия!

Паровоз недоверчиво прищурился.

— Правда?

— О, да! — маг не упустил возможности похвалиться. — Я одну бумажку читал (тебе о ней знать не полагается), так вот там все по пунктам расписано. Это часть хитроумной ловушки.

— На книжных червей? — делано восхитился Бер. — У меня в конторе расход бумаги вдвое повысился, все сидят и пишут, пишут. Потом еще и действовать пытаются по написанному.

Сатал отрицательно покачал головой.

— Поверь мне, цель достойная! Ларкес — опытный охотник, ведет дичь аккуратно, без суеты. Смотри: я слишком высунулся и тут же оказался не у дел, хорошо еще живой остался. А его возвращение на пост все восприняли спокойно. Ну не глупость ли? Он знает в этом округе все ходы и выходы, а его никто не

воспринимает всерьез.

— Может, они в чем-то правы? — усомнился Паровоз.

— Нет-нет! Он просто никогда не объявляет заранее своих целей и никогда не делает того, что от него ждут. Более того, он приучил всех к своей непредсказуемости, ее никто не воспринимает как угрозу. Маленький, слабосильный маг со странностями вызывает пренебрежение, а то, что он умудрился выдрессировать персонал региональной службы (все двадцать тысяч человек) так, что может, не наводя справок, точно сказать, кто и чем занимается, это словно не всерьез.

Паровоз припомнил свои впечатления от руководства Ларкеса.

— Да, если рассматривать дело в такой плоскости…

— Вот именно. Его стиль допустим только в одном случае — если против «надзора» постоянно действует неизвестный внешний враг. Но так ведь все и обстоит на самом деле?

И тут Бера посетило озарение.

— Так он пытается поймать этих…?

Сатал важно кивнул.

— Все идет по плану!

— И Грокка тоже съели по плану?

— Практически — да. Ларкесу надо было сохранить имидж, а ситуация требовала решительных действий. Поэтому в критический момент совершили эту рокировку — его как бы пустили на повышение, а мной заткнули образовавшуюся брешь. А потом два года пытались придумать повод вернуть этого хирожопого козла обратно.

И бывший координатор довольно зафыркал.

Бер попытался разложить свои впечатления в новом порядке, почему-то у него была уверенность, что раньше таких тонкостей Сатал не знал.

— Это вам в министерстве рассказали?

— Почему сразу в министерстве? — немного обиделся маг. — Я сам сложил два и два, а потом припер Ларкеса, вот он и выложил мне свою папочку. Ишь ты, засланец!

Паровоз не стал выяснять, почему раньше Сатал не сделал того же самого. Мысль о том, что высшие чины разыгрывают в его городе сложную политическую комбинацию, приводила Бера в состояние, близкое к панике. Он отлично представлял себе, чем все может кончиться в случае неудачи, и не менее четко понимал, что его возражения приняты не будут.

— А если не получится? — вырвалось непроизвольно.

— Почему? — удивился Сатал. — Ты действительно веришь в их неуязвимость?

— Но до сих пор…

— Фигня! Сколько длится это «до сих пор»? Если они всегда позиционировали себя как радетели Света и Справедливости. Неистребимость секты объясняется, прежде всего, тем, что преследовать их оказывается сначала — не за что, а потом — некому. Сейчас они лишены этого преимущества. Борьба идет на равных!

Капитан задумался об исторических параллелях, о которых наверняка знал больше, чем Сатал (который был черным, а для мага — слишком молодым). Бер помнил время, когда название секты было овеяно древней тайной и не вызывало страх. Откровения таинственных Учителей воспринимались с интересом, а первые свидетельства о пострадавших — едва ли не с юмором (мол, умеют же люди найти неприятности). Каким образом правда о подноготной Искусников вырвалась наружу? Конечно, существовали старые маги (и черные, и белые) пережившие смуту и способные различить в секте знакомые черты, был массив магического знания, не канувший в небытие и не растащенный по углам всевозможными наставниками, в конце концов, оставалось наследие многократно оплеванной Инквизиции, несмотря на все свои недостатки сумевшей упорядочить проявления магии. Была ли подобная ситуация уникальной?

Бер вздохнул и попытался загнать беспокойство в дальний угол сознания.

— Что же мне теперь делать?

— То же, что и всегда. Если бы твоя информированность ему мешала, он взял бы с меня подписку о неразглашении. Ларкес, конечно, не эмпат, но прожил так долго, что поведение людей распознает, так сказать, феноменологически. Знаешь, как мышки дрессированные бегают — влево, вправо.

Паровоз поморщился. Потом поймал себя на мысли, что подлинного возраста Ларкеса не знает.

— И сколько же ему лет?

— Без понятия! Но он занимал какую-то должность еще при Инквизиции, а туда подбирали довольно, гм, своеобразный контингент. После того, как Святых Отцов разогнали, начал карьеру практически с нуля и неплохо продвинулся. Он упрямый, как бульдог, злопамятный, как Шорох, и притом чем-то неплохо мотивирован. У Искусников нет шансов!

Возвращаться в управление Бер не стал: дома мисс Окли заканчивала подготовку к приему гостей, которых в этот раз будет особенно много — на будущей неделе состоится их свадьба. Надо было помочь невесте со множеством важных дел, которыми

приличной девушке заниматься не к лицу, договориться с владельцем ближайшего кафе о банкете и завтраках, взять напрокат пару лишних кроватей и завезти их на снятую вчера квартиру (не в гостинице же родственникам жить!). Город обступал Бера, такой знакомый и в то же время — словно чужой. Гигантская арена противостояния Сил… Или сцена балагана, на которой возились карлики? Кем в реальности являлись для мира Искусники и преследовавший их маг: вершителями судеб или паяцами, слишком много возомнившими о себе? Будущее покажет.

Как это не вовремя… Или наоборот — своевременно? Жизнь не может остановиться, вне зависимости от причины, просто не может и — все. В крайнем случае, семью можно будет увезти в Краухард.

Глава 29

Знакомство с будущими хлопководами я свел и выяснил, что у мужиков серьезные проблемы с квалифицированным персоналом. Нет, наниматься на землечерпалку в мои планы не входило, а вот помочь с запуском паровой турбины (к которой местные не решались даже подступиться) — пожалуйста. Естественно, современный агрегат был снабжен черномагическими блокировками и управлением.

— Неужели они не понимают, какие перспективы сулит наше предприятие для этого захолустья? — плакался прораб мне (черному магу!). — Рост спроса на топливное масло, развитие дорог, энергетики, рабочие места на перерабатывающем производстве! И где, спрашивается, очередь из желающих заработать?

— Они бы рады, — хмыкал я, — а опыт откуда взять? Здесь в селах школы на три класса, и то не везде. Вы, парни, у них на опыты пойдете, как кролики!

В ответ понимающе захмыкали — в команде был белый маг-агроном с сильным комплексом на вредителей полей.

Пока все сводилось к тому, что перед наймом работников два месяца обучали профессии за свой счет. Причем, курсы приходилось организовывать с запасом — часть учеников сваливала на сторону.

Пока я оценивал перспективы своей занятости, эксперты мистера Брайена рыли землю, как оголодавшие хряки. Зима, заморозки на почве, холодный дождь идет через день, а эти маньяки тонны грунта не просеивают — протирают. У меня сердце ныло от одного взгляда на их занятие, я даже предложил им соорудить драгу (благо в шурфах уже набралось выше колена воды), но все почему-то решили, что я над ними издеваюсь. Ну, что взять с полицейских — люди без фантазии!

О том, что в деле произошел прорыв, я узнал в двенадцатом часу ночи, по факту — Брайен примчался ко мне домой и принялся барабанить в дверь (как его зомби не съел, понять не могу).

— Мастер Тангор, мастер Тангор, вы здесь?

— Угу…

А где еще я могу быть в такое время?

— Не могли бы вы провести еще один ритуал? У нас все готово, только вас ждем.

С меня от такой заявы весь сон слетел.

— Да ты офигел совсем, шеф! Я уже спать собрался.

Между прочим, даже пижаму надел. Но Брайен проявлял настойчивость.

— Вы, вроде, говорили, что ночь — лучшее время для ритуала…

— Да, но это будет следующая ночь!

— Я не хотел этого говорить… — вздохнул Брайен. — К нам на днях приедет уполномоченный из центрального офиса. Начальству не нравится, что я поднял шум, а справиться с ситуацией не могу.

И местную команду разгонят, не взирая на лица. Если я хочу принимать участие в деле, это надо делать прямо сейчас.

— Ну, и чего тогда сидим, кого ждем? К крыльцу машину подгоняй! Мне еще вымокнуть не хватало.

Каждому отделу НЗАМИПС полагается иметь специальное помещение для проведения опасных ритуалов, в Суэссоне его роль исполнял сарай на отшибе. Обстановка внутри была вполне медитативная — темно, дождь шуршит по крыше, помощники шефа расставили по углам жаровни с углями и теперь в воздухе висит тонкий аромат горящего дерева. Меня ждала готовая защитная пентаграмма — я ее даже не стирал, все равно никто кроме меня помещением не пользуется. Слева от двери — вешалка, справа — металлический столик с объектом нашего интереса.

На фарфоровом поддоне лежал обломок челюсти, рассеченный наискось. Знакомое повреждение (все исследованные останки выглядели так), но на этот раз кость принадлежала взрослому человеку и выглядела она намного более старой — вся такая губчатая, рассыпающаяся на сломе. Я не чувствовал в ней следов магии (по крайней мере — черной) и подвоха не ожидал.

— Приступим!

Брайен стал нервничать, когда вместо обычных двух часов моя медитация продлилась пять. Профильных специалистов в округе Суэссон не было, а вызванный целитель постановил, что вмешается, только если обезвоживание организма достигнет опасных пределов (так вот черные маги и погибают). В общей сложности ритуал занял восемь часов.

Выпроставшись из водоворота Сил и видений, я долго не мог понять, зачем все так суетятся вокруг и пытаются совать мне в руки чашку. Вмешался целитель — силой влил в меня какую-то лечебную бурду, от которой все мысли мгновенно стали дыбом.

— Вы что, убить меня решили?!!

— Уже лучше, — хмыкнул этот садист и удалился.

Предки оборони меня заболеть — попадешь к таким, сам не

будешь рад, что выжил.

— Вы как? — рядом присел мистер Брайен.

— Жить буду, — только теперь я стал понимать, что произошло нечто неординарное. Древняя кость вкрадчиво желтела на фарфоре. — Вот что, свяжитесь с координатором Ларкесом (именно с ним!) и передайте, что в Суэссоне найдены останки времен «шестой партии». Именно так, понятно? Есть подозрение на некромантический ритуал. Пусть реагирует!

Почему некромантические? А для чего еще, нафиг, может потребоваться такая древность?! И плевать, что следов черной магии нет.

Я велел передать Квайферу, что заболел, и отправился домой, приводить мозги в порядок. Обладатель кости (имя которого осталось мне неизвестным) умер не в блаженном наркотическом забытьи, его смерти предшествовала долгая агония, прятки в бесконечных подземельях и горы трупов, медленно разлагающиеся в темноте. Возможно, он был черным, так как ему удавалось избегать ловушек раз за разом, но Источник так и не заговорил с ним.

«Периметр протекает в трех местах».

Тени прошлого заглядывали мне через плечо. Возможно, я слишком глубоко погрузился в память покойного или слишком близко принял ее к сердцу, словно это на моих глазах ярко освещенные и обжитые штольни древнего рудника превращались в подземный ад. Подъемная клеть застряла наверху (должно быть, находящиеся в ней умерли в дороге), телефоны не отвечали, люди, отлучавшиеся по нужде, перестали возвращаться. Кажется, там были минимум один гуль, и еще какая-то тварь, какие на поверхности просто не встречаются (открытие просто, кому бы еще о нем рассказать). А под конец свет в коридорах начал просто иссякать, не гаснуть, не тускнеть, а блекнуть, словно его кто-то пил. Хищный невидимка? Вообще-то, это сорт черномагической ловушки, а не потусторонний гость.

Я ловил себя на том, что хочу знать, что это все-таки было и почему произошло, но желание еще не настолько велико, чтобы занести этот вопрос в книжку. И потом, гораздо актуальнее отловить душегубцев, использовавших старую кость с какой-то непонятной целью (в том, что она и убийства связаны, у меня сомнений не оставалось — покойник не сумел выбраться на поверхность, его останки должны были туда принести).

Вот только как избавиться от этих пятен, мельтешащих на границе зрения, и от потребности увидеть лица людей, которых не существует много тысяч лет?

Мне нужно было время, чтобы отличить видения от

реальности, естественно, никто мне его давать не собирался. Я отдыхал только остаток дня, на следующее утро ко мне заявился посыльный от Брайена — в Суэссон прибыл обещанный уполномоченный.

— А я тут причем?

Мне казалось, что проверять собираются деятельность шефа.

— Они хотят опросить всех экспертов, принимавших участие в дознании.

— Хорошо, вписывай!

Для учета моего пребывания на работе была заведена специальная ведомость, куда Брайен заносил время начала и окончания работ. Я считал, что время разъездов тоже должно идти в зачет — это же чистая командировка!

Опрашивать экспертов, почему-то, решили в чистом поле — прямо на месте последней находки (между прочим, я вообще там ни разу не работал). Провожатый высадил меня в грязь. Вокруг шурфов толкалось до фига незнакомого народа, мелькали мундиры «чистильщиков» (если я с ними не общался, это не значит, что их здесь нет), шлемы жандармов и цивильные костюмы экспертов, заправленные прямо в каучуковые сапоги. Мистер Брайен опекал забавную парочку — высокого светловолосого мужчину с орлиным профилем и костлявого черного с удивительно невыразительным лицом (хотя дебилов среди инициированных не бывает). Естественно, последний вызвал мой интерес — боевой маг при амулетах, постоянно теребящий Источник. «Чистильщикам» он тоже не нравился — они бродили вокруг с мрачными физиономиями, прислушиваясь к разговору и норовя зайти со спины.

Мой провожатый указал на светловолосого.

— Мистер Гийом рядом с шефом, вам к нему.

Я кивнул и привычным проклятьем стряхнул грязь со штанов и ботинок. И все черные маги немедленно уставились на меня. Глаза сломаете!

Светловолосый оборвал разговор с Брайеном на середине фразы и стал ждать моего приближения. Я подошел. Мистер Брайен быстрой скороговоркой представил нас друг другу (шеф был явно не в своей тарелке — приезжий на него давил).

— Это вы проводили ритуалы анимации?

— Да.

— В том числе — последний?

— Да, — и настроение после него у меня было гадское.

— Когда будет готов отчет?

— Завтра, — а если он попробует меня торопить, я обложу его матом.

— Во сколько вы оцениваете возраст последней жертвы?

Я тупо уставился на чиновника. Только теперь до меня дошло, что этот настырный тип — белый и, скорее всего, маг.

— Какой возраст жертвы, дядя? Этим костям тридцать тысяч лет, а может, и все сто.

Можно подумать, он еще и это убийство собрался расследовать!

— Откуда такие сведения? — прищурился маг.

— Есть верный признак.

— Мы уже сообщили о подозрениях мистера Тангора руководству, — вмешался мистер Брайен.

Светловолосый заметно поморщился.

— Хорошо. Не уходите далеко, к вам могут быть вопросы!

Всегда — пожалуйста. Народ продолжал месить грязь вокруг раскопок, а я полез туда, где посуше и почище — дальше по склону холма. Сюда вынутую из прудов землю еще не завезли, и местность выглядела так, как и везде в Суэссоне — обглоданные эрозией холмы, камни, еще раз камни, немного лишайников и редкие кустики степных трав.

Самое большое везение заключалось в том, что день выдался солнечный. Легкий ветерок отчетливо пах весной, взрытая стараниями криминалистов земля весело поблескивали лужами, умытые дождем камни красовались разводами минералов, так и притягивающими взгляд.

Со стороны топчущиеся внизу люди выглядели забавно. Мистер Гийом уверенно превращал «опрос экспертов» в сольное выступление (не для того ли собрались?), и, если обычные люди воспринимали подобное с фатализмом (уполномоченный, однако), то черные инстинктивно сопротивлялись — бродили вокруг неорганизованной толпой, ни на секунду не останавливаясь. «Чистильщики» так вообще не видели причин прислушиваться к заезжему умнику, разве что уйти, как я, не решались.

Да, не так-то это просто, завоевать авторитет в коллективе!

У меня не было опыта общения с белыми, которых тянет командовать. Знаю, есть такой феномен, мне не вполне понятный. Выверт психики: старшинство им, вроде бы, ни к чему, но при том они одержимы желанием устроить все наилучшим образом — чтобы законы были самыми разумными, кресла — самыми удобными, а тюрьмы — самыми гуманными. Наверное, это происходило от воспаленного чувства ответственности или у них детство трудное было. На мой взгляд, от Искусников их отличала только степень уверенности в своей правоте.

Через полчаса все подхватились и начали паковаться в

разномастный транспорт — мистеру Гийому пришло в голову осмотреть место захоронения. Эх, надо было брать свой мотоцикл — сейчас бы развернулся и под шумок утек. Нет, жаба задушила — масла пожалел!

Я подсел в грузовичок к экспертам. Мужики оказались с предрассудками и черного мага постарались игнорировать, но между собой ругались так энергично, что мне даже вопросов задавать не пришлось. Мистер Гийом раскритиковал их методы и подверг сомнению сделанные заключения, теперь они вываливали друг на друга то, что нужно было сказать ему. Пожалуй, я оказался единственным опрошенным, кого уполномоченный не смог (или не рискнул) поставить раком. Его счастье! Мне было, что ему сказать, и пусть меня потом за это уволят.

Восемь маленьких могил находились на берегу рукотворного озера, там, где работа землечерпалки нарушила устойчивость грунта, и часть склона осела, обнажив первый скелет. Прошел почти год, ямы успели зарасти густым бурьяном, в котором совершенно терялись выцветшие желтые флажки, обозначавшие место преступления. Невысокие волны настойчиво лизали берег, словно задавшись целью уничтожить всякие следы злодейства.

Уполномоченный собирал вокруг себя послушное стадо, а я хмыкнул и пошел гулять — любоваться издали на гигантский террикон и оценивать масштабы деятельности земледельцев (мне вдруг пришло в голову, что свою башню маг может построить не только на холме, но и, скажем, посреди озера). Местность сильно фонила черной магией — вокруг были понатыканы отвращающие знаки, периметры, а следящие амулеты просто прибивали костылями к камням. Понятно, почему преступники выбрали для своих целей Ундегар — печати на жерлах древних шахт перебивали эхо любого ритуала, а люди таких мест стараются инстинктивно избегать.

Через минуту за спиной раздалось сопение — меня нагонял один из помощников Брайена.

— Мистер Гийом вас зовет.

— Зачем?

— Не знаю.

— А ты пойди и спроси.

Моя вредная черная натура просто жаждала отыграться за испорченный день хоть на ком-нибудь. Пару минут я любовался видами, а потом ко мне забрался этот спутник Гийома (то ли — телохранитель, то ли — силовая поддержка). Ну, с ним-то будет проще!

— Пойдем! — решительно скомандовал он.

— А то — что? — поставил я вопрос ребром.

Тощий многозначительно потеребил один из амулетов. Я широко улыбнулся. Он просто не понял, на кого попер! Сейчас я ему эти амулеты так заверну, что он еще и виноват окажется.

Источник с готовностью отозвался на возможность конфликта, отточенные некромантией чувства затрепетали. Костлявый немного побледнел (должно быть, начал осознавать масштабы своих проблем), но не попятился. Тем лучше!

И тут я понял, что могу устроить раскардаш, вообще не прибегая к Силе.

— А действительно, пойдем-ка! — ухмыльнулся я и устремился вниз чуть ли не с прыжками.

Моей целью были здешние «чистильщики» — трое мрачных, взвинченных до предела боевых магов, вполне созревших для того, чтобы бить морды невзирая на лица.

— Что же это вы, уважаемые, филоните на казенных-то харчах? Перед приезжим господином не стыдно?! — старший в троице нахмурился, стараясь уловить суть претензий, тоненько запели пробуждающиеся Источники. — Там, наверху, целая шахта без единой Печати стоит!!! — Я патетически всплеснул руками. — А внутри, небось, гулей до жопы!

Гули не гули, но какая-то нежить там, определенно, сидела — мне словно наждаком по нервам прошлись. Старший «чистильщик» дернулся, обуреваемый противоречивыми желаниями — бить нахала или исполнять долг.

— Чего?

— Нежити там, много и близко!

И тут «чистильщик» осознал, что занудное мероприятие можно сворачивать.

— За мной!!! — взревел он и рванул на гору, как борзый конь. От падения в устье штольни его спасла только исключительно развитая у магов интуиция. До всей честной компании донеслась цветистая народная речь, которая в Суэссоне звучала ничуть не хуже, чем в Краухаде. Мужик посылал того умника, что пробил в шахту свежую дудку, минуя все наложенные Печати, таким сложным и многоступенчатым маршрутом, какой я, признаюсь, проложить бы не сумел. Вот что значит опыт и практика!

Все словно очнулись и забегали, со стороны казалось, что появление нежити для сотрудников НЗАМИПС — праздник. Господин уполномоченный как-то незаметно распрощался со всеми и уехал. Ха!

— Давайте, я отвезу вас домой, — предложил мистер Брайен.

Это — дело, а то ведь так все и разъедутся, меня здесь бросят.

— Ну, что, уел я вас?

— Да не особо, — мистер Брайен был не в том настроении, чтобы потакать моему самолюбию, — мистер Гийом как раз говорил о том, что местность надо прочесать и тщательно проверить в магическом плане.

Меня даже покоробило. Что же получается, я не отличился, и этот заезжий хмырь вполне способен был сделать все сам? Так, глядишь, он и дело без меня раскроет. Черная натура ревниво встрепенулась. Надо поднажать, пнуть Брайена и самому собраться, никакой белый, пусть он хоть сто раз уполномоченный, не посмеет учить меня жить!

— А что эксперты про последнюю кость говорят?

— Ничего. Они только вчера объект получили, сейчас тоже отчет пишут.

То есть, он сунул находку сначала мне, а уже потом — им. Трогательное доверие.

— Заедем, спросим?

Шеф не стал возражать, наверное, он и сам об этом думал непрерывно, и вместо фермы мы поехали в Верхний Вал, к офису «надзора». Во дворе уже стоял автомобиль мистера Гийома.

— Упрет он твои улики, — хмыкнул я.

Брайен вылетел с сиденья словно чариком поцелованный.

Как и предполагалось, господин уполномоченный попытался замылить нашу кость, а заодно и отчет экспертов (не хочет славой делиться, песий сын!), шефу удалось настоять лишь на том, чтобы ему сняли с отчета копию (за подписью самого Гийома). Я сумел ознакомиться с текстом, воспользовавшись тем, что Брайен не может оторвать руки от руля (хвала местным дорогам!). По всему выходило, что материальных следов воздействия на кости нет (то ест, разрубили ее еще при жизни покойного), а вот отпечатки магии (причем, свежие отпечатки) имеются, естественно, магии белой. Эксперты отмечали сходство с предыдущими образцами, как ауры, так и структуры заклинания. Как жаль, что с белых магов не пишут кристаллы!

Я добился от шефа обещания держать меня в курсе дел, тот поклялся и словно сгинул, вероятно, ему совсем не улыбалось вдобавок к недовольному начальству возиться еще и с любопытным черным. Неделя прошла без единой весточки, но мир не без добрых людей — о том, что господин уполномоченный устраивает пресс-конференцию, мне и без Брайена шепнули. Я приперся на мероприятие, не выясняя, приглашали меня или нет.

То помещение, которое в суэссонском офисе НЗАМИПС гордо называли конференц-залом, могло вместить максимум двадцать человек, на этом основании приглашены были только шесть журналистов, а широкой общественности вообще ничего сказано

не было. Меня тоже пытались завернуть, но я показал свое вечно временное удостоверение сотрудника НЗАМИПС. Меня все равно пытались завернуть, тогда я продемонстрировал маленькую (всего четыре сантиметра) карманную молнию. Здешние полицейские не настолько уверены в себе, чтобы качать права перед боевым магом.

Все оказалось просто до идиотизма — виновными в смерти восьмерых детей были объявлены Искусники. Мистер Гийом заявил это твердо и был настолько уверен в себе, что у газетчиков, полагаю, сомнений не возникло (а может, он им магией помог). Сектанты, якобы, пытались достать из шахты какие-то археологические редкости, для чего использовали кровь невинных жертв, теперь охрана Ундегара будет усилена, и повторения кошмара можно не опасаться. Шеф Брайен к произнесенному ни слова не добавил, он попросту молчал, и я мог его понять. Во-первых, Искусники не склонны искать новое знание — они и так уверены, что знают все лучше всех, во-вторых, это никак не объясняло магических манипуляций над трупами, в третьих — ни на йоту ни приближало поимку убийц. Но ведь никто не станет удивляться, что полиции не удалось поймать Искусников, верно? Если только они вообще тут были.

Однако то, что дело крутилось вокруг археологических находок, заметил даже Гийом. Почему мне это так знакомо? Ах, да, повешенный! Археолог-любитель, приезжавший сюда много лет и покончивший с собой как раз тогда, когда были найдены детские останки. Вот кого полиция точно не допрашивала…

Когда пресс-конференция была объявлена завершенной, а пара журналистов принялась домогаться от ее устроителя каких-то дополнительных комментариев, я подгреб к мистеру Брайену.

— Один вопрос: вас устраивает то, что здесь сказано?

Он скривился.

— Нет!

— Тогда подъезжайте ко мне вечерком, пообщаемся.

Со мной, а заодно и с покойным археологом. Я не сомневался, что шеф даст мне разрешение на еще один ритуал. Даже если тело вывезено или кремировано, стены дома, принявшего смерть, вполне способны стать материалом для магического слепка, пусть и не слишком четкого. Времени-то прошло всего ничего!

В ожидании мистера Брайена я проверил свою коллекцию мелков и свечек, и даже чай заварил (после небольшой практики он стал получаться у меня ничуть не хуже, чем у Кевинахари). Проверив весь дом, убедился, что ритуалу ничего не помешает, и даже нашел то место, где висел покойник. Уже в сумерках

раздался шум подъезжающего автомобиля.

И время подходящее.

В качестве неприятного сюрприза, шеф привел с собой Гийома. Вот только чье это было решение? Все-таки недаром Паровоз постоянно таскает на себе столько амулетов — когда работаешь с магами, можно ожидать любой гадости. Естественно вместе с Гийомом прибыл его неизменный спутник, точнее — вперся, не спросив дозволения, что у черных, вообще-то, не принято (думает, что авторитет начальства его защитит?). Ну, раз так, ты у меня как мебель будешь! Я поставил на стол три чашки и пригласил всех пить чай.

Разговор получился странный. Не подвергая сомнению версию об Искусниках, я намекал на возможность определения конкретных виновных. Никакого нарушения закона не требовалось — шеф вполне мог отправить дело о самоубийстве на доследование, а случаи, когда суд принимает свидетельства покойников, встречаются сплошь и рядом. Мистер Брайен невнятно мекал, а его спутники смотрели холодно и недовольно.

— Я проверял — посмертный отпечаток ауры очень четкий. За пару часов я выужу воспоминания двух последних его дней поминутно, либо все на ключевое слово «Ундегар». Мы будем точно знать, замешан ли он в деле.

Уполномоченный неприязненно поморщился.

— И почему вы этого еще не сделали?

— Я занимаюсь некромантией только после получения письменного именного разрешения от «надзора».

Но мистер Брайен в ответ бормотал что-то вроде «э-э» и ли «вэ-э», словно идиот, а белый маг уверенно брал ситуацию в свои руки.

— Никакого ритуала не будет! — твердо заявил мистер Гийом. — Этот колдун слишком много себе позволяет.

Я оценил кривую улыбку костлявого, подумал и окатил Брайена содержимым стоявшей на столе солонки. Обалдевший шеф вскочил и принялся отряхиваться, еще сильнее забивая в складки одежды белый порошок. Нет, против сильного заклинания это не эффективно, но его и инструментальный контроль не проворонит — там после всего происшедшего люди на ушах стоят.

— Вы только глаза не трите, — посоветовал я мистеру Брайену. — Соль!

Я замечал, что она даже на работу эмпатов влияет.

— Что ты себе позволяешь, мерзавец?! — возмущению уполномоченного не было предела.

Кажется, до шефа начала доходить странность ситуации, а до

меня — глубина проблемы: в моем доме находился агрессивно настроенный белый маг с черномагической поддержкой. Сколько и каких амулетов прихватил костлявый на этот раз, одному Шороху известно, но опыт первого нашего столкновения он должен был учесть. Что останется от дома-улики после такой крутой разборки?

А главное, зачем это Гийому?

У меня было множество возможностей, чтобы понять: все люди мыслят одинаково, вне зависимости от наличия Источника. Это желания и реакции могут отличаться, а логика — она логика и есть. В какой ситуации должен был бы оказаться я, чтобы делать то же, что и он?

Примчаться, едва только следствие сдвинулось с мертвой точки (он должен был начать действовать, как только детей удалось опознать), и тут же начать громить результаты чужой работы (со слуха, даже не прочитав заключений). Гонять всех неделю до одури, а потом выдвинуть банальное объяснение, позволяющее закрыть дело вглухую. Настаивать на своем, не останавливаясь перед применением магии, а попытку сдвинуть дело с мертвой точки отчаянно давить. Какой вывод?

Стоило ли удивляться, что он предлагал устроить прочесывание именно там, где было, что искать!

Я изобразил на лице гнусную ухмылку.

— Откуда такой снобизм к собрату по ремеслу?

Гийом сильно вздрогнул. Бинго! Белые просто не умеют держать себя в руках, натуру не переделаешь. Я начал вдохновенно импровизировать.

— Вы ведь не понаслышке знаете, что такое некромантия. Для того чтобы пробудить эхо личности, подходит любой Источник, и белый, и черный. Вопрос в контроле! Вы не способны принять в себя чужой разум и уцелеть, вам нужно промежуточное звено, медиум. Дети! Увечные, несформировавшиеся личности, неспособные отторгнуть того парня, что умер в руднике. Так? Это вы их всех убили.

У Брайена челюсть отпала, костлявый маг вцепился в амулеты и прикоснулся к Источнику, а вот я медлил. Во-первых, был уверен, что отражу любую атаку с места — опыт был, во-вторых, хотел дать Гийому возможность выговориться. В корыстных интересах — получить с Шороха желание. Тупой монстр только теперь сообразил, что произошло что-то мерзкое, а он — не в зуб ногой, ни в ухо рылом (отвращающие знаки ему, видите ли, помешали). Да, это тебе не скромных некромантов доставать!

— А вам не все равно? Зачем так настойчиво набиваться на

неприятности с руководством службы? Забудьте все, что только что сказали. И мистер Брайен забудет, обещаю. К сожалению, этот дом придется сжечь.

— Причем тут руководство?

— Потому что я тоже не занимаюсь ЭТИМ без письменного именного разрешения.

Брайен смотрел на нас как зачарованный, должно быть, его взгляды на жизнь подвергались серьезной переоценке.

— Нафига? Чем вас классический-то вариант не устраивал?

За три-четыре сеанса я вытянул бы из этой кости все возможное и невозможное, даже в одиночку — им ведь нужны были знания, а не личность. Лицо уполномоченного приобрело холодное и надменное выражения.

— Мы решаем проблему исчезновения цивилизаций. Как можно доверять черным в таком серьезном вопросе? Нонсенс! Десять жизней — ничтожная плата за открытие истины.

То есть, два трупа все еще не нашли.

И тут я понял, что где-то и как-то мистер Гийом перешагнул черту, отделявшую его от Искусников, реальное положение дел перестало его волновать, а в какую фигню верит сектант — окружающим без разницы. Это было даже забавно: столько раз слышать, как из черных в белые, и вдруг увидеть, как из белых — в черные.

— Ну, если мы получим подтверждение сказанного вами от НАШЕГО руководства, то никаких проблем, — в конце концов, кто я такой, чтобы перевоспитывать начальников? — Естественно, вы поможете нам с поиском и опознанием оставшихся тел — дети должны быть похоронены нормально.

На слове «дети» его перекосило. Наверное, его белая натура так же рвалась наружу, как временами — моя черная, вот только договориться с ней у него не получалось.

— Молчать!!! Или Рек займется вами немедленно! И не делайте вид, что вас волнуют чьи-то кости. Забирайте свои вещи и выметайтесь отсюда, не то сгорите вместе с домом!

На последней фразе костлявый Рек улыбнулся как-то особенно мерзостно.

Я из собственного дома уходить не спешил.

Достопочтенный мэтр Гийом серьезно заблуждался. Во-первых, на его боевика мне было сто раз чихать — я не был одним из тех современных некромантов, которых от слова «чистильщик» бросает в дрожь, в случае чего, этой парочке не помогли бы все их амулеты — школа Сатала даром не проходит. Во-вторых, мне было не все равно, а значит, у Гийома намечались проблемы.

Впрочем, не только правительственные эмиссары могут

убивать безнаказанно, правильно? Я припомнил результаты обследования своего дома, отвернулся от этих уродов и полез за шкаф (удара в спину можно было не опасаться — они же не маньяки, чтобы дать мне повод для самообороны). Под потолком комнаты проходил лепной бордюр из цветочков и листочков, и как раз в углу он скрывал под собой Печать защитного периметра — в такой глуши нет коллективной защиты, охранку ставят на каждое строение в отдельности. Что значит для мага такой квалификации, как моя, поломать одно хилое проклятье?

— Можно поинтересоваться, что вы делаете? — Гийом снова был совершенно спокоен.

— А это, как бы, божий суд. Сейчас ночь, защитного периметра на этом здании больше не существует, и любая тварь может войти сюда. Если вам удастся унести ноги — так и быть, уходите.

Гийом прищурился.

— Вы же, вроде, на мага учились? Вы представляете вероятность появления прямо здесь и сейчас сколько-нибудь сильной твари?

— Зато я знаю одну тварь с высокими моральными принципами! И она исключительно мобильна.

Фактически, всегда находится там, где я, если не натурой, то ментально. Шорох как раз кончил обследовать помещение, убедился, что ловушек на него не поставлено и начал стремительно проявляться в реальности.

Пространство вскипело водоворотом черных листьев, от близости потустороннего даже мне стало не по себе, но я стоически терпел (раз уж положился на этого урода, ничего не поделаешь). Интересно, он только напугает их до помрачения или все-таки съест?

«Съем!» — выдал Шорох сердитый образ, и в комнате сильно запахло аммиаком.

Я запоздало вспомнил про бурую слизь — теперь же половицы не отчистить, только менять. Во дворе басовито брехнул зомби. Если подумать, то я с самого начала имел над Гийомом неоспоримое преимущество, мне просто с законом связываться не хотелось, а с Шороха — что возьмешь. Когда бесконечный шелест схлынул, в комнате остались я, две пузырящиеся кучи с вкраплениями костей и мистер Брайен.

— Ты как?

— Мне надо выйти! — шеф «надзора» судорожно стиснул ноги и рванул на улицу.

М-да, это он еще хорошо контролирует себя, а то было бы у меня три кучи дерьма на полу. Хотя, одной — больше, одной —

меньше… Я открыл окна, закрыл дверь и пошел на кухню, заваривать для Брайена что-нибудь успокаивающее — в таком состоянии он никуда не уйдет и не уедет.

— Какая сволочь, подумать только, какая сволочь! — бормотал шеф, глотая травяной чай.

Скорее всего, это он не про Шороха.

— А кто нынче хорош? — цинично пожал плечами я.

— Но ведь вы…

— Вот именно, я. Подвел этих двоих под тварь, совершенно точно зная, чем все кончится. Потому что второй раз такой возможности не представилось бы — он навешал бы всем эту лапшу про государственную необходимость и слинял бы.

— Может, действительно… — у Брайена зашевелилось сомнение.

— Фигня! Черный Круг дает полный доступ к личности покойного, заклинатель получает исчерпывающее описание чужой жизни (я знаю, я в этом участвовал). Но организовать ритуал они решили только после того, как убили десятерых детей и ничего не выяснили. Не спорь, я по датам вижу, что так и было. Черным они, видите ли, не верят, а убийцам маленьких девочек — пожалуйста!

Это было обиднее всего. Я за свою жизнь практически никого не убил (по крайней мере — сознательно), а эти типы спланировали настоящую бойню и — ничего! Более того, наше драгоценное правительство (набить бы его коллективную рожу) все это санкционировало. Обучить некроманта, видите ли, было не комильфо, а детишек потрошить — запросто.

Ладно, Шорох с ними, с покойниками. Как бы самому теперь под раздачу не попасть…

— Что же теперь делать? — медленно возвращался к реальности шеф.

— А что такого? За Шороха мы не в ответе. А что до отвращающих знаков, то я периметр новый сделать хотел, по границам поместья. Как раз все Печати разместил, осталось здесь погасить, а там — инициировать, сегодня и хотел этим заняться. Вот и погасил.

— Разве так делают?

— А как делают? Создание периметра в периметре на порядок усложняет ритуал, у кого хочешь спроси!

— И Печати точно есть?

— Хочешь — покажу?

— Не надо, я же как раз и приехал затем, чтобы проконтролировать. На то, что они здесь появятся, мы никак не рассчитывали.

— Тем более что один из них был черным, — поддержал я намечающийся заговор.

Мистер Брайен серьезно кивнул.

— Какая нелепая случайность! Такое может произойти и с лучшими из нас.

— Аминь!

Шеф недрогнувшей рукой поставил чашку на стол и поехал вызывать труповозку. Бригада из НЗАМИПС приехала только утром, естественно, от пола в гостиной к тому времени осталось одно воспоминание.

Денег на замену половиц мне никто не предложил.

Глава 30

Вторая реинкарнация Биокина состоялась.

Признаюсь, до встречи с Гийомом я колебался — не хотелось оказаться персонажем книжки про безумного алхимика, решившего осчастливить человечество конструкцией из медных котелков и пропеллеров, собранной в дровяном сарае. Но, если уж белый маг сумел овладеть некромантией, то черному решить проблемы дурацких бактерий — раз плюнуть. Ради великого дела пришлось купить дом удавленника целиком, благо запросили за него сущие гроши — после трех смертей там согласился бы жить только сумасшедший (ну, или черный маг).

Кстати, половицы в гостиной я менял сам, в смысле — с молотком в руках, плотники к ним даже прикасаться не хотели, хорошо, хоть материал согласились привезти. Интересно, что скажет Йохан, когда узнает о причинах ремонта?

Вместе с моими компаньонами по новому проекту в Суэссон прикатил Четвертушка.

— Ты-то чего сюда приперся? Ты же, вроде, автомобилями заняться хотел.

Вид здешних грузовиков способен был вызвать у приличного алхимика инфаркт.

— Не пошло, — дернул плечом Рон и понизил голос, — ты только никому не говори, хорошо? Помнишь, я с родичами поругался?

— Ну и?

— Мне друзья недавно шепнули, что мамаша хочет меня умалишенным объявить.

Я оглядел Четвертушку на предмет признаков безумия (волосы причесаны, слюни не текут, взгляд — умеренно нахальный).

— Да ну, ерунда какая! Ты дядьке своему сказал?

— Сказал. Он посоветовал мне исчезнуть на время. У моей маман специфические знакомства среди целителей, так что, может и получиться. Потом всю жизнь буду доказывать, что не псих.

— М-да, — оказывается, мои родственники — еще не самый худший вариант. — Но место ты все равно выбрал неудачное.

— Боишься конкуренции? — прищурился Рон.

— Ни разу! У меня тут уже репутация, клиенты.

— Ну-ну. За патент не беспокойся — я все сделал. Кстати, камуфляжем военные интересуются.

С приездом новых обитателей, большой дом сразу стал

шумным и тесным. Первые три дня путешественники просто приходили в себя и делились со мной (!) впечатлениями от поездки. Я им что, эмпат-исповедник? Четвертушка прикалывался над обилием пересадок (к слову, мне пришлось делать на одну больше), Полак возмущался отсутствием сервиса (он просто никогда не возил в багаже мотоцикл). Что до Йохана, то его повергли в шок сложные перемещения, я даже не уверен, что при необходимости он смог бы найти дорогу назад. Белый притащил с собой кучу бидонов и аквариумов и до сих пор не осознавал своего счастья — ничто не потырили и не разбили.

А по вечерам Полак слушал музыку на моем граммофоне.

Вот когда я пожалел, что затянул с доставкой оборудования! Отправил бы всех в сарай, трудиться во благо, и дело с концом. Одна опись и распаковка такого количества барахла заняла бы неделю! Но деньги снова приходилось экономить и отказаться от халявы я не смог (тут сказалось мое знакомство с хлопководами — они заказали для себя целый состав, и у них оставалось свободное место), за что расплачивался теперь собственной кровью. Ничего, еще пара дней, все займутся делом и отцепятся, наконец, от меня.

Шли дни, новый проект набирал обороты, да и география моих поездок по Суэссону сильно расширилась. За хлопотами причина замены половиц в гостиной как-то забылась. В Редстоне я успел привыкнуть к тому, что мои начальники не ограничены в проявлении власти и, при необходимости, способны списать все. Это было ошибкой.

Возвращение к реальности было жестким — ко мне приехал Лемар (помощник Брайена, замещавший отсутствующего шефа) и притащил с собой старшего «чистильщика» с полным набором боевых амулетов.

— Полковник Райк хочет с вами поговорить! — прочирикал подлый тип и бодро ускакал к своему автомобилю, очевидно, не желая присутствовать при разговоре боевых магов.

Я пытался осознать серьезность своих новых проблем (черные просто так друг к другу в гости не ходят).

— Зайдем в дом? — предложил полковник.

Держался он как-то слишком спокойно (это мне не нравилось) и взгляд для «чистильщика» у него был слишком умный (не к добру). Я сразу провел его в гостиную (чего кота за хвост тянуть?), взгляд, вскользь брошенный туда, где еще виднелось пятно от отсутствующего шкафа, сказал мне о причине визита все — Брайен раскололся. А мне казалось, что шеф умеет держать язык за зубами! Впрочем, общение с Шорохом меняет человека (по себе знаю), а тут еще карантин… Осталось понять,

почему Райк не привел с собой группу захвата.

— Знаете новости? — равнодушным тоном поинтересовался незваный гость.

Руки полковник держал за спиной, и хвататься за Источник, вроде бы, не спешил.

— Какие?

— Большие боссы хотят устроить в нашем округе охоту на Искусников, тех самых, о которых ваш покойный друг успел доложить прессе.

Меня передернуло. Про «друга» он, конечно, издевается, но ведь и не прикопаешься ни к чему!

— Ну, и?

— И мне не нужна под боком банда придурков, пытающихся найти кошку там, где ее нет.

— А я тут причем?

— Притом, что первым делом я отправлю запрос о причинах вашего иммунитета к Шороху и особенностях поведения этой твари.

Он мог не продолжать. Первым Искусником, которого найдет озверевшая от отсутствия улик команда, буду я, и плевали они на особенности Источника. Пауза затягивалась.

— Это была самооборона!

— Раньше за такую «самооборону» на костре жгли, — жестко оборвал Райк, — считалось, что черный маг, вкусивший крови, не способен остановиться.

Учитывая особенности нашей натуры, такой подход имел под собой основания. Но не сейчас, не со мной! Я пальцем бы не тронул этого придурка, если бы он не покусился на мой дом (МОЙ дом!). Неужели, все-таки, Каштадар? Бегать по Краухарду с обвинением в убийстве — дело дохлое, у нас маньяков не любят.

— Короче, — продолжил Райк, не дождавшись возражений, — Брайен видит только один выход — заставить покровителей Гийома замять это дело. Ваши с Ганом показания тут не помогут: ты — заинтересованное лицо, он — временно недееспособный. Аура в конференц-зале совпадает с отпечатком на костях, но этого мало, нужны материальные улики. И ты поможешь их добыть.

— Как это?

— С твоих слов, трупов должно быть десять. Есть мнение, что два ритуала они провели прямо в шахте.

В шахте. На месте гибели сотен людей, в абсолютной темноте, которая не рассеивалась тысячелетиями. В аду.

— Я туда не полезу!

— Полезешь, — усмехнулся «чистильщик», — ту челюсть

Гийом куда-то заныкал, подтвердить твой отчет некому. Ты поможешь нам найти место, где лежал труп.

Я мгновенно понял ход его мысли и возмутился.

— Это был не Магический Круг, а частичный ритуал анимации! Ориентироваться под землей я не смогу, все, что у меня есть — визуальные образы последних дней. Картинки!

— Место смерти узнать сможешь? — прищурился Райк.

Я сосредоточился, копаясь в обрывках чужой памяти. Где же это было? Какая-то боковая выработка, в которой изнывающий от жажды и недосыпания человек наскочил на стремительно созревающих гоулов. Покойный и сам едва понимал, где находится.

— Это глупая идея.

— Других нет. Сдавать тебя Брайен не хочет, а мне тут не нужна охота на колдунов — половина спецов тут же снимется с места.

И мне приключения ни к чему — я только-только недвижимость приобрел, все деньги в нее вбухал.

— Хорошо. Только… это…

Как мне выговорить «не умею» и не потерять при этом достоинства?

— Все будет организовано профессионально! — гордо вскинулся полковник и, не прощаясь, зашагал к двери.

Гад! И Брайен тоже сволочь. Нашли, понимаешь, крайнего! Что еще раз доказывает, что от НЗАМИПС одни неприятности.

— Проблемы? — в дверях стоял обеспокоенный Четвертушка.

Сказать ему, что я снова оказался в дураках? Ни за всю жизнь!

— Нет, помощи просят, — в конце концов, это почти так. — Что б ты был в курсе: я теперь в «надзоре» на полставки.

Четвертушка дернул бровью.

— Ты же, вроде, на них работать не хотел?

— И сейчас не хочу, но вынужден отдавать долг родине.

Врагу не пожелаешь такого кредитора. Я плюнул в сердцах и поехал на Узловую: на днях должны были доставить заказанные мной вещи, нужно было устроить так, чтобы для доставки их на ферму не нужно было мое присутствие.

В группу функционального проектирования объектных стратегий (она же — отдел по борьбе с теологической угрозой), подбирали сотрудников одиноких и, по возможности, имеющих личные счеты с основными фигурантами проекта. Это было не сложно — слишком многие помнили последнюю попытку осчастливить мир любой ценой, время еще не успело закрыть

счета и успокоить страсти. Численность группы никогда не превышала двадцати пяти человек, в случае необходимости, бессменный командир имел право привлекать к работам любое количество сотрудников министерства, но делал это, как правило, в темную. Проколов у группы до сих пор не было, впрочем, активных боевых действий — тоже.

В окружении людей, знавших его полтора десятка лет, Ларкес не считал нужным притворяться, свои эмоции первый помощник министра выражал, как и привык — жестами. Здесь его странности знали и понимали.

Ритмичное постукиванье ладонью о стол (нетерпение и решительность).

— Господа, — а голос безжизнен и невыразителен, — ситуация сдвинулась с мертвой точки. Все изучили материалы заседания? Мистер Генивер, прошу.

На выездном совещании в пригороде Редстона собралось семеро сотрудников, имеющих высший уровень допуска — белый, два черных и четверо обычных людей. Сейчас слово взял сухенький старичок, в гражданском прошлом — знаменитый финансист. Отточенный интеллект и инстинкты хищника позволили ему пережить интерес секты, но его сын навсегда оказался заперт в стенах элитной лечебницы для душевнобольных. Жена мистера Генивера до сих пор три раза в неделю навещала там своего «солнечного мальчика» с тихим упорством надеясь на чудо.

— Анализ показывает наличие четырех объектов, демонстрирующих системные отклонения в поведении. Прошу лист первый! Мы имеем: осведомленность за пределами своей компетенции, удачные разрешения заведомо проигрышных ситуаций, репутацию, не соответствующую психологическому профилю, и целенаправленный интерес. Все — демонстрируемое регулярно, за пределами статистической погрешности.

Приглашенные внимательно изучали досье на подозреваемых — факты, которые ни один суд не признал бы уликами.

— Возможно, черного стоит исключить?

— Нет, — пальцы подрагивают в воздухе (Ларкес задумался), — они продемонстрировали готовность использовать в своем деле боевых магов. Обратите внимание на лист три! В зоне ответственности объекта диагностирована деформация заклинаний контроля.

— Не стоит ли конкретней обозначить район?..

— Это может привлечь внимание.

— Четыре точки — не так уж много, сил хватит.

— Господа! — пальцы обращены на себя и чуть вверх (Ларкес

был воодушевлен и взволнован). — Предлагаю считать переход ко второй стадии проекта состоявшимся.

Глава 31

Вместе с моими компаньонами в доме удавленника появился кот, серая длинноногая зверюга. Нет, они не привезли его с собой, он пришел откуда-то сам, наплевав на охраняющего усадьбу зомби и то, что ближайшая ферма находилась километрах в пяти. Макс, обычно индифферентный к животным, собирался устроить любимую собачью забаву, но за кота неожиданно вступился Рон.

— Оставим кошака! Будет мышей у нас гонять.

— Зачем? У меня вокруг дома периметр.

И мыши, в отличие от пушистой скотины, этим периметром успешно отвращались.

— Кошка приносит в дом удачу!

По моему опыту, кошки приносили в дом только шерсть и вонь, но убедить в этом Рона оказалось невозможным — я, с удивлением, обнаружил, что Четвертушка испытывает слабость к четвероногим засранцам. Что ж, как пришло, так и уйдет (отвращающее проклятье всегда можно немного доработать). В первый же день кот стащил из тарелки Полака котлету и получил кличку Бандит.

Белый на появление новой животины не отреагировал, возможно, потому, что по был по уши занят обустройством своей лаборатории. Никогда бы не подумал, что это так сложно! Под руководством Йохана в сарае возводили маленький домик со всеми удобствами, начиная от принудительной вентиляции и кончая герметичным входным тамбуром. Снаружи сооружение окутывали слои Знаков и заклинаний.

— Не следует относиться к белой магии легкомысленно, юноша! — заявлял Йохан мне (любому другому за такое обращение морду начистил бы, честное слово). — В процессе нашей работы могут быть призваны к жизни существа, по сравнению с которыми возбудитель серой гнили окажется легким насморком. Мы должны в полной мере сознавать ответственность и неукоснительно следовать правилам!

Я проникся и добавил к его трудам черномагический периметр, отвращающий от лаборатории предельно широкий спектр животных, включая термитов, крыс и котов, а то ведь сгрызут его драгоценное имущество, в решето источат, еще и нагадят сверху.

В Суэссоне начиналась весна, хлестали последние ливни, глубина водоемов достигла максимума и государственные учреждения, по давней традиции, сделали в своей работе

месячный перерыв. Такие порядки — по мне!

Освободившееся время я проводил… скажем так, увлекательно: полковник Райк вознамерился сделать из меня скалолаза. От публичного позора меня спасли ненормально развитые для мага мышцы — последствие занятий борьбой, то есть, я не висел, как сопля, на канате и мог забраться на тренировочную стенку самостоятельно, пусть и медленнее, чем остальные. Что называется — предки оборонили, еще одного щелчка мое хрупкое самолюбие не перенесло бы.

— И нафига? Я имею в виду, мне-то зачем эти премудрости, сэр?

На полигоне тренировалось полдюжины «чистильщиков» со спелеологическим уклоном. Весьма разумно, если вспомнить, что в Суэссоне протяженность подземных выработок в разы превышает таковую для проезжих дорог.

— В группе не должно быть слабого звена! Все должны знать специфику работы хотя бы в минимальном объеме.

Так-то оно так, но я почему-то был уверен, что полковник просто хотел поставить на место приезжего хмыря (обычно маги не заморачиваются поддержанием физической формы). В таком случае, защитившие меня предки были родственниками Райка — достаточно было одного-единственного косого взгляда, и я устроил бы дуэль в стиле незабвенного учителя. Фиг бы им помогла накачанная мускулатура!

Но всему приходит конец, даже распутице. Вид голубеющего неба заставлял «чистильщика» кривиться.

— Завтра выдвигаемся, парни, больше времени нам не дадут.

Это понятно: если пресловутые «они» существовали, им разумнее всего вмешаться до того, как Брайен покинет карантин.

Намерения свои «чистильщики» не афишировали.

— Идем как бы на плановый осмотр, давно пора было туда слазить. Ты значишься стажером.

Клево! Скоро у меня будет такой послужной список, что хоть на звание магистра аттестуйся.

Все вменяемые суэссонцы проводили время под крышей, в сухости и тепле, даже бары почти все позакрывались — клиентов не было. Оно и понятно — после каждой поездки на полигон мне приходилось полностью стирать всю одежду и принимать ванну (от въедливой местной грязи обычные чистящие заклятья не помогали). Я злился на весь свет и чем дальше, тем сильнее. Мне не нравился выбранный полковником для спуска день (пятница, тринадцатое), мне не нравилась эта компания (пятеро полузнакомых черных), мне не нравилось легкомысленное настроение Райка, не смотря на весь обещанный

профессионализм. И то, что в качестве поддержки наверху оставляли обычных людей, мне тоже не нравилось. «Черный маг всегда прав!» — но тут таких было шестеро, и я оказался в меньшинстве.

— Расслабься! — покровительственно улыбался «чистильщик», снимавших охранку вокруг шахты. — Днем здесь безопасно, а вечером их сменят.

— Мы что, ночевать там собрались?!!

— Конечно! Да внизу разницы никакой нет, что — ночь, что — день.

Заглянув в освещенное голубыми фонарями жерло, я понял, что оно мне тоже не нравятся. Но «чистильщики», жизнерадостно переругиваясь, уже спускались вниз, пришло и мое время делать шаг через край.

Глубина ствола была около трехсот метров, для поверхности такое расстояние — тьфу, но если его же приходится преодолевать вертикально, ощущения совсем другие. Группа спускалась вниз извилистым маршрутом, попутно проверяя натыканные тут и там защитные амулеты, делая привалы (или подвисы?) и вообще — наслаждаясь жизнью. Ни о каком свободном скольжении вниз речи не шло — для этого элементарно не хватало длины веревок. Путь вниз занял два часа, каких усилий потребует подъем наверх, думать не хотелось.

— Ну что, новичок, втыкает?! — орал Райк из-под дыхательной маски (их надели, как только дно шахты показалось внизу). — Это что! Вот мы один раз в тысячную лезли…

Нашел, чем хвастаться — найти самую говенную во всем НЗАМИПС работу! Шороха на них нет.

Шахта почти утратила вид рукотворного сооружения, крепеж проржавел и осыпался еще в незапамятные времена, теперь здесь был просто горный склон, очень крутой и неустойчивый. Внизу рухнувшая порода собралась высоким конусом, под которым не возможно было угадать останки подъемной клети и находившихся в ней людей, картинки чужой памяти с трудом накладывались на вид обветшавших подземелий. Я задрал голову кверху и не увидел света — жерло шахты прикрывал козырек. Что ж, по крайней мере, тут сухо, а солнечный свет все равно сюда не достанет.

— Перерыв полчаса! — объявил полковник, когда ноги последнего «чистильщика» коснулись камней, прибывшие первыми уже отдыхали.

Я прошелся вокруг импровизированного лагеря, выглядывая следы. Особого мастерства это не требовало — все выходившие в главный ствол коридоры были засыпаны едва ли не до потолка и

только в одном камни оказались разбросаны, открывая проход. Спрашивается: зачем надо было тащить сюда меня? Полак блинчики печь собирался, уже и сметану к ним купил. Из меня-то повар никакой, а у него хорошо получается…

— Значит, так, — полковник осторожно посасывал через трубочку какое-то зелье, не отрывая маски от лица. — Нечетные — здесь, четные — со мной. Второй прикрывает меня, четвертый — некроманта. Все поняли?

Подчиненные в ответ утвердительно забурчали. Наверху каждого называли по имени, но в подгорной темноте обряженные в маски люди отличались только номерами на комбинезонах.

Вопреки всем моим ожиданиям, в подземельях оказалось пусто и тихо, никакого следа потусторонних гостей.

— Им здесь жрать нечего, — пояснил четвертый номер, — и эхо отвращающих проклятий в шахте мешает. Вот поглубже, там наверняка что-то есть.

Угу, издыхающие от голода нежити, сумевшие проявиться в реальности, но так и не нашедшие себе жертв. Я поежился. Любой зверь на их месте во все лапы несся бы нам навстречу. Хорошо еще, мобильных проявлений потустороннего не так много…

Чуть позже Райк нашел на полу остатки пентаграммы — кто-то изгонял заслонившего проход фому.

— Черный прошел, — заявил полковник и помрачнел.

Я решил, что Гийом лазил сюда со своим помощником. Вот у кого кристалл точно писали! Подчиненные Райка без намеков вынули из мешков оборудование и сняли отпечаток ауры.

Поиск места ритуала занял минут двадцать, буднично и просто. Лишенный челюсти скелет лежал посреди коридора в окружении меловых разводов и огарков свечей, за поворотом валялись два маленьких мумифицированных тела с рассеченными лицами. «Чистильщики» скинули рюкзаки и занялись протоколированием улик, насколько я понял, под вторым номером шел главный местный эксперт.

Эх, белого надо было сюда завести! И бросить…

— Дело сделано! — Райк потирал спрятанные под перчатками ладошки. — Теперь-то братишки запрыгают!

Наверное, он мне подмигнул, за маской не разглядишь. Я неопределенно дернул плечом.

— У тебя черным кто был? — уточнил Райк.

— Я — сирота.

Глупо ждать от «чистильщика» понимания, но ругаться с ним сейчас не буду, вот поднимемся на поверхность, тогда…

— Про Братьев Салема слышал? Нет? Ну, так вот, Искусники пытаются черную магию уничтожить, а эти наоборот — изучить и

использовать. Наверняка, Гийом у них обучался. Белые, они просто обожают устраивать тайные общества!

Полковник довольно хохотнул.

Трупы обернули чистой тканью и упаковали в плотные брезентовые мешки, рюкзаки набили уликами. Все это предстояло тащить наверх, вручную. Само по себе неприятно, но, когда мы добрались до шахты, стало ясно, что все будет еще сложней.

Оставленные на стреме «чистильщики» напряженно жались к стенам.

— Что? — вскинулся Райк.

— Веревка. Кажется, верхняя.

На горе обломков белела змейка альпинистского шнура.

Все, не сговариваясь, уставились вверх. Полковник заковыристо выругался (в его мастерстве я не сомневался).

— Что за фигня?!

Меня неожиданно отпустило, словно до этого самого момента я чего-то ждал, а теперь оно произошло. Я потянулся вверх тонким некромантическим плетением. Нет, триста метров — слишком далеко, ничего не вижу. «Чистильщики» лихорадочно перерывали рюкзаки в поисках запасных костылей и карабинов.

— А я бы не стал сейчас туда лезть.

— Ну да? — зло огрызнулся пятый номер.

— Да! — я обнаружил на камнях то, что обычным зрением разглядеть не удавалось. — Это кровь.

Райк рявкнул на подчиненных и осторожно подошел, один.

— Свежая.

— Если дадите разрешение, я попробую посмотреть, что случилось.

Полковник фыркнул.

— Давай быстрей, святоша!

Я уселся на камни, погружаясь в неглубокий транс.

— Приехал человек по имени Нестор, они его знали. Привез обед. С ним вошли двое, дальше резкая боль, все.

«Чистильщик» непроизвольно посмотрел вверх.

— Берегись!!!

Я едва успел отскочить. Вниз рухнуло державшееся неизвестно на чем человеческое тело.

— Все равно, придется лезть…

— Думаете, они не подстраховались?

Оказалось — подстраховались. В ушах гулко бухнуло.

— Валим!!! — взвизгнул кто-то и все ломанулись в расчищенный проход.

Я пробовал выставить щит, но Райк бесцеремонно затащил меня в дырку, а на дно шахты обрушились тонны потревоженных

камней. Пол заметно содрогнулся, все заволокло пылью.

Нет, я — черный, я — ничего не боюсь, но это — перебор.

Эхо взрыва гулял под землей минут пять.

— Все живы? — прохрипел Райк, «чистильщики» отзывались немного заторможено. — Шмотки?

Рюкзак сохранился только один (четвертый номер просто не успел его снять), теперь у нас было дофига улик и ничего, что могло бы помочь подняться с трехсотметровой глубины.

— Будем ждать, когда откопают? — нервно поинтересовался я.

На меня посмотрели, как на идиота.

— Да там полгоры расселось! Хорошо хоть здесь ничего не рухнуло.

Хорошо или плохо — это спорный вопрос. Мы остались с налобными фонариками (а ведь я его чуть не снял!) среди полной темноты и неизвестного количества нежити. Даже перекусить не успели. Я пнул выкатившиеся в проход камни (пытаться рыть — бесполезно), Райк попробовал дать мне подзатыльник.

— Что делать будем, босс?

Вот в такие моменты в черных громче всего говорит иерархия. Все объединяются вокруг старшего, и даже я, хотя Райка старшим и не признавал, вынужден был ему подчиниться.

— А ну-ка, некромант, расскажи нам, как здесь все устроено.

Сколько можно повторять им, что полного ритуала я не проводил!

— У меня есть только воспоминания о последних перемещениях покойного, чтобы понять устройство шахты, нужно вернуться к останкам еще раз.

И мы пошли к останкам. Что хорошо в компании черных — никто не впадает в истерику, белый бы от таких переживаний уже дубу дал. В тишине подземелий разносились звуки шагов и бурчание пустых желудков. Где ж вы, мои блинчики…

— Ничего, — бормотал Райк, словно в ответ на мои мысли, — главное — дать о себе знать!

Хорошо сказано. Мне хотя бы мышь дохлую в руки, но в коридорах, которые тысячелетиями прочесывали потусторонние существа, не сохранилось даже плесени.

Покойник мало чем мог помочь: в прежние времена из рудника вели вентиляционные шахты (колодцы метрового диаметра) и аварийный подъемник, запертые под землей люди обсуждали их между собой, но точного местоположения я не видел. Даже если эти дырки не завалило, вряд ли они выглядят лучше, чем главный ствол, а триста метров без крепежа и страховки мы не одолеем.

После краткого совещания решили искать подъемник, он, если сохранился, должен был располагаться в противоположенном конце рудника (почти в километре от главного ствола). Шли вперед гуськом, тщательно прощупывая все вокруг. Райк и третий обсуждали возможности подъема с глубины. Если раздолбить проклятьями бетон, можно было найти толстую арматуру и нарезать из нее костыли (хорошо быть черным магом).

— Раньше в шахтах медную проволоку находили, — припомнил второй номер, — если ее скрутить в жгут …

То будет лучше, чем ничего, но… триста метров! Медь — тяжелый металл, к тому же, тянется под нагрузкой. И забивать крепеж можно было разве что проклятьем — по всей шахте мне еще ни разу не попалось на глаза молотка, кайла или еще какого пригодного к работе инструмента — все давным-давно уперли (с трехсотметровой глубины, вот мастера!). Нам попадались только сосуды из мутного стекла, какие-то обломки и обрезки, битый кафель и серый прах, все остальное (даже отделку стен) ободрали с мясом.

Поход окончился раньше намеченного — дорогу перегородила куча камней, плавно уходящая под потолок.

— Та-ак, — протянул полковник, словно это я виноват в обвале.

— Раньше тут ничего не было!

— Обходные пути есть?

— Вроде, были.

Под землей рудник разветвлялся множеством штолен, либо — длинных и широких, либо — коротких боковых. Ради безопасности работающих, параллельные коридоры сообщались во многих точках.

— Веди!

Ему легко говорить, а я давно уже отказался от попыток пользоваться чужой памятью и теперь полагался исключительно на логику. Мы обошли два завала, но вернуться в оставленную штольню не смогли. Райк скомандовал привал.

— Спать будем. Ночь уже.

Действительно, часы показывали половину десятого.

По рукам пустили фляжки с водой, после некоторого замешательства выяснилось, что в двух из них — самогонка, которую и вылакали в первую очередь. Сразу стало ясно, что жизнь удалась, несмотря на мелкие недоразумения последнего времени. Под многометровой толщей скал, окруженные завалами, «чистильщики» привычно переругивались и устраивались на ночлег.

Приходил озадаченный Шорох — объект его интереса впервые забирался так глубоко под землю. Привычно показал ему молнию, все равно сориентироваться под землей он не поможет — органы чувств у него слишком специфичные.

«Чистильщики» спали прямо в дыхательных масках, а вот я так не мог — непривычная к намордник кожа чесалась, усилие, требуемое для вдоха, не давало расслабиться, а стекла, хоть и зачарованные от запотевания, казались отвратительно тусклыми. А, да пес с ними! Я сдвинул маску на глаза и, удовлетворенный, заснул.

Глава 32

Незваного гостя Ларкес почувствовал заранее (маг он или не маг?), но до последнего надеялся, что Сатал идет к целителям или Кевинахари. Старший координатор еще ни разу не общался со своим предшественником после окончания карантина и теперь не знал, как себя с ним вести. Вдруг прежние схемы окажутся не верны? Подумав, Ларкес остановился на нейтральной модели поведения.

Сатал ввалился в дверь после символического стука, ревниво оглядел кабинет, но тут же взял себя в руки.

— Уделишь минуту?

— Конечно, присаживайтесь!

Бывший координатор плюхнулся в кресло перед столом нынешнего и некоторое время сосредоточенно сопел, борясь с нездоровыми инстинктами.

— Ты, это, про ученика моего что-нибудь слышал?

Ларкес наклонил голову.

— Насколько я знаю, он работает в соответствии с договором…

— Не то! — отмахнулся Сатал. — Мне тут… один знакомый намекнул, что он где-то под землей, застрял и не может выбраться. Это вообще реально?

— Я узнаю, — очень спокойно отозвался координатор, значения судорожно растопыренных пальцев гость понять не мог.

— Узнай.

Сатал посидел в раздумье, резко встал и, не прощаясь, вышел. Остекленевший взгляд Ларкеса скользнул по стене портретов. Под землей?.. Маг потянулся к телефону.

— Здравствуй, дружище, — зажурчал в трубку обманчиво благодушный голос, — позови-ка мне Вильяма Райка. Нет его. А где же он?

Новый проход нашли чисто случайно: возмущенный отсутствием дыхательной маски, Райк пнул меня, а я спросонья выдал плетение, выбившее породу с потолка на полметра вглубь, правда, сам виновник от него как-то увернулся, а вот мне наставило синяков упавшими камнями. В дыре открылось темное пространство — коридор, расходившийся со штольней буквально сантиметров на тридцать.

Сразу стало ясно, что он строился другими людьми и в другое время. Бледно-голубой свет выхватывал из темноты циркульные своды, ровный пол, стены без всяких следов крепежа

или отделки. Никаких излишеств — двоим только-только разойтись.

Номер третий двумя проклятьями расширил отверстие, и все немедленно полезли туда.

— Вспомогательная штольня? — предположил кто-то.

Райк бросил по сторонам внимательные взгляды (коридор плавно изгибался) и постановил:

— Он должен куда-то вести. Может, это соседний рудник и здесь сохранился выход на поверхность. Я, пятый и некромант — налево, остальные — направо! В случае чего, используйте «манки».

«Чистильщики» поперли вперед без тени сомнения, а вот мне припомнились сказки про всякие гробницы и ловушки, поэтому я немного приотстал. Меньше надо читать, точно вам говорю! У меня даже появилось бредовое чувство, что мы идем по большому кругу и где-то там встретимся с оставшейся частью команды, но всего через сотню шагов на полу появились выполненные белой эмалью символы, и коридор вывел нас в просторный зал, стены которого фонарики почти не освещали.

— Вау! — не удержался номер пять.

Помещение пронизывала колонна из темного стекла двух метров диаметром, уходившая вверх и вниз.

— Прикольно, — прокомментировал полковник. — Ищите еще что-нибудь.

И в этот момент нас самих обнаружили.

В дальнем конце зала раздался шорох, в перекрещенном свете фонарей показался источенный временем гуль, едва способный переставлять ноги (по виду, в нем вообще не осталось ничего, кроме лохмотьев). Я, было, решил, что он пришел умирать, но впечатление оказалось обманчивым — когда оба «чистильщика» с ноги всадили в него по стандартному проклятью, нежить лишь немного пошатнулся и продолжал шлепать в нашу сторону.

Опа.

Райк что-то прошипел сквозь зубы и принялся ворошить навязанные на пояс амулеты.

Колонна в центре зала позволяла пятиться кругами, удерживая мертвеца на приличном расстоянии. Мои спутники методично пробовали на монстре все известные им плетения (а их оказалось не мало), пятый номер даже исхитрился начертить перед гулем отвращающий знак, но тот преспокойненько на него наступил — двоим «чистильщикам» удалось лишь немного проредить ветхое тряпье. Наверное, так вот и выглядит зомби-маг (я слышал, что эхо Источника обеспечивает им некоторый

иммунитет к проклятьям). Бегать по узким коридорам с такой штукой за спиной — смерти подобно.

Я лихорадочно пытался измыслить что-то оригинальное из арсенала некроманта, но в этот момент обозленный неудачами пятый номер с воплем «кия!» лягнул гуля пяткой в грудь. Нехарактерно легкий покойник птичкой улетел в темноту. Мы посветили фонариками: нежить напоролся на странную конструкцию из стеклянных пластин, и его порезало в лапшу.

— Прикольно, — констатировал полковник. — А местечко-то мерзкое.

Действительно, неуютно здесь. При внимательном рассмотрении оказалось, что в оббитых по краям стеклянных пластинах явственно поблескивают какие-то огоньки, мозаики на полу сильно напоминают Печати, а в дальнюю стену вмурованы желтые полосы двух пядей шириной.

— Золото, — пятый потянулся к блестящему металлу, но получил от полковника по рукам.

Черная колонна явственно дышала Силой и я категорически не понимал, как такую штуку можно законопатить в камень совсем без зазора. Это не походило ни на что, виденное мной раньше, читанное, слышанное либо одолженное в памяти Мессины Фаулер. Еще один слой реальности? Интересно, сколько же их всего. Как жаль, что побывавшее гулем тело нельзя допросить! В качестве сувенира я подобрал осколок стеклянной пластины.

Увы, никакого намека на выход в зале с колонной не было. Мы отправились догонять вторую группу, но ушли недалеко — нам навстречу галопом пронеслись запыхавшиеся маги. Их было только двое.

— Выползень! — донеслось уже издалека.

Райк развернулся и припустился за подчиненными. А я что? Я тоже побежал. «Чистильщики» с разбегу сигали в пролом, как цирковые акробаты, мне даже завидно стало. Что ж это за зверь, что они такую прыть развили?

— Стоять!!! — рявкнул полковник, оказавшись внизу (подчиненные нехотя притормозили). — Какого Шороха произошло и где Крис?

«Чистильщики» мялись, косились на пролом с трепетным почтением (естественный заменитель панического страха), но историю свою рассказали. Противоположенный конец коридора выходил в большой подземный комплекс и страж у него тоже был побольше. Пресловутый выползень появился неожиданно и едва не отрезал им путь назад. Бойцы среагировали предсказуемо — атаковали непонятный объект — вот только от их атак тварь не

ослабела, а наоборот, стала двигаться намного быстрее. Второй номер проявил благоразумие и скомандовал отход.

— Надо было камнями его завалить!

— На этом Крис и попался: он вдарил по потолку, а выползень щитом откинул на него камни.

— Неживые существа не могут иметь щиты! — возмутился пятый.

— Пойди и расскажи ему об этом.

В коридоре над нашей головой раздался дробный стук, словно у спешащего к нам создания было больше, чем четыре ноги. В пролом потолка сильно дыхнуло некромантией. Я, заинтересовано, подался вперед, но меня бесцеремонно утянули обратно. Посыпалось каменное крошево — наш противник стремился расширить дыру.

— Надо обрушить коридор.

— Тогда дыра станет еще больше.

— Выманить его в дальнюю штольню, а самим — наверх!

— Рискованно, он довольно шустрый.

— Обрушим выход у него перед мордой!

— Рушь! Я маг, а не полкило взрывчатки. Чтобы накрошить камня до потолка полчаса уйдет.

Все бы им крушить! «Чистильщики», что с них возьмешь. Я прощупывал возившееся в проломе существо легчайшими из черномагических плетений и испытывал чувство, близкое к экстазу. Выползень представлял собой алхимический конструкт с магическим управлением, но мой мотоцикл по сравнению с ним казался деревянным самокатом. Это создание было совершенно! Сложнейший ансамбль вмурованных в золото проклятий добывал для него энергию, направлял движение и заботился о целостности. Достаточно было ничтожного толчка, и уснувшие контуры снова засветились, поглотив и усвоив энергию совершенных магами атак. Бессмертная машина убийства вновь была на ходу.

Как можно помыслить о том, чтобы разломать такое чудо?

— Давайте не будем его портить!

— А он нас? — ехидно откликнулся второй номер.

— И он не будет, я его заломаю.

— Чем? Ему все проклятья как горох.

— Не чем, а как. Я могу попробовать перехватить управление. Он почти как мой зомби!

— У тебя есть зомби? — мягко поинтересовался Райк.

Я проигнорировал подначку.

— Это алхимический конструкт. Чем его защищают, я нифига не понимаю, а вот управляющие контуры у него вполне читаемые.

Да, они на порядок сложнее, чем все, мною создаваемое, но все же проще, чем человеческое сознание.

На пару секунд «чистильщики» перестали гомонить, и стало слышно, как выползень с глухим треском крошит камень

— Не знал, что ваша братия такое может, — отозвался, наконец, полковник.

Это он о ком? О тех увечных магах, что проходили свое Обретение под ограничителем?

— Вы имели дело с ретроспективными аниматорами, а я — мастер-некромант!

Развивать тему не стали.

— Можешь — делай, но ты пойдешь первым.

Глава 33

В штате НЗАМИПС Дэн Лемар значился специалистом по связям с общественностью, силовые акции «надзора» обычно обходились без него. Кто же знал, что шеф Брайен так неудачно угодит в карантин!

«И ведь не уволишься» — с отчаянием думал помощник, неожиданно ставший и.о.

Специфика Ундегара позволила начать разборку завалов на «объекте триста» только после рассвета, а закончить все желательно было до темноты. Скорость работы балансировала между необходимостью работы экспертов и желанием хоть кого-нибудь спасти.

К отдельно стоящей группе «чистильщиков» Лемар приближался медленно и боком. Маги отреагировали на внезапную трагедию именно так, как полагалось черным — растущим раздражением и безадресной ненавистью.

«Проклясть не проклянут, а вот морду набить могут. И не пожалуешься никому — их главный тоже там».

— Ну, что? — мрачно поинтересовался маг с лицом, сильно попорченным ударом водяного закруты.

— Точное время инцидента не известно — сотрудников, дежуривших у устья шахты, пока не нашли. Завал заканчивается на глубине минус двести тридцать, и не факт, что стены удержатся, если камни разобрать. Защитные знаки снесло начисто.

— Копайте.

— Сэр, если группа в момент обвала находилась в стволе…

— А я говорю — ройте! Мне утром старший координатор региона звонил (не спрашивай, откуда он знает!). Сказал, что внизу есть кто-то живой, и он хочет увидеть этого живого наверху, а если что не так, то меня самого там прикопают.

Мысль о внимании господина Ларкеса заставила бедного и.о. содрогнуться.

— Мы будем работать изо всех сил!

— Если нужна техника, можно тиснуть у агрономов.

— Нет нужды, они уже выделили нам все, что надо — ждем вот-вот. У них внизу тоже какой-то знакомый.

Но семьдесят метров завала на такой глубине… Специалисты утверждали, что работа может растянуться на неделю.

— А не проще будет пробиться из соседнего рудника? — осторожно поинтересовался Лемар (подчиненные Райка знали устройство здешних шахт лучше всех).

— Нет, — поморщился резанный «чистильщик». — Эта шахта — самая глубокая в округе, от всех других до места метров сто и не через щебень, а по твердой породе. Как так могло получиться?!! — черный сжал кулаки и Лемар непроизвольно попятился. — Ствол был абсолютно надежен, а с боссом пошли лучшие!

И.о. постарался тихо слинять — черные с детства вызывали в нем оправданные опасения. А уж боевой маг в состоянии аффекта… Страшно, господа, страшно! Как же мистеру Брайену удавалось держать в узде эту братию? Наверное, он полностью доверял это дело полковнику Райку. Точно! Надо найти среди них главного и все ему перепоручить.

Обнадеженный такой мыслью Лемар вернулся к текущим задачам, список которых только увеличился — требовалось организовать продолжение работы ночью, в темноте. При этом дышащие на ладан стены были половиной беды — лишенную отвращающих знаков шахту настойчиво пытались заселить нежити. Видно правы были старики, утверждавшие, что под землей потустороннее дает о себе знать чаще, чем на поверхности! Естественно, закрепиться в реальности нежитям не позволяли, но тени неявленного зла струились в лучах зачарованных фонарей зыбким дымом и бодрости духа это не добавляло. При этом надо было убедить людей работать без передышки, час за часом, потому что сменить проходчиков не кем — люди, знакомые с горным делом, в Суэссоне наперечет.

Какая ирония! Первые рудники в этих местах появились воистину в легендарные времена (подлинного их возраста никто не знал), но со временем недра края бесчисленных шахт перестали принадлежать людям — слишком много стало под землей наполненных мраком пустот. Беспечные предки, не задумываясь, бросали заселенные нежитями выработки и тут же начинали долбить новые, из-за чего работа горняка теперь напоминала лотерею: что рухнет тебе на голову — просто камни, или сразу целый фома. Только крупный армейский заказ позволял собрать достаточно боевых магов, чтобы зачистить подземелья и обеспечить минимальную безопасность работы. Шахтеры спешно выбирали какую-нибудь богатую жилу, обеспечивая алхимиков Ингерники редким минералом, а затем утаскивали свои отбойники и паровые лебедки до следующего раза. Если бы не маги-рудознатцы, подобная деятельность давным-давно заглохла бы.

Хвала предкам, Лемару не требовалось никого нанимать — бюджет службы не выдержал бы такой траты. Услышав о попавших под завал людях, вожаки старателей с готовностью

открывали двери складов, добывали нужное оборудование, а многочисленные волонтеры отправлялись к «объекту триста» на собственном транспорте. И это не смотря на безнадежность ситуации, хорошо понятную профессионалам! Все словно на себе чувствовали страх и отчаяние, которое испытывают замурованные под землей люди…

Впрочем, о чем это он? Чушь какая в голову лезет! Черные в отчаянии — просто анекдот (не ляпнуть бы такое на людях — засмеют), а вот изувечить друг друга обезумевшие от безвыходной ярости боевые маги вполне способны. Вся надежда на полковника Райка — опытный лидер, он сумеет удержать подчиненных в узде, но ровно до того момента, когда голод и жажда подточат его собственное самообладание. Заброшенный рудник вдруг представился Лемару банкой с пауками, которых требовалось как можно скорее вытряхнуть на волю из тесной западни.

«А шеф-то, сволочь, вовремя в карантин попал! — почти с ненавистью думал и.о. о своем начальнике. — Теперь, что ни случись, он не в ответе».

Трагическая гибель шестерых ценных сотрудников не пойдет на пользу карьере.

К трем часам дня в завале была обнаружена первая скорбная находка — размолотое камнями человеческое тело. Опознать погибшего теперь могли только эксперты. Лемар почти надеялся, что это будет кто-нибудь из группы — это дало бы повод прекратить работы.

— Слышь, начальник, — к задумавшемуся и.о. незаметно подошел обслуживающий лебедку механик, — убрал бы ты его отсюда. Как бы чего не вышло!

Лемар обернулся — среди снующих туда-сюда рабочих ходил местный белый, отзывчивый старичок, желающий помочь поиску пропавших проверенным шахтерским методом — при помощи виноградной лозы. Его надо было убрать немедленно, пока «чистильщики» заняты осмотром трупа.

— Здравствуйте, мистер Малек, — и.о. ухватил старичка за руку и постарался заглянуть в глаза, по опыту зная, что белых такой напор деморализует, — как удачно, что вы здесь! Нам срочно нужна ваша помощь. Только вы сможете определить положение выживших с той стороны склона, для проведения триангуляции. Вот вам карта, срочно идите и займитесь этим. Я вижу, прибор у вас уже есть.

Окрыленный оказанным ему доверием старичок умчался. Вовремя! Резанный «чистильщик» (теперь Лемар знал его имя — Даргад), шел к устроенному для совещаний навесу.

Бесцеремонный маг совал всем под нос здоровенный булыжник.

— Нюхай! — потребовал он и Лемар безропотно понюхал.

Камень пах как-то неестественно — не землей, не плесенью и даже не мертвечиной, а каким-то кисловато-едким дымком.

— Какой-то химикат?

— Порох!!! Я же говорил, что ствол был надежен. Порву, изничтожу! Воскрешу и снова порву!!

Еще бы понять — кого.

Лемар мужественно вздохнул и решился уточнить:

— А не было ли в шахте зарядов для экстренного подрыва? Ваш босс ничего такого не планировал?

Глаза у «чистильщика» стали красные, как у быка, только пара из ноздрей не хватало.

— Теперь только вы можете нам помочь, мистер Даргад, — с трагической обреченностью начал и.о., - следы вокруг устья безнадежно затоптаны. Ваши люди, первыми обнаружившие обвал — единственные свидетели. Их надо допросить! Не видели ли они посторонних, любые следы, что-то необычное…

Вопреки ожиданиям, рациональная мысль достигла сознания «чистильщика», он подобрался, словно готовящийся взять след пес, и умчался куда-то бодрой рысью.

— А я займусь дежурным, который должен был привозить обед, — постановил Лемар, убедившись, что опасность миновала.

Увы, быстро разобраться со свидетелями не получилось — «чистильщики», которым полагалось дежурить у шахты прошлой ночью, сейчас отправились по домам, отсыпаться, а дежурного по офису нигде не могли найти, равно как и его грузовичок — с того самого дня их никто не видел. Если вспомнить сплетни об Искусниках, якобы окопавшихся в Суэссоне, перспективы дальнейшей службы Лемара выглядели все более и более безрадостными.

Вечер наползал незаметно. Судя по количеству вынутой породы, работы, можно сказать, и не начинались. Измотанный до предела и.о. ловил себя на том, что перестает понимать человеческую речь — все вокруг бегали, чего-то хотели, а изъясняться предпочитали междометиями. Грузовик с запасным генератором застрял в пути, крепежа катастрофически не хватала, старатели пытались греть воду на извлеченных из завала обломках, а ведь это улики! Надо ли удивляться, что некоторые события ускользали из-под контроля?

К навесу, под которым хмуро обсуждали что-то боевые маги, жизнерадостно шлепал мистер Малек, про которого и.о., к своему стыду, совершенно забыл. Кажется, старичок нацелился поговорить с Даргадом («чистильщик» за последние два часа не

произнес ни одного цензурного слова).

Грубое обращение может стоить пожилому белому жизни! Лемар помчался на помощь.

— Я нашел людей! — сияя от счастья, объявил мистер Малек.

— Каких людей? — обманчиво мягко поинтересовался Даргад.

— Не знаю, — смутился белый, — они не представились. Но сказали, чтобы я привел кого-нибудь. Им нужна помощь!

— Где это было? — Лемар боялся вспугнуть удачу. Не может быть чтобы два отряда спелеологов практически одновременно лазали по этим проклятым рудникам.

— Там, — легкомысленно махнул белый, — такая дыра в земле, немного напоминающая шахту. Сначала они просили веревку, потом, почему-то, бутерброды…

— Брист, беги, посмотри, кто там, — Даргад уже не слушал. — Эй, козлы, хватайте трос и за мной!

— Спасибо, мистер Малек, — Лемар разрывался между желанием позаботиться о белом и бежать за «чистильщиками», — вы нам очень помогли! Если позволите, мой шофер отвезет вас домой.

Порядком умаявшийся за день старичок легко согласился.

Я отчаянно цеплялся за камни пальцами рук и чувствовал себя персонажем пошлого анекдота. Внизу пирамидой стояли четвертый и пятый, а Райк с третьим номером на закорках собирался взбираться по нашим плечам. Второй страховал все это безобразие снизу — если кто-то сверзится, смешно не будет. Думаю, не у одного меня вертелись на языке проклятья в адрес выползня, не сумевшего прибить «чистильщика» с одного удара. Крис отделался переломами обеих ног и не мог идти, помочь ему на месте было невозможно, даже если бы полковник разрешил пользоваться магией, потому что целители из черных плохие (то есть, вообще никакие из нас целители). Чтобы бедный страдалец не пришиб своих спасителей, Райк что-то такое ему придавил, и третий впал в беспамятство (Что стоило нажать чуть посильнее?! Но старший «чистильщик» не искал легких путей).

Полковник полез наверх как пьяный медведь, наставил мне синяков на спину и плечи, и едва не отдавил пальцы, следом за ним уже карабкался второй. Если у пятого после такого обращения не подломится позвоночник, это будет чудом черномагической выносливости! Потом из колодца начали вытягивать нижестоящих, и я переключился на беспокойство о собственных связках.

Это не архитектура, это чистый маразм!!! Ясно же, что пришедшие извне всегда могут принести с собой веревку, а

сидящие внутри, случись что, фиг выберутся, когда перед дверями колодец в три человеческих роста.

Стоило мне отпустить Источник, как внизу защелкали мелкие камушки, превращающиеся в пыль — выползень словно бы понял, что его надули, и теперь срывал злость, колошматя наугад сквозь полуоткрытую дверь. Пятый метнул вниз молнию. Эффект был неожиданным: створки, над открытием которых четверо «чистильщиков» трудились полтора часа, с легким гулом захлопнулись. Прав был все-таки Райк, когда запрещал ворожить — опыт третьего у остальных в мозгах не отложился.

Плевать, все равно я не собирался туда возвращаться.

Второй хитрым проклятьем зафиксировал сломанные кости и Крис застонал, приходя в себя. Зря он так, лучше бы оставался в отключке — идти все равно не сможет, а на то, как мы его поволочем наверх без носилок, трезвым лучше не смотреть.

— Встать, козлы! — закончил Райк короткий отдых. — Двигаем.

Вперед выслали разведчика, а остальные взялись за связанный из комбинезонов гамак с нашим инвалидом. Мы поднимались вверх по пещерному серпантину, который выглядел бы вполне естественно, если бы очертания стен не повторялись каждые сто метров, словно у Творца кончилась фантазия. Меняться удавалось редко, воды и самогонки давно не осталось, и у меня складывалось впечатление, что долго Крис в такой обстановке не проживет. Да я бы первый его прибил, но мои мысли были заняты странной крепостью, так хитро запрятанной под землей.

Ах, какие там были Печати! Набранные из трех-четырех различных материалов, вмурованные в камень, оправленные в металл, невероятно сложные по структуре. Так же как и выползень — персонаж горняцких сказок — они были совершенны и могли служить сотни лет, но прошли тысячелетия и они высохли, иссякли. Смертоносные охранные системы спали в ожидании Силы, которая снова заставит их бдеть. Надо ли объяснять, почему Райк обещал оторвать голову любому, кто призовет Источник? Кроме меня — я управлял конструктом. Просто чудо, что мы не перебудили там все.

Но главное, откуда это?!!

Я не мог ошибиться с датировкой шахты — эпоха Мессины Фаулер была слишком запоминающейся, а коридоры крепости продолбили позже рудника, возможно, в эпоху Города Бекмарка или Кейптауэра (иначе проходчики обвалили бы там все нафиг). Но строители этого комплекса не могли пасть жертвой потустороннего. Нонсенс! При таком-то уровне владения черной

магией. И потом, несмотря на присутствие гуля, крепость не выглядела покинутой в спешке.

Моя и так не очень четкая картина мира подвергалась жестокому потрясению, невыносимо хотелось взять в руки дневник и написать «Какого хрена происходит?». О! Шороха надо потрясти — он мне кое-что задолжал (как я раньше-то до этого не додумался).

Разведчик засек впереди серого пильщика и наступила блаженная передышка. Я лежал на полу, издыхая от жажды, а в усталом мозгу бродили бредовые образы, все до единого связанные с водой. Райк справился с нежитем до омерзения быстро. Вернувшийся «чистильщик» поднимал подчиненных на ноги пинками.

Третий вполголоса нудно перечислял все, что он сделает с тем, кто его уронит. Если полковник хочет сохранить Крису жизнь, ему придется драться, точно говорю!

И вот как раз когда я созрел бросить все и возразить, серпантин кончился — сквозь узкий лаз мы просочились в большую рукотворную пещеру. Во впадине около ее дальней стены маслянисто поблескивала лужа, Райк попробовал воду на язык, сплюнул и пить не стал. Я поскрипел мозгами и извлек из ядовитого рассола три куска чистейшего льда. Дрожащими руками лед крошили, набивали во фляжки и растапливали теплом тела, вода получалась холодной и безвкусной.

Какое блаженство! Но я бы на месте Криса не расслаблялся — еды у нас по-прежнему не было.

Напряжение спало и «чистильщиков» потянуло на светскую беседу.

— А я ведь знаю, где мы, — прохрипел второй, немного отдышавшись.

— Паловы Грабни, — глухо пробормотал Райк, — такое убожество ни с чем не перепутаешь.

Да, это точно — стены выглядели так, словно их бобры грызли, никакого представления о геометрии.

— Выхода на поверхность тут нет, — выдохнул пятый, — только шахта на верхних горизонтах, метров тридцать.

Райк упрямо мотнул головой.

— Главное — дать о себе знать.

Какая ерунда! Тридцать метров — не триста, потребуется — на когтях заберусь. Наверное, так же рассуждали и остальные, потому что Криса снова взвалили на плечи и пошли вперед.

И тут все стало как в нормальных подземельях — нежити, нежити и еще раз нежити. Хищное эхо, заполняющее узкие проходы занавесями бархатистой темноты. Фомы, вросшие в

камень так мощно, что не сковырнешь — проще обойти, хитро запрятанные норки серых пильщиков и настоящий бриллиант любого подземелья — жерляк (проявление потустороннего в виде наполненной мелкими камнями воздушной воронки, обдирающей жертву до костей). В общем, времени выяснять отношения у «чистильщиков» не было. Что к лучшему: не знаю, насколько привычны к голоду остальные, но я все чаще ловил себя на мысли, что первого же павшего можно будет съесть.

Дальнейшие события в моей памяти сохранились немного отрывочно. Мы шли, сметая на своем пути все и вся (пять боевых магов — страшная сила), два раза Криса едва не схарчили нежити, но собраться по профессии отбили его, на мой взгляд, только потому, что сами имели виды на тушку. Следующим ярким воспоминанием был спор под устьем шахты: наверху смеркалось и лезть на камни в полутьме не хотелось никому. Самым простым способом привлечь внимание было испортить отвращающий знак, но тогда придется всю ночь отражать атаки осмелевших нежитей — тоже удовольствие ниже среднего. Разумных идей не было по причине усталости и раздражения.

В самый разгар перепалки из поднебесной вышины раздалось осторожное:

— Ау! — и во внезапно наступившей тишине. — Здесь есть кто-нибудь?

Охрипшие от спора «чистильщики» разразились возгласами облегчения и противоречивыми требованиями бежать, стоять, нести и бросать. Мнения по поводу того, что именно должен сделать неизвестный в первую очередь разделились, общим осталось желание увидеть какой-нибудь шнур. Озадаченный голос принялся дотошно выяснять, какой длины, толщины и цвета должна быть веревка. Я внезапно понял, что там, наверху — белый, и содрогнулся. Он же серьезно начнет искать точно такую веревку и никакую другую не принесет!

— Нет, мужик, нет! — я, не глядя, раздавал тумаки, заставляя «чистильщиков» заткнуться. — Просто приведи помощь, понял? Приведи кого-нибудь на помощь, как можно скорее!

Я думал, меня сейчас убьют или, как минимум, сильно покалечат, но вмешался Райк.

— Замерли!!! — рявкнул полковник, заканчивающий выводить у стены знаки защитного периметра. — Мастер правильно сказал. Это же Малек, не узнали?

Должно быть, имя было нарицательным. «Чистильщики» тут же остыли, заухмылялись и начали рассаживаться поудобней.

— Ну, этот уж пойдет так пойдет!

Как ни странно, обернулся Малек быстро — всего через

полчаса сверху раздался другой, гораздо менее дружелюбный голос.

— Кто там?

«Чистильщики» весело загомонили.

— Брист, скотина, тащи веревку! И харчей. Понял? Харчей побольше!!! Да, целителя прихвати!

Этот эпизод стал последним воспоминанием того дня, причем, амнезию я себе устроил сам и по банальнейшей причине — на меня напал Шорох. Обычно такой сдержанный, монстр словно взбеленился, иллюзорную молнию он игнорировал и с исступлением обрушил на меня волны разрушительной энергии, призванные разнести мое сознание в дым. Уродец просто не понял, с кем связался: после двух дней поста я сам был как одна большая нежить, и первый, кто сумел привлечь мое внимание, огреб по самое не балуй. Мы сцепились в пределах одного тела — две равные по злобности твари — человеческий организм просто не рассчитан был на такое напряжение. Кажется, все закончилось настоящим электрическим разрядом (даже ожоги остались), после чего меня сочли припадочным и отправили к целителям, болеть. Так мы и лежали в одной большой палате — я, Крис и Райк, у которого внезапно открылась язва. Не хочу указывать на кого-то пальцем, но, пока мы бегали по подземельям, с ним все было в порядке, а как он услышал, что координатор Ларкес хочет узнать, почему он поволок с собой в шахту непрофильного специалиста, так у него открылась язва.

Я лежал на огороженной матерчатыми ширмами койке (единственная уступка черной натуре, на которую пошли целители) и пытался придумать, что мне делать дальше с моим жильцом. Случаев полного исцеления от Шороха история не знала. И потом, именно сейчас, когда он мне нужен! Что это на него нашло, кто мне скажет?

Вопрос риторический. Я обратился мыслью в себя, осторожно ища контакта (монстр по-прежнему ворочался где-то на границе сознания). «Ну же, чудовище, куда ж ты подевалось!» Меня посетило бредовое ощущение, что нежить совсем по-человечески напуган (я успел изучить это чувство в нескольких вариантах и уже мог уверенно распознавать). Отлично, он не только помешан на морали, но еще и склонен к истерикам. Интересно, он только со мной такой или по жизни дебил?

Я старательно излучал что-то сочувствующее и утешающее (Сюсюкать! И с этим — тоже сюсюкать!!!). Если Искусники узнают, чем занимается черный маг — с горя утопятся всей сектой. «Ну же, маленький (!), иди сюда, я тебя не обижу (знать бы — как!), может, даже помогу чем-нибудь». Его напугало нечто,

увиденное мной в подземельях, образ, поразивший Шороха до глубины его немыслимой сущности. И что характерно: нежить сам не понимал причин своей реакции, опознание угрозы произошло мгновенно, как шок.

Единственной необычной штукой, которую я там встретил, был выползень, но что может сделать нежитю алхимический конструкт? Да пофиг!

«Тише-тише, нет причин бояться. Он надежно заперт, а если выберется оттуда, я его скручу и отправлю прямым ходом в какой-нибудь вулкан — никакие щиты не помогут».

Шорох наградил меня красочным видением неуязвимого создания, шагающего через огонь и дым. Я вернул ему картинку стеклянисто блестящей многоножки, исправно тянущей на себе помятого «чистильщика». Вообще-то, по виду эта штука была — соплей перешибешь, но мне хорошо запомнилось, как трясло от боли покалеченного Криса (вот что бывает с теми, кто много из себя строит). Шорох успокоился. Осмелев, я подкинул ему парочку воспоминаний Мессины Фаулер, но эпоха Наблы монстра не заинтересовала — он попросту свалил.

До меня не сразу дошла глубина совершенного открытия: Шорох был не вечен, во времена подводного города его еще не было, а во времена подземной крепости он уже был. Я не выдержал и полез в тумбочку, искать свои шмотки — осколок темного стекла и дневник — открыл книжку на чистой странице и записал: «Археология. (абзац) 1. Город Бекмарка (с новой строки) 2. Кейптауэр (с новой строки, крупно) Желателен труп!».

Ну, вот, дело сделано. Теперь никуда им от меня не деться.

Я закинул дневник в тумбочку и настроился пофилонить недельку, но все удовольствие испортили визитеры — ко мне постоянно ходили и носили гостинцы. Не знал, что у меня столько доброжелателей! Поймите правильно, я обожаю выпечку Полака, но с двух сторон от моей ширмы лежали «чистильщики» и завидовали — к ним-то никто не ходил, а что такое зависть вышестоящих мне объяснять не требовалось. Угощения они бы не приняли (гордость!) приходилось выкручиваться — делать вид, что от капустной начинки мне нехорошо (а еще от тыквенной и гороховой). В качестве одолжения (и чтобы не пропадал продукт) два мага моментально выедали любое количество снеди, а я вынужден был жевать свою долю тайком и под подушкой.

Долго так продолжаться не могло, пришлось выздоравливать.

Глава 34

— Спасибо, дружище, порадовал. Ну, выздоравливай, не буду мешать.

Отвертеться от разговора с Ларкесом Райку не удалось — Лемар безжалостно протащил в его палату телефонную линию. Результат разговора заставил координатора сделать несколько вещей, первой был телефонный звонок.

— Здравствуй, мой дорогой, — в голосе мага сквозило огорчение, — похоже, что наш договор себя исчерпал.

Трубка решительно запротестовала.

— Неужели? Тогда объясни мне, что это твои «братья» вытворяют в Суэссоне.

Трубка уверенно отрапортовала.

— Вот как? — в голосе Ларкеса появилась тщательно рассчитанная порция яда. — А разрешение на устранение моих сотрудников они тоже получили? «Жертвуем ради будущего»?

Девиз Искусников произвел на собеседника впечатление грома и молнии, в трубке воцарилось молчание.

— Вот что, дорогой, — координатор позволил голосу зазвенеть от ярости, — если у моей службы в Суэссоне возникнут малейшие трудности (особенно со стороны прессы), подробности ваших развлечений в Кафолке моментально станут достоянием гласности. Да, да, те самые «работы» по изучению природных функций Источников. Готов поклясться, что запрещенных сект тут же окажется две!

Трубка трепетала в ужасе.

— Будь здоров, мой драгоценный.

Довольный произведенным впечатлением, Ларкес оборвал разговор. Координатор давно пришел к мнению, что периодическая встряска нужна не только черным. Белые тоже умеют зарываться, время от времени их следует тыкать мордой в последствия благих намерений, регулярно приводящие в Ад. Чисто для моциона.

Следующим был вызван секретарь.

— Организовать операцию информационной поддержки в Суэссоне. Требуется нивелировать высказывание о присутствии Искусников, в идеале — сфабриковать сообщение о гибели маньяка.

Секретарь кивнул и вышел, Ларкес проводил его отсутствующим взглядом (недавно выяснилось, что ассистент старшего координатора не в меру общителен, а при общении склонен комментировать поведение шефа). От этого сотрудника

придется избавляться — молодой человек так и не смог понять, что его начальник никому ничего не должен, например, совершенно не обязан производить хорошее впечатление на всех подряд, включая шофера и полотершу (как и все черные, Ларкес очень серьезно относился к вопросам иерархии).

Координатор вернулся к изучению доклада, который при появлении подчиненного, не задумываясь, прикрыл какой-то справкой.

Предчувствия мага оправдались — с таким трудом выявленные сторонники секты пришли в движение. Один из подозреваемых встретился с личностью, чья связь с Искусниками в доказательствах не нуждалась: белый патриарх, яростный борец с Инквизицией, ратующий за свободу проявления магии и при том — творец ограничивающего черное Обретение знака. Пути двух людей пересеклись не более чем на пару минут, однако Ларкес был уверен — передача эстафеты состоялась.

Итак, в фокусе внимания сектантов — Септонвиль, спокойный городок на сорок тысяч жителей, окруженный пастбищами и каменистыми холмами. Логично: пока НЗАМИПС взбудоражен происшествиями в Редстоне, городе-миллионнике, основное действие будет развиваться в заштатной глуши, где местный «надзор» вполне уверенно контролирует ситуацию, несмотря на обилие беженцев из Краухарда.

Беженцы! Как полагается черному, Ларкес испытывал презрение к неудачникам. Люди, не сумевшие принять суровые обычаи новой родины, едва Краухард начал оправдывать свою легендарную репутацию ломанулись прочь, подобно стаду неразумных баранов. Естественно, что в их неустроенности оказался виноват кто угодно, только не они. Отличная питательная среда для сектантов — именно среди таких недоумков они и набирают расходный материал.

Очевидно, что Септонвиль уже пропитан влиянием Искусников, как невезучий дуб — грибницей ведьминой пенки, внедриться в город, не привлекая внимания, нечего и думать. А надо. Что же может отвлечь придирчивых наблюдателей, позволить приблизиться и не вспугнуть? Пальцы координатора сложились в непонятную фигуру — Ларкес улыбнулся своим мыслям.

Шапито! Да-да, цирк со слонами и карликами, дрессированными медведями, воздушными гимнастами, мрачным Черным Магом и оравой рыжих клоунов. В шумной толпе среди пестрых вагончиков легко можно спрятать целый штурмовой полк, а уж для двух умеющих не привлекать внимание людей место найдется без труда.

И плюньте в глаза тому, кто скажет, что Фарфоровый Господин Ларкес не имеет чувства юмора.

Я стоял и тупо разглядывал плесневелый камень, гордо лежащий в аквариуме. Так вот как выглядит это чудо белой магии, рудные бактерии — немного белой слизи на поверхности булыжника. Потом воду из аквариума следовало сцедить, высушить, прокалить, и получить ноль-ноль не догонишь грамм чистого продукта. На мой взгляд, такой метод не мог оправдать себя даже при добыче платины.

Йохан добровольно взялся посвящать меня в тонкости природничества.

— Создавать новый организм из минералов хлопотно и, зачастую, бессмысленно — все базовые варианты опробованы до нас. Чрезвычайно трудно переплюнуть в предусмотрительности его величество эволюцию.

В этом и заключена непередаваемая специфика белой магии: алхимик изготовляет комплектующие и собирает вещь, черный маг создает проклятье и заставляет его жить своей жизнью, а эти деятели берут живое существо и меняют его так, чтобы оно приобрело нужные свойства. Со слов нашего умельца выходило, что заклинание лишь задавало вектор изменений, а мастерство мага заключалось в том, чтобы задуманное не перечеркивало другие полезные свойства организма, включая жизнеспособность.

— Окружающая нас среда исключительно агрессивна! — сверкал глазами Йохан. — Вокруг незримо обитают миллиарды существ, готовые неудержимо размножаться, используя любую доступную пищу. Даже абсолютно стерильные препараты вне лаборатории тухнут за неделю! Если новое существо окажется неспособно дать отпор аборигенам, то закончит жизнь еще в пробирке — его попросту съедят заживо.

Ну, или оно всех съест. А самым сложным было сохранение нужного свойства у потомства двуполых существ, склонных быстро избавляться от лишних прибамбасов.

— Требуется непрерывный, титанический труд! Иначе мыши-ткачи становятся обычными серыми грызунами, а уникальные поющие подсолнухи — вульгарной масличной культурой.

— Почему же птицы не становятся рыбами? — недоверчиво хмыкал я.

— В природе проще, — пожимал плечами маг, — неприспособленные не выживают.

Это навело меня на мысль, которую я решил тщательно обдумать на досуге.

— Как впечатления?

От взгляда на Четвертушку я испытывал непередаваемое наслаждение: губы у Рона были разбиты, а на глазу красовался фантастический по цвету синяк (он думал, пока меня нету, все сойдет — не выгорело). А почему? Потому, что шустрый горожанин клеил местных баб и горячие сельские парни крепко отметелили нахала. Да, это тебе не Редстон, тут взгляды на жизнь еще патриархальные. Рон оказался достойным противником и с места побоища ушел на своих двоих, хотя с такой рожей девки ему в ближайшее время не светили (разве что еще один фонарь набить для симметрии). За неимением других развлечений, Четвертушка помогал Йохану и насмотрелся на плесневелые камни вдосталь.

— Имею мысль, хочу обдумать. Ты в пятницу свободен?

— Нет, у нас аврал.

Четвертушка решил связать свою карьеру с деятельностью хлопководов. Кто спорит, алхимики им были нужны.

— Ну, и фиг с тобой!

Я предпочитал обдумывать идеи за кружечкой пива, в тихой, камерной обстановке, а в доме удавленника стало слишком беспокойно (Опять! А ведь я только-только устроился). Может, действительно башню построить, где-нибудь посреди озера? И напустить в него крокодилов… Тут выяснилось, что Бандит нассал в тапки бывшему директору и поднялся такой гам, что меня вынесло на улицу одной звуковой волной. Еще немного и я вышвырну их из моего дома, да еще и знаки отвращающие поставлю, чтобы обратно не влезли! Надо сваливать, пока кому-нибудь не пришло в голову сделать меня арбитром. Мотоцикл завелся с полпинка и, ласково взрыкнув, унес меня навстречу запахам весны. И это уже становилось традицией…

Черные маги не любят природу и не ездят на пикники, но именно пристрастие болтаться где-то на ночь глядя, судя по всему, спасло мне жизнь. А еще — бдительность Бандита (никогда бы на кота такое не подумал).

Я возвращался с очередной прогулки, умиротворенный и грязный по уши, почти не обращая внимания на окружающее. А зачем? У меня защитный периметр вокруг усадьбы, да еще и Печати слежения всюду понатыканы — кошка не прошмыгнет (мне только котят не хватало).

И вдруг моим глазам предстала удивительная картина: Бандит пристроился на краешке помоста, который я соорудил для Макса (зомби любил сидеть высоко и смотреть далеко) и, подобравшись, напряженно следил за чем-то внизу. Поднятая дыбом шерсть делала кота похожим на меховой шар с двумя медными пуговицами. Мой верный пес немного офигевал от

такого соседства, но никакой опасности не чуял.

Мне стало интересно, что могло так напугать наглую зверюгу. Я проверил Печати — никого, напряг чувства, пытаясь охватить мыслью живое и неживое, внезапно обнаружив тянущую пустоту в походе между домом и сараем. Того, кто там стоял, невозможно было увидеть магическим зрением — он был прикрыт щитом.

Однако. Магистров магии я в дом не приглашал. Ну, будет вам сейчас сюрприз!

Черные очень нервно относятся к вторжению на свою территорию, а у меня эта тема уже наболела — еще один гость был лишним. Я растеребил Источник и приготовил плетение с самыми мерзкими постэффектами, какие только мог выдумать.

Лови!

Превентивный удар спас мне жизнь — противник выметнулся навстречу с немыслимой скоростью. Второй удачей стало то, что я не пытался его сокрушить, только ошеломить, и вместо штурмового проклятья выпустил перед собой плетение из арсенала некроманта (как пыльным мешком по голове, а потом еще и блевать тянет). Ну, а дальше оставалось только развивать успех, потому что с трех метров перепутать напавшее на меня существо с человеком было невозможно. Передо мною стоял голем, человекообразный конструкт из камня и магии, причем, магии явно было больше. Собственно говоря, большую часть его объема составляли черномагические плетения, едва различимые глазу и невероятно тонкие по исполнению, их было МНОГО, они легко взаимодействовали с материалом основы, заставляя костяк голема изменять форму и перемещаться в пространстве.

Что б я так мог!!!

Конструкт был настроен недружелюбно. Мои плетения явно его дезориентировали, поэтому пришлось устроить вокруг себя жутких хаос, на секунду его структура словно мигнула и прежде, чем он превратился во что-то более устойчивое, я перехватил управление. Вовремя — конструкт выпустил из себя здоровенное лезвие, упершееся мне в грудь. И вы знаете что? Благоговение перед удивительной конструкцией мгновенно испарилось. Мысли потекли в другом направлении — как его сломать.

Привязать не получится — он просто вытечет из любых оков. Замуровать? У меня не было под рукой такой большой банки, к тому же, он может расковырять ее изнутри.

Загнав голема в гараж, я честно попытался распилить его на части. Под полотном ножовки зачарованная плоть размягчалась, плавилась и разъедала сталь, как хорошая кислота. И никаких следов распила. Можно было попробовать гильотинные ножницы,

но раньше мне такие устройства были ни к чему. Вот тут-то мне и вспомнились бредни Шороха про неуязвимые существа. Интересно, а как выглядел бы голем в одежде?

Я сбегал в дом, весело поздоровавшись со всеми и объявив, что мне надо протереть мотоцикл. Под ворохом грязных тряпок удалось незаметно вынести осколок стеклянной пластины, так удачно стыренный в подземелье. Вот где интуиция! В каждом мельчайшем кусочке, в каждом кристаллике этого вещества жило свое собственное плетение, и что характерно: резать что-либо кроме бумаги стекляшка категорически не желала. Спрашивается, причем тут гуль.

Вот сейчас и разберемся.

В качестве ножа осколок был предельно неудобен, к счастью, прилагать усилий не требовалось — магическая плоть голема словно бы шарахалась от темной поверхности, позволяя отделять неровные куски. Я безжалостно расчленил добычу, отчекрыжив голову, конечности и вырезав из тела пару фрагментов, выглядящих чересчур замысловато (видел бы меня кто за этим делом…). Дальше в ход пошли банки из-под реактивов Йохана (благословенно будь, краухардское скопидомство!). На то, чтобы пропихнуть куски голема сквозь узкие горлышки и нанести на стекло удерживающие Печати, ушла почти вся ночь, зато теперь я мог не бояться этой твари. По крайней мере, этой конкретной.

Хорошо бы еще узнать, откуда она взялась.

Естественно, ни малейшего желания лезть в шахту, и проводить инвентаризацию тамошних обитателей у меня не было. Весь следующий день я рыскал по окрестностям и мучил Бандита, пытаясь понять, как ему удалось заметить чужака. Потом мне пришло в голову спросить у Йохана, чем отличается восприятие мира кошкой и человеком.

— Кошки слышат недоступные человеческому уху звуки и могут немного видеть тепло, — печально сообщил белый.

Наверное, он переживал о судьбе своих бактерий, но мне жизнь была важнее, чем деньги.

— Сейчас поставлю кое-какие эксперименты, — утешил я его, — а к концу месяца определимся, куда двигать проект.

Поскольку на ощупь банки были совершенно холодные, я сосредоточился на звуках — распотрошил граммофон, присоединил к нему самодельные микрофоны и фильтры. Да! Ошметки голема отчетливо звучали, причем все — на одной частоте. Это упрощало дело. Я сбацал три амулета, реагирующих на этот звук, один оставил себе, другой укрепил в мотоцикле, а третий отнес Райку (мне пришло в голову, что его подчиненным такие штуки тоже могут пригодиться).

— Ну и? — нахмурился полковник.

— Если сработает, ховайся под кровать и молись, — честно предупредил я.

Что поделать, не всем же быть некромантами!

Любопытство черного — страшная сила. Райк справился со своей язвой буквально за пару часов и в тот же день завалился ко мне, волшебным образом угадав время ужина.

— Надеюсь на объяснения! — надменно заявил он.

А я думал, он на добавку надеется. Как ему прокормиться-то удается, когда напроситься не к кому? Я завел его в гараж и продемонстрировал банки, он сначала не понял, и пришлось объяснять.

— Магию чую, а структуру рассмотреть не могу — слишком мелко, — пожаловался Райк, вертя в руках осколок стекла.

Странно, а я как раз все отчетливо вижу.

— Из твоих никто не пропадал?

— Нет. Думаешь, он оттуда?

— А откуда? — можно подумать, ему такие приколы каждый день встречаются. — Мы накачали Силой двоих — выползня и того якобы «гуля», он тоже на эти пластинки странно реагировал. И хорошо, если они не могут делиться друг с другом энергией.

— М-да, — полковник тряхнул банку и внутри внезапно образовалась структура из колец и треугольников. Банку Райк не выронил, но внятно выразил свое мнение о големе, его предках (если они были) и потомках (если они будут). И еще — о том недоумке, что разворошил осиное гнездо.

— Вы предпочли бы иметь их под ногами и не знать об этом? — пожал плечами я. Напоминать, что проход через крепость спас нам жизнь, было излишним.

— Ладно, меры мы примем, а ты смотри, не трепись об этом! Никогда не знаешь, что народ отчебучит.

Угу. Одна половина жителей Суэссона решит спасаться бегством от армии големов, а вторая — ринется под землю, в поисках охраняемого конструктами сокровища.

Злополучную шахту по-тихому опечатали — вывалили туда пять грузовиков песка, и сплавили его штурмовым проклятьем (второй номер, Дик Кирчун, активировал пентаграмму с расстояния двухсот метров — вот где сила!). На жерло Паловых Грабней поставили дополнительные амулеты, а запасной выход из крепости (если он был) обещали искать.

Шорох гордился мной так, словно специально выбирал на роль борца с големами. Вид непобедимого конструкта, законсервированного в банках, приводил его в состояние, близкое к эйфории. Но вспоминать что-либо об этих штуках монстр по-

прежнему отказывался.

Глава 35

Цирк приехал!

Под лихой, бравурный марш по дороге пылила колонна расписных фургонов, влекомых громадными меланхоличными битюгами. Величественно шагали слоны, тигры в открытой клетке прижимались к решеткам полосатыми мордами, дирижер на платформе с оркестром так лихо размахивал своим жезлом, что было совершенно непонятно, помогает он музыкантам или наоборот. Впереди, в ярко-желтом автомобиле с отрытым верхом ехал хозяин (а скорее — вождь) толпы неунывающих актеров, при виде местных жителей, со всех сторон высыпающих к дороге, он вставал, приподнимал черный лакированный цилиндр и шевелил набриолиненными усами.

Нет, Ларкес не собирался покупать целую труппу, ему достаточно было знать кое-что про прошлое определенных людей и уметь делать намеки, а связать события двадцатилетней давности и солидного маэстро Бальзамо не смогли бы никакие Искусники.

Случилось так, что получивший отставку инквизитор некоторое время жил в городе, где отделение секты существовало почти легально. Общество относилось к резвящимся белым благодушно, никто не ждал от них беды. И вот какому-то заигравшемуся «гению» пришла в голову мысль, что цирковых зверей угнетают. Однажды ночью «благородные борцы» открыли клетки, да еще и подожгли ненавистную «тюрьму животных». Мелкая живность, спрятавшаяся по углам, сгорела сразу. Огонь быстро перекинулся на деревянные фургоны, в узких проходах метались полуодетые люди, визжащие от страха лошади и звезды манежа, четыре огромных каштадарских льва. Одного растоптали напуганные запахом хищника слоны, двух застрелили подоспевшие полицейские, и лишь один достаточно доверял людям, чтобы позволить загнать себя в чудом уцелевший фургончик, но тоже не спасся — сердце огромной кошки не выдержало испытаний (львы, они такие). Через два дня труппа покидала город, оставив на главной площади — не разобранные руины, а на кладбище для бедняков — восемь скромных обелисков.

Зато теперь ни один фургон цирка Бальзамо даже теоретически не мог гореть!

Воинственно топорщились набриолиненные усы, гремела музыка, выпрыгивали из фургонов жонглеры и акробаты, кидали в воздух факелы и шли колесом, а город ликовал, приветствуя

гостей.

Дэрик рассматривал шумный карнавал с тихим раздражением — теперь его внимания требовали почти две сотни человек, а ресурсы не бесконечны.

«Ничего, — утешал себя он, — циркачи уедут через неделю, а любой задержавшийся будет в городе как бельмо на глазу».

Реальность, естественно, не пожелала идти навстречу человеку — цирк задержался в городе на две недели (слишком уж хорошие были сборы), а когда пестрые фургоны снова двинулись в путь, с ними уезжали старая дева лет пятидесяти, тихо доживавшая свой век без подруг и родни, и кладбищенский сторож — заика и пьяница, иметь дело с которым считали зазорным даже городские попрошайки.

Но город не заметил потери — в Септонвиле поселились допельгангеры.

Мастеров превращений Ларкес одолжил у армейской разведки, которую происшествие в Арангене, скажем так, не порадовало. Мстительный Зертак отрядил на дело лучших из лучших и настроение у шпионов было отнюдь не курортное. Старшей в группе значилась Лаванда Килозо, уникальная в своем роде белая, обожающая рискованные предприятия. Волшебница с лицом семнадцатилетней девушки недавно разменяла пятый десяток лет, но по характеру осталась неугомонным подростком. Она врала, как дышала, могла перевоплотиться в любого человека даже без помощи магии, а с применением ворожбы сходство становилось просто пугающим. Противовесом легкомысленности мисс Лаванды служил ее напарник, Пит Брено — человек без капли Силы, зато обладающий фотографической памятью и редкой способностью передразнивать голоса (а заодно и возможностью поддержать белую грубо физически). Приказ переключиться на борьбу с внутренним врагом напарники восприняли с пониманием (в чем-то нынешнее дело было даже опаснее, чем миссия на острова), но к выбранным ролям отнеслись по-разному.

— Тебе хорошо, — бормотал помятый детина без следов заикания, — ходи, цветочки нюхай. А со мной все пытаются расплатиться самогоном! Я скоро и вправду алкоголиком стану.

— Амулет не работает? — поинтересовалась сидевшая напротив леди «синий чулок», хитро блеснув молодыми глазами.

— Почему, работает. Но каждый раз такое чувство, что пью кошачью мочу.

Мнимая горожанка усмехнулась и продолжила обновлять грим, призванный превратить молодого, полного сил мужчину в опустившегося пьяницу. Баночки с пудрой и краской, парики и

цветные карандаши были беззаботно раскиданы по столу: сторожка при кладбище — это такое место, куда в семь утра не могут нагрянуть посторонние.

— Говенный городишко, — суммировал Пит первые впечатления. Из зеркала на него смотрел могильщик Гуго, новый образ на ближайшие месяц — два.

— Чем же? — немедленно встрепенулась волшебница (ей провинциальные города нравились).

— Воруют. На дверях замки, на витринах — решетки, нищие на каждом углу, и это в провинции!

— Ты просто на западную окраину тележку не возил.

В бытность циркачом Пит продавал с лотка билеты и сувениры.

— А что там?

— Беженцы, о которых предупреждал координатор. Живут в бараках при прядильной фабрике.

Что значит присутствие такого контингента в городе, оба знали на множестве поучительных примеров.

— Схожу-ка я, потолкаюсь среди них, — решился Пит.

— Будь осторожен — побьют.

— Не впервой!

Лаванда одернула коричневое шерстяное платье, доставшееся ей от прототипа — мисс Табрет (когда-то пряжа из Септонвиля хорошо продавалась), и попыталась оглядеть себя в крохотное зеркало.

— А я начну с рынка, — решила она.

Это только кажется, что искать в незнакомом городе глубоко законспирированную группу — дело безнадежное. Любая деятельность, выходящая за рамки интересов среднестатистического обывателя, прослеживается достаточно легко, были бы рядом внимательные глаза. Конечно, работу осложняло отсутствие поддержки властей, но для шпиона подобная ситуация скорее норма, чем исключение (не раз и не два Лаванде Килозо приходилось проникать в сокровенные человеческие тайны буквально по волшебству — слыша обрывки фраз, читая выражения глаз, наблюдая за позами и жестами). Под личиной мисс Табрет ходить по городу и слушать разговоры было очень просто — на эту серую мышку никто не обращал внимания, но для получения результатов таким методом требовалось время. Лаванда наслаждалась.

Внешне благополучный Септонвиль действительно оказался мутным местом. Прядильная фабрика, дававшая работу и своим, и приезжим, недавно сменила хозяина и закрылась (якобы на реконструкцию), на улице оказалась масса народа, к праздности и

нищете не привыкшего. Отдельной статьей шли беженцы, среди которых не было краухардских старожилов — люди поселились в предгорьях в период относительного спокойствия и, едва Сумеречный Край начал оправдывать свою репутацию, в панике ломанулись прочь. В Септонвиле оказались те, кто один раз уже не сумел принять обычаи новой родины, по глупости либо из гордыни, а теперь снова остался ни с чем. Маленькая колония переселенцев жила безадресной обидой и горечью несбывшихся надеж, а, как известно, желающий быть обиженным — будет им.

— Сажать можно через одного, — мнение Пита об обитателях фабричных бараков было однозначным, — либо воруют, либо — брагу гонят, либо еще какой фигней занимаются. Про «надзор» там вообще слыхом не слыхивали, правда, с Источником почти никого нет.

Но армейское начальство не интересовала преступная деятельность как таковая, единственной целью агентов был запретный ритуал. Как же вычленить из общей кучи нужный след?

— Горожане живут своей жизнью, — Лаванда машинально тискала в руках вышитую бисером сумочку, жест обиженной старушки получался у нее все лучше, — проблем стараются не замечать. Нельзя сказать, что кто-то запуган или страдает. Полиция и «надзор» отлично экипированы, дисциплина на уровне. Не знаю пока, что здесь затевается, но это нечто должно иметь весьма странную форму.

Пит кивнул.

— Что-то, до последнего момента вполне легальное.

Мисс Лаванда мечтательно вздохнула — она любила загадки. Близость врага будоражила нервы, нелюбимое большинством белых чувство придавало ее мыслям остроту алмазной паутины. Божественно!

— Координатор сказал, что ритуал подразумевает жертвоприношение черных, — задумчиво проговорила шпионка, еще не зная, куда заведут ее рассуждения, — а эта публика табором не селится. Похищать людей заранее — слишком рискованно. Где они найдут столько бойцов, чтобы справиться с полудюжиной буйных психов?

— Действительно, — Пит отлично представлял себе, что такое содержать в плену черного, и не одного.

— Надо искать организованные группы. Может, какой-то эмпат пользуется популярностью у черных? — среди Искусников всегда было аномально много подобной публики. — А еще, надо выяснить, много ли здесь детей и подростков, не прошедших Обретение — все-таки, Краухард близко. Не выцеливают ли они

молодняк? Ах, как жаль, что в «надзоре» крот! Придется выкручиваться самим.

И вновь началось хождение по улицам, менее ухоженным, чем прежде.

Да, черные — индивидуалисты, но при этом каждый из них в курсе, сколько ему подобных живет поблизости (имен может не знать, но степень владения магией и общественный статус укажет безошибочно). Достаточно найти кого-то одного, заплатить и дело — в шляпе. Так рассуждала мисс Лаванда, не спеша, впрочем, войти ни в первую, ни во вторую приглянувшуюся ей дверь — обращаться к дорожащим своим статусом магам было рискованно. Для начала надо выяснить, какое влияние имеет на местных продажный офицер НЗАМИПС, иначе беспринципные типы ее немедленно сдадут, причем, даже не за деньги.

А еще лучше — расспросить обо всем подвыпившего болтуна, который выдаст нужную информацию, и даже не запомнит, что и кому говорил. Для работы с таким клиентом нужно было отыскать приличное, но не слишком дорогое заведение, работающее допоздна. Возможностей — море!

Положившись на шпионскую удачу, Лаванда бродила в образе горожанки и зорко поглядывала по сторонам.

Внезапно, за ее спиной раздался топот множество ног, едва не сметя мнимую мисс Табрет, мимо пронесся мальчишка лет двенадцати в потрепанной форменной курточке, мелькнуло бледное лицо с торжествующей ухмылкой. Для того чтобы понять, какой именно Источник освещает его путь, ритуалов не требовалось. За черным, с возмущенными воплями, гналась целая толпа детей, не очень, впрочем, старающихся догнать свою жертву (Лаванда готова была поставить годовое жалование на то, что криками дело и ограничится). Неужели — след? Отметив, в каком направлении унеслась галдящая орава, леди-шпион широкими зигзагами начала выбираться туда же.

Следующая встреча напарников состоялась в кустах акации, под которыми мнимый могильщик Гуго якобы спал. Мисс Лаванда выглядела встревоженной.

— Знаешь, Пит, это дело начинает дурно пахнуть, как бы нам не облажаться.

Мужчина постарался стряхнуть сонливость — на его памяти Лукавая Килозо еще ни разу не паниковала.

— Выкладывай, что ты там откопала.

— На окраине — частный приют, тут вообще очень много чего существует на пожертвования. Из пятидесяти детей восемь — черные, мальчики двенадцати-тринадцати лет.

— Не доказательство, — усомнился напарник.

— Ну да? Ты знаешь благотворителя, готового добровольно опекать такое количество черных, да еще — мальчишек и тем более — одногодков? Они же способны ад кромешный устроить! И я видела там нашего незнакомого друга из НЗАМИПС, — мисс Лаванда помрачнела. — Он бил мальчишку. Я понимаю, что с черными без этого нельзя, но ногами, по земле, при свидетелях… Такое унижение порождает только злобу, Пит. Они не собираются воспитывать этих детей, им нужно лишь обеспечить повиновение, на очень короткий срок.

Тревога Лаванды передалась напарнику — оба они знали, как высока ставка в этой игре.

— Если так, то эти сволочи готовы провернуть все мгновенно, — озвучил Пит общий вывод, — дети пойдут за старшими, даже если ненавидят их.

— Надо организовать засаду! — глаза волшебницы горели энтузиазмом. — Ты будешь дежурить ночью, я — днем…

— Остынь, это никому не поможет. Если с ними будет боевой маг, ни ты, ни я с ним не справимся. И не забывай о цели операции — боссам нужно руководство секты.

— Мы что, должны найти им место ритуала и список приглашенных? А на детей — плевать?!

Пит вздохнул — его напарница, будучи специалистом тайных служб, все равно оставалась белой, хотя, тут дело не в Источниках (выходя на дело, Лаванда становилась до изумления бесчувственной). Мириться с жестокостью и несправедливостью в собственном доме — совсем не то, что наблюдать за участью сариотских рабов, тут понятиями свой-чужой не прикроешься. В такой ситуации даже прагматичного, не отягощенного никакой магией человека тянет в герои.

— Я хочу сказать, что пора требовать подкреплений, осталось только понять — как.

А вопрос был не праздный — связной должен был ехать через город только на следующей неделе.

Но к мисс Лаванде уже вернулся оптимизм и хорошее настроение.

— О! Это просто — мы вызовем их по почте.

— Шутишь? Такое письмо даже город не покинет.

— Это смотря как писать и кто будет посылать…

— Да кто он такой? — возмущался прилично одетый господин за столиком не самого дешевого трактира. — Доводить ребенка до слез, ломать его вещи!!! Я этого так не оставлю, Гэб!

Дэрик, сидевший к возмущенному горожанину спиной, не скрываясь, морщился и прикидывал возможные последствия

конфликта. Что поделать, с приближением решающего момента некоторые братья начинали терять самообладание! Может, не стоило выдавать Шимуса за учителя? С другой стороны, чем еще может заниматься белый, единственный полезный навык которого — похищение Источников? Пытаться запугать возмущенного отца означало выйти из образа, убийство могло привлечь слишком много внимания в самый неподходящий момент, проще всего было отозвать Шимуса и занять его чем-нибудь на постройке Щита, например, пусть активирует Печати, их в чудном устройстве древних больше пятидесяти. Нет, Дэрик не сомневался в том, что задуманный Посвященными ритуал состоится, и полностью доверял магическому искусству Учителя. Но в записях Основателей говорилось, что некогда искомое устройство можно было унести в руках, а то, что пытаются соорудить они, едва помещается в огромном цехе бывшей прядильной фабрики. Почувствуйте разницу!

И, думая об этом, Дэрик совсем не обратил внимания на супружескую пару, прогуливающую по бульвару девчушку лет семи. Вчера, после разговора с невзрачной соседкой, глава семьи загорелся желанием купить дочери куклу в самом знаменитом магазине игрушек (по совместительству являющемся резиденцией армейской разведки). Он немедленно написал письмо с просьбой выслать каталог, совершенно не задумываясь над тем, откуда знает адрес, и как появилась на его столе эта замечательная писчая бумага.

Искусник же думал о своем и голоса интуиции не слышал.

Глава 36

Обещания, данные белым, нужно выполнять, а не то бедняги могут заболеть от расстройства. Новая концепция проекта была готова к концу месяца, хотя и оформлена без должного изящества.

— Вот! — я гордо обвел собравшихся взглядом и не нашел в них понимания.

Четвертушка косил под дурачка, Полак выглядел озадаченным, а Йохан — так, словно у него заболел зуб. Да, художника из меня не получится, придется разъяснять словами.

— Это — принципиальная схема, — невозмутимо сообщил я, широким жестом обводя самодельный плакат, расчерченный на обороте какой-то упаковки. — Верхняя строчка показывает основные проблемы, на которые наталкивается использование рудных бактерий в горном деле. Во-первых, выход продукта с единицы поверхности ничтожен, проще говоря, они плохо едят вглубь — у них зубов нет. Отсюда необходимость измельчения, высокой концентрации раствора и огромные площади орошения (особенно для бедных руд). Поэтому первым делом надо поместить их в контейнер с зубами.

Лицо Йохана на мгновение оживилось, но потом на него снова наползла тень разочарования. Я порадовался, что написал мудреное название зверька на плакате — в отличие от меня, белый явно знал, как оно произносится.

— Контейнером будет червяк, — вот так, небрежно, — он будет проедать в руде норки, измельчая сырье до невиданной тонкости, а бактерии внутри него будут питаться образовавшимся субстратом.

— Грызть руду? — недоверчиво переспросил Четвертушка.

— Это возможно, — вздохнул Йохан, — рудные минералы не самые твердые, но…

Продолжить я ему не дал.

— А выделившийся металл пойдет на строительство брони!

— ???

— Типа раковины. Смотрим на строчку три — проблемы извлечения. Раствор бактерий подается в бассейны и фильтруется колониями моллюсков, которые делают себе металлический панцирь.

Я сосредоточенно выписал кусочком угля слово, звукового эквивалента которого просто не знал.

— Это — рыба. Она будет плавать вокруг и есть червей и моллюсков. Особенно тех, что забурились недостаточно глубоко

или вырастили маленькую раковину.

— А мы будем жарить рыбу! — восхитился Четвертушка, вызвав у белого болезненный спазм.

— Нет. Фигурально выражаясь, рыба будет гадить деньгами. Готовый продукт должен получиться достаточно крупным, чтобы отделить его от воды в простом циклоне. В нижней строчке — производительность бактерий, червя, моллюсков и рыбы, необходимая для того, чтобы цепочка стала рентабельной.

Йохан что-то напряженно обдумывал, даже глаза прикрыл от усердия.

— Слушаю возражения.

А того, кто вздумает ехидничать, выгоню из дома прямо сейчас, на ночь глядя

— Ну, если не считать того, что червь в качестве исходного существа несколько нерационален…

— Это — мелочи! По делу говори.

Я терпеливо ждал, когда до Йохана дойдет маленькая, неочевидная с первого взгляда тонкость. Белый поводил в воздухе руками.

— Что-то тут не вяжется, но что…

— Энергетический баланс, — снисходительно подсказал я, — червей придется подкармливать, чтобы лучше грызли. Ну, там, навоз в воду кидать, жмыхи или еще дрянь какую-нибудь в качестве топлива…

Все, этот белый кончился. Я знал, что ему свойственна задумчивость, но не представлял до какой степени — Йохан просто отключился от реальности, полностью ушел в себя. Можно сказать, дальше обсуждение проходило в его отсутствие.

— Думаю, тебе удалось сказать что-то оригинальное, — усмехнулся Полак. — Хотя я не верю, что никому не приходило в голову использовать для добычи минералов целую экосистему. Как ты предполагаешь отделять пустую породу и осуществлять водообмен? Что делать со сложными по составу рудами?

— Без понятия! — легко признался я. — Будем решать вопросы по мере поступления. Ты мне лучше скажи, он-то с задачей справится?

Полак снисходительно улыбнулся.

— У него, между прочим, звание магистра по природной маги.

Офигеть! У меня в доме живет целый магистр, а я ничего об этом не знаю. Говорят, что вместо Печати мага им выдают шикарный именной перстень с личным гербом, из чистого золота. Интересно, где он его прячет?

Тут Йохан встал и вышел, чудом разминувшись с дверным

косяком. Полак поспешил следом.

— Когда что-нибудь выяснится, я дам знать! — донесся его голос уже со двора.

— Не вздумай трепаться, — пригрозил я Четвертушке, — шею сверну.

— Буду нем, как могила! — принялся божиться Рон.

Ну, насчет немоты покойников я мог бы поспорить, но придираться к словам не стал.

С того дня Йохан практически поселился в своей лаборатории, и на попытки выманить его оттуда отвечал нехарактерно матерно. Полак, по-видимому, считал такое поведение нормальным и едва ли не силой выводил белого для еды и сна. Мне тоже было чем заняться — все полки в гараже были забиты големом, устройство которого я категорически не понимал. Брайен вышел из карантина и НЗАМИПС оставил меня в покое, только на работу приходилось регулярно ездить. За суетой как-то забылось, что на мою жизнь покушались, а ведь у черных принято за такие шутки жестоко мстить! Причем, месть должна была быть предельно адресной и невероятно жестокой (я слышал массу историй на эту тему — краухардский фольклор). К счастью, кроме меня в деле участвовало пятеро очень серьезных господ, и они наверняка не теряли времени даром, если повезет, можно будет без лишних хлопот подключиться сразу к расправе. Уж тут-то я себя покажу! Очевидно, будущим жертвам вселенской справедливости тоже что-то такое приходило в голову, и они решили действовать превентивно. Укокошить нас им не позволили, оставалось только помириться.

Для визита гости выбрали то редкое утро, когда я был дома и один (Йохан — не в счет). У Рона был какой-то аврал с хлопководами, Полак поехал на почту, а у меня инспекционная поездка была назначена на вторую половину дня (Я Люблю Свою Работу!). Амулеты сигнализировали о появлении автомобиля, но прошло полчаса, а в дверь никто не стучал, да и зомби вел себя спокойно. Я вышел посмотреть.

Они стояли за воротами и терпеливо ждали разрешения войти. Похвальная учтивость! Причем, поначалу создавалось впечатление, что визитер только один. Я не стал спускаться с крыльца, просто помахал рукой, и во двор протиснулась самая странная парочка, какую мне довелось видеть. Тонкий и толстый: парень моего возраста, тощий как жердь (не вешалка, а именно жердь) и с ним — натуральный карлик (его за воротами даже видно не было). Оба были одеты в деловые костюмы, которые смотрелись на них откровенно нелепо, вблизи стало видно, что уши у тощего отчаянно топырятся (один в один как у мартышки)

и буйная шевелюра не в состоянии скрыть этот прискорбный факт. А уж выражения лиц… Такой счастливый дебилизм я встречал только у служащих министерства в Хо-Карге (и то не у всех).

Если это — коммивояжеры, то продавать они могут только билеты в цирк.

Но узнать, почем нынче клоуны, мне была не судьба: не дойдя до крыльца дюжины шагов, гости начали кланяться, как сариотские болванчики, и скорбными голосами выкрикивать всяческий бред.

— Мы просим прощения, мистер Тангор!

— Прискорбный случай.

— Мы сожалеем.

— Виноваты!

— Молим о снисхождении…

Так они и пели хором, пока терпение у меня не иссякло. Не то, чтобы мне не нравилось такое обращение, просто я люблю определенность во всем.

— В чем виноваты?

Гости переглянулись, и карлик решился:

— Сломали шахту, — пискнул он.

Тощий отчаянно закивал, от чего волосы у него сбились патлами, и стало видно, что уши шевелятся.

Ни фига ж себе «прискорбный случай» — два человека убиты, один — сгинул (никаких следов бедняги Нестора так и не нашли), а черный маг при исполнении серьезно пострадал!

— Конкретно — вы? — на всякий случай уточнил я. Потому что способность к речи сохранится у них не надолго.

Они замотали головами, причем один в смысле — да, а другой в смысле — нет.

— Друзья.

— Сослуживцы.

— Соратники!

— Братья Салема, — на мое лицо сама собой заползла зловещая ухмылка.

Сейчас свершится моя месть! Пока недруги оставались безликой абстракцией, мои претензии к ним носили немного теоретический характер, а вот конкретных виновных можно было избить… Я смерил свирепым взглядом будущих инвалидов.

Патлатый выглядел совсем как Бандит, опять нассавший в тапки (и эти его уши!), а драка с карликом претила мне чисто эстетически. Умом я понимал, что взрыв и убийства организовывали другие, гораздо более представительные дяди, но дело было сделано: образ зловещих Братьев Салема в моем

сознании навсегда соединился с видом потешной парочки, похожей на ожившую карикатуру. Пренебрежительное отношение и последовательная месть плохо сочетаются, понимаете?

— Мы компенсируем? — с надеждой предложил патлатый.

— Возместим ущерб.

— Оплатим издержки!

— Стоп! — у меня возникло ощущение, что теперь они будут не только петь, но еще и спляшут. — Вира?

— Да!!!

В принципе, такой вариант традиции не противоречил, иначе некоторые районы Краухарда совершенно обезлюдели бы. Но что у них есть такого, чего нет у меня? Я сходил в дом за своим дневником и принялся шуршать страницами. Увидев в моих руках записную книжку, гости заметно погрустнели. Да, вот такие мы, черные маги, не злопамятные. Приходится все записывать…

— Вот, — я нашел нужную тему. — Согласен на аутентичную кость из Города Бекмарка!

Гости испугано сжались. Что такое? Я ведь не кровь младенцев прошу!

— С этим ничего не получится, — глупо хихикнул тощий, поймал мой мрачный взгляд и струхнул уже по-настоящему (хорошо, если не обделался).

— Это не по нашей воле! — зачастил карлик. — Останки хранились в запаснике музея естествознания, без особых мер, даже без заклятий…

Ну, конечно! Это же не артефакты, кому они нужны. Значит, кому-то пригодились.

— Сперли?

— Да, — севшим голосом подтвердил тощий.

Хорошо хоть так, если бы кости похоронили по каким-нибудь дебильным этическим мотивам, кое-кто этого бы не пережил. Ждать, когда наковыряют новых? Если я не ошибаюсь, место тех раскопок даже не в Ингернике находится.

— Другой вариант: то же из Кейптауэра.

Глазки у коротышки забегали.

— Это мы можем, — он поднял голову, на секунду встретившись со мной взглядом, и тут же снова уткнулся в землю, — но поскольку вопрос вашего привлечения к ритуалу в Кейптауэре — дело почти решенное, подобный откуп скоро может показаться вам…

— Надувательством! — закончил тощий за него.

И почему же я все узнаю в последнюю очередь? Надо с этим что-то делать.

Настроения скандалить не было, но отпустить их без виры

означало потерять уважение, а для черного мага такая потеря может очень плохо кончиться (особенно, когда в дело замешаны «чистильщики» — редкостные болтуны). Я сунул дневник подмышку и глубоко задумался. Пожалуй, есть одна ерундовина, которая им по плечу…

— Последнее предложение. Соберете мне всю (имейте в виду, действительно всю!) доступную информацию о моем отце.

Они немного растерялись.

— А родственников расспросить не судьба? — осторожно уточнил тощий.

Нет, сейчас кто-то точно останется без зубов!!! И без ушей. Кажется, последнее намерение ясно отразилось на моем лице, потому что тощий побледнел и попытался спрятаться за своим менее рослым компаньоном.

— Мы сделаем, мистер Тангор! — мячиком запрыгал карлик. — Не сомневайтесь. Дайте нам только месяц. Месяц!

— Даю, — великодушно разрешил я.

И они мгновенно испарились, сохранив свои зубы при себе. Вы когда-нибудь видели, как карлики бегают? Цирк.

Я постарался взять себя в руки.

Родственников ему подавай! У меня не было желания объяснять каждому встречному поперечному, что мои родичи мне врут, причем, врут бездарно. Это так унизительно!

Ну, пробовал я говорить с матерью об отце, и услышал красивою историю о благородном (!) сотруднике «надзора», погибшем при исполнении. Два года назад такая сказка прошла бы на ура, а теперь тень Мессины Фаулер уверенно опознавала признаки лукавства — убегающий в сторону взгляд, суетливые движения руками, неуместную в данной теме улыбку — если бы она при этом еще и теребила платок, картина была бы завершена. Да и без помощи покойницы сюжет смотрелся дико. Нет, поймите правильно, в жизни всегда есть место мелодраме, но не в НЗАМИПС — потом объяснительные записки писать замучаешься (я ведь, кажется, не рассказывал семье о своей второй работе?). А тут еще и Хемалис… Один к одному.

Наверное, мое молчание становилось красноречивым.

— Ты что-нибудь о нем слышал? — забеспокоилась моя родительница.

Ох, мама, о совпадении показаний надо было заботиться заранее!

— Нет, я просто так спросил.

Она пристально посмотрела на меня. То ли мои способности к вранью за последние два года улучшились, то ли общение с белыми ее окончательно испортило — раньше мне не удалось бы

провести ее так легко. Мама расслабилась и защебетала о чем-то несущественном. Я не настаивал — все равно бессмысленный разговор. Понять, в чем именно она лукавит, у меня не получится, проще начать собирать сведения с нуля, чтобы избежать предвзятого отношения. Чуял ведь — надо шефа Харлика навестить! Да когда тут вырвешься?

Я сделал запись в дневник, и тема пошла в работу. Теперь остановить мое желание все знать не могли никакие Силы, люди или проявления стихий.

Глава 37

— Три дня на пересылку почты, — вслух рассуждала Лаванда, — день на обмен сведениями, еще день — на сбор группы. Потом те же три дня на переезд. Короче, раньше чем через неделю они не появятся.

Белые с трудом переносят ожидание и неизвестность, но мисс Килозо продемонстрировала чудеса самоконтроля — она не ходила кругами вокруг интерната, рискуя раскрыть свою маскировку, а лишь наведывалась туда периодически (один — два раза в день). Дети занесенного над ними топора не замечали и хулиганили вовсю, совершенно безнаказанно (что тоже не идет черным на пользу).

Пита подмывало утопить вытрезвляющий амулет в пруду. В терминах профессионального шпионажа то, чем они сейчас занимались (все эти маневры и призывы о помощи), назывались «недостатки планирования и подготовки», проще — бардак. Но главное — успех операции и их собственная жизнь (противник-то настоящий) зависели от гражданских служб, если бы за спиной стояло армейское начальство, шпион чувствовал бы себя намного увереннее.

— Я вот что думаю, — белая рассеяно блуждала взглядом по углам, ни дать ни взять, пожилая горожанка на грани склероза, — нет таких ритуалов, которые для запуска требовали бы больше суток. Магия — искусство состояний, чем мощнее ритуал, тем резче должен быть рывок энергий. Тогда зачем эта возня с инструментальным контролем, не проще ли в нужный момент мобилизовать толпу воинственных фанатиков? У Искусников никогда не было с этим проблем.

— К чему ты клонишь?

— Маскировки требует не ритуал, а подготовка к нему, длительная подготовка. Создание амулетов, Знаков или периметров, которое неизбежно вызовет вопросы. А где здесь можно провести такую работу, не опасаясь ненужного внимания?

Пит глубоко задумался. Вот эта работа была им по плечу! Искать тайное, проникать в неявное — занятие для шпиона.

— Но без силового прикрытия им все равно не обойтись. Держать в резерве толпу, способную задержать «надзор» хотя бы на час-полтора…

Напарники обменялись понимающими взглядами.

— Беженцы.

Лаванда глубокомысленно подняла палец.

— Их логово в городе, либо очень близко от него. К дальней

ферме народ быстро не пригонишь.

— Будем искать, — хищно ухмыльнулся Пит.

Совместными усилиями напарники расчертили карту города, отметив маршруты, по которым уже ходили и не видели ничего подозрительного. Оставшиеся без внимания районы решили осматривать квадратно-гнездовым способом, работу осложняло то, что транспорта им по легенде не полагалось. Отдельной проблемой были беженцы: мнимый Гуго успел перед ними засветиться, значит, выяснять положение дел на прядильной фабрике предстояло Лаванде. Страха перед недружелюбной толпой белая не испытывала, сложнее было придумать повод, по которому такая робкая мышка как мисс Табрет вообще может забрести в столь сомнительное место…

— Кис-кис! Киса, киса, — пожилая женщина брела вдоль кустов и заборов, вглядываясь в густые тени подслеповатыми глазами, ее руки меж тем тискали потертую матерчатую сумку. — Кис-кис, Кэтти, где ты прячешься? Молодые люди, вы не видели здесь кошечку? Маленькую, рыжую.

Компания бедно одетых детей отозвалась нестройным «нет», кто-то даже вызвался помочь в поисках. За день блужданий по улицам Лаванда почти убедила себя в существовании пресловутой кошки — полугодовалого котенка с белой мордочкой и носочками на лапах. Вот будет номер, если такой здесь действительно есть!

За свою личину шпионка не опасалась — мисс Табрет действительно прикармливала котов — а взять у женщины было нечего.

— Я могу быть чем-нибудь вам полезен, мисс…?

— Табрет, сэр! Кошечка у меня убежала, совсем домашняя, рыженькая, Кэтти звать. Такая озорная! Но от дома она не отходила, нет, а тут второй день не видно. А булочникова-то жена, Ванда, говорит, что собаки кого-то гоняли вечером, я и забеспокоилась. Где моя Кэтти? Совсем домашняя, ласковая, а уж игрунья-то какая! Я ее с вот такусенького котеночка выкармливала. Вот и соседка моя…

Принятая роль вела Лаванду, подсказывая слова и направляя движение. Остановивший ее человек (средних лет мужчина, немного похожий на священника), внимательно и терпеливо слушал болтовню белой, очень к месту вставляя всяческие «О!» и «Гм…».

— Давайте, я помогу вам найти вашу кошку? Я здесь всех знаю, вдруг кто-то взял ее в дом. Знаете, где находится начальная школа Римпляка?

— Конечно, знаю! Мой племянник учился там, прежде чем

сестра переехала в Клетсмок. А ведь говорили добрые люди…

— Замечательно! — мужчина невозмутимо улыбнулся. — Тогда приходите туда завтра, ближе к вечеру. Спросите Дэрика, просто Дэрика. Вам меня любой покажет.

Немного путано и излишне многословно, мнимая мисс Табрет стала благодарить добровольного помощника. Дэрик слушал, благосклонно кивал, но разговор больше не поддерживал (с белыми он умел управляться мастерски). Острое чувство опасности не позволяло шпионке усложнить игру, отклонится от образа. Собственная личность Лаванды Килозо спряталась за сложными масками, превратилась в стороннего наблюдателя, когда ей удавалось перевоплотиться настолько глубоко, даже родная мать начинала сомневаться, с кем разговаривает. Лаванда больше не притворялась одинокой чудаковатой белой, она БЫЛА ей во всем — в жестах, походке, манере речи.

— До завтра, мисс Табрет, до завтра!

И фальшивая горожанка поспешила домой, радуясь помощи в поисках несуществующей кошки.

Уже поздно вечером, одолев немалый путь и совершив множество бессмысленных, ритуальных действий, Лаванда попыталась понять, что на нее нашло. Игнорировать интуицию было нельзя: последний раз подобный мандраж позволил ей выпутаться из отношений с каштадарским «хозяином дома», оказавшимся на поверку редкостным извращенцем. Белая уселась на полу в позе медитации и попыталась воскресить в памяти образ Дэрика. Суматошные обрывки мыслей медленно растворялись в океане абсолютного покоя, а на поверхность сознания выступал тихий шепот Источника, чувство настоящего мага. Умение видеть вещи такими, как они есть, минуя все оболочки.

Так вот, что это было! Ее напугало собственное подобие, ощущение духовного родства, тошнотворное и сладостное. Человек с глазами священника тоже хранил в себе омерзительную тайну, секрет, который не полагалось знать посторонним, а что может быть извращеннее белой, умеющей лгать и убивать?

Между двумя вздохами Лаванда поняла, что разговаривала с Искусником.

Лаванда примчалась к Питу среди ночи, всучив кулек с компрометирующими мелочами и наказав ни в коем случае не искать с ней встреч.

— Не обсуждается! Это наш единственный шанс повлиять на события — оказаться в эпицентре.

— Да ты совсем сдурела, мать! Не было у нас установки на внедрение, не было!!! — Пит был не на шутку встревожен. — К

черному в дуду твои идеи, тебе за них ни спасибо не скажут, ни могилку не огородят. А главное, смысл-то в чем? Ты ни знак подать не сможешь, ни вмешаться, и не говори, что они за своими не следят. Внедряться имеет смысл на два-три года, тогда и связи появятся, и информация пойдет, а тут до события считанные дни остались, жопой чую!

— Так надо, — Лаванда была предельно собрана и спокойна, поколебать ее уверенность напарнику не удалось. — Шеф объяснял, чем мы рискуем, если они добьются своего. Я буду оружием последнего шанса!

— Самоубийца ненормальная, навести меня Король!

— Ты не прав, — усмехнулась Лаванда, — не забывай, я — волшебница и не так уж мало могу.

— Те, что были до тебя, могли не меньше!

— А они были, эти другие? Пит, репутации Искусников от силы двадцать лет и я отлично помню, как она появилась. Безжалостность не означает непобедимость, это срабатывает только на обывателях, а мы — профессионалы!

— А в прежние времена, стало быть, профессионалов не было!

— В прежние времена не оставалось никого, кто мог бы о них помнить, тем более — мстить. Люди каждый раз начинали жить с чистого листа, ситуация начала меняться только после Роланда, поверь мне! Не создавай себе дракона.

— И все же, смысл?

— Тьфу ты! Хорошо, допускаю, что «надзор» пришлет людей вовремя, они точно определят момент вмешательства и нигде не напортачат. Тогда я просто тихо удалюсь. Но что, если они опоздают, или неверно истолкуют факты, или не сумеют одолеть защиту, или позволят втянуть себя в силовое противостояние? Поздно будет локти кусать!

— Ненаша сила! Чую, мне тебя не отговорить, — Пит проклял день, когда они согласились на эту миссию.

— Верно! — лукаво усмехнулась мисс Лаванда и упорхнула на встречу с теми, о ком добропорядочные жители Ингерники предпочитали говорить шепотом.

И мнимый могильщик остался один, наедине с вытрезвляющим амулетом и бутылкой самогона. Грех какой…

Особенно Пита злило то, что напарница была в чем-то права: все люди, даже таинственные Искусники — смертны, а кому как не шпиону знать, что большинство репутаций построены на ловкой манипуляции. В свое время Пит прошел курс, объясняющий будущим агентам реальные возможности и ограничения магии, но где-то в душе все равно оставался

иррациональный страх. А вдруг? Вдруг могущество секты не результат ловкости рук и суммы обстоятельств?

Пит обошел сторожку дважды, убедился, что на кладбище никого, кроме него, нет, вернулся, закрыл дверь и принялся громко, в голос материться. Он помянул предков, Искусников, Короля, предков Искусников и Короля, всех белых скопом, а также тех, кто этим белым позволяет действовать самостоятельно. А простые люди потом места себе не находят от беспокойства!

Скепсис мисс Килозо относительно НЗАМИПС был понятен, но не справедлив — боевая группа находилась отнюдь не в недели пути от Септонвиля. Господин Ларкес тоже не любил ждать и бездействовать (умел, но не любил), поэтому собирать отряд начал еще до того, как лазутчики вошли в город. Большинство ролей было распределено заранее, но кое-кого приходилось подыскивать только сейчас.

— Нам нужен штурмовик, — докладывал координатору Алеф Клямски, не молодой уже человек, строением челюстей похожий на гиену. В бытность простым жандармом, он оказался одним из немногих людей, сумевших вырваться из проклятого Нинтарка, наплевав на заклятья, фанатиков и странных чудищ. Невеста Алефа пыталась ему помешать. Что тогда произошло между возлюбленными, капитан Клямски никому не рассказал, но жгучее чувство вины нес в себе все пятнадцать лет, перенеся ненависть к Искусникам на всех белых. Обычно Ларкес использовал его для очень специфичных поручений. — Боевой маг, гарантировано способный заломать любого «надзоровца». Заранее таких не нанимают. В идеале, хорошо бы одолжить армейского спеца…

— Нет, — Ларкес старательно улыбнулся (после полугода упорных тренировок, черный начал входить во вкус), — нам нужно не снести город, а устранить одного единственного предателя, и у меня есть кандидат на роль героя. Личная заинтересованность гарантирована!

В итоге, боевая группа уже неделю обреталась в дровяном сарае буквально на окраине Септонвиля. Проблемой оставалась только прямая связь. На четвертый день после отправки письма Пит был потрясен до глубины души — в условленном месте был оставлен знак, призывающий лазутчиков на встречу. Ни фига ж себе «надзор» — не бей лежачего! Теперь ему предстояло идти на встречу с потенциальными союзниками (ночью, одному) и объяснять, почему командира группы они не увидят.

— Белая? К Искусникам? — командир группы не верил своим ушам. — Да вы соображаете, что наделали?!!

«Типичный жандарм», — определил для себя Пит, — «ни

грана фантазии, ни тени сомнения».

— Полковник Килозо — опытный агент и понимает, на что идет, сэр.

— Теперь они будут знать о нас все!!!

В груди Пита закипала холодная ярость (непрофессионально, зато искренне).

— Личные взгляды полковника не повлияют на результат работы!

— Довольно, капитан! — снисходительно буркнул спутник жандарма, на которого Пит предпочитал в упор не смотреть (с боевыми магами так нельзя). — Идеология Искусников — не лихорадка и по воздуху не передается. В таком серьезном деле страховка не повредит. Так в чем, говорите, причина столь срочного вызова?

Пит не удержался и зыркнул на собеседника, наткнувшись на нехарактерно спокойный и даже насмешливый взгляд, словно и не черный перед ним. Такое несоответствие на мгновение выбило шпиона из колеи. На памяти Пита был только один боевой маг, равнодушно относившийся к вопросам статуса, но тому волшебнику было лет триста, он пережил эпохи и настолько привык укрощать свою натуру, что она стала уже не совсем черной. Штурмовик «надзора» казался слишком молодым для такого знания, даже по человеческим меркам. Что нужно сделать с черным, чтобы заставить его отвлечься от любимой игры?

Привычным усилием Пит отодвинул в сторону неуместные мысли и поместил в фокус внимания текущую задачу. Любопытство можно будет проявить на досуге, сейчас надо было объяснить доблестным офицерам суть сделанных шпионами наблюдений и выводов. Но одну вещь Пит понял сразу: к магу-предателю пришел писец.

Глава 38

Мисс Килозо вписалась в общество Искусников с легкостью невероятной. Нет, сектанты были очень, очень осторожны, всякого нового человека перед принятием в общество проверяли по нескольку лет, но белые — другое дело. Белые… Нет, не примитивней — искренней, последовательней, строже. Белый не согласится на что-то просто от скуки или для того, чтобы прекратить разговор, а, приняв решение, не отступится от него при малейшем недоразумении — чувство ответственности не позволит. Лаванда охотно дарила Дэрику знаки согласия, и у Искусника не было причин сомневаться, что вместе со словом он получает душу.

Какое наслаждение смотреть на работу мастера! Новый знакомый мисс Килозо вполне мог бы работать эмпатом и без всякого Источника — он чувствовал людей виртуозно и умел убедить собеседника практически в чем угодно. В первый же день мисс Табрет вручили рыжего кота, а на робкие возражения о том, что Китти — девочка, последовала получасовая душевная беседа, в конце которой белая была вынуждена признать, что могла ошибиться с определением пола своего питомца. Вернувшись домой, Лаванда четверть часа хохотала, как сумасшедшая, напугав несчастное животное до полусмерти.

Убедившись, что дело на мази, шпионка начала хулиганить, время от времени вставляя Искуснику шпильки.

— Черные — часть общества, они пользуются его благами, но при этом не считаются с общими интересами, — прочувственно вещал Дэрик. — Мы должны ограничить их эгоизм и заставить их служить людям!

В этом месте мисс Табрет следовало высказаться в том смысле, что она готова терпеть поведение черных ради сохранения мира, вместо этого Лаванда с серьезным видом уточнила:

— А разве сейчас по-другому? Черные служат в НЗАМИПС и защищают людей от чудовищ, — шпионка насладилась мгновенным замешательством оппонента и тут же весело захлопала в ладоши. — Я поняла, поняла! Так будет ДЕШЕВЛЕ! Нам не придется договариваться с ними и компенсировать им неудобства, верно?

Дэрик пробормотал что-то неопределенное и переменил тему разговора. Лаванда мысленно усмехнулась. Да, да, господин Искусник, а вы думали, что предсказуемость реакций относится только к другим? У всех нас есть свой пунктик. Белые помешаны

на благе, черные — на статусе, а все прочие — на выгоде. Не приходило ли вам в голову, что нынешнее отношение к черным СПРАВЕДЛИВО? А то, что вы сейчас пытаетесь устроить — элементарное воровство, пусть даже объектом кражи становятся жизнь и Источник.

С профессиональной обстоятельностью Лаванда изучала деятельность сообщества Искусников изнутри. В массе своей окружающие (и белые, и простые люди) не понимали, с чем соприкасаются. Декларируемой целью было обучение, вот только объектом его становился не полезный навык, а какая-то странная, вычурная философская система, претендующая на всеобщность. Строгим обоснованием или проверкой своих фантазий Искусники не заморачивались, рациональным паттерном происходящего было воспитание в учениках убежденности, что знать можно все. (Аллилуя! И зачем Лаванда столько училась на шпиона? Стоило прочесть пару брошюрок и — вот она, сокровенная сущность вещей.) Если ученик пытался руководствоваться усвоенными идеями на практике и сталкивался с проблемой, его просто направляли к следующему учителю, который ему еще что-нибудь говорил (и переводил на новый уровень Непоймичего). Дезориентированные потерей привычного окружения и ощущением неудачи люди (а беженцы в массе своей были именно таковы), увлеченно тратили драгоценное время даже не на вышивку крестом или упражнения с гирей, а на попытку окончательно оторваться от реальности и погрузиться в фантазм. Социум — страшная сила, поварившись в компании прекраснодушных резонеров достаточно долго, большинство учеников утрачивала способность к критическому мышлению если не полностью, то весьма и весьма.

Это не говоря об умении желать нечто простое и доступное, а не Мировую Ось, принципиальная недостижимость которой окончательно замыкала несчастных в среде себе подобных. Понятно, почему черные не попадали в такую ситуацию: несмотря на весь свой индивидуализм, критерии успешности они старательно заимствовали друг у друга (иначе мериться крутизной становилось невозможно), и экзотическими вариантами не увлекались (смысл?).

Естественно, никто не собирался посвящать неофитку в тонкости секретного ритуала, но для опытной шпионки это не представляло проблемы. Напротив, Лаванда оскорбилась бы, если бы ей объяснили все тупо и в лоб, тем более что большинство участвующих в деле сектантов имели о конспирации весьма условное представление.

«Как же они продержались столько лет при такой-то

организации? Что-то здесь не так».

Смутное недовольство заставляло Лаванду вплотную разрабатывать главный источник информации — мистера Дэрика.

Искусник испытывал к обществу лукавой белой болезненное влечение, причины которого сам, вероятно, не понимал. Лаванда охарактеризовала его состояние как «интеллектуальную скуку» (не глупому, в общем-то, мужчине решительно не с кем было поговорить) и была уверена, что очень скоро он о своем увлечении пожалеет. С серьезной миной, честно глядя в глаза, шпионка утонченно измывалась над собеседником, выворачивая логику наизнанку и неизбежно приводя к выводу, что кто-то из присутствующих — идиот (именно за такие фокусы ее в свое время вытурили из колледжа). Но, раз за разом терпя фиаско, Дэрик лишь настойчивее искал следующей встречи. Просто извращенец какой-то!

— Подумай, Кася, — Искусник сокращал имя мисс Табрет на деревенский лад, — разве не здорово было бы избавиться от проявлений потустороннего раз и навсегда?

— Здорово, — соглашалась Лаванда, — а почему до сих пор этого не случилось?

Вопрос, кстати говоря, неординарный: по мнению историков, попыток было как минимум три. Потусторонние феномены то ли исчезали совсем, то ли люди как-то умудрялись их игнорировать, но заканчивалась ситуация шаблонно — тотальным уничтожением всего живого. Шпионка, с наслаждением, наблюдала, как Дэрик пытается выкрутиться без привычной ссылки на древнюю истину.

— Потому, что этому помешали.

— Как?

Кто это понятно — злобные черные маги, а вот способ подлежит дискуссии. Если Дэрик скажет, что ритуал помешали провести, он не сможет обосновать, что искомое заклинание вообще работает. Если же он будет утверждать, что ритуал хоть раз состоялся, но потом результаты отменили, Лаванда заклюет его вопросами о том, как черная магия могла повлиять на белую.

— Понимаешь, Мир Света и Мир Тьмы существуют независимо друг от друга…

Белая поощрительно кивнула — к метафизическим вопросам они обращались в первый раз.

— … белая магия отталкивает их, а черная — притягивает.

Объяснение логичное и практически безупречное.

— Разве черные маги способны вызывать нежитей? — забросила первый крючок Лаванда.

— Дело не в нежитях, а в Источниках. Они — нити, ведущие

во Тьму!

Все возможно. Однако понимает ли он, к чему это ведет с практической точки зрения?

— Ой! Как на каучуке?!! — восхитилась белая.

— Э-э…

— Ну, если бы не Источники, миры плавали бы как клецки в бульоне, совершенно свободно, а так между ними как бы натянуты резиночки. Если миры хорошенько оттолкнуть, они разлетятся… — Лаванда озадаченно нахмурилась, — … а потом устремятся на встречу друг другу и врежутся с размаху. Что же делать?

Дэрик сосредоточенно пошлепал губами.

Вот-вот! Пусть объяснит, как (имея в уме такую метафизическую картину) можно что-то предпринимать, не уничтожив предварительно всех черных, а потом — как выжить без боевых магов, если миры будут разлетаться недостаточно быстро. Так и так — сожрут.

— А может не надо? — жалобно попросила белая. — Пусть будет как есть! А то, как бы хуже не обернулось.

Если он будет настаивать, что связи порвутся, стоит пнуть миры как следует, можно будет сосредоточиться на проблеме первичности черных магов, их Источников и нежитей. Допустим, один гипотетический первомаг сумел привязать друг к другу целые вселенные, тогда как же их следует пинать, если после чистки выживет хотя бы десяток колдунов? Не говоря уж о том, что исследователи не обнаруживают значимой корреляции между количеством черных и частотой проявления потусторонних феноменов (ну, в исторический период). Однако проявление излишней осведомленности могло бы Дэрика насторожить. Забавно другое: неужели он думает, что первый задумался над проблемой?

Искусник вздохнул и перевел разговор на кошек. Лаванда поздравила себя с очередной победой.

Так и жили. Дэрик водил Лаванду по кафе и кондитерским. Шпионка великодушно принимала лакомства и сочувственно следила за Питом, таскающим в сторону кладбища харчи как минимум на пятерых (команда поддержки, определенно, обосновалась на погосте). Какие-то пришлые маги на глазах белой препирались по поводу сроков монтажа на фабрике неназываемой конструкции. На периферии зрения мелькал предатель-«надзоровец» (до омерзения наглый боевой маг, отлично осознающий свою незаменимость).

«Еще недели полторы, максимум. К Солнцестоянию успеть пытаются — в астрологию верят»

Глава 39

Меня потихоньку затягивала типичная жизнь типичного черного мага — немного успехов, немного неудач и чуть-чуть дискомфорта от близости других разумных существ. Естественно, почти сразу выяснилось, что я себе такую жизнь позволить не могу.

Браться Салема сдержали слово — откопали из-под груды лет не слишком долгую жизнь моего отца. Когда молчаливые посыльные выволокли из грузовика здоровенный ящик, я сначала решил обидеться. Они видно решили, что «все доступные сведения» включают в себя школьный табель и квитанции за топливное масло! Оказалось — нефига подобного. Ящик был набит копиями отчетов, их там было полцентнера, не меньше. Карлик всучил мне опись документов и сердечно предложил звонить, если что-то будет непонятно, (очевидно, у него где-то был припрятан еще один такой сундук).

Я два дня ходил вокруг добычи, не решаясь прикоснуться, потому что понимал: стоит мне начать читать и безголосое прошлое ворвется в мою жизнь, заставит что-то предпринимать, как-то реагировать. А оно мне надо? С другой стороны, оттого, что я не знаю чего-то важного, не следует, что этого не узнает никто другой. Не желаю быть дурнее прочих! Последний довод оказался решающим.

Я полез в сундук с твердым намерением узнать причины гибели отца, но первым делом ухватился за папку «Происхождение». Мной овладел болезненный интерес: в чем мы схожи, в чем — отличаемся?

Сразу скажу, глухой деревней там и не пахло. Моя семейка оказалась из «прикормленных» (так в Краухарде называют черных магов, поступившихся национальным свободолюбием в угоду презренному комфорту). Прадед после роспуска Гвардии Арака осел при дворе нового короля и стал «продажным магом» (свободное предпринимательство в те времена уважением не пользовалось), но после возвращения столицы в Хо-Карг благоразумно предпочел обосноваться в Финкауне. Дед подвизался на ниве Инквизиции (довольно неожиданно для черного, но должен же кто-то и нежитей гонять), естественно, что при таком положении он мог обеспечить семье достаток и безопасность (и некоторое количество недоброжелателей, вроде того же Акселя). Его дети получили максимально хорошее на тот момент образование, но использовали его по-разному. Где-то в Ингернике до сих пор жил мой настоящий дядя, не амбициозный,

но состоятельный мастер банковских сейфов, а вот младший сын мага мечтал о большем, и реальность решила ему подыграть — началась Реформация.

Я старался объединить сухие строчки отчетов с собственными представлениями на эту тему.

Да, времечко было — удивительнее не куда. Как они уцелели тогда, понять не могу? Общество избавилось от постоянного контроля, костров на площадях и запретов на магию. Клево, очень хорошо, но почему они решили, что смогут прожить без контроля вообще? Объяснение одно — единственным источником знаний о волшебстве служили сказки. Люди верили, что результат общения с эмпатом зависит от силы воли, что из благих побуждений совершают только хорошие поступки, а для того, чтобы запретить какую-нибудь практику, следует сослаться на прецедент. Искусники стали легальной политической партией, умами владели сладостные грезы, а беспощадная сила обеих магий молчаливо присутствовала рядом.

К счастью, в Ингернике оставалось небольшое количество людей, которые, в силу своего возраста, относились к происходящему более осторожно. Причем, если черные маги (каждый по отдельности) были полны скепсиса, то белая община в целом склонялась к оптимистичным прогнозам. Надо ли говорить, на чью долю пришелся первый нежданчик? Появление «слез дракона», зелья, то ли извлеченного из недр архивов Инквизиции, то ли — изобретенного вновь, подействовало отрезвляюще. Сохранившие способность мыслить здраво огляделись по сторонам и обнаружили, что насилие, источником которого раньше являлось государство, потихоньку опустилось на уровень отдельного гражданина, и никто не знает, что с этим делать.

Папа воспринял смутное время с энтузиазмом (это было видно по количеству документов), много путешествовал, опробовал разные занятия, но, в конце концов, остановился на карьере офицера вновь созданного «надзора» (возможно, учитывая репутацию деда, особого выбора у него и не было). Вот тут-то он и развернулся! Большую часть сундука занимали отчеты о его развлечениях за последующие десять лет (не так уж молниеносно она происходила, эта Реформация).

Тодер Тангор возглавил в НЗАМИПС отдел по преступлениям против личности (магическим, естественно). Черных маньяков, вопреки ожиданиям общественности, оказалось не так уж много, зато Искусники быстро радикализировались: часть еще настаивала на новых реформах в пользу еще больших свобод, а остальные решили использовать уже имеющиеся — после пары

лет глухого противостояния произошел инцидент в Нинтарке, превративший одиозный город в беспокойное кладбище. Что противнее всего: о деятельности Сигизмунда Салариса было известно, готовился его арест, но тогдашний министр отказался подписывать ордер — на него давили. И в «надзоре» решили преподать политикам урок. Оставалось надеяться, что папа не рассчитывал на тот кошмар, которым все обернулось.

М-да, прецедент вышел хоть куда, аргумент что надо. На волне паники и неразберихи НЗАМИПС едва не совершил военный переворот, стремясь наказать всех виновных, а в юриспруденции появился новый термин «теологическая угроза» — магия научила людей себя уважать. Получивший особые полномочия капитан Тангор обрушил на обнаглевших белых всю мощь государственной репрессивной машины, помноженную на опыт потомственного инквизитора, и никто не пытался его остановить. Казавшаяся непобедимой секта рассеялась, как дым. Удивительное время, что и говорить.

Последние папки относились к разделу «долго и счастливо». Ну, относительно долго. Старший координатор северо-западного региона Тодер Тангор вернулся в Финкаун, женился и принялся мирно терроризировать нежитей на подведомственной территории. Свойственны черным пофигизм, впрочем, не мешал ему писать докладные записки о том, что с разгромленной сектой не все так просто. Осталась не выясненной личность нескольких Посвященных, цель замысловатых ритуалов, которыми занималась наименее заметная, но наиболее невменяемая часть Искусников. В какой-то момент эти записки стали накладываться на сообщения об исчезновении улик и архивов, странных происшествиях с занимавшимися этим делом сотрудниками «надзора», а иногда и с их семьями.

Потом наступил час икс.

Черный маг не мог усомниться в своей силе, физически не мог. Он до последнего был уверен, что сумеет разобраться с теми, кто придет к нему, сам, а потому участвовал в боевых операциях так, словно ничего не происходило. Горе-следователи так и не смогли потом выяснить, был ли это сложный откат или нападающие использовали прототип того заклятья, с которым я разбирался в Арангене, а теперь уже не разберешь. Эксперты утверждали, что он умер раньше, чем упал на землю, рядом нашли нечто, сильно напоминающее наконечник стрелы (треугольное и оплавленное). Все.

Дальше следовали глубокомысленные рассуждения, почему мама так резко снялась с места, и туманные намеки на то, что некоторым из недавно захваченных сектантов известно слово

«мотоцикл». А что тут намекать? Если бы дело было только в отце, мы существовали бы, как математические формулы — каждый в своем уравнении и общего решения не имеет. Допустим, узнать, кто подставил их в Хо-Карге, Искусники не могли. Но тронутый Шорохом финансист секты наверняка насвистел кому надо о моей роли в исчезновении Учителя Лорана (а если не он, то Сэм, которого жандармы так и не поймали). В Арангене меня тоже видела куча народу — дело вышло шумное. Прежде сектанты переходили на личности, имея гораздо меньший повод.

Я разглядывал завалы прочитанных бумаг с чувством непередаваемого дискомфорта. Называется, полюбопытствовал. Вот так живешь, радуешься, а потом выясняется, что тебе уже и могилка выкопана и веночек заказан. Если год назад я искренне считал, что Искусникам будет достаточно сказать «бу!», то теперь стало ясно, что так просто от них не отделаться — привезенная карликом подборка внушала. Да, я тоже черный маг и физически не могу усомниться в собственной силе, но у меня есть опыт двух почти смертей, укрощения Шороха и память нескольких мертвецов. Отсюда мораль: надо быть готовым ко всему.

Поймите правильно, запереться дома и долбить проклятьями в каждую тень — занятие бесперспективное. Слишком предсказуемо! И просто глупо: в конце концов, знание о существующей угрозе происходило из чужого опыта, а не из непосредственно наблюдаемых признаков (где они, эти убийцы, где?). Разгневанные сектанты могли прямо сейчас дожидаться меня в сортире, а могли не давать о себе знать еще лет двадцать. К чему гадать? Гораздо интереснее будет рассмотреть комплекс типичных реакций боевого мага на нападение и добавить туда что-нибудь оригинальное, свое. Вон, у меня голем в сарае валяется (гениальная конструкция!), четки дядькины я куда-то в комод засунул, да мало ли! Аэрозоли обновить и сварганить баллончики помельче. Амулеты, устойчивые к внешнему воздействию, тоже делу не повредят.

Я записал в дневник краткий список мероприятий и облегченно вздохнул. Самая неудобная из тем — возможность мести за смерть родителя — начала реализовываться сама собой. Самое приятное заключалось в том, что мне не придется ни за кем гоняться — рано или поздно они сами ко мне придут. Хорошо!

Глава 40

Пит Бренно семь лет работал на армейскую разведку, и не всегда такая жизнь была медом. Однажды, разыскивая пассажиров захваченного пиратами парусника, он был вынужден выдавать себя за каштадарского раба, и три месяца провел на самом дне общества, среди лишенных человеческого достоинства, превращенных в «говорящие орудия» людей. В другой раз они прокололись, и незадачливый агент оказался в клетке с парой леопардов…

Так вот, леопарды — это хомячки.

Нет ничего хуже, чем день за днем проводить в крохотном (три на пять) помещении в компании совершенно не готовых к самоизоляции людей. Пит, всегда недолюбливающий армейскую муштру, внезапно осознал, как много дает привычка к дисциплине в случае, когда операция не ограничивается разовой схваткой, а продолжается день за днем.

«Надзоровцев» было шестеро, точнее, пятеро и боевой маг (то, что они проходили подготовку раздельно, было видно невооруженным глазом). Причем, как раз с колдуном-то проблем не было, источником неприятностей грозил стать белый волшебник.

Причина была самая комичная — мистер Дорсино боялся мертвецов. Страх этот был давний, детский и совершенно иррациональный (как будто у белых бывает по-другому).

— А давайте вернемся в сарай? — не переставал нудеть несчастный.

— Может, нам сразу грузчиками туда наняться? — мрачно отбрехивался капитан Клямски (за подбор команды он отвечал лично и на такой прокол не рассчитывал). — Заодно и денег заработаем.

До встречи с Питом «надзоровцы» обретались на дровяном складе, и все бы хорошо, если бы хозяин неожиданно не начал его заполнять. (В начале лета! С другой стороны — «мои дрова, когда хочу, тогда — везу».) Команда полдня пряталась в темном углу за отвращающим заклинанием, гадая, что кончится раньше — дрова или выдержка белого. Упоминание о волнующем происшествии отвлекало мистера Дорсино от его страхов, плохо только, что не на долго (максимум на полчаса). Пит вообще слабо представлял, как «надзоровцы» собираются сражаться в таком составе.

Черный медитировал, или чем там занимаются боевые маги, когда не хотят ни с кем общаться. Боевик, представленный «мастером Даном», не скандалил, не хамил и вообще не

занимался ни чем из того, что подсознательно ожидаешь от ему подобных. Он целыми днями спал, а ночью уходил гулять на кладбище. Его жизнь была наполнена сосредоточенным ожиданием, и от ощущения сдерживаемой агрессии Питу становилось нехорошо. Было заметно, что Клямски тоже присматривается к магу (позы и жесты людей многое могут сказать опытному шпиону). Интересно, а способен ли капитан контролировать своего формального подчиненного?

«Главное, чтобы драка все-таки состоялась. Если он не спустит пар, то и нам может накостылять».

Белый снова начал ныть. Насколько же проще было иметь дел с мисс Килозо! Мистер Дарсино был типичным, классическим белым и от постоянного волнения начал быстро сдавать — у него лихорадочно блестели глаза, мелко дрожали руки, а спать он вообще ни разу не ложился, даже днем. К началу боевых действий они рисковали получить на руки умственного и физического инвалида.

«Видать, придется им возвращаться в сарай, а не то отправится мужик до срока к Королю с визитом»

— Хочешь, я сделаю тебе защитный амулет? — великодушно предложил боевой маг.

— А подействует?

— Крутое черномагическое колдовство? Конечно, подействует!

— Мы должны оставаться незаметными, — напомнил Клямски.

— Ерунда! Тут есть один склеп, полностью изолированный от магии.

В таком расточительстве горожан Пит сильно сомневался, но что-то надо было делать, тут черный был прав. Страдальца отвели в старый склеп, а через полчаса он вернулся оттуда счастливый и сияющий, с бантиком из медной проволоки на шее. Шпион не стал говорить, что обнаружил за одной из могил кучку зачищенных серных спичек (складывалось впечатление, что черный надул белого самым пошлым образом). Главное — результат!

— Спасибо! — не удержался Клямски, когда умиротворенный белый заснул. Благодарить кого-то жандарму было непривычно.

— Ерунда! — отмахнулся черный. — Я не обучен противостоять белой магии, так что этот заморыш может мне пригодиться.

Пит сделал еще одну мысленную пометку — вопрос противодействия белой магии разведку последнее время сильно интересовал. Можно ли тренировать эту способность у черных?

Меж тем развязка приближалась. Поток таинственных незнакомцев, прибывающих в Септонвиль, практически иссяк. По городу прошел слух о скором открытии фабрики, это известие привело беженцев в странное возбуждение, пока еще похожее на энтузиазм. Теперь бойцы Клямски следили за вражеской территорией круглосуточно, подсчитывая приблизительное количество фигурантов (выходило около сотни), а мистер Дарсино и капитан вели последний смотр оружию и магической амуниции, время от времени что-то выкидывая и костеря криворуких артефакторов.

В дальнейшем Пит принял участие не из каких-то идейных соображений, а скорее из склонности к мимикрии, отличающей хорошего шпиона — все вокруг готовились к битве и он просто не мог сделать вид, что ни при чем, хотя большинство приготовленных амулетов видел только на спецкурсах и только в виде муляжей, а о содержимом странных бутылочек из тонкого стекла и хрустящих пергаментных свертков мог только гадать. Он отчетливо представлял, как отнесется к подобному его непосредственная начальница, и заранее подбирал разумные доводы «за».

«Извините, мисс, но что я скажу своим внукам? Искусников видел, но благоразумно держался подальше? Потомки меня не поймут».

И не важно, что дети в планах шпиона не значились — все когда-нибудь случается (временами — неожиданно).

Клямски назначил штурм фабрики на день Солнцестояния — факт запрещенного колдовства сомнению не подлежал, а ждать, когда там кого-нибудь зарежут, смысла не имело. Пит горячо надеялся, что боевая операция в исполнении гражданских не превратится в птичий базар. К его потаенной радости, запасного комплекта доспехов у «надзоровцев» не оказалось, на добровольца навьючили все то, что бойцам лень было нести самим, и поставили в арьергарде. Место в тылу шпиона устраивало, а вот с оружием возникли непонятки.

— И что с этим делать? — Пит помял в руках шуршащий кулек. — Жевать? Нюхать?

— Не вздумайте! — вскинулся мистер Дарсино.

Клямски хищно улыбнулся.

— Это надо развеивать в воздухе, а если съесть, то можно и дубу дать. Недавние инциденты показали, что использование алхимических средств дает огромное преимущество при штурме зданий. Но осторожнее — повязки не поглощают зелья целиком, старайся бросать бомбы туда, куда не собираешься входить сам.

Теперь самоуверенность «надзоровцев» (против сотни прут!)

стала Питу понятней — очевидно, капитан надеялся устранить большинство противников без шума и магии. Это имело смысл: черный и белый на пару вскроют любые охранные периметры, а амулеты отразят нападение, если дело обернется совсем скверно.

«Боевой маг и арбалетчики», — моментально вычислил шпион смертельную комбинацию. — «Если предатель отвлечет мастера Дана, нас перестреляют как кур».

За час до рассвета группа подошла к забору фабрики, как раз вовремя, чтобы увидеть выезжающий из ворот грузовик. В шесть утра…

— Надо закончить раньше, чем они вернутся, — сквозь зубы процедил капитан, — Наверняка в приют погнали. Нам только возни с заложниками не хватает!

Пит кивнул и пропустил бойцов вперед — умные мысли, наконец-то, догнали глупую голову.

«Кто меня тянул сюда, кто тянул?!! Клямски — придурок, черный — одержим (все признаки на лицо). Вшестером против толпы фанатиков и белый в качестве балласта!»

Главное, не думать, что с грузовиком на фабрику приедет недружелюбно настроенный боевой маг. Питу случалось видеть результаты черных проклятий — энтузиазма это не вызывало.

Действия гражданских спецов мало отличались от таких же у армейских. Должно быть, для постороннего наблюдателя они выглядели забавно — семеро мрачных мужчин с тесаками и арбалетами, крадучись, перебираются через трухлявый забор и, на карачках, лезут в кусты. Впрочем, со стороны не видно, каких усилий стоило магам обезвредить охранные заклинания, и какого размера шипы вырастил на безобидном снегоягоднике неизвестный доброжелатель.

«Природники! От них все зло».

Измененным оказался не только кустарник — бурьян во дворе фабрики по свойствам напоминал колючую проволоку, а ближе к цехам начиналась настоящая полоса препятствий: ямины, гнилые деревяшки, обломки камня и ржавой машинерии. Чтобы свернуть тут шею, не нужно было никакой магии, и что обиднее всего — вряд ли кто-то планировал такой эффект, двор просто использовали как свалку. И не только для разобранных агрегатов — Пит, старавшийся наблюдательностью скомпенсировать отсутствие доспехов, заметил под ногами подозрительной формы кость.

«Шорох с ней! Не время говорить белому о мертвецах».

Когда сомнительное укрытие закончилось, даже капитан Клямски вздохнул свободней. Дальше начинались чисто выметенные дорожки, аккуратные газончики и ухоженные клумбы

с цветами — ничего, что напоминало бы мрачное логово устроителей смертного колдовства. Вот будет смех, если окажется, что они ошиблись, нет никаких Искусников, а есть простые дельцы, пытающиеся заставить фабрику приносить обещанный доход. Он почти сказал это вслух, от конфуза его спасла волна дрожи, неожиданно пронизавшая тело.

Маги переглянулись.

— Периметр снят! — вздохнул мистер Дарсино. — Они начинают.

Пит представил, как где-то далеко, вырванные из постелей властным призывом, собираются к воротам фабрики околдованные люди, полыхают тревожными сигналами амулеты инструментального контроля, мчатся к грузовикам команды «очистки». Искусники раскрыли карты, значит, они уверены, что «надзор» уже не сможет им помешать.

— Копытами шевелите, козлы! — прошипел капитан. — Вы двое — в обход здания, ты — со мной. Глушим все, что дышит! Встречаемся у котельной.

Бойцы растворились в сумраке, а черный маг пошел один, очень неприятно при этом улыбаясь. Питу выпало охранять мистера Дарсино. Шпион не возражал — с этого момента он употребит всю свою изобретательность на то, чтобы держаться позади. Призывно помахав белому, Пит двинулся по следам мастера Дана (направление было выбрано удачно — живых Искусников они ни разу не встретили).

«Надзоровцы» ворвались в здание фабрики с двух концов — от котельной и административного входа. Расчет капитана на новые спецсредства оказался верен — летучая гадость разила наповал и людей, и магов (недовольным выглядел только мастер Дан — черный предпочел бы общаться с врагами более плотно). Теперь стало понятно, почему вокруг столько железок — Искусники полностью выпотрошили цех изнутри. Это стоило увидеть! Почти весь объем здания занимала трехмерная конструкция, которую ни пентаграммой, ни Знаком назвать язык не поворачивался. Исчерченные магическими символами фрагменты лежали на полу, крепились на стенах и висели на тонких струнах, воздух дрожал от обилия волшебства. Пит разглядел среди радужного марева привинченные к полу остовы железных кроватей, и его передернуло.

— Погасить сможешь? — мрачно поинтересовался Клямски.

— Время нужно, — вздохнул белый маг и осторожно подергал покрытый гравировкой медный диск (фиговину приклепали к стене намертво).

— Гришек — на улицу, появится фургон — сразу дашь

знать, — скомандовал капитан. — Вы двое — блокируете двери изнутри.

Бойцы помчались выполнять команды. Мистер Дарсино распаковал магические принадлежности и отправился бродить среди творения Искусников, периодически что-то записывая в блокнот. Пит поморщился: они теряют скорость, переходят к обороне, а при текущем соотношении сил это — путь к поражению. Армейский стратег рекомендовал бы устроить поджог и продолжить зачистку, с другой стороны, никто не знал, как поведет себя в огне созданная Искусниками конструкция.

Капитан Клямски метил специальным Знаком бесчувственных пленников (понять, живые они или нет, Питу не удавалось), а мастер Дан деловито копался среди имущества сектантов и инспектировал карманы. Время тянулось, как патока, за окнами отчетливо светлело — самый длинный день в году вступал в свои права. Остатки алхимических снадобий в воздухе давали о себе знать — Пита неудержимо клонило ко сну. Он перебрался поближе к окошку (где воздух почище), пристроился на подоконнике, сморгнул и вздрогнул — сквозь мутное стекло виднелся серый борт крытого грузовика.

— Фургон вернулся!

Почему же нет тревоги? Глупый вопрос — снимать часовых умеют не только бойцы «надзора».

— Засекли… — прошипел Клямски.

— Тем лучше, — улыбнулся мастер Дан, — я не настроен гоняться за ним по городу.

— Заложники.

— Он не рискнет использовать пацанов — они непредсказуемы. Разве что в виде тушек.

Пит попытался представить, как он обставил бы сцену с бесчувственным заложником (весу-то в мальчишках килограмм по сорок). Хоть одно хорошо в черных — ни на что они не годятся!

— Вызов принят! — оскалился мастер Дан, делая первый шаг к дверям.

И тут шпион понял, что сейчас примет участие в дуэли боевых магов. Эх, надо было слинять, пока можно! Ну, какой из него герой? Мистер Дарсино присел в уголок, плотно зажмурился и закрыл голову руками — белые плохо переносят черную ворожбу. И никто его не осудит.

«А может, не стоит? Пока мы внутри, они не нападут — не рискнут курочить собственное творение. Дождемся подкреплений…»

Беззвучный удар вынес ворота цеха наружу. «Надзоровцы» с арбалетами выстроились клином за спиной мага, Пит вздохнул и

занял место пропавшего бойца. Большой грузовой двор между цехами был идеальной ловушкой (кругом штабеля ящиков, крыши строений, арки паропроводов, прячься — не хочу) и дурного черного несло прямо в эту жуть. Из предрассветных теней выступила фигура в длинном плаще с едва заметно светящимися символами «надзора».

«Вляпались-таки, ненаша сила!»

Воздух задрожал от проклятий, расцвели ослепительно-алые узоры (видимое проявление столкновения Сил) и одновременно тренькнули арбалеты — Искусники тоже вычислили нужную комбинацию. Пит невольно сжался, ожидая удара и мгновенной боли, а потом обалдело уставился на стрелу, грациозно замедлившую полет и прямо на его глазах распавшуюся в мелкую стружку (еще один упругий комок хлопнул шпиона по шее). Мастер Дан не мог и не пытался отследить момент выстрела — он выпустил два проклятья одновременно, прикрыв группу от оружия и магии, потому что мог это и знал, как Искусники будут атаковать.

«Мастер, действительно Мастер, а может и полный Магистр. Где «надзор» откопал такого? Сочетать два разнородных плетения! Каштадарцу бы мозги свернуло».

Предатель проиграл еще до начала схватки — уровень противника оказался слишком высок, а неожиданности не получилось. Мастер Дан вульгарно добивал врага, молотя таранными ударами и принуждая накачивать плетения Силой, которую более слабый маг не в состоянии был контролировать. Вопрос был только в том, что убьет наглеца: откат или чужое проклятье.

Опомнившиеся «надзоровцы» резво упали (Пит оказался на земле первым), пропуская над собой дружественный удар. Брызнули щепки, заскрипел сминаемый металл, пара стрелков грохнулась с арки паропровода прямо в центр бушующей магии.

«Не жильцы»

— За мной! — взревел Клямски и ринулся в атаку.

С воплями, в которых страха было больше, чем ярости, «надзоровцы» устремились за капитаном — когда за спиной сверкают смертоносные проклятья, бежится очень хорошо. Искусники успели опомниться и даже начали сопротивляться — самодельные клинки и дубинки встретились с зачарованными доспехами и оружием. Пит приотстал (получить кувалдой по голове без шлема ему не улыбалось) и сосредоточился на амулетах, выщелкивая ничем не защищенных сектантов по одному.

«Предатель праведным трудом не увлекался! Мог бы хоть

защиту им сварганить».

Фургон был захвачен прежде, чем Искусники успели отступить и перегруппироваться. Пит хлопнул по рукам потянувшегося к запору бойца — несостоявшиеся жертвы с недюжинной силой колотили по дверцам изнутри. Что будет, если они начнут носиться между сражающимися, думать не хотелось.

К Искусникам подошло подкрепление — два десятка зачарованных горожан. Против пятерых…

«Проклятье! Проворонили мага при зачистке!»

Агрессивное стадо забросали остатками алхимических снадобий. Люди под заклятьем себя не сознавали и мгновенно надышались дурманящей гадости, теперь Искусники могли использовать их разве что как баррикаду. Над оградой фабрики взлетали разноцветные искорки заклятий — местные жандармы и «надзор» пытались пробиться сквозь толпу, но с меньшим успехом. Бардак нарастал.

Развязка наступила стремительно: в небо вонзилась фиолетовая молния, грохот разряда заглушил вопль проигравшего. Мастер Дан появился из-за угла, волоча за собой бесчувственное тело противника, мимоходом проверил содержимое пожарной бочки и жестом рассек ее надвое, окатив поверженного мага потоком воды. От одежды побежденного поднимался пар, отчетливо запахло пожарищем. Сектанты осознали, КТО ИМЕННО ими сейчас займется, и стали спешно бросать оружие. Клямски принялся укладывать их мордой в землю с руками за головой.

«Мы победили?»

Как ни странно, да. Желающих сопротивляться не осталось, через забор уже лезли жандармы и бравые парни в форме службы «очистки». В чем бы ни заключался смысл задуманного Искусниками действа, закончить его им была не судьба. Пит потеряно бродил среди суетящихся полицейских и блюющих пленников: что делать дальше, ему не сказали, а возвращаться на кладбище было глупо. Что-то мешало ему поверить в счастливое завершение истории, победа досталась слишком… дешево, что ли. Как-то неожиданно единственным знакомым человеком вокруг оказался боевой маг. Мастер Дан, после небольшой возни, стащил с пальца врага литой серебряный перстень, и остался очень доволен собой. Целители унесли кандидата в покойники.

— Шестая печать! — похвалился он.

— Ась?

— Печать мага — трофей победителю дуэли, — пояснил черный, — рекорд Акселя — двенадцать, но это в его-то годы!

Плюс — Реформация.

— А как им удалось вас на такое подбить? — не удержался Пит (любопытство губит шпионов).

Мастер Дан на мгновение помрачнел, но тут же ухмыльнулся еще шире.

— Козлы сами виноваты — нечего было наезжать на моих мелких. Бил, бью и буду бить! И чего я с ними раньше миндальничал?

Пит понимающе покачал головой. Для того чтобы задеть семью боевого мага, нужно было быть… Искусником. Вокруг постепенно собирались члены группы, вслух мечтающие о горячих харчах и нормальной постели (живые, естественно — беднягу Гришека нашли с перерезанным горлом). Задержка была только в транспорте: Клямски категорически требовал от местных отправить всех на базу «очистки» и в отчетах не упоминать.

Последним подошел мистер Дарсино.

— У нас ситуация «зет», — трагическим шепотом сообщил он.

— Что-что? — забеспокоился Пит (он до сих пор не видел никаких следов Лаванды).

— Это означает, что часть людей и объектов, которые должны быть здесь, отсутствуют, — любезно объяснил маг. — А если их нет здесь, естественно предположить, что они находятся в другом месте.

На мгновение Пит оказался окруженным островком тишины, в следующий миг взорвавшимся проклятьями.

— Еще одно логово! — Клямски едва не плевался. — И все по новой!!!

Мастер Дан усмехнулся.

— Кто говорил, что справиться с ними будет легко? Возможно, мистер Гуго, ваша предприимчивая начальница станет нашей единственной зацепкой.

Мисс Килозо наблюдала за штурмом фабрики с безопасного расстояния, и вылезать из кустов не спешила (слишком много суеты, можно и по шее заработать). Вот, сейчас штурмовики наденут на сектантов зачарованные цепи, пересчитают пленников и начнут оглядываться по сторонам, тогда можно будет обозначить свое присутствие. Но что-то мешало Лаванде сделать последний шаг. Тень образа, в который она так хорошо вжилась? Интуиция?

— Не ходи туда, — кто-то схватил ее за руку и потащил вглубь кустов. — Пойдем со мной!

Лаванда позволила увести себя прочь, попутно отмечая, что Дэрик выглядит напряженным, но не встревоженным и не

помятым.

«Прошляпили!!! Дальнее охранение прошляпили! Тоже мне, группа захвата».

К чести сотрудников «надзора» следовало признать, что полностью обложить по периметру всю территорию фабрики им не хватило бы сил, а удар, направленный на место проведения ритуала, оставлял сектантам возможности для прорыва.

«Осталось понять, скольких они упустили. Дэрик на свободе — это серьезная ошибка!»

Оказалось, все не так уж печально: внимания полиции удалось избежать всего лишь троим.

«Ну, и мне. Хотя, учитывая обстоятельства, трое — тоже много. Дэрик достаточно умен, чтобы воссоздать организацию с нуля, хотя и не маг»

— Ничего, это еще не конец, — сурово объявил Искусник растерянным подопечным. — Мы должны немедленно покинуть город!

Лаванда молитвенно сложила руки.

— Но… мои кошечки! Как же они без меня?

— Наши друзья о них позаботятся, — фальшиво улыбнулся Дэрик, из чего Лаванда заключила, что других Искусников в городе нет. — Учитель должен узнать о случившемся как можно скорее!

«Упс».

Мисс Килозо мгновенно утратила желание возражать.

Так, значит, руководства секты здесь не было! Планы меняются: теперь ей следует ухватиться за Дэрика обеими руками и ни по что не отпускать — только он может вывести ее на основное ядро организации.

«Ах, какая занимательная выходит игра!»

Шпионка ободряюще улыбнулась жмущимся к Дэрику сектантами и приготовилась работать всерьез.

Эпилог

Середина лета ознаменовался аттракционом невиданной смелости — Искусников посадили в лужу. О событии я узнал не сразу и потом прошаривал всю центральную прессу за месяц, чтобы узнать, кто же вставил фитиль моим кровникам. По нулям. Газетчики, которым полагалось плясать с бубном вокруг такой сенсации, передирали официальные материалы с минимумом комментариев, сопровождая их тупыми оговорками, вроде «как сказано в коммюнике…». Складывалось впечатление, что половина писак балуется мистикой.

Когда я поделился этой мыслью с Йоханом (то, что белый отвлекся от своих аквариумов, уже о многом говорило), наш доморощенный магистр со мной не согласился.

— Ты не представляешь, Томас, как это опасно! Искусники никому не позволяют срывать свои планы безнаказанно. Нам следует ждать страшных потрясений.

До меня не сразу дошел смысл сказанного. Что же получается, вся эта нахальная публика БОИТСЯ что-либо сказать? А сколько было понту, сколько понту!

— Нефиг было укуркам помогать! Как маман Четвертушки — сначала подведут своих под секту, а потом рыдают над могилкой. Один «надзор» делом занят, — не к ночи будь помянута любимая контора.

— Насилие приводит лишь к ответному насилию! — настойчиво гнул свое белый.

Почему никто не думает, что эта фраза работает в обе стороны?

— Таким, как ты, легко говорить, — хмыкнул я. — Вас это не коснется.

Йохан смутился и заткнулся. Вот именно. Дело началось с попытки убить ЧЕРНЫХ, а к умиротворению призывают БЕЛЫЕ. Естественно, что наши позиции не совпадают. И вообще, с точки зрения черного, репутация Искусников означала только одно — подлунный мир для нас слишком тесен.

Я принялся дотошно штудировать материалы начавшегося дела (будущие жертвы надо знать в лицо!). Следствие обещало тянуться, тянуться и тянуться, напрямую к эшафоту пропустили только шестерых магов, успевших отметиться в запрещенной ворожбе (этим было уже не отпереться). И тут же свора активистов начала громко и смело вопить о «варварском приговоре». Почему-то, когда на костер отправляют черных, это считается в порядке вещей.

В такой обстановке эффектным жестом выглядело интервью министра Михельсона, невозмутимо перечислившего недавние провалы сектантов, их успехи и объявившего Искусников излишне идеологизированной бандой вымогателей. Мол, не лезли бы они в мистику — имели бы среди коллег уважение. Я вспомнил, что Михельсон — мой самый главный босс и немедленно возгордился. Приятно служить в конторе, которая ни перед кем не тормозит!

Настроение портил только тихий шепоток, который я списывал на обрывки личности Мессины Фаулер. Искусники, они ведь организация, вроде НЗАМИПС, верно? А долго ли я протяну, если решу бросить вызов «надзору»? Все зависит от того, сколько раз они готовы попробовать. Белые очень последовательны и исключительно дотошны (неприятное свойство для личного врага). Не может ли так случиться, что страшно отомщу не я, а мне?

Впрочем, такие мысли в голове черного на долго не задерживались.